

ISSN 0131—6656

СМОЛНА

НИКОЛАЙ КОСТОМАРОВ • ЗЛОСЧАСТНАЯ ЦАРЕВНА

10'92

ГРЕГОРИ МАКДОНАЛЬД • ЖРЕБИЙ ФЛЕТЧА

(Читайте стр. 4).

10'92

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВЛАДИМИР ГРОШЕВ
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,
зам. главного
редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного
редактора

ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный
художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА
**Художественно-
технический редактор**
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 20.07.92.
Подписано к печати 20.08.92.
Формат 84×108¹/₂.
Бумага газетная «Тампресс».
Печать офсетная.
Усл. л. л. 15,54.
Усл. кр.-отт. 17,64.
Уч. изд. л. 23,10.
Тираж 240 400 экз.
Заказ № 1888.
Цена свободная
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14,
212-15-07 — для справок
212-11-27 — отдел писем
212-23-79 — отдел молодежных
проблем
251-04-10 — отдел литературы
и искусства.
Учредитель —
коллектив редакции
журнала «Смена».
Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Типография издательства
«Пресса», 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

10 (1536) ОКТЯБРЬ

© Издательство «Пресса»
© «Смена», 1992.

В НОМЕРЕ:

Проза

22

ЛЕСЛИ ЧАРТЕРИС. ПОКЕР — НЕ ДЛЯ ПРОСТОФИЛЬ

Рассказ

80

ГРЕГОРИ МАКДОНАЛЬД. ЖРЕБИЙ ФЛЕТЧА

Детектив

Поэзия

200

ЗИНАИДА МИРКИНА

Человек и общество

4

СТАНИСЛАВ ЛЕСНЕВСКИЙ. БЕЗ ЦВЕТОВ МОГИЛЫ

16

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ. МЕСТО — ВАКАНТНО...

37

ЗИФА КАРИМОВА. МЕДРЕСЕ

44

СЕРГЕЙ СМОРОДКИН. ДЕТСКИЙ ПОЧЕРК

66

БУЛАТ ТЕМИРОВ. СОЛЬ ЗЕМЛИ

218

МАРИЯ КУСТОВА. «СОНЬКА ЗОЛОТАЯ РУЧКА»

236

НИКОЛАЙ КОСТОМАРОВ. ЗЛОСЧАСТНАЯ ЦАРЕВНА

252

НИНА ФЭРУЗЛЛ. КАК ВЫСКОЧИТЬ ЗАМУЖ

Культура, музыка, искусство

52

ВСЕВОЛОД САХАРОВ. «ПОРТРЕТ В СТРОКАХ ПРОГЛЯНЕТ...»

На нашей
обложке
фотозюда
АЛЕКСАНДРА
ДОРОШЕНКО

203

АЛЕНА ДМИТРИЕВА. «СТАЛКЕР» В ЗОНЕ ПОКЛОНЕНИЯ

206

ЮРИЙ НЕЧИПОРЕНКО. ОДИН В ПОЛЕ

287

ОЛЬГА ИГНАТЮК. ДУХ РУССКОГО СЛОВА

Спорт

228

КОНСТАНТИН ТИНОВИЦКИЙ. УДАРНАЯ СИЛА

280

КРОССВОРДЫ, ШАХМАТЫ

11•92

3

■ **КОЛИН УИЛСОН.** «МИР ПАУКОВ»

Произведения Колина Уилсона, английского писателя, автора более пятидесяти книг разного жанра — от детективов и фантастических романов до серьезных философских работ, — издаются на многих языках мира и даже экранизируются.

Новый роман «Мир пауков» — объемная трилогия, состоящая из трех самостоятельных частей, объединенных одним главным героем. С первой частью трилогии, «Башня», мы и познакомим вас на страницах «Смены».

«Мир пауков» — замечательно задуманная, восхищающая яркой, насыщенной образностью фантастическая сага о человеке, спасающем поработанных жителей Земли от беспощадной, истребляющей человечество силы; сага о человеке, наделенном одухотворенной мощью разума.

■ **ЗИНАИДА ШАХОВСКАЯ.** «СТАРОСТЬ ПУШКИНА». Рассказ.

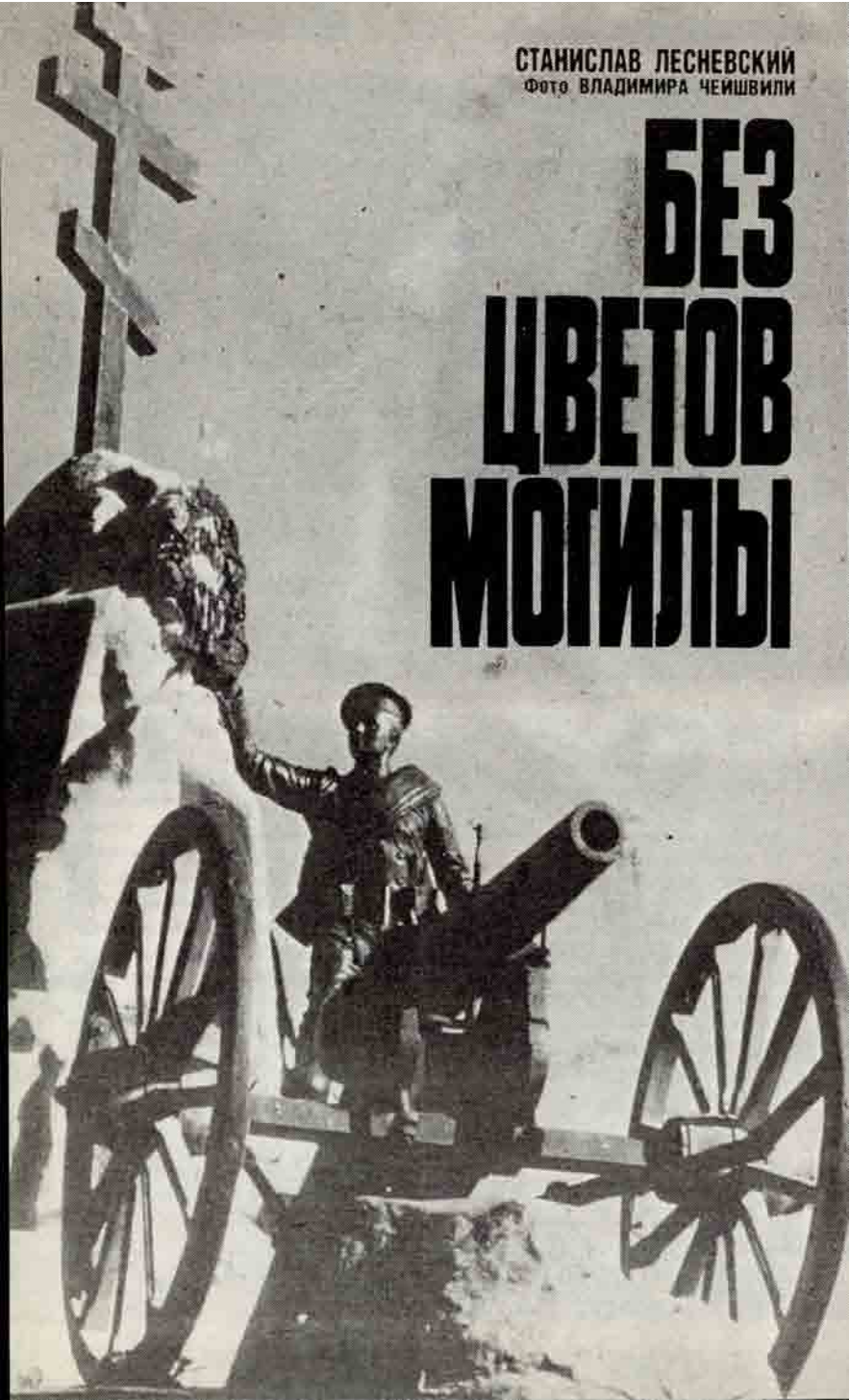
■ **«ДНЕЙ МИНУВШИХ АНЕКДОТЫ»**

Рассказ о четырех российских потешниках с присовокуплением анекдотов, в истории от них оставшихся

АНОНС:

СТАНИСЛАВ ЛЕСНЕВСКИЙ
ФОТО ВЛАДИМИРА ЧЕИШВИЛИ

БЕЗ ЦВЕТОВ МОГИЛЫ

Бог мне даровал победу...
М. И. КУТУЗОВ

В маленьком городке Малоярославце, что на севере Калужской земли, рядом с Подмосковьем, на высоком холме над долиной речки Лужи, текущей в Протву (и с нею в Оку), у Николаевского Черноостровского монастыря есть сильно обветшавший памятный знак с надписью, перед которой невольно замираешь, — вот ее короткий текст: «На этом месте был командный пункт М. И. Кутузова во время сражения за г. Малоярославец 12/24 октября 1812 года».

Дыхание прошлого... Что это?.. Пороховой дым, свист пуль, залпы орудий, крики сражающихся, стоны раненых, хрип лошадей, порывы битвы...

Что осталось от этого?

Какая-то печаль, какая-то смутная память, растворенная в воздухе. Кажется, все это внезапно обступает и охватывает вас...

Всякий раз, бывая в Малоярославце, непременно прихожу сюда и в монастырь, любуюсь открывающимся отсюда удивительным простором, Ивановым лугом в долине, за рекой Лужей, всматриваюсь в дальнюю, убегающую ввысь, в леса на другом берегу, Боровскую дорогу, восхищаюсь ансамблем монастыря во главе с Никольским собором, врывающимся, словно корабль, в панораму битвы, в историю, в зеленую тишину...

Правда, недавно я узнал (и в музее 1812 года в Малоярославце подтвердили), что командный пункт Кутузова находился скорее всего не в гуще сражения, которое кипело вокруг монастыря, а подалее, вероятней всего, в Немцове.

Так что придется памятный знак

убирать, да и менять в музее батальную диораму, на которой полководец стоит едва не под пулями. Но это не умаляет нашего отношения к событию, ставшему одним из переломных в ходе Отечественной войны 1812 года.

Вот где шло сражение!..

Оттуда, сверху, из-за реки, по Боровской дороге, 10 октября к Малоярославцу двигался авангард наполеоновской армии, наступала дивизия Дельзона. Французы надеялись занять город так же легко, как им удалось войти в Боровск.

Что делать?..

Городничий Петр Иванович Бюковский решил действовать медленно: мост через Лужу вспыхнул жарким пламенем прямо перед неприятелем. Французы начали строить переправу... И тогда житель Малоярославца Савва Иванович Беляев (он был секретарь, писарь в суде) вместе с несколькими горожанами под вражескими пулями рушит мельничную плотину, и прорвавшаяся вода сносит переправу... На целые сутки было отодвинуто неотвратимое сражение, и к городу подоспели русские полки.

По приказу Кутузова главные силы армии выступили из Тарутинского лагеря и пошли к Малоярославцу по Большой Калужской дороге. Туда же — и войска Милорадовича, Дохтурова, Коновницына...

На противоположном берегу Лужи, у Малоярославца, готовился к бою маршал Даву, итальянский корпус вице-короля Евгения Богарне. Французы все еще представляли собой немалую силу, и здесь решалось: сумеют ли завоеватели пробиться к югу — тогда война затянется. Враг получит подкрепление, захватит продовольствие, фураж, сможет даже перезимовать

Кутузов понимал: от исхода сра-

жения зависит весь план войны, более того — судьба России. И русские полки бились на смерть...

Победа под Малоярославцем означала поражение Наполеона в войне против России, изгнание врага из Отечества. Но далось это дорогой ценой. Сражение при Малоярославце — восемнадцатичасовой смертельный бой. Город восемь раз переходил из рук в руки и к концу битвы, по свидетельству очевидца, «представлял собой зрелище совершенного разрушения. Направление улиц обозначалось только грудями трупов, которыми они были усеяны. Везде валялись истерзанные тела, раздавленные проехавшими по ним орудиями. Все дома обратились в дымящиеся развалины, под которыми тлели полусожженные кости».

В бою участвовало с обеих сторон примерно по 24 тысячи человек, потери убитыми и ранеными составили более чем по шесть тысяч...

О происшедших событиях Кутузов писал Государю Императору Александру I:

«Неприятель, кажетца, совсем уж оставил Москву и с намерением отступить изобильными нашими провинциями потянулся всеми своими силами по Новой Калужской дороге к Боровску.

Предмет сражения был город Малоярославец, который восемь раз занимался нами и столько ж был уступаем сильному стремлению неприятеля. При последнем же ударе наших стрелков остался он за нами.

Завтра, я полагаю, должно быть генеральному сражению, без коего я ни под каким видом в Калугу его не пушу».

Но после Малоярославца «генерального сражения» не произошло. Наполеоновская армия начала отступление, не решившись

*Малоярославское сражение 1812 года. Фрагмент диорамы.
(Художник Е. И. Дешалыт.)*

Крестный ход. Церковь Успения.

идти на Калугу и повернув на Старую Смоленскую дорогу. Русская армия перешла в наступление...

После Малоярославца был еще бой под Медынью, тоже на калужской земле... И на месте сражения в Медыни был поставлен деревянный крест... А через 42 года вместо креста возвели русские люди обелиск, увенчанный «луковкой» и крестом... Памятник был разрушен в 1942 году фашистами... Восстановлен в 1970 году школьниками Медыни, но далеко не в том виде, в каком его поставили наши предки...

Оглядываясь на 180 лет назад, мы видим людей, которые очень непохожи на нас... Я думаю, что и они изумились бы, увидев страну нашу, наше государство...

Государь, главнокомандующий, войско, люди русские были глубоко верующими... Созаем ли мы, что нас разделяют не только 180 лет, но и громада катастрофических перемен в самой жизни, в людях?

Вы говорите, что вы потомки и даже наследники тех людей, что совершили здесь великие подвиги? Но из чего это видно? Вы, лузгающие семечки на поле битвы, вы, устроившие дискотеку и кино в храме, вы, разрушившие памятники, которые благоговейно поставили предки, это вы — потомки и наследники героев?..

Но не станем задавать риторические вопросы... Я убежден, что едва ли не каждый из малых и больших городов России — это такая же драгоценность, как Третьяковская галерея или Эрмитаж, Ясная Поляна или Покров на Нерли... Города наши, Калуга или Кострома, это симфонии памятников... Малоярославец — своеобразный и гармонический ансамбль, сложенный веками. Как живет в современности эта величавая музыка?..

И вот я снова в Малоярославце... Здесь кипел бой... Минувшее сто восемьдесят лет, как по дороге от Боровска близилась к Малоярославцу стремительно «гроза двенадцатого года»... Что осталось от той поры?.. Что сохранило время?..

Свидетелем, участником и величественным памятником Малоярославецкого сражения остался Николаевский Черноостровский (есть написание — Черноострожский) монастырь, основанный, по преданию, в конце XIV века князьями Оболенскими (чи владения были по берегам Протвы) в честь победы на Куликовом поле. Это один из древнейших монастырей на Руси. Впервые обитель упоминается в духовной грамоте князя Михаила Андреевича Верейского в 1486 году под именем «Николы в Ярославце».

Во время жестоких боев в октябре 1812 года монастырь сильно пострадал. В нынешнем монастыре я видел портрет настоятеля его, восстановителя с такой подписью: «Архимандрит Макарий, строитель Малоярославецкого Николаевского общежительного монастыря в 1812 году» (скончался он в 1839 году).

Отец Геласий, сегодняшний настоятель, сказал мне, когда мы смотрели на монастырь со второго этажа Никольского собора, что отец Макарий, придя в монастырь вскоре после сражения, увидел весь двор в телах убитых... Голубые ворота монастыря, изрешеченные пулями и осколками... и донны не хранят следы сражения. Считается, что по повелению Государя Императора Николая I следы эти были сохранены, и на Голубых воротах укрепили доску с надписью: «Язвы французской войны 1812 года».

Я смотрю на полуразрушенный монастырь, но передо мной —

поле иной битвы: многолетней нашей битвы с церковью и верой... И вот внешний результат: собор в запустении, колокольни нет. Монастырские здания словно после пожара... Что же говорить об опустошении внутреннем, духовном...

Николаевский собор был заложен как храм-памятник в честь победы. Строился долго, перестраивался (вначале на средства московского купца Терентия Целибеева). Строительство завершено в 1843 году, архитектор — (предположительно) А. Л. Витберг.

Как сказано в обращении нынешней братии монастыря к мирянам: «Монастырь ежедневным поминовением свято хранил память тысяч русских воинов, павших в Малоярославецком бою и погребенных недалеко от стен обители».

Я стою на центральной площади Малоярославца и вижу посередине, как положено, фигуру «вождя мирового пролетариата», указующего нам верный путь... А что же было здесь в прежние времена... Оказывается, вплоть до 1935 года площадь выглядела иначе...

26 августа 1844 года, в годовщину Бородинской битвы, был здесь торжественно заложен монумент-памятник, а 29 октября того же года произошло открытие монумента.

Хочу рассказать об этом событии еще и потому, что мы, честно говоря, разучились возводить памятники, достойные нашей истории. А вот какой впечатляющий обелиск поднялся почти полтора века назад в центре Малоярославца...

На высоту 22 метров поднималась восьмигранная пирамида, составленная из черных чугунных плит и увенчанная церковным ку-

полом — позолоченной «луковкой». Монумент, опоясанный бронзовыми орлами, на вершине сиял крестом. На шатре вились вязью слова Кутузова. Внутри памятника имелось небольшое помещение, где хранились медали и реликвии 1812 года. 200-тонная пирамида отливалась на Александровском заводе в Петербурге по проекту архитектора Адамини и под наблюдением губернского архитектора Бокова...

К сожалению, памятник-монумент, являвшийся архитектурной и духовной осью центральной площади Малоярославца, уничтожили уже в наше время, после революции. Известно, что именно на постаменте этого снесенного памятника установлена обязательная фигура с вытянутой рукой. Нет фактически на площади и Казанского собора (тоже свидетеля 1812 года), о котором в путеводителе по Малоярославцу сказано, что это «самое старое из каменных строений города».

Невозможно узнать обезглавленный и обрубленный четверик храма в обшарпанном кинотеатре на краю площади (кроме мата, здесь вечером ничего не услышишь).

Между тем мемориальная доска сообщает: «Памятник архитектуры Казанский собор 1739—1744 построен дедом писателя-революционера А. П. Радищевым. Охраняется государством». Вот так охрана! А в плакате «Архитектурные памятники Малоярославецкого района» сказано: «И нам, помимо архитектурных достоинств памятника, дорого все, что связано с именем А. Н. Радищева».

Но вид «памятника» вопиет о другом...

Неподалеку от Малоярославца издавна находилось село Немцово

(переименованное нынче в Радищево).

Здесь, в дедовском имении, Радищев жил после ссылки. Но дом, построенный дедом, не сохранился. Погребен Афанасий Прокопьевич Радищев под стеной возведенного его стараниями Казанского собора. (Собор стал родовой усыпальницей...) Грустно, что по могилам предков шагают наши современники... в кино.

Казанский храм, поставленный во имя иконы Казанской Божией Матери, был кафедральным собором Малоярославца. Высокая колокольня разносила церковный благовест по всей округе. Под куполом собора творились молитвы несколькими поколениями жителей города.

А неотвратимая страшная сила, которая позже порушит храм, каким-то роковым и таинственным образом зрела в деяниях детей, внуков православных зодчих соборов и монастырей.

Остается надеяться, что сегодня, вскоре после завершения строительства по соседству современного кинотеатра, сохранившаяся часть Казанского храма будет возвращена церкви, заново освящена, а там, как говорится, что Бог даст...

Верится, что над площадью и городом вновь подымется старинный собор и произойдет это еще в XX веке...

Украшение Малоярославца — сохранившиеся памятники героям Отечественной войны 1812 года, воздвигнутые нашими прадедами. Сооружение и открытие этих памятников — тоже история и завет любви, преданности нескольких поколений русских людей.

Трогательный памятник поставил в 1860 году участник Малоярославцевого сражения, ранен-

ный в бою майор Федор Максимович Максимов. Он выхлопотал у города участок земли и построил на месте гибели своих товарищей, рядом с братскими могилами часовню. (Сейчас здесь расположен отдел музея 1812 года — диорама Малоярославцевого сражения; крест с часовни снят...)

В нашем веке был создан комитет, организовавший всероссийскую подписку на сбор пожертвований для сооружения в Малоярославце памятника в честь 100-летия победы русской армии. Собрали большую сумму и под наблюдением инженера Б. А. Савицкого начали строительство нового храма-памятника.

14 сентября 1903 года заложена в Малоярославце церковь во имя Успения Божией Матери. В двенадцатом году освящен новый Успенский храм, воздвигнутый в память 100-летия победы в Отечественной войне. И с годами все очевиднее становится красота бело-голубой огромной Успенской церкви, стоящей на центральной площади Малоярославца...

Всегда прихожу к этому храму, да и никто не сможет миновать подобную красоту...

Одним из первых начал здесь вести занятия в воскресной школе отец Борис...

— Я учу основам православной веры и главным считаю влияние нравственное, — говорит он. — Может быть, сердца детей еще не успели очерстветь...

Памятники Малоярославца — тоже живой духовный и нравственный урок. У этих памятников тоже своя история. И вот о чем она повествует...

Напоминаю обо всех этих удивительных проявлениях исторической памяти и патриотической верности наших предков, ибо в Ма-

лоярославце до сих пор нет краеведческого музея, посвященного всей судьбе города, разным его эпохам. Была мысль открыть такой музей в доме, где останавливался Н. В. Гоголь... Но когда эта мысль воплотится?

Пусть уроком и примером будет для нас памятность, уважение к минувшему со стороны наших дедов и прадедов...

Столетие победы в войне 1812 года торжественно отмечалось по всей России. В главнейших церемониалах участвовал Государь Император Николай II. В Малоярославце на братских могилах героев были открыты три памятника, к сооружению которых готовились заблаговременно, по инициативе командира 5-го пехотного корпуса генерала от кавалерии А. И. Литвинова.

Была образована комиссия, собрано несколько тысяч рублей. Памятники возводились по проектам военно-инженерного командира 23-го саперного батальона полковника А. В. Вехновского (помощник — подпоручик того же батальона П. А. Волоцкой). Строили — солдаты-саперы 23-го батальона и строительные командиры из добровольцев...

В основе всех трех монументов, что на братских могилах, — скала. На ней высится бронзовый восьмиконечный православный крест. В композицию центрального памятника входят три полевые русские орудия, пирамида ядер, фигура русского солдата, отлитая по модели скульптора академика В. И. Руссо.

Памятники отличаются благородной простотой, мужественностью, строгой сдержанностью. Они были освящены и торжественно открыты в день 100-ле-

тия Малоярославцекого сражения.

(Считаю своим долгом напомнить страницы совсем недавнего прошлого: нынче исполняется восьмидесятилетие Малоярославцевских памятников героям 1812 года. И ведь даже в военно-историческом музее города нет места, чтобы рассказать об истории памятников, о том, кто и как их возводил...)

12 октября 1912 года в Малоярославце парад принимал командующий Московским военным округом, генерал от кавалерии П. А. Плеве, участник русско-турецкой войны. Из Калуги приехал губернатор князь С. Д. Горчаков. Было много других почетных гостей. К торжеству отпечатали памятную праздничную листовку... Сохранилось полотенце, вышитое жительницей города О. Н. Бродиной к этой знаменательной дате. День Победы объединил, казалось бы, всех — воинство, духовенство, горожан, ветеранов и гимназистов — и кто бы мог тогда подумать, что всего через пятилетие эта Россия рухнет...

Древнее имя города впервые упомянуто около 1401—1402 годов в духовной грамоте князя Владимира Андреевича Храброго-Донского (двоюродного брата Дмитрия Донского), того самого, который командовал засадным полком в Куликовой битве. Ярослав — в честь сына князя, Ярославец Малой, Малый Ярославец...

Так называли город — в отличие от Ярославля на Волге, но в гербе Малого Ярославца тоже изображен медведь, держащий секиру, — символ воинской судьбы...

Есть в Малоярославце место у школы, где лежит камень, отмечающий, что отсюда (12)24 октяб-

ря 1812 года была по врагу артиллерия Дохтурова... И резче понимаешь, что полвека назад земля эта стала вновь «пределом нападения» и началом гибели врага, только неизмеримо более страшного...

По пути к Успенскому храму вас встретит монумент Скорбящая Родина-мать на Кургане Славы (1975 г., архитектор Е. Киреев, скульптор Л. Кербель). Рядом — братские могилы воинов, павших в Великую Отечественную войну...

Горит Вечный огонь.

На стене школы — горестный список имен. Юношей, почти мальчиков, ушедших на фронт из-за парты. И надпись: «Они отдали свои жизни за нашу Родину, за свое счастье...»

1 января 1942 года после семидесяти пяти дней оккупации Малоярославец был освобожден...

Героические тени предков высились за спиной наших бойцов. Сам город напоминает об этом. На его улицах встречаются разделенные веками Эпохи. И все это — Россия.

В 1939 году в Малоярославце учителем рисования Александром Ефимовичем Дмитриевым на общественных началах организуется историко-краеведческий музей. Впоследствии музей находился в Никольском соборе Черноостровского монастыря, в часовне. И лишь сравнительно недавно удалось получить новое помещение, создать современную экспозицию...

Что такое связь времен?

Иногда так трудно почувствовать ее и пробиться сквозь повседневность к заветным преданиям...

Я бывал в Малоярославце не раз, и постоянно не мог отделаться от ощущения, что памятники

1812 году сегодня какие-то одинокие, потерянные, а люди, которые ходят вокруг, чужды этой памяти... Такое вот грустное чувство.

Дело не только в том, что жизнь в последнее время стала особенно трудной, жесткой (более трудной, мне кажется, чем во время войны), что появились явные признаки деградации основных структур жизни провинциального городка (и не провинциального тоже). Будем надеяться — это временно, это кризис, за которым последует выздоровление, возрождение... Можно ли жить с другой мыслью?

Но за семьдесят пять лет катастрофически изменился сам духовный состав народа...

В сентябре минувшем меня поразило, что великолепный памятник на братской могиле был варварски поврежден: у двух пушек из трех кто-то оторвал деревянные колеса. (В дальнейшем выяснилось — сделали это мальчишки, школьники...) Несколько месяцев пушечные стволы лежали без колес, пока местный мастер на мебельной фабрике не изготовил новые. Странно, что можно было поднять руку на такой памятник, на могилу...

Впрочем, все это в духе общей небрежности, неприбранности и неряшливости, окружающей памятники, если посмотреть по сторонам и пройти вокруг парка и соседних мест. К юбилею, правда, приберут, как водится...

Достаточно взглядеться,читать-ся в памятник, чтобы понять, что его ставили совершенно иные люди — не мы.

Исключительно любовно, одухотворенно выполнена композиция. В надписях называются поименно убитые в Малоярославском сражении офицеры. А также:

«выбыло из строя; нижних чинов 6655 человек, из них убито 1282 человека».

А вот — посвящение: «Доблестному Софийскому пехотному полку, за отличие в боях под Малоярославцем 12 октября 1812 года получившему Гренадерский бой». И дальше — от кого: «Признавательный потомок 2 пехотной Софийский Императора Александра III полк» (разумеется, все это с «ятями» и «ерами», графически воскрешающими атмосферу времени). На другом памятнике: «Доблестным прадедам 5 армейский корпус. 1912 год» (привожу далеко не все надписи).

Кстати, я ни разу не видел в парке, чтобы кто-нибудь, проходя мимо, положил цветы на братские могилы, а уж тем более перекрестился на большой православный крест, увенчивающий памятники, — ничего, кроме спокойного любопытства или безразличия.

И стоят эти памятники, словно неслышанные вестники другого времени...

Может, чаемое духовное возрождение придет из Черноостровского монастыря?.. Мне довелось побывать в нем впервые еще тогда, когда бывший монастырь находился в состоянии медлительной разрухи и неторопливой реставрации. В бывшей Корсунской церкви каким-то образом помещалась детская художественная школа.

А осенью минувшего года, придя в монастырь, я прочитал:

«Дорогие друзья! Братия Малоярославецкого Николаевского Черноостровского монастыря желает поделиться с вами нашей общей радостью — эта древняя обитель возвращается к жизни и 28 сентября этого года в ней состоится освящение первого храма во

имя Корсунской иконы Божией Матери».

Еще невелика братия монастыря во главе с настоятелем отцом Геласием, а работы по восстановлению обители — непочатый край. И надо еще отстоять природу — Иванов луг, долину реки Лужи, вид на Боровскую дорогу...

Так что и монастырь, и музей вместе хранят память 1812 года, вместе чувствуют и 180-летие победы в Малоярославецком сражении.

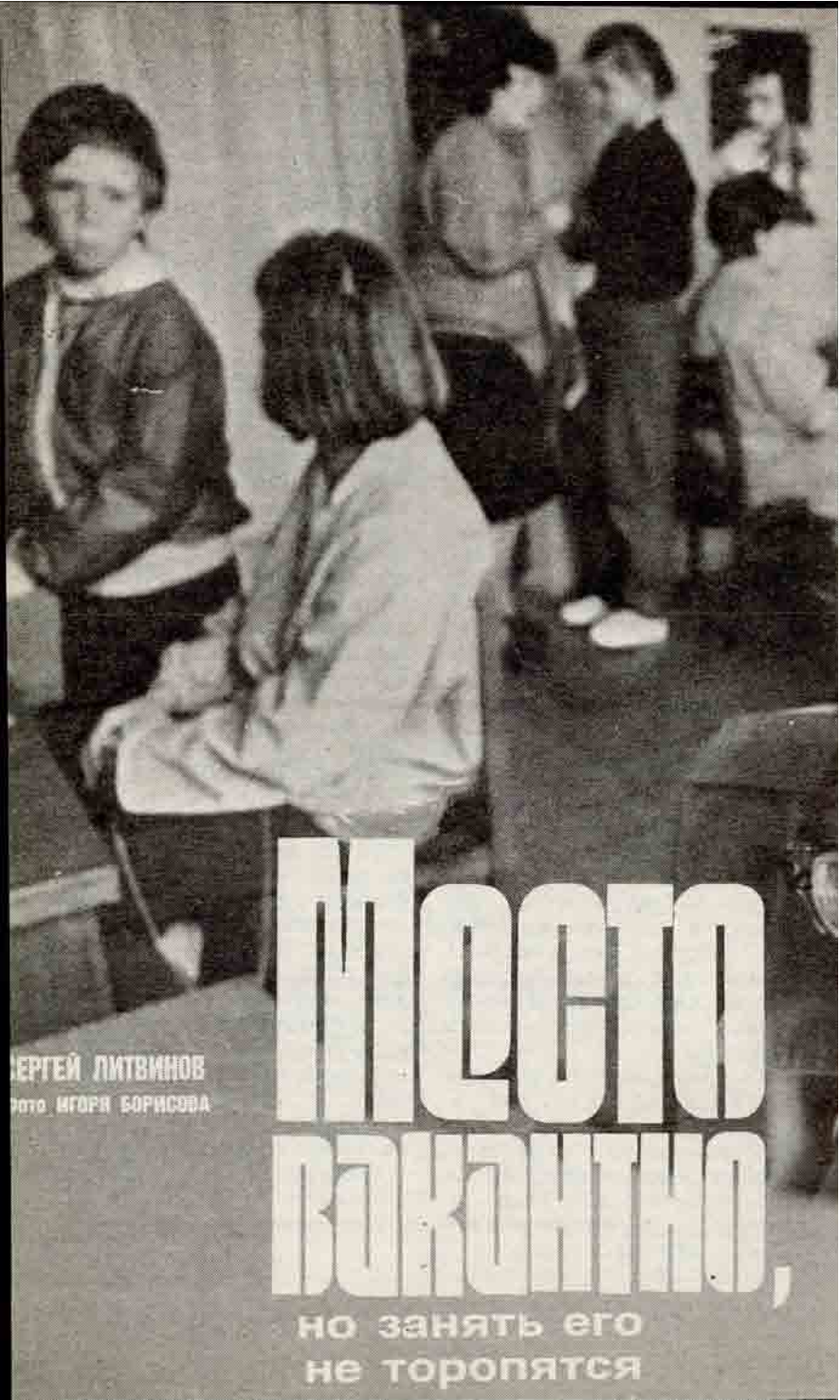
...Однажды, весной нынешней, мне посчастливилось с благословения отца Геласия ночевать под монастырским кровом. И увидел я на стене в комнате послушников начертанные на листах слова Федора Михайловича Достоевского. Среди них были и такие: «Русский же монастырь искони был с народом... Народ верит по-нашему, а неверующий деятель у нас в России ничего не сделает, будь он искренен сердцем и умом гениален».

Кто знает, может, так оно и есть?

Не иссякает под стенами обители Никольский источник... И по каменной лестнице из оврага, из колодца, накрытого деревянным домиком с православным крестом, идут со святой водой паломники, идут насельники монастыря — они с полными ведрами поднимаются, чтобы полить огороды, помыть полы, замесить цемент... Дел много...

«Славой золотеет заревою монастырский крест издалека...»

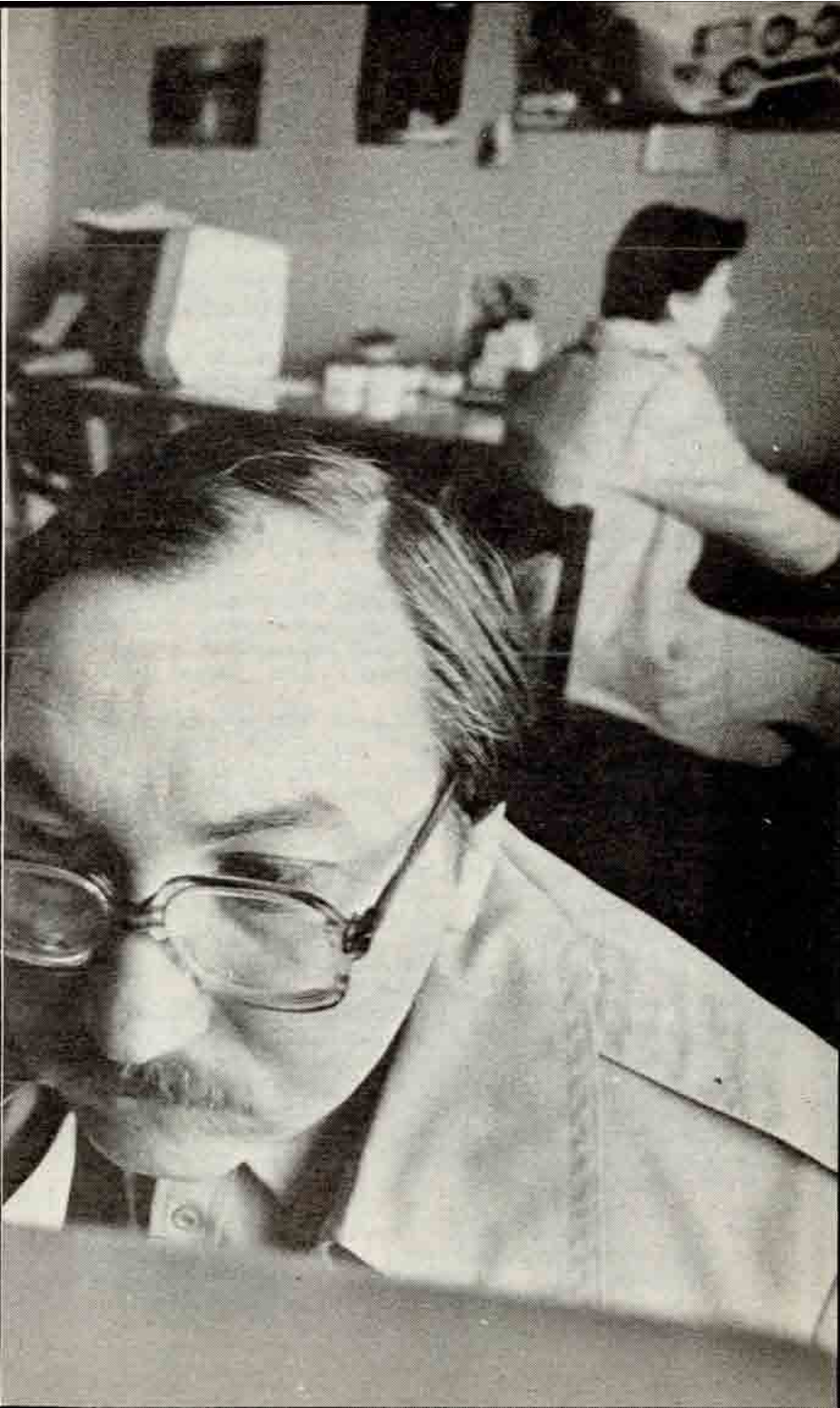
Есть надежда?..

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ
ФОТО ИГОРЯ БОРИСОВА

Место вакантно,

но занять его
не торопятся

Призрак безработицы бродит по СНГ: контору могут прикрыть; кооператив лопнет под гнетом налогов; журнал разорится... Скоро, судя по всему, придет черед банкротств заводов...

В Царицынском отделении Южного окружного отдела московской биржи труда — атмосфера типичного советского присутствия: унылые стены, очереди... Я встал туда, где регистрируют потерявших работу. Мне повезло: впереди всего двое. С одним из них в кабинет вошел и я, тихонько сел в углу...

— На ЗИЛ пойдете?

— Не... Туда, если только настоящая безработица будет.

— А сейчас разве не настоящая?

— Не-е, пугают только.

— А на мясокомбинат грузчиком хотите? Шесть тысяч зарплата!

— Не-е, здоровья нет...

Отверг, словно разборчивая невеста, еще три-четыре предложения, а потом взял направление слесарем на автокомбинат.

Кто-то из инспекторов сказал удовлетворенно:

— К нам он вряд ли вернется... — И обратился ко мне: — А у вас какая профессия?

Услышав, что журналист, разом поскущел.

— Для вас вакансий нет. Вам в другой кабинет надо, вас скорей всего безработным признают...

Честно говоря, такой разноголо- сицы в статистике, прогнозах, та- кой неразберихи в понятиях, как в науке о занятости (если считать ее наукой), я еще не встречал. Ну, например, зададимся простым во- просом: сколько в России безра- ботных? Однако, кого, собствен- но, считать безработным?

— Во всех цивилизованных странах, — говорит кандидат эконо-

номических наук, заведующая сек- тором занятости НИИ труда Ирина Юрьевна Безгребельная, — к ним относят тех, кто не занят и ищет работу. У нас, согласно закону о занятости, лишь тех, кто при- знан безработным и получает пособие...

Единственное, что может точно сказать статистика: сколько чело- век обратилось в государственную службу занятости. Их в России в прошлом году было миллион 481 тысяча. Правда, не все они не имели работы. Кто-то хотел найти побочный приработок, кто-то вы- ведывал перспективу на случай, если уволится. Незанятых и ищущих работу — 1,2 миллиона чело- век, и только 12 процентов (около 140 тысяч) были признаны безра- ботными. Цифра настолько нич- тожная, несопоставимая с анало- гичными показателями в других странах, что и говорить смеш- но...

Сколько человек на данный мо- мент сегодня ищет работу, такого учета не ведется. Нет, и все.

Так что когда Григорий Явлин- ский пишет в «Московских ново- стях», что «в январе — марте в го- сударственной службе занятости зарегистрировано 550 тысяч нера- ботающих граждан», — это не зна- чит, что и сейчас они без работы. Возможно, многие нашли место через час.

Опять-таки не каждый приходит в службу занятости. В отчете науч- ного центра профсоюзов я прочи- тал: «На биржи труда в настоящее время обращается не более 1/10 лиц, ищущих работу». Осталь- ные — пошли к метро сигаретами и водкой торговать? Сколько та- ких?

Спросил об этом у Безгребель- ной. В ответ она рассказала, как составляется баланс трудовых ре- сурсов страны. (Послушайте, это любопытно.)

— Первая строка: занятые в народном хозяйстве — во всех отраслях, на всех формах собственности, а также в личном подсобном (?) хозяйстве. Вторая строка: учащиеся с отрывом от производства. Эти две строки складываются, и сумма вычитается из численности населения в трудоспособном возрасте. Получается число занятых в домашнем хозяйстве. К ним относятся: военнослужащие (?!!); добровольно не занятые и временно не занятые — ищущие работу. Мы считали, что добровольно не занятые — это женщины с детьми и матери-героини...

Да, Ильф и Петров явно польстили статистике, сказав, что она знает все. При таком учете можно (в зависимости от политических пристрастий) взять любую понравившуюся цифру. Мне встречались в печати такие предсказания: от двух миллионов безработных к концу года аж до пятнадцати... В цитированном уже научном отчете об этом сказано с неожиданной для такого жанра экспрессией: «Прогнозы возможных масштабов безработицы, как правило, пестрят бездоказательно высокими цифрами и служат, по сути, средством пропаганды антирыночных настроений. Например, по мнению экспертного центра «Макроэкрон», в России в 1992 году рост безработицы достигнет 15—20 миллионов человек. Мыслимо ли, чтобы в течение года стал безработным каждый пятый или каждый четвертый из ныне занятых?»

Проблема безработицы, конечно, есть. (Особенно отчетливо чувствуешь это в очереди на бирже труда.) Хотя доля трудоспособного населения, занятая в народном хозяйстве, составила в СНГ более

83 процентов — такого уровня не знает ни одна экономически развитая страна, даже Швеция, где многие работают неполный день... Однако скрытая безработица, то есть избыточная численность занятых на предприятиях (резерв на случай всевозможных «картошек»), составила на территории бывшего Союза, по экспертным оценкам, не менее 10—15 миллионов человек.

Приватизация позволит сократить без ущерба для производства численность рабочих на 5—10 процентов; продолжается спад в экономике; сокращается армия — словом, число ищущих работу будет расти и составит, по наиболее авторитетным и взвешенным прогнозам, около четырех миллионов человек к концу года.

Инспекторов на бирже труда — семеро на сто тысяч населения. В два раза меньше, чем в США, ФРГ или Японии... Я попросил специалиста первого класса (так, оканчивается, называют инспекторов) Наталью Геннадьевну Плетневу позволить мне присутствовать на приеме.

Первым вошел патентовед. Он заведовал отделом в научном институте, но в конце прошлого года размеренная и уважаемая жизнь дала трещину: институт реорганизовали. С тех пор найти работу не удастся. На биржу приходится являться раз в десять дней. Не придешь в назначенный срок — снимут пособие. (Первые три месяца, пояснила мне Плетнева, безработному платят 75 процентов от его последнего среднегодового заработка, следующие три — 60 процентов, еще шесть месяцев — 45 процентов...) Пособие у Александра Васильевича — слезы: 445 рублей в месяц. Слава Богу, только что исполнилось ему 58 лет,

и по закону он, как безработный, уже имеет право на пенсию. Плетнева стала оформлять нужные документы...

Следующая безработная подходила под усредненный портрет этой категории наших сограждан, составленный НИИ труда: женщина, с высшим образованием, в возрасте немногим за тридцать... Марина Ивановна — историк-архивист, в одиночку воспитывающая двоих детей. Плетнева участливо спросила: «Опять не взяли?» Марина Ивановна вздохнула: «Опять... Как узнали, что двое детей, так и сказали — мы не собираемся обирать государство вашими больничными...» Плетнева дала историку-архивисту направление на должность курьера и сказала, что если опять не получится, может быть, направит ее на курсы по подготовке налоговых инспекторов. «Это было бы прекрасно...» — сказала Марина Ивановна.

Потом Плетнева предложила экс-инженеру место фасовщицы, зарплата от трех до четырех тысяч. Та с радостью согласилась...

Я не забыл, что и сам как бы ищу работу, и спросил, есть ли вакансии журналиста.

— А вы пойдите, узнайте на машине...

За занавеской, словно в смотровом кабинете, стояло четыре дисплея. Все заявки московских предприятий заносятся в память ЭВМ, любая районная служба трудоустройства может черпать информацию из этого банка данных. На дисплее высветилось безнадёжное: «Вакансий нет».

Рядом очередной безработный перебирал заявки на плотника. У него на экране высвечивались предложения одно другого заманчивее: государственные предприятия соблазняли заказами, пионерлагерями и бесплатным пита-

нием, коммерческие — высокой зарплатой.

Заодно я решил подыскать на всякий случай что-нибудь для жены. Работа ей требовалась надомная, и я был уверен, что такой не найдется. Ан нет! Требовались художник (с опытом росписи по дереву), начальник отдела кадров, в трех местах — главные бухгалтеры, в двух местах — швеи, в трех — вязальщицы, а также портной, закройщик, даже повар. И все это — на дому. И все работодатели — новые бизнесмены: частные фирмы, малые предприятия, товарищества с ограниченной ответственностью... Доля занятых в альтернативной экономике увеличилась за прошлый год с четырех до девяти процентов.

В негосударственном секторе стран содружества было в конце 1991-го — 167 тысяч вакансий...

В США безработными занимают-ся в основном частные фирмы — через госслужбу там проходят только четыре процента нуждающихся в работе. У нас тоже появились альтернативные биржи труда.

Одна из них — «Молодежная инициатива».

Директор Алексей Кононов рассказал, что специализируется биржа на вторичном трудоустройстве, то есть дает возможность «подхалтурить» после основной работы, помогает школьникам, студентам. За минувший год трудоустроили 13,5 тысячи человек. Вакансии? Электромонтеры, сантехники, электромеханики, операторы котельной, сварщики, кладовщики, мотальщицы, крутильщицы, озеленители... Только рабочие профессии...

Биржа — на самофинансировании: предприятия платят ей за направленных рабочих, и, хотя обо-

рот составил в 1991 году около 10 миллионов рублей, рентабельность биржи — один процент, и почти все уходит на зарплату сотрудникам...

Итак, некоторой информацией я обогатился, хотя работы себе не нашел...

Может быть, мне помогут в обществе занятости «Триза» — тоже негосударственной структуре? Созвонился с председателем совета директоров Георгием Анатольевичем Павловым, сказал, что хочу написать, как работает общество. Павлов назначил время.

Приехал. Павлова нет. Сотрудники ничего не знают. Час жду. Нету Павлова. Западный бизнесмен с такой пунктуальностью давно бы в трубу вылетел: ненадежный человек — как с таким иметь дело?

Что ж, я оставил записку, визитную карточку, даже домашний телефон приписал — не извинений ждал, нет, готов был еще раз потратить время на встречу. Не позвонил Павлов...

Делать нечего, раз не удалось получить информацию из первых рук, придется пользоваться, как говорится, «хорошо осведомленными, но не пожелавшими назвать себя источниками». А они, эти источники, утверждают, что трудоустройством «Триза» занимается только лишь, чтобы создать себе имидж этакой «благородной» фирмы, и результаты ее усилий в этом деле близки к нулю: клиент заполняет анкету и... ждет звонка, по большей части безрезультатно, как я — звонка от Павлова. Главное же дело «Тризы» особо не афишируется. Это — торговля в коммерческих магазинах, спекуляция на многочисленных биржах...

Да, сюда за вакансиями приходиться нечего.

...На обратном пути из «Тризы» заехал на государственную биржу. Там, кстати, вакансия журналиста появилась... А у метро висело объявление: «Малому предприятию требуются каменщики, плиточники, плотники... — длинный список. Зарплата — до 10 тысяч рублей».

Так что если есть надежная специальность в руках — без работы не останешься.

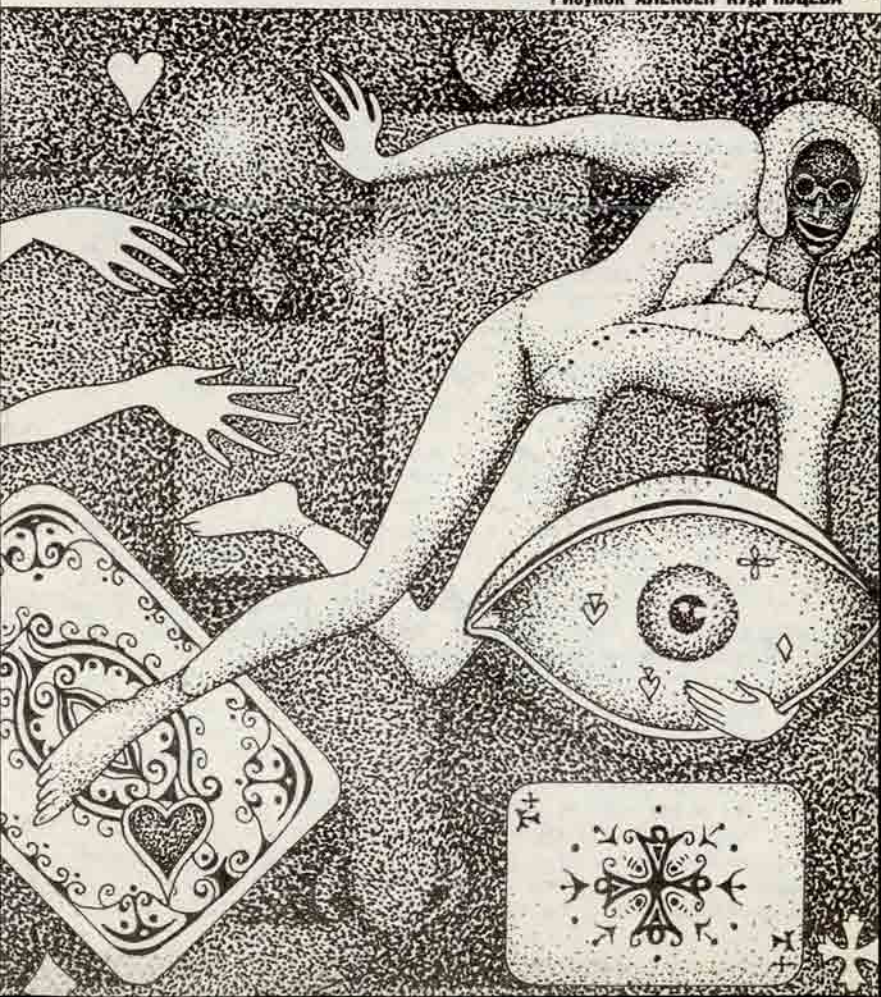

ЛЕСЛИ ЧАРТЕРИС

ПОКЕР-

НЕ ДЛЯ ПРОСТОФИЛЫ

Рисунок АЛЕКСЕЯ КУДРЯВЦЕВА

Моложавый, крепко сбитый джентльмен в мятом костюме вытащил из бумажника визитную карточку и небрежно бросил ее на стол. На ней аккуратным шрифтом было напечатано: «Мистер Д. Д. Нэскил».

«Святой» поглядел на бумажный квадратик и, раскрыв портсигар, предложил незнакомцу закурить.

— К сожалению, я не ношу с собой визитки, — сказал он. — Меня тем не менее звать Саймоном Темпларом.

Мистер Нэскил расплылся от удовольствия, протянул широкую влажную руку для пожатия, взял предложенную сигарету, вытер пот с лоснящегося лба и вновь засиял от счастья.

— Мне надоела компания, обычно сопровождающая меня во время долгих путешествий, и вообще у меня глаза болят от чтения в вагоне. Ненавижу путешествовать. Хорошо, что мой бизнес удерживает меня подолгу на одном месте. А чем, кстати, вы занимаетесь?

Саймон затянулся сигареткой, раздумывая над ответом. Это был один из тех вопросов, которые всегда ставили его в тупик.

— Вообще-то я величаю себя благородным бандитом. Я устраиваю веселую жизнь мошенникам и рэкетирам, не даю покоя полицейским, выручаю попавших в беду мамзелей, ну и все такое прочее, один из тех лентяев, которые, как полагают, живут на «свободные средства».

Мистер Нэскил тяжело вздохнул.

— Не могу вас винить. Зачем работать, если не хочется? Как заманчиво оказаться на вашем месте! Мне, по-видимому, не повезло еще при рождении. Но все же у меня неплохой бизнес, так что жаловаться не приходится. Надеюсь, вам что-то говорит мое имя?

— Нэскил! — «Святой» слегка наморщил лоб. — Во всяком случае, мне кажется, что я должен его знать...

— Когда-то я был фокусником, — объяснил Нэскил. — Но затем начал страдать артритом и оказался на мели. Больше я ничего не умел делать, поэтому пришлось зарабатывать себе на жизнь обучением различных карточных трюков. У большинства из желающих не хватает терпения, чтобы освоить на практике шулерство, так что я им оказываю посильную помощь. Теперь я процветаю, даже составил каталог на двухстах страницах. Я могу любого сделать настоящим магом и научить добывать деньги, которые они так любят тратить. Всего-то и нужно попрактиковаться не более пяти минут.

Саймон чуть сдвинул рукав и, поглядев на часы, начал рассматривать бегущий за окном пейзаж. До Майами оставался еще целый час, и ему нечем было заняться. Он перехватил взгляд официанта, стоявшего в дальнем конце вагона-ресторана, и поманил его пальцем.

— Не принесете ли чего-нибудь выпить?

— Мне шотландского виски, — с благодарностью произнес Нэскил, вытер пот с лица и, порывшись в одном из своих обвисших карманов, выудил оттуда колоду карт. — Вот, возьмите. Обследуйте их, изучайте, сколько душе угодно. Посмотрим, сможете

ли вы найти дефект... Теперь перетасуйте и разложите на столе. Возьмите любую карту. Запомните ее, но мне не показывайте. Выбранная вами карта — бубновая шестерка.

Саймон перевернул карту. Это была бубновая шестерка.

— Ну как? — спросил Нэскил.

«Святой» широко улыбнулся. Он придвинул к себе несколько карт, начал рассматривать их, затем откинулся на спинку кресла и недоуменно пожал плечами.

Мистер Нэскил крикнул от удовольствия.

— Ничего не стряслось с вашим зрением. Я просто могу сказать, какие у вас карты. Пиковый король, пиковая двойка, червовая десятка...

— Я верю вам на слово, — сказал «Святой». — Но как, черт возьми, вам это удается?

— Смотрите. — Нэскил снял очки и передал их «Святому».

Через тонкие линзы Саймон ясно видел отпечатанные в уголках каждой карты указатели — КП, 2П, 10Ч. Стоило снять очки, они тут же пропадали.

— Я слышал, что подобные трюки проделываются с темными линзами, — произнес «Святой». — Но ведь эти — самые обычные.

— Темные очки — это уже старо, — покачал головой Нэскил. — Слишком грубо. А вот эти — отменны. Сам изобрел. Особые чернила и особое стекло. Конечно, чернила оставляют слабый след, практически незаметный. — Он смешал лежавшие на скатерти карты. — Могу подарить вам эту колоду. Позабавитесь немного с друзьями. Но имейте в виду, не приглашайте их играть в покер.

Саймон медленно собрал колоду.

— Это, конечно, весьма соблазнительно, — признался он. — Но разве другие покупатели не приобретают у вас подобные карты с такой же целью?

— Само собой. Многие профессионалы пользуются ими. Но я всех их знаю наперечет. Часто вижу их у себя в магазине. Надежные покупатели, ничего не скажешь, они приобретают их дюжинами. Не могу отказать им в такой услуге. В противном случае они найдут другой способ или же купят в другом месте. По-моему, это отличная реклама для товара, которым я торгую. Моя совесть чиста. Любой, кто садится играть в карты с незнакомыми людьми, в какой-то мере рискует навлечь беду и на себя. Ведь не всегда встречаешь профессионалов. Вы себе даже представить не можете, иногда ко мне заходят покупатели и требуют продать им колоду «читаемых». Помню, один парень...

Он начал пересказывать кучу анекдотов, и они помогли скоротать время. Вскоре им предстояло разойтись по своим купе за багажом...

Два дня спустя, когда Саймон Темплар лениво раскинул свое длинное тело на частном пляже в Рони Плаза, ощущая бронзовую кожей ласковое покусывание солнечных лучей, в его полусонное сознание неожиданно вклинились два незнакомых голоса. Один принадлежал, несомненно, мужчине, другой — женщине. Судя по интонациям, они ссорились.

Саймону их спор был абсолютно неинтересен. У него не было разлада с окружающим миром. Он ждал, когда они накричатся досыта, и вдруг услышал:

— Боже мой, разве ты настолько туп, что не видишь в них отпетых мошенников? — говорила девушка.

После слова «мошенники» «Святой» уже не мог оставаться невозмутимым. Личная перебранка — одно дело, но здесь пахло чем-то другим, и «Святой» тут же осознал, что его подслушивание было не только вполне простительным поступком, но прямо-таки моральным обязательством с его стороны.

Он перевернулся на спину и бросил взгляд на девушку. Она стояла всего в нескольких шагах от него, и на таком расстоянии было удобнее ее рассматривать. Начиная с распущенных черных как смоль волос, до изящных, покрытых блестящим лаком, ногтей на ногах, на ее теле не оставалось ни дюйма, который не производил бы деморализующего эффекта на соглядатая, а облегающий шелковый купальник выделил лишь несколько сантиметров для сокрытия всех ее манящих тайн.

— Но почему они должны быть непременно мошенниками? — упрямо твердил ее спутник, молодой, светловолосый человек. — Просто мне сегодня не везет...

— Не везет! — Девушка не скрывала своего презрения к нему. — Тебе не повезло уже тогда, когда ты с ними встретился. Только подумать — каких-то два типа, о которых тебе ничего неизвестно, вдруг воображают, что ты их закадычный друг, что именно тебя они искали всю жизнь. Они сгорают от желания каждый день угощать тебя обедом, вывозить на рыбалку, ставить тебе выпивку и показывать город, а ты все долдонил о каком-то невезении! Стали бы они это делать, если бы не были уверены, что непременно усадят тебя за карточный стол и каждый вечер будут выигрывать у тебя столько денег, что с лихвой восполнят все понесенные ими затраты?

— Но ведь вначале я у них немало выиграл.

— Конечно, выиграл! Они дали тебе выиграть, чтобы заставить пойти на более высокие ставки. Теперь ты проиграл все, даже те деньги, которые ты не мог себе позволить проиграть в карты. — Вдруг голос ее потеплел: — Эдди, я ненавижу ссориться, но разве ты не понимаешь, какой ты на самом деле простофиля?

Сердито передернув плечами, молодой человек отстранился от нее и, повернувшись, посмотрел прямо в глаза Саймону. Саймон настолько заинтересовался сценкой, что этот пронзительный взгляд застал его врасплох. Было слишком поздно отводить глаза в сторону, и он решил продолжать глазеть на них. Молодой человек, косясь на него, говорил в расстроенных чувствах:

— Не будем же мы рвать друг другу глотки, существуют наконец какие-то вещи, которые женщины просто обязаны понимать.

— Если какой-нибудь мужчина станет утверждать, что слоны несут яйца, то ты, несомненно, этому поверишь, и поверишь только потому, что эту небылицу рассказал тебе представи-

твоего пола,— обиженно бросила девушка и тоже посмотрела в сторону «Святого».

— Может, скажем ему...

— Дело в том, что она мне не верит.

— Но он еще такой ребенок.

— Если бы она не начиталась этих детективных историй.

— Он такой упрямый...

«Святой» поднял вверх руки.

— Минуточку, минуточку,— умоляюще произнес он.— Не стреляйте в третейского судью, он не ведает, о чем весь сыр-бор. Я стал свидетелем вашего разговора, но в этом не моя вина.

Молодой человек принялся стыдливо тереть голову, а девушка прикусила губу. Обращаясь к «Святому», она быстро сказала:

— Скажите, не хотите ли вы на самом деле стать нашим третейским судьей? Может, он вас послушает. Ведь он проиграл уже пятнадцать тысяч долларов, а далеко не все из этих денег принадлежит ему.

— Ради Бога,— взорвался парень,— ты считаешь меня полным негодяем?

Девушка перевела дух, губы ее дрожали. Она медленно пошла прочь, не сказав больше ни слова. Молодой человек молча проводил ее взглядом.

— Черт возьми,— с нажимом произнес он.

Саймон вытащил сигарету из лежащей рядом пачки и начал раздумчиво растирать ее кончик между большим и указательным пальцами. Его глаза, казалось, внимательно следили за движением маленькой рыбацкой шхуны на изумрудной воде залива.

— Конечно, мне до этого нет никакого дела,— задумчиво вымолвил он,— но, может, девушка права? Ведь и раньше такое случалось, а курорт, подобный этому,— превосходное место для успешной охоты самых изощренных жуликов и мошенников.

— Я знаю,— кисло ответил молодой человек.— Но ведь я страшно упрям и не в силах признаться, что оказался таким дураком. Это моя невеста, надеюсь, вы догадались. Мое имя Мерсер.

— А мое — Саймон Темплар.

Это имя произвело на Мерсера такое впечатление, которое оно не сумело произвести на мистера Нэскила. Его глаза широко раскрылись.

— Боже праведный, не может быть! Значит, вы и есть «Святой»?

— Да, так меня обычно зовут,— улыбнулся Саймон.

— Само собой разумеется, я много читал о вас, но... Это вроде... — Молодой человек пробормотал что-то неразборчивое.— И я еще говорю о мошенниках! Вам-то все о них известно... Вы на самом деле считаете меня простофилей?

В глазах Саймона вспыхнула теплая симпатия.

— Если вы последуете моему совету, то мы отправим этих птичек в другое место, чтобы там попытать свое счастье. Спишите все ваши зловещие заклинания на неопытность и не повторяйте ошибки.

— Но я не могу! — отчаянно возразил Мерсер. — Она... она говорила правду. Я проиграл чужие деньги. Мне только что удалось получить место в рекламном агентстве, но мне платят немного. Ее родители достаточно состоятельные люди. Они нашли мне работу получше и отправили нас сюда, чтобы мы подыскали себе приличный домик. Кроме того, дали нам двадцать тысяч долларов на его покупку и приобретение мебели. Вот я и играл на эти деньги. Разве вы не понимаете? Мне просто необходимо продолжить игру, чтобы отыграться!

— В таком случае отправляйтесь и проиграйте остальное.

— Да, вы правы. Но я думал, что мне повезет. К тому же не каждый играющий в карты — заведомый мошенник, не так ли? Я просто не понимаю, как им все это удается. После того как она намекнула о жульничестве, я начал к ним присматриваться, но не заметил ни одного движения под столом. Все происходило открыто, над столом. Тогда я начал подозревать, что они играют краплеными картами, ведь мы всегда играли их колодой. Я украл одну из колод, которыми они пользовались накануне, и все утро дотошно их разглядывал. Клянусь, на них нет никакой отметки. Могу вам продемонстрировать.

Он лихорадочно принялся рыться в карманах своего пляжного халата и вытащил колоду карт. Саймон перебрал их. Он ничего не заметил, но в эту минуту вспомнил о Д. Д. Нэскиле.

— Кто-нибудь из этих пташек носит очки? — спросил «Святой».

— Один из них носит пенсне, — ответил заинтригованный юноша. — Но...

— Боюсь, что вас все же одурачили.

Мерсер сглотнул слюну.

— Если я простофиля, то что же, черт возьми, мне делать? Саймон энергично вскочил на ноги.

— Лично я собираюсь окунуться. А вы должны сосредоточить свои усилия, чтобы принести вашей невесте извинения и помириться с ней. На другое у вас не останется времени. А эти карты я оставлю у себя и кое-что проверю, если вы не возражаете. Около шести вечера встретимся в баре, и там, может быть, я кое-что вам сообщу.

Вернувшись в свой номер, «Святой» надел очки мистера Нэскила и вновь внимательно изучил карты. На каждой из них в противоположных углах по диагонали стояли отметки, говорящие о цене карты и ее масти, точно такие же, как на колоде, врученной ему Нэскилом. «Святой» ощутил, что его вера в Судьбу не подвела его и на сей раз.

Около шести часов, войдя в бар, он увидел, что Мерсер со своей невестой уже сидят там.

Мерсер представил невесту «Святому»:

— Мисс Грэндж, можете просто называть ее Жозефиной.

На ней было черно-белое платье из тафты, на голове — черно-белая шляпка, на руках — черно-белые перчатки. Она выглядела так, словно только что сошла с обложки журнала мод.

— Нам обоим так стыдно за ту сцену на пляже. Вы так добры к Эдди.

— Я, конечно, не имел никакого права выкладывать перед вами все свои невзгоды, — жалобно произнес Мерсер. — Но вы удивительно чутко отнеслись ко мне.

«Святой» широко улыбнулся.

— Да, я ужасно хороший человек, — прошептал он. — И теперь хочу кое-что продемонстрировать. Вот ваши карты.

Разложив карты на столе, он вытащил из кармана очки в роговой оправе и, удерживая их над картами, кивком головы пригласил своих знакомых взглянуть на стол через линзы. Он передвигал карты, одну за другой, лицом вниз, а затем переворачивал их.

Пара затаив дыхание следила через линзы за движениями его руки.

— Ну, что я тебе говорила? — Девушка открыла рот от удивления.

Мерсер сжал кулаки.

— Клянусь Богом, если я не прирежу этих свиней...

Она схватила его за руку.

— Эдди, одумайся, тебе это не сулит ничего хорошего...

— Но и им тоже! После того, как я покончу с ними...

— Этим все равно не вернешь деньги обратно.

— Да я их выбью, вытрясу из них.

— Такие действия грозят неприятностями в полиции. Это, увы, не поможет... Погоди! — Она плотно прижалась к нему. — Я придумала. Попроси у мистера Темплара его очки и сыграй с ними по их правилам. Можно разбить очки Йоринга — вроде нечаянно. Они, конечно, не осмелятся прекратить ради этого игру и постараются вернуть проигрыш потом. Ты, в свою очередь, сумеешь полностью отыгратья и больше никогда не будешь с ними встречаться.

Мерсер повернулся к «Святому», и тот перебросил через стол очки Нэскила. Молодой человек медленно поднял их, водрузил на нос и внимательно посмотрел на карты. Вдруг у него задержались губы. С жестом отчаяния он отбросил их в сторону и провел рукой по глазам.

— Нет, ничего не выйдет. Я не смогу этого сделать. Ведь они отлично знают, что я не ношу очки. Они «засекут» меня через каких-то пять минут. И что я им скажу в свое оправдание? У меня просто сдадут нервы. Наверное, я на самом деле простофиля.

«Святой» откинулся на спинку кресла, зажег сигарету и выпустил струйку дыма.

— Может, это удастся сделать человеку более опытному в таких делах? — спросил он. — Скажем, если вы представите меня своим друзьям...

Мерсер бросил на него недоумевающий взгляд, а темные глаза девушки вдруг озарились. Тонкие пальцы отважно впились в руку «Святого».

— Неужели вы готовы пойти на такое и помочь Эдди отыгратья?

— А что в таких случаях должен делать Робин Гуд? Ведь я пользуюсь определенной репутацией, которую обязан постоян-

но поддерживать. Я даже могу взять на себя растраты за время проведения операции. — Он пододвинул к себе очки и засунул их в карман. — Пошли отсюда. Нам нужно пообедать и обсудить кое-какие детали.

Распровавшись с Жозефиной у «Рони Плаза», «Святой» и Мерсер отправились к «Риптайду».

— Здесь мы обычно встречаемся, — объяснил ему Мерсер.

Через несколько минут Саймона представили двум другим действующим лицам в этой драме.

Мистер Йоринг, который носил пенсне, оказался маленьким, толстым, с седыми волосами и челюстями, как у бульдога. У него был жалкий, расстроенный вид, как у вышедшего в отставку бизнесмена, которого жена притащила в оперу. Его партнер, мистер Килгарри, был повыше и помоложе, у него был широкий рот, мясистый крупный нос и вульгарные манеры. Оба встретили Мерсера с нарочито подчеркнутым дружелюбием, которым тут же охватили и «Святого». Мистер Килгарри заказал всем по стаканчику.

— Как проводите здесь время, мистер Темплар?

— Превосходно.

— Мы все получаем удовольствие от пребывания в Майами, — прокаркал мистер Йоринг. — Я хочу поставить.

— Я уже заказал выпивку, — сказал мистер Килгарри.

— А я хочу заказать еще, — произнес мистер Йоринг с вызовом в голосе. Поблизости не было жены, которая могла бы силой утащить его в оперу. — Кто сказал, что сейчас у нас Великая Депрессия? Что вы скажете по этому поводу, мистер Темплар?

— У меня в последнее время не было никаких дел, — ответил Саймон.

— Вы бизнесмен, мистер Темплар? — с явным интересом осведомился мистер Килгарри.

— Мой бизнес — заставлять других делать деньги для меня, — лукаво подмигнув, «Святой» похлопал рукой по карману. — В последние дни рынок работает бесперебойно.

— Это просто замечательно, — сказал с сияющим от счастья лицом Йоринг. — Я поставлю еще один стаканчик.

— Нет, — воспротивился Килгарри. — Теперь моя очередь.

Йоринг помрачнел. В эту минуту он был похож на мальчишку, которому неожиданно запретили поиграть со своим новым пистолетиком. Затем он обнял Мерсера за плечи.

— Ты намерен играть сегодня, Эдди?

— Не знаю, — нерешительно протянул Мерсер. — Мы обедали с мистером Темпларом...

— Приглашай и его, — сердечно промышчал Килгарри. — Какая разница? Ведь играть вчетвером лучше, чем втроем. Вы играете в карты, мистер Темплар?

— Большинство игр мне известно, — весело ответил «Святой».

— Прекрасно, — сказал Килгарри. — Прекрасно.

На лице Йоринга появилось озабоченное выражение.

— Я, право, не знаю. Мы обычно делаем высокие ставки.

— Меня это не пугает, — хвастливо заявил «Святой».

— Прекрасно, — снова повторил Килгарри, преодолев послед-

ние сомнения относительно того, стоит ли высказывать свое личное мнение. — Тогда по рукам. Ну, а что же нас удерживает?

Под заботливым руководством Килгарри компания взяла такси и отправилась в один из небольших отелей в «Оушен драйв» на берегу океана, где Йоринг сообщил им, что припрятал бутылочку виски, которая поможет избавиться от мук жажды во время игры. В лифте он дружески взял «Святого» под руку.

— Ну как, все в порядке, старик? Я очень рад, что встретил такого славного парня. Ты должен как-нибудь отправиться с нами на рыбную ловлю. У нас здесь свой катер, наняли на весь сезон. Тебе нравится ловить рыбу?

— Мне нравится охотиться на акулу, — невозмутимо заявил «Святой».

Комната оказалась большой и неудобной, с отвратительной мешаниной позолоты, лака и парчи. В центре ее стоял уже готовый к игре карточный стол. На безобразном столике с откидными боковыми досками красновато-горохового цвета стояли бутылки с выпивкой и ведро со льдом.

Килгарри принес стулья, а Йоринг дружески потрепал Мерсера по плечу.

— Ну-ка, Эдди, приготовь что-нибудь выпить. Пусть все чувствуют себя как дома.

Он занял свое место у стола, снял пенсне, подул на линзы и начал осторожно протирать их носовым платком. Напряженный взгляд Мерсера на мгновение встретился со взглядом «Святого». Саймон слегка кивнул ему и покрепче прижал очки к переносице.

— Ну, кому на сей раз повезет, Эдди? — пошутил Килгарри, разрывая обертку двух новых колод и бросая их на сукно.

— Вы, конечно, будете сильно удивлены, — резко ответил молодой человек, — но я намерен как следует задать вам, двум пустозвонам.

— Молодчина, молодчина, — похвалил его Йоринг.

Саймону достаточно было бросить взгляд на карты, чтобы безошибочно понять: не напрасно мистер Нэскил гордился своим производством. После этого он принялся наблюдать за спиной Мерсера, который был занят приготовлением выпивки. Йоринг все еще протирал линзы, когда Мерсер со стаканами подошел к столу. Он поставил один стаканчик рядом с Йорингом и, нагнувшись, чтобы поставить второй перед «Святым», «нечаянно» обшлагом рукава задел за пенсне и выбил его из рук Йоринга. «Святой» тут же нырнул под стол, делая вид, что хочет поймать пенсне на лету. Но, как и следовало ожидать, промахнулся и, поскользнувшись, перенес свой каблук именно на то место на ковре, куда пенсне доли секунды назад удачно приземлилось. Послышался тупой, хрустящий звук, а затем наступила долгая гнетущая пауза.

Первым заговорил «Святой»:

— По-моему, я их раздавил.

Глядя на него, Йоринг неуклюже заморгал ресницами, словно готов был вот-вот разрыдаться.

— Ужасно сожалею, — тихо сказал «Святой».

Он вновь наклонился, юркнул под стол и попытался собрать осколки. Нетронутой осталась только золотая оправа, да и та погнулась. Саймон выложил все осколки на стол, затем начал соединять их, пытаясь вставить в оправу.

— Само собой разумеется, я готов заплатить за них, — сказал он.

— Я тоже внесу свою долю, — прервал его Мерсер. — Ведь это моя вина. Мы вычтем деньги из моего выигрыша.

Йоринг беспомощно переводил взгляд с одного на другого.

— Я... Не думаю, что сумею играть без очков.

Мерсер плюхнулся на пустой стул и принялся мешать карты.

— Ладно, ладно, — беззаботно повторял он. — Не так уж все плохо. Вы можете показать нам взятку, и мы назовем вам карты.

— Ты на самом деле не можешь играть? — поинтересовался «Святой». — А я-то заранее предвкушал игру. Если играть вторым, такого удовольствия уже не получишь.

В комнате опять воцарилась тишина, еще более плотная, чем прежде. Глаза Йоринга в отчаянии бегали из стороны в сторону. Потом Килгарри резким жестом руки погасил сигарный окуроч в пепельнице.

— Поздно идти на попятную. — В его голосе послышались угрожающие нотки. Он разорвал обертку второй колоды и бросил карты на сукно. — Флеш-рояль — джокер приравнивается к любой карте. Поехали.

Как это ни странно, почти час игра шла ровно. Когда Саймон подсчитал прибыль, в ней оказалось всего на каких-то двести долларов больше его стартовой ставки. Мерсер ухитрился сыграть получше. Но в их преимуществе не было ничего сенсационного. Даже волшебные линзы мистера Нэскила не могли оказать воздействия на ход игры, и везение оказалось чуть-чуть на стороне Йоринга и Килгарри.

«Святой» вел ровную, наступательную игру, терпеливо ожидая перелома. Нервы его были в полном порядке, и он часто одаривал своих соперников улыбкой, свидетельствующей об огромном наслаждении, которое он получает от игры. Но внутренне он был собран, словно пантера, готовящаяся к прыжку.

Наконец Килгарри предложил Мерсеру поднять третью ставку и проиграл небольшой банк на три девятки. Мерсер сделал недовольную гримасу, отбросив в сторону пригоршню фишек.

— Черт возьми, ну что это за игра? — вдруг запротестовал он. — Мы обычно так не играем. Нужно вдохнуть в игру настоящую жизнь.

— Да, — согласился с ним Саймон, — уж больно медленно она идет. Может, повысим ставку?

— Сто долларов, — резко предложил Мерсер.

Саймон глубоко затянулся сигареткой.

— Меня устраивает.

Йоринг дрожащей рукой теребил нижнюю губу.

— Я, право, не знаю, старик...

— О'кей. — Килгарри вытащил фишки по пятьдесят долларов, но было видно, что сделал он это весьма неохотно. — Играю на

сто. Надеюсь, когда Йоринг купит себе новые очки, мы вновь сразимся, и игра пойдет лучше.

— Я в этом несколько не сомневаюсь, — любезно ответил «Святой». У него на руках были две пары. Он взял еще одну карту и остался все равно с двумя парами. Килгарри с тремя королями не брал прикуп. Мерсер взял еще три карты к своей паре, но ему это не помогло. Йоринг взял две, и лицо его озарилось довольной улыбкой.

— Сто, — нервно сказал он.

Мерсер, поколебавшись, бросил карты.

— Плюс две сотни, — резко произнес Килгарри.

— И еще пять, — добавил «Святой».

Йоринг посмотрел на них мутным взглядом и, тяжело вздохнув, взял прикуп.

— Поосторожней! — предупредил его Килгарри.

Вдруг Йоринг издал звук, похожий на слабый стон.

— Принеси-ка еще стаканчик, Эдди, — попросил он, взял вторую колоду и начал неловко ее тасовать. Его пальцы, похожие на сосиски, плотно прилегали друг к другу.

Килгарри подтолкнул «Святого».

— Нервы сдают. Видишь, что происходит, когда наступает старость.

— Чья старость? — жалобно возразил Йоринг. — Разница-то всего три года...

— Может быть, но ты пользуешься устаревшими идеями, — грубо прервал его Килгарри. — Тебе не удалось побить ни его, ни меня.

— Но вы никогда не носили очки.

— А кто сказал, что для игры в покер обязательно нужны очки? Значит, не всегда выигрывают только карты?

Килгарри улыбался, но, когда он смотрел на Йоринга и разговаривал с ним, глаза его метали молнии. Йоринг старался избегать его взгляда и косился на карты, которые сдал себе. Там были бубновые шестерка, семерка, восьмерка и девятка, а также пиковая дама. У Саймона оказалось вновь две пары, но вместе с прикупом он собрал фуль — три и пару. Он заметил, как Йоринг сбросил даму пик, и вновь ощутил внутри приятное чувство своего всемогущества, когда увидел лежащую сверху колоды карту — это была червовая десятка.

Йоринг взял карту, неловко загнул ее край, чтобы незаметно определить, что ему выпало. Какую-то секунду он сидел совершенно неподвижно, работали только желваки. Затем с ним произошла разительная перемена. Он резко шлепнул картами об стол, вскочил на ноги и начал лихорадочно отсчитывать столларовые фишки.

Мерсер, сидя с сиротливой парой семерок, бездумно блефовал в течение двух розыгрышей, покуда не бросил карты в ответ на толчок ноги «Святого» под столом.

На кону стояло пять тысяч долларов, когда Килгарри нерешительно пожал плечами и взял прикуп.

«Святой» отсчитал две кучки фишек и подвинул их к центру стола.

— Еще две сотни, — сказал он.

Йоринг, пребывая в большой нерешительности, внимательно смотрел на него. Наконец дрожащей рукой он тоже подвинул две кучки фишек.

— Вот вам две тысячи, — посчитав оставшиеся фишки, бросил их небрежно в общую кучу и добавил: — И еще двадцать девять сотен.

У Саймона оставалось двенадцать сотен в фишках. Он подвинул их к середине стола, открыл бумажник, извлек оттуда новенькие купюры и бросил на кон.

— Ставлю на три тысячи больше, знай наших!

У Мерсера на секунду прервалось дыхание, и он в изумлении прошептал: «Боже!»

Килгарри не произнес ни слова, напряженно наклонившись над столом.

Йоринг только дико вращал глазами.

— Дайте-ка мне несколько фишек, старик, — сказал он.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что делаешь? — спросил его Килгарри охрипшим голосом.

Йоринг поднес стаканчик ко рту и опрокинул его наполовину. Его рука сильно дрожала, и он пролил несколько капель на подбородок.

— Восемнадцать сотен. Мне нужно приобрести еще несколько сотен. Я выпишу чек...

Саймон отрицательно покачал головой.

— Весьма сожалею. Я играю на те ставки, которые на столе. Мы об этом договорились заранее, еще до начала игры.

Йоринг не спускал с него глаз.

— Значит, вы считаете, что в моем предложении есть что-то для вас оскорбительное?

— Нет, что вы, — не повышая голоса, спокойно ответил Саймон. — Просто дело принципа. Нужно соблюдать правила. Я сыграю с вами в кредит как-нибудь в другой раз. Сегодня мы играем, как условились.

Он потянулся к коробке для сигар, куда каждый из них положил по пять тысяч долларов, обменяв их на фишки.

— Послушайте, — угрожающе начал Килгарри.

Изумрудного цвета глаза «Святого» встретили его взгляд с необычайным спокойствием.

— Денежки, братан, денежки. Разве неясно?

Йоринг привился рыться в карманах. Одну за другой он вытаскивал из загашников мятые купюры, пока наконец не объявил о своей ставке в тридцать две сотни и пятьдесят долларов. Затем бросил уничтожающий взгляд на Килгарри.

— Одолжи мне все, что у тебя есть.

— Но...

— Я сказал — все!

Килгарри неохотно протянул через стол пачку. Йоринг послушав большой палец и пересчитал бумажки. Теперь он мог поставить четыре тысячи сто пятьдесят долларов.

— Действуй, — сказал он, посмотрев на «Святого». — Поставь вот это все.

Саймон отсчитал четыре тысячные купюры. У него была еще одна, но он задержал над столом руку. Затем улыбнулся:

— Какой в этом смысл? Ведь тебе нечем ответить. Я заберу эту мелочевку и открою вас.

Йоринг поднял свои карты и дрожащими руками стал раскладывать их на столе — шестерка, семерка, восьмерка, девятка и бубновая десятка.

Все сразу умолкли. Несколько секунд и «Святой» хранил полное молчание. Про себя он вкратце «прокручивал» весь сценарий во всей его вдохновенной простоте и математической точности. Он чувствовал, как Мерсер молча его подталкивает, видел, как затуманенные глаза Йоринга постепенно светлеют и в них загорается огонек сдержанного триумфа.

Вдруг Килгарри грубо загоготал и со всего маху ударил кулаком по столу.

— Молодец, Йоринг! Бери деньги, бери. Я верну все свои. Ты, однако, еще не настолько стар.

Йоринг широко расставил руки, чтобы накрыть кон.

— Минуточку, — сказал «Святой». Голос его звучал еще мягче и спокойнее, чем прежде. В комнате вновь воцарилась тишина. Йоринг замер на месте, хотя и не опускал рук, которые образовали что-то наподобие большого кольца. А «Святой» продолжал мило улыбаться.

Само собой разумеется, это был превосходный трюк, но «Святой» не любил, когда другие падают и больно ударяются. В такие минуты у него просыпалась симпатия к нечестивцам, достигшим предела своего падения.

Одну за другой он перевернул свои карты. Тузы. Четыре туза. Саймону показались, что они отлично смотрелись, эти красочные тузы. Он с величайшей осторожностью сгреб их вместе. А затем открыл последнюю карту. Джокер.

— Кажется, все деньги на кону мои, — сказал он извиняющимся тоном.

Первым от стола с грохотом отодвинулся стул Килгарри.

— Послушайте, — заорал он, — это не...

— Та рука, которую он мне сдал? — Издевка Саймона была тонкой, как паутинка. — А разве он не играл ту руку, которую, как я полагал, он сам себе сдал? Я знал, что он немного позабавится, когда привыкнет играть в карты без очков.

«Святой» открыл коробку для сигар, добавил ее содержимое к деньгам, лежащим на столе, и связал все в весьма пухлую аккуратную пачку.

— Думаю, на этом завершим сегодня игру, — еле слышно проговорил он, опустив руку с пачкой денег во внутренний карман. — Думаю, на этом мы и закончим, джентльмены.

Первым обрел дар речи Мерсер.

— Да, на самом деле, — сказал он срывающимся голосом. — Вы оба неплохо подзаработали на мне. Теперь мы кое-что вернули из проигрыша. Пойдемте отсюда, Темплар!

— Сколько вам удалось выиграть в последнем коне? — спросил молодой человек.

— Около четырнадцати тысяч, — ответил довольный «Святой».

— Примерно столько же я им проиграл, — заметил Мерсер. — Даже не знаю, как вас благодарить за то, что вы вернули деньги. Когда Йоринг вдруг покраснел, я подумал, что вы совершили непростительную ошибку.

«Святой» вытащил сигарету и чиркнул зажигалкой.

— Обычно я не допускаю слишком много ошибок, — спокойно ответил он. — И вот здесь многие накалываются. Думаю, во мне говорит гордость профессионала, и я ненавижу, когда меня принимают за простофилю. Но самое смешное состоит в том, что, несмотря на мою высокую репутацию, находятся люди, которые все же пытаются оставить меня в дураках. Как я полагаю, они думают, что мое поведение можно запросто рассчитать наперед и использовать меня, чтобы обстригать свои грязные делишки. — «Святой» тяжело вздохнул. — Я, конечно, знал, что какого-то мошенничества мне никак не миновать — вся идея заключалась в том, чтобы заставить меня поверить в могущество этих очков, а затем сделать жертвой обычного карточного надувательства. Кроме того, я был лишен возможности жаловаться, так как это, по сути дела, было бы равносильно признанию, что и я, в свою очередь, являюсь обманщиком.

— Но это означает, что они знали об очках, позволяющих пойти на обман?

— Для чего же они посадили в поезд того парня, который назвался Д. Д. Нэскилом? — терпеливо объяснил ему «Святой». — Ты не слишком сообразителен, Эдди. А я вот всегда соображаю, всегда начеку. Я сразу же почувствовал подвох, когда ты вытащил из кармана своего пляжного халата колоду крапленых карт, здесь вы, нужно сказать, немного переборщили, заранее подготовив их к тому моменту, когда я выслушаю маленькую сценку, разыгранную передо мною с Жозефиной. Должен признаться, что ваша компания прекрасно разыграла свои роли, но вот такая малоприметная деталь может в конечном итоге испортить все. Помни, что тебя тогда назвали простофилей, — с упреком сказал «Святой». — Почему бы тебе не утешить Йоринга с Килгарри? Мне кажется, они сильно расстроятся, узнав, что ты не сумел исправить их топорную работу и убедить меня вернуть выигранные деньги.

Мерсер довольно долго смотрел на «Святого», силясь понять, почему множество тертых людей, считавших себя вполне опытными и сообразительными, в конечном итоге сдавались и были вынуждены с уважением относиться к этому хладнокровному и улыбающемуся «частному предпринимателю», чье непревзойденное мошенническое искусство можно объяснить только непосредственной близостью «Святого» к самому Дьяволу. И очень сожалеть при этом, что когда-то была придумана высшая мера за убийство.

ЗИФА КАРИМОВА

37

МЕДРЕСЕ

Фото АНВАРА ГАЛЕЕВА

Кончилась эпоха казарменного атеизма... Но мало принять закон о свободе совести, равно как мало записать в конституции право всех граждан на жилье — надо еще в достатке домов построить.

Для верующего нужны священные книги, которые он мог бы без затруднений прочесть и перечитывать; храмы, да не за десять километров расположенные, чтобы мог он возносить молитву Всевышнему; и пастырь, дабы свободно

и без спешки можно было обсудить с человеком, направляющим тебя, движения души, в прегрешениях покаяться, попросить совета...

Быть посредником между человеком и Аллахом возжелали более сотни слушателей уфимского медресе. Съехались они со всей республики и из других городов и деревень. Не только премудростям ислама обучают здесь — медресе готовит широко образованных лю-

дей, знающих историю, культуру. В учебе и молитвах проходит время. И, кажется, сама жизнь испытывает будущих священнослужителей на верность выбора и крепость решения.

Своего помещения у медресе нет. Слушатели занимают в цокольном помещении Соборной мечети — выдвигают парты, когда нет богослужения. Здесь же, в мечети, они и живут. Спят на полу. Не имеют даже прописки, да и глупо было бы прописывать... в мечети. Однако никто не изменил первоначальному своему выбору.

Слушателей ждет паства: свыше ста мусульманских общин зарегистрированы в республике Башкортостан. Верующие добиваются передачи им мечетей, когда-то изъятых властью. Заложен в Уфе фундамент молитвенного здания в честь 1100-летия принятия ислама.

Во все века для земли этой была характерна веротерпимость. Здесь никогда не происходило крупных столкновений на национальной почве. Многие религии мирно сосуществовали. До революции Уфа была городом множества храмов: действовало 28 православных церквей, католический костел, лютеранская кирха. И мечети, мечети... Иногда они стояли на одной улице с православными храмами, и можно было видеть, как мирно попивали чай поп или протоиерей с хазратом или муллой.

И сейчас в столице республики уже действуют пять православных церквей, планируется вернуть верующим лютеранскую кирху, просят помещения даже уфимская община движения Сознание Кришны...

Будем надеяться, что в духе Господа и Аллаха веротерпимо станут сосуществовать они, и каждая улица приведет к храму.

А эти молодые люди, обучающиеся сейчас в уфимском медресе, их интеллигентность, такт, мудрость послужат духовным светом пастве, столь долго и бесплодно блуждавшей во тьме неверия.

СМЕНА-93

Уважаемые читатели!

Очевидно, большая часть из вас, кто многие годы, не меняя своих симпатий, читает наш журнал, уже оформила подписку на 1993 год. Но тем, кто по каким-то причинам еще этого не сделал, мы хотим напомнить, что подписка на первое полугодие заканчивается, и вы рискуете лишиться себя удовольствия прочитать на страницах «Смены» великолепные произведения отечественных и зарубежных мастеров классического детектива, мистической прозы и фантастики.

Уже в начале 1993 года вас ждет встреча с неутомимым следователем Львом Гуровым — героем полюбившихся всем романов Николая Леонова о нашей доморожденной мафии, коррупции и дельцах «теневой» экономики. (Приоткроем секрет: в основе сюжета нового романа — подготовка покушения на Президента России.)

Уже подготовлены к публикации романы: Роберта Блоха «Психопат» (2-я часть), Френсиса Вильсона «Застава», С. Пола Рида «На третий день». Вы получите истинное удовольствие от чтения захватывающих детективов: Эксбрайя «Бесполезное путешествие», Э. Уоллеса «Мститель», А. Кристи «Часы» и Э. Стенли Гарднера «Капкан для наследницы».

Кроме этого, в портфеле редакции фантастические романы: Р. Хейнлайна «Пятница» и К. Уилсона «Мир пауков», а также мистические бестселлеры: У. Блэтти «Изгоняющий дьявола» (часть 2-я) и Э. Макклоя «Удар наносят из Зазеркалья».

Индекс «Смены-93» прежний — 70820. Цена одного экземпляра по нынешним временам не страшная — 39 рублей. Подписка на 6 месяцев вам обойдется в 234 рубля.

Мы вас не уговариваем — мы вам только предлагаем.

ДЕТСКИЙ

Почерк

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

У одного из самых загадочных русских философов, Василия Васильевича Розанова, есть запись, сделанная уже на закате жизни. Вспоминает он случай, который был с ним и с его младшим братом Сережей в детстве, а остался в памяти на всю жизнь.

«Мы бежали от грозы,— пишет Розанов,— а гроза как бы гналась за нами. Бывают такие внезапные, быстрые грозы. Сперва потемнело. Облако. Дом далеко, но мы думали, что успеем. Полянка с бугорками. Вдруг брызнул гром, и мы испуганно кинулись бежать.

Бежали, не останавливая шагу. Еще бежали, бежали. Я ужасно боялся. «Ударит молния в спину». Сережа был сзади, шагах в четырех. Вдруг он стал замедлять бег.

Я оглянулся. И не сказал — «ну». Остановился. И чуть-чуть, почти идя, но «не выдавая друг друга молнии», пошли рядом».

Читаешь-перечитываешь эти строки и укрепляешься в вере, что детство — некий магический кристалл, чистая от примесей сущность, через которую можно проникнуть в глубокие тайны. Недаром Розанов, за плечами которого была «разноцветная» мятежная жизнь, помнил, как не выдал брата молнии. Видно, память об этом согревала его «зябнущую душу» долго, может, всю жизнь. Говорил-то Розанов о «молнии», а имел в виду сохранение человеческого достоинства, нашего подлинного существа, того, что отличает нас от животных.

Таков этот магический кристалл детства, перед ослепительным светом которого, кажется, ничто не укроется. Если помним о нем, верим в него, то долго-долго, может, почти до самого жизненного конца, как у Розанова, помогает он продвигаться к самим себе, к тому лучшему, что в нас есть.

Такая мощь, такая энергия постижения добра заключена в детстве!

Сегодня газеты, радио, телевидение без устали твердят, что нравственность общества пала чрезвычайно низко, что, к примеру, детей, брошенных родителями, ныне гораздо больше, чем сирот после Великой Отечественной войны. В одной из телепередач ведущий, размышляя о судьбе этих сирот, уже и детьми их не называл, а употреблял эвфемизм «чилдренята», видимо, произведенный от английского «children» — дети.

Как это произошло? Почему? Нет ли тут изъяна в самом отношении к детям и детству? Отчего мы смотрим и не замечаем его магическую прозрачность?

Так случилось, что за последнее время пришлось мне немало поездить по стране (бывшему СССР). Был в Поволжье и на Украине, на Кавказе и в Прибалтике, в Сибири и в Туркмении. И везде, где была возможность и выпадал случай, пытался поговорить с детьми, что тусуются в подъездах и подвалах, на раздолбанных скамейках скверов, среди куч мусора на полутемных улицах наших городов и поселков.

Как живет ребятам в этом странном неухоженном мире? О чем они думают? К чему стремятся? Что любят и что ненавидят?

Блокнотные листочки с записью бесед, расшифрованные диктофонные записи складывал в папку, где сначала лежал один-единственный рисунок зеленого кузнечика с голубыми усами-бровями. Его прислала мне девочка, что живет в небольшом кабардинском селе. Из десятков историй, рассказанных детьми, выбрал несколько. Если для тех, кто прочтет их, будет хоть малая душевная польза, то большего, на мой взгляд, и не нужно.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ: младший брат

— Знаете, кто чаще всего снится здесь, в колонии? Брат младший... Будто едем с ним на велосипеде. Или у реки загораем. Когда он маленький был, я креслице на раме велосипедной для него примастырил, чтобы вместе ездить. Педали накручиваю, жму, обгоняю всех. Ветер — прямо во сне чувствую — рекой, иголками сосновыми пахнет. Димка — это моего брата так зовут — болел часто, и врач сказал, что ему надо в горячем сухом песке сидеть. Ну, и возил его к речке. Место у нас было свое. Стрекоз полно...

Вот на фотографии — мать ее привезла, я просил — он с ребятами из своего нового класса. Правда, крепкий? У него уже разряд по акробатике был. Зарядку я с ним начинал делать. А в секцию он сам пошел и записался. Сам. И учился клево. Не то что я: три года в пятом классе отсидел. Если честно, не учился. Скука. Другое — мопеды, мотоциклы интересовали. Потом машины угонять стал... Нет, запчасти не продавал. Мое дело — угнать. А с железками другие. Они старше меня и старше Голубя были. Семейные уже. Голубь — поделщик мой. Он в другой колонии сейчас...

В тот вечер как было. Мать в ночную смену ушла. Телек досмотрели. Как раз про этих самых... ну, как их? Мафиев итальянских. Название забыл. Ладно, потом, может, вспомню. Короткое такое... Только я за куртку — Димка ко мне. Обхватил лапами, просит: «Не ходи, не ходи!» — «Чего испугался? Сейчас вернусь. Скажу Голубю пару слов — и вернусь».

Отлепился, банку тащит из-под

меда. Жестяную такую, с надписью «Башкирский мед», медведь еще на ней нарисован. У Димки там богатство хранилось: значки, марки, монетки старинные. Открыл банку, сует мне что-то.

Деньги! Два рубля и мелочь. «Возьми, — говорит, — если надо. Я еще потом накоплю. И все тебе отдавать буду». Смех прямо. Копейки свои принес... Да кто его возьмет на работу? А то я не ходил, чтобы у матери на шее не висеть. И на склад тарный, и на почту, и на завод, где отец до самой своей смерти мантулил... «Нет мест». Вижу по глазам — врут. Сказали бы прямо: возьмется со мной неохота. Ладно... Освобожусь из колонии — посмотрим-поглядим. Здесь на токаря выучился. Отец тоже токарем был...

Да, про вечер этот... Вцепился в меня братишка, не пускает. «Если ты пойдешь, не знаю, что... не знаю, что сделаю...» Трясется весь. Никогда таким психованным не видел. Может, кино это про мафиев так на него подействовало? Раньше же уходил ночью или рано-рано утром — и ничего. Спал себе Димка и спал...

Тоже психанул. Стукнул его. Негоразливо. Еще он это слово вдогонку: «Вор!» Не удержался, вернулся: «Гондик я! Понял?» В общем, еще его стукнул. И из дома быстрее.

А дальше? Гоним с Голубем на «Волге». Только на проспект вылетели — тетка с двумя сумками. Выворачиваю руль, а сам понимаю, поздно, зацеплю. По тормозам. Первым Голубь выскочил, на тетку поглядел и тихо так мне: «Делаем ноги, Булыга». Это кличка моя такая. И как рванет через газоны в переулок. Он и не думал, что я останусь. Говорил мне потом: «Я тебя за умного держал». За умного... Пошел я к автомату, вызвал «Скорую». Сажу жду.

И так медленно время тянется. Молоко из пакетов все льется, льется. Тетка, которая лежала, молоко домой несла. А мне одного охота: быстрее бы все кончилось. Чтобы быстрее приехали и увезли меня подальше.

Да, вы дело мое небось читали? Почитайте. Там подробно. А брат на суд не пришел. И на свидания ни разу. Мать рассказывает: молчит все. Дома сидит. Телевизор смотрит или книжки читает. В секцию свою гимнастическую ходить перестал. Тренер все у матери вызнать хотел: почему? А мать и сама не знает. В школу другую перевелся, где ни меня, ни его не знают.

...Можно попросить? Запишите... Водоканальная, 17, квартира 42. Не знаю, как лучше... Или вот что, если придете, и брат дома, скажите, что срок мой кончается. Сто восемьдесят три дня осталось. Если сегодняшний не считать. Или нет, про другое лучше... про главное... скажите, что прошу прощения у него. Может, он простит, а? И что ответит, напишите сюда, на колонию стерлитамакскую. Очень прошу... Он же не пишет. И на письма не отвечает. Вроде нет меня на свете.

Еще вот что... Спросите, помнит он, как на велосипеде ездили на речку? И про стрекоз. Я их ловил, а он выпускал. Или не надо. Про это не надо. Только про главное...

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ: Игра называется «Бизнес»

Сначала я встретил его у речной вокзала Костромы. Потом дня через два у гостиницы, где степенные голландцы долго выбирали сувениры, которые он доставал из сумки, что-то поясняя на вполне сноском английском. У ворот Ипа-

тьевского монастыря туристов особенно много, много и продавцов, торгующих кто чем: картинами, матрешками, солдатскими ремнями, генеральскими погонами, орденами нашей бывшей державы... Но и здесь приметил я своего знакомого, хотя одет он был не в выцветшую майку и старенькие джинсы — в новую «варенку», а на светловолосой голове ловко сидела кепочка с надписью «BOSS».

Я подошел, разглядывая расставленные на фанерке вазы, коробка, сахарницы, солонки. Отдельно — розы и лапти. Все это было искусно сплетено из бересты. Берестяная роза мне понравилась.

— Сколько стоит? — спросил я.

Паренек окинул меня холодно-ватым, оценивающим взглядом:

— Только на баксы! — И помедлив, добавил, не улыбувшись: — Шучу...

— Сам делаешь сувениры или перекупаешь?

— Сам.

— Один?

— Есть помощники.

Познакомились, и Егор — так звали паренка — пригласил вечером в свой «офис». Пока шли к нему, мой спутник рассказал, что делает и продает сувениры из бересты второй год, плетению учился у старика-соседа, и сначала в «кооперативе», который организовал, было семь мальчишек разного возраста, а теперь осталось двое.

О тех, кто ушел из «кооператива», Егор заметил, что у них в головах «одна расслабуха». Под «расслабухой», как я понял, он подразумевал обыкновенную лень и стремление иметь деньги, не ударив пальцем о палец.

Еще я узнал, что живет Егор с матерью (она работает уборщицей в двух местах), отцом-инвали-

дом и старшей замужней сестрой. Живут в четырнадцатиметровой комнате в коммунальной квартире.

В манере разговора его угадывалось стремление к четкости, и я сказал ему об этом.

— Отрабатываю общение с людьми, — сказал он серьезно.

— Как это?

— Стараюсь отвечать на вопросы, затрачивая минимум слов.

...Мы вошли в тихий, заросший лебедой и иван-чаем двор, где стояли два деревянных двухэтажных дома. На задах одного из них было сооружение, напоминающее гараж. Егор открыл дверь, щелкнул выключателем, и я попал в оклеенное обоями, чисто прибранное помещение, где стояли табуретки, верстак, старое кресло и небольшой, впритык к стене, столик. Над ним висела самодельная полка, на которой лежало несколько книг. «Как стать предпринимателем», «Как сделаться богатым», — прочел я названия. Еще на полке были самоучитель английского языка, пособие по восточным единоборствам, книга «Как построить сельский дом». Отдельно высился старенький телевизор «Рекорд».

— Работает? — спросил я.

— А как же! — Егор включил телевизор. Люди в костюмах и галстуках, размахивая руками, спорили у микрофона, стоящего в проходе между кресел. Егор переключил на другую программу. Человек с автоматом прятался за угол дома. Из дома валил дым.

Мастерскую Егор оборудовал, приспособив под нее полусгоревший строительный вагончик.

— Удобно, — пояснил он, — никому не мешаешь.

— Если не секрет, как ты распоряжаешься вырученными деньгами?

— Часть отдаю матери, часть

трачу на себя, а часть откладываю, чтобы бизнес расширить.

— А как ты его собираешься расширять?

— Есть идеи... Думаю организовать в «офисе» мультивидео для пацанов. Для тех, кто помладше. А для старших — хит-рандеву.

— А сколько бы ты хотел зарабатывать денег?

Егор помолчал, глядя на меня светлыми, почти прозрачными глазами, потом произнес:

— Миллион.

— Предположим, он у тебя есть. Что бы ты сделал с этими деньгами?

— Первым делом купил бы родителям и сестре хорошую квартиру. Или две, если денег хватит... Еще пошел бы учиться в школу бизнеса. Вот в Японии и в Америке, читал, есть такие. Туда бы поехал.

— А пока, значит, играешь в бизнес?

— Это для меня не игра. Все, что умею или узнаю, — мое. Вот эта мастерская. Предположим, какой-нибудь гад ее сожжет. Но я могу новую построить. Я знаю как. И знаю, как деньги добыть.

Слово «как» он выделил, делая на нем ударение.

Забегая вперед, скажу, что разговаривал с учителями и одноклассниками Егора. В школе он один из лучших учеников, участник математических олимпиад. Его даже приглашали в специальную математическую школу при МГУ. Но он отказался: считает, что должен помогать семье.

Когда я уходил из «офиса», увидел самодельный плакат: «Кто не знает, в какую гавань плыть, для того нет попутного ветра». И две подписи: одна автора изречения — Луция Аннея Сенеки, а вторая — Егора, моего собеседника.

Сказал ему, что и сам бы подписался под афоризмом, но для на-

чала надо бы построить хотя бы такой же офис, как у него, чтобы повесить плакат.

Егор улыбнулся. Кажется, впервые за все время нашего разговора. Улыбка у него оказалась открытая и добродушная.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ: Яблоневая ветка

Яблоня перед домом стала гибнуть в тот год, когда в семье случилось несчастье. Ствол потрескался, ветки покрылись шелушащейся серой корой, вялые листья облетели. Яблоня стояла голая, но отец этого уже не видел: он был под следствием.

Сосед Карп Никифорович, который теперь заходил нечасто, спрашивал у матери, не уедут ли они из Нестерова и не надумали ли продать дом? Удостоверившись, что уезжать не собираются, советовал яблоню выкорчевать: «Только зря место занимает». Мать смотрела на Андрея. Тот качал головой: «Нет. Пусть стоит».

Карп Никифорович прищуривал глаза: «Дело хозяйское. Но если что — скажите. Помогу спилить. В вашем огороде хорошо бы огурцы развести. Цена у них по весу — сами знаете какая»...

Про отца сосед не спрашивал, хотя раньше считалось, что они дружили. Раз, правда, обронил в разговоре с матерью: «Доверчивый человек. Все на слово верил. Вот и попал... Надо, чтобы все соответствовало документам».

Ольга, старшая сестра, перебила: «А вы, Карп Никифорович, когда шифер на крышу своего дома у отца получали, тоже документом запаслись?» Сосед побурел: «Какой шифер? Ничего не знаю!» И ушел, хрустя кожаным пальто.

Отец, работавший мастером на

стройке, вину свою признал: да, отпускал материалы «налево», да и когда другие так делали, смотрел сквозь пальцы. Прощаясь, сказал Андрею: «Виноват... — Потер щеку бледной ладонью. — Людям все же надо верить. Не всем, конечно. И еще... — голос у отца дрогнул, — матери помогай, сколько можешь. И учись... Хорошо?»

В письмах из северного лесного поселка отец спрашивал про яблоню: цвела ли она, есть ли завязи и сколько? Почему-то это было для него важно. Яблоню сажали вместе, когда Андрей пошел в первый класс. Сорт — кандиль-синап. Сажали в дождь. Вернее, сначала было сухо, солнечно, а потом ударил ливень — быстрый, теплый, «слепой». Мать все звала их в дом. И Ольга тоже. А они не шли. Решили дело доделать. Потом стояли и смотрели, как с яблони скатываются радужные капли. Отец тогда сказал, что первое яблоко — маме с Ольгой. Так и сказал, входя в дом, а мать засмеялась: «Нет уж... Первое тому, кто сажал». — И обняла Андрея.

И вот яблоня гибнет. Отец далеко.

Пошел Андрей к старику садоводу, у которого отец брал саженец. Старик болел. Лежал под толстым одеялом, и глаза у него были светлые и слабые. Андрей несмело объяснил, зачем пришел. Стыдился, что беспокоит старого человека да еще нездорового.

— Так ты Петра Семеновича сын? В пятом классе, говоришь?

Дед сел на постели, и глаза вдруг стали теплые и живые.

— А какая у вас в огороде трава-мурава растет? — спросил он неожиданно.

Андрей рассказал.

— Понятно... Кандиль — сорт для наших мест капризный. Возьми вон в столе карандаш и бумагу, Записывай... Удобрения нужные я тебе дам. Земли хорошей натайкаешь. Только соблюдай все, как скажу.

Когда Андрей уходил, старик поманил его пальцем, чтобы, дескать, поближе подошел, и положил ему на голову ладонь. Она была легкая, сухая. Как у отца.

— Будешь отцу писать — привет от меня. Слух был, вроде вы уезжать хотели?.. Не мое дело, но думаю, не надо. Всякое бывает, а человеку нужно место, где его дом. Понимаешь, о чем я?

Андрей кивнул.

Весной пришло письмо, в котором отец писал, что разрешено свидание. Андрей и Ольга проводили мать до Львова, и уже в вагоне Андрей развернул пакет, в котором жила гибкая, покрытая блестящей светло-зеленой кожей яблоневая ветка. Почки были тугие, готовые вот-вот брызнуть листвою. Представил, как долго ехать ветке, и еще раз наказал матери, чтобы не забывала смачивать тряпочку, в которую была запеленута ветка...

— Доехала ветка? — спросил я.

— Да. И листочки были. Отец писал...

Он покосился на ребят, которые сидели с нами на крыльце.

— Вот это — Костя Мухин. А это — Володя Близнюк. Мы вместе землю возили. Сто пятьдесят тачек. На всем огороде сменили...

Я смотрел на яблоню у дома. У нее был крепкий прямой ствол и одна-единственная зеленая ветка, упрямо идущая от ствола. Как поднятая рука.

— Другие ветки не ожили?

— Нет,— вздохнул Андрей. Он тоже смотрел на яблоню, как и я.— Ей ведь только помочь,— с усилием проговорил он.— А там она сама... Сама оживет...

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ:

Письмо с зеленым кузнечиком

Рейсовый автобус, идущий в Нальчик, я разглядел еще издали, с горного склона.

Желтая коробочка неслась по черному асфальту, расплавленным ручьем обтекавшему подножие горы.

«Успеть!...»

Не разбирая дороги, громадными прыжками помчался вниз, Быстрее, быстрее. Поскользнулся, ноги поехали по круглой, неожиданно гладкой земле, и вмиг очутился на дне глубокой промоины. Пока выбирался, цепляясь за ключий кустарник, пока хромал к остановке, автобус подкатил, стоял, лязгнув расхлябанными дверьми и уехал. Почти перед самым моим носом.

Солнце висело над головой. Дорога, голый склон горы и само небо дышали зноем. Ветер тоже не приносил пролады: дул, будто из раскаленной печи.

Что оставалось делать? Такой уж был неудачный день: ездил в дальнее горное село, но нужно-го мне человека не застал. Посоветовали дойти до соседнего села, вроде бы он там, в гостях у брата. Пришел туда, а человек, которого искал, оказывается, был, да уехал куда-то в горы... Теперь вот и с автобусом не сладилось. Глядя на пустую дорогу, сел на камень, потирая ушибленную ногу.

— Опоздали?

Это спрашивали меня. Оглянувшись. Худенькая девочка с ведерком в руке стояла шагах в десяти.

— Опоздал,— нехотя признался я.

— Другой автобус теперь вечером будет...— Девочка сочувственно смотрела на меня темными глазами.

— А ты что делаешь на остановке? Ждешь кого-нибудь?

— Нет... Пить принесла...

— Кому?

Она посмотрела куда-то вниз.

— Вот им...

Я поднялся с камня, подошел ближе. Из затоптанной каменистой земли торчал прутик, обернутый у основания тряпицей. На ней боком сидел зеленый кузнечик, шевелил усами, поглядывая, как показалось, на нас.

— Он ручной. Не верите?— Девочка взяла кузнечика, посадила на ладонь, и он приподнял надкрылья и застрекотал. Да так звонко, неожиданно, что я рассмеялся. И девочка тоже.

И словно не стало раскаленной асфальтовой дороги, не было ушедшего из-под носа автобуса, и перестало болеть ушибленное колено.

Девочку звали Залина. Пока она поливала прутик (оказалось, что это грецкий орех) и из ладони поила кузнечика, узнал, что живет она вон в том доме, где серебрится у ворот пирамидальный тополь. Что у нее две старшие сестры и брат. Отец — тракторист, а мама хозяйничает дома. Еще узнал, что грецкие орехи сажали по осени школьники, но, видно, забыли про них, не ухаживали, и прижились всего два деревца. Одно вот здесь, у автобусной остановки. А другое — за дорогой. Сама же

Залина в школу не ходит, потому что семь лет ей будет на будущий год.

Так мы разговаривали, и вдруг девочка сказала:

— Ой... Вспомнила!.. Дядя Ахмет собирался в Нальчик. На машине.— Девочка посмотрела на меня.— Возьмет... Он добрый. Я сейчас его попрошу. Только оставайтесь у дерева. Чтобы солнце не так быстро пило воду.

Тут я сообразил, почему Залина все время стояла так, чтобы ее маленькая тень закрывала дерево от солнечных лучей.

Все получилось так, как говорила девочка. Сосед подъехал на машине и взял меня с собой. Когда прощались с Залиной, она попросила: «Если можно, напишите адрес. Пришлю вам письмо. Выучусь в школе писать и напишу...»

* * *

Недавно получил письмо. На косо линованном листе широкими буквами было выведено несколько строк.

«Перешла во второй класс. Орех живой. В этом году много черешни. У нас все дорого стоит. А в Москве? Приручаю бабочек. Но они не приручаются. Приезжайте в гости. Машукова Залина».

В конце листа был нарисован зеленый кузнечик с голубыми усами.

Когда все это написал, то подумал: а для чего об этом рассказывать? Что тут особенного? Живет девочка в кабардинском селе. Помогла мне добраться до города. Кузнечика приручила. Написала первое в жизни письмо.

Но почему же вспоминаю тот летний знойный день? Снова слы-

шу звонкое пение кузнечика, сидящего на смуглой ладони? Почему? Может, потому, что, кажется, не встречал в последние месяцы никого приветливее этой девочки.

Константин
Случевский:
поэзия и судьба

ВСЕВОЛОД САХАРОВ

«Портрет
В строках
ПРОГЛЯНЕТ...»

Бывают эпохи, когда поэзия как бы отступает, уходит на второй план литературы. И не стоит винить в этом поэтов. Дело здесь не в отсутствии дарований, неправых гонениях злой критики или же равнодушии к ним читающей публики. Личный поэтический дар — великая вещь, но это еще не все. Талант поэта обретает подлинную силу, лишь совпадая в своем пафосе исканий с общим движением действительности и литературы. И характерные эпохи явственного упадка поэзии, когда музы умолкают или же голос их заглушается шумом времени, это подтверждают.

Такой переходной эпохой стали для русской литературы XIX столетия бурные сороковые годы, когда наша поэзия лишилась Пушкина, Лермонтова и была оттеснена на второй план прозой, критикой и публицистикой. Для нее настали иные времена, тревожная пора перелома и искания новых путей и образов, нового поэтического языка.

Старое уходило, а новое только нарождалось, споря с трудной эпохой поэтического безвременья. Причем эпоха эта настолько затянулась, обрела такую силой инерции, что и в конце 60-х годов Тургенев писал Полонскому: «Поэзии действительно плохо приходится в наше время, особенно если она не поражает читателя своим блеском и треском... Недостаток талантов, особенно талантов поэтических, — вот наша беда».

Глубочайшие сомнения во всем и прежде всего в самих себе, мечтательная рассудочность и пристрастие к отвлеченным схемам и идеалам, духовная ранимость, горечь, ирония и близкая к памфлету и фельетону сатира, эпиграммы и даже стихотворные подписи к карикатурам — такова была русская поэзия, когда в нее пришел юный Константин Случевский. Примечательно, что будущий поэт родился в 1837 году, через несколько месяцев после трагической гибели Пушкина. По традиции богатой и влиятельной дворянской семье его прочили в блестящие столичные гвардейцы и с этой целью поместили рано осиротевшего мальчика в 1-й Петербургский кадетский корпус, который Константин и окончил с отличием в 1855 году. Надежды родственников сбылись, и вскоре бравый и любознательный кадет разъезжал по Невскому проспекту в ловко подогнанном мундире с красными гвардейскими отворотами, каске с султаном и эполетах прапорщика старейшего прославленного Семеновского полка. Будущее его было определено и обеспечено.

Надо сказать, что прапорщик Случевский ничем не походил на гвардейских кутил и николаевских служак, «бурбонов» и «хрипунов», за жестокое рукоприкладство в казармах прозванных «дантистами». П. Анненков, хорошо знакомый со столичными военными, называл его «молодым офицером очень скромной и приличной наружности, вечно красневшим и не знавшим, куда деваться от смущения, когда Тургенев, Боткин и Аполлон Григорьев хвалили его первые поэтические опыты».

Случевский серьезно относился к своей службе и светским обязанностям, прилежно изучал военную науку, устраивал свой скромный офицерский быт, собираясь посвятить жизнь армии. Он занимал маленькую уютную квартиру на Гончарной, выхо-

дившую окнами на строившийся тогда вокзал Николаевской железной дороги, и воевал с вечно пьяным денщиком Шульцем.

Впереди были привилегированная Академия Генерального Штаба, куда Случевский и поступил в 1859 году, полковничьи эполеты, вензеля и аксельбанты флигель-адъютанта императорской свиты. Однако поэзия властно вмешалась в благоустроенную, вполне ординарную биографию круглолицего и курносого офицера-семеновца и многое переменяла в судьбе Константина Случевского.

Юный офицер переводил западных романтиков — Байрона, Гюго, Барбье и сам писал стихи, очень этого стеснялся, скрывал свое увлечение от сослуживцев и родственников. С 1857 года его переводы и оригинальные стихотворения, помеченные инициалами «К. С.», стали печататься в третьесортных журнальчиках «Общезанимательный вестник» и «Иллюстрация».

Уже в первых опытах содержалось то, что отличало потом самобытную поэзию зрелого Константина Случевского: разuverение во всем, мучительная раздвоенность с ее вечной борьбой двух «я», горькая и тоскливая дума, едкая ирония и отчаяние, трагический протест против тусклой, безысходной жизни. Особенно поражал в стихотворениях юноши настойчиво повторяемый «кладбищенский» мотив, трактующий жизнь человеческую, как тягостный парад вечно лгущих и вечно обманутых живых мертвецов и с неожиданной для дебютанта зрелостью мысли и мастерства воплощенный в резком и сильном стихотворении «Я видел свое погребенье...» (1859), так и оставшемся одним из лучших произведений Случевского.

Заметили Случевского-поэта, как это часто бывает, случайно. Всеволод Крестовский, тогда студент, а впоследствии известный беллетрист, тайком от Случевского отнес его стихи Аполлону Григорьеву, замечательному критику и поэту, человеку нрава широкого и буйного, обладавшему безукоризненным поэтическим слухом и вкусом. Прочитав их, Григорьев пожелал увидеть автора. Встретившись со Случевским и выслушав его чтение, он предсказал юноше великую славу и оставил стихотворения у себя. Затем неведомыми путями они очутились у Тургенева, попали от него к поэту и издателю Н. А. Некрасову, и вскоре Случевский обнаружил на своем столе корректуру со штампом некрасовского «Современника», самого передового, влиятельного и читаемого тогда петербургского журнала. Стихотворения его появились в январской книжке «Современника» 1860 года, затем в «Отечественных записках» и были всеми замечены. Пришел успех, большой и для автора совершенно неожиданный.

Новый поэт сразу стал своего рода знаменитостью. Верный своему первому впечатлению Аполлон Григорьев поместил в «Сыне отечества» статью-«разговор» и вложил в уста одного из персонажей следующую оценку поэзии молодого Случевского: «Струю свежего, совсем свежего воздуха брызнули на меня эти стихи... Этот господин идет в творчестве не от чувств и даже не от мыслей и впечатлений, а прямо от образов, ярко представляющих его душе, захватывающих ее... Тут сразу является — поэт, настоящий поэт, не похожий ни на кого поэт... а коли

уж на кого похожий, — так на Лермонтова... Это сила идет новая, молодая сила».

Столь же высоко оценил стихотворения Тургенев, пророчивший Случевскому великое будущее, незаурядный поэтический успех и писавший о нем Афанасию Фету: «Этот малый растет быстро: кажется, из него выйдет путь».

Восторженные похвалы Григорьева и Тургенева вызвали в литературной среде шумный ропот негодования, породили сердитые и пренебрежительные критические окрики и ядовитейшие пародии. Окончательно «прихлопнула» молодого поэта блистательная пародия Н. А. Добролюбова на нашумевшее стихотворение Случевского «Мои желания». Добролюбов иронически трактовал молодого поэта как «гения общих мест», некоего реально существующего Козьму Пруткова, полного надутой велеречивости и мнимого глубокомыслия, детской наивности и претенциозности. Автор пародии чутко уловил уже выявившиеся особенности поэтической манеры Случевского и, как требовал того жанр, довел их до предела, до комической нелепости. Удар был жестокий и ошеломляющий, и неудивительно, что после таких сильнейших нападок Случевский замолчал, и надолго. Позднее он с горечью писал об «успехов ранних острых отравках». Казалось, что о молодом Случевском можно говорить как о еще одном поэте, убитом критикой. Однако вся долгая жизнь поэта свидетельствует, что критика его ошеломила на время, но отнюдь не убила. В 70-х годах он вернулся в литературу. Когда Случевский выступил с публичным чтением своих новых стихотворений, друг его Аполлон Майков воскликнул: «Не убили поэзию! Нет! Видно, истинного дарования не заругаешь до смерти!» Да, Случевский выдержал жестокое испытание на прочность, что говорило о несомненной подлинности и силе самобытного таланта.

Осенью 1860 года Случевский покинул Академию Генерального Штаба, вышел в отставку и уехал за границу слушать лекции в лучших университетах Европы. Он стал заметной фигурой в среде русской революционно-демократической молодежи, всецело разделявшей идею Добролюбова и Чернышевского. Тургенев, встречавшийся тогда с поэтом и переписывавшийся с ним, отметил в беспорядочном коллекционировании всех и всяческих новинок дилетантскую разбросанность и поверхностность и шуточно именовал Случевского «милейшим поэтом-живописцем-историком-философом-экономистом-публицистом». Молодой увлекающийся Случевский вместе с достоинствами передовой молодежи разделял и ее недостатки — самоуверенность, пристрастность и нетерпимость, поразительную доверчивость к любой модной книжке или учению.

Однако, разделяя убеждения демократической среды, этот кадет «с золотой доски», отставной гвардеец, дворянин и поэт все же не мог до конца слиться с шумной толпой энергичных и бесцеремонных разночинцев, превыше всего ценивших естественные науки и третировавших всякую поэзию. Мы мало знаем о зарубежном периоде жизни Случевского, однако ясно, что между ним и демократической молодежью постепенно назревали трения, разного рода взаимные неудовольствия и разочаро-

вания, приведшие в конце концов к решительному разрыву, отчасти напоминавшему известный раскол в редакции «Современника».

Вернувшись в 1866 году на родину, Случевский порвал с прежними друзьями и убеждениями и поступил на службу в самое ненавистное для демократических кругов учреждение — Главное управление по делам печати, прославившееся яростным преследованием «Современника» и других передовых журналов и газет. Более того, он опубликовал серию резких полемических брошюр против Чернышевского и демократической критики. Это выступление бывшего демократа против прежних своих идейных вождей надолго превратило его в фигуру одиозную и помешало Случевскому вернуться в поэзию, хотя писать стихи он не переставал.

Из его поэтических опытов той поры мало что сохранилось, но мы знаем, что его тогдашнюю поэзию Тургенев осуждал за холодность, вычурность, прозаизмы и «чрезвычайную странность звуков». Однако именно Тургенев поддержал поэта в его исканиях: «А со всем тем у вас есть физиономия — следовательно: есть талант... Надо трудиться, надо его выработать жизнью, мыслью». Очевидно, что эти неудачи и неуверенность поэта в себе были следствием глубочайшего идейного кризиса, результатом «смены вех» и разочарования в прежних идеалах, совпавшими с общим кризисом передового движения 60-х годов и наступлением реакции. Новые времена он воспринял остро и болезненно, как глухую «тьму безвременья, сгущенную веками», где уцелели лишь «остовы надежд». Себя же Случевский осознал «последним поэтом» безвременья, его летописцем и судьей:

Поет во мне не гордость самомнения...

Нет, плач души слагается в размер,

Один из стонов общего томленья

И безнадежности всех чаяний, всех вер!

Легко объяснить настроения поэта личными неудачами или же тем обстоятельством, что он внимательно изучал книги немецких философов-пессимистов Шопенгауэра и Гартмана. Однако Случевский с редкой полнотой и точностью выразил мысли нескольких поколений русских образованных людей, общее для многих чувство подавленности, разуверения и пессимизма, что подтверждалось и растущей волной самоубийств среди молодежи.

Достаточно прочитать замечательную повесть Антона Павловича Чехова «Скучная история», чтобы понять, насколько распространено и устойчиво было грустное и тягостное настроение в среде русской интеллигенции, характеризовавшейся не теми или иными идеями, а отсутствием таковых. К этим людям с разных позиций и с разным успехом взывали народовольцы, правительственные круги, Достоевский и Лев Толстой. Но выразили мысли и настроения «усталого поколения» совсем другие писатели — Чехов, В. М. Гаршин, поэты А. Н. Апухтин и А. А. Голенищев-Кутузов и, конечно же, зрелый Константин Случевский. Настроения эти были столь устойчивы, что и в на-

чале XX века ими жила поэзия Иннокентия Анненского и Блока, проза Федора Соллогуба и Леонида Андреева.

Случевский-поэт долго ждал своего времени и своего читателя. И, наконец, дождался. Эпоха 80—90-х годов стала порой его творческого расцвета и весьма широкой популярности. Выходят четыре книги стихотворений и итоговое шеститомное собрание сочинений. В 1902 году к ним присоединилось отдельное издание «Песен из Уголка», также вызвавшее понимание и отклик у молодых поэтов и читателей.

«Итак, подошло время и для Случевского. Содержание его поэзии оказалось современным, — оно соответствовало рефлектирующей и мечтающей, галлюцинирующей, разрозненной и хаотической современной душе», — писала критика. Над Случевским уже не смеялись, в его желчных стихотворениях искали и узнавали свое студент и профессор, гимназист и образованный чиновник, офицер и курсистка. Причем привлекали в этой поэзии не только чувства, но и мысли, ее капитальные выводы. В 1879 году Тургенев писал ему из Буживаля: «Ваш талант настолько определился, что в совете Вы нуждаться не можете». Да, именно тогда поэт обрел наконец свою тему и голос, и время ему в этом помогло. Эпоха подводила итоги в самых разных сферах, и Случевский вполне сознательно стал поэтом итогов:

*Мы у прошедшего воруем
Его завядшие цветы.*

60—80-е годы были порой расцвета буржуазной позитивистской науки. Однако наука эта быстро выявила свою бескрылость и ограниченность, чуждый полета мечты механический материализм. Случевский смело вводит в поэзию образы машин, работающих двигателей, электрических проводов, теории Дарвина, термины геологии и этнографии, вслед за астрономами и физиками говорит о «великой дробности» расширяющейся вселенной (еще одна «бенедиктовская» тема), о необходимости взглянуть на мир и человека в телескоп и микроскоп. Поэт сознает силу науки: «О, сколько правды в мертвенности этой!» И тут же обрушивается на мертвенность «сухощавой мысли», убивающую целостность и поэзию жизни и мешающую уеным-позитивистам сделать «главный вывод»:

*Мир чувств не раб законов тяготенья,
И у мечты законы есть свои;
Им власть дана, чтоб им вослед пробились
Иных начал живучие струи,
Чтоб живы стали и зашевелились
Все эти цифры, меры и пай...*

Тургенев в свое время называл молодого Случевского материалистом, но поэт не принимал ползучего, слепого, механического материализма и видел в жизни совсем другое — целостность, зрячую силу и вечное движение, недоступные пониманию близорукой буржуазной науки, хотя и писал о них, используя образы науки и промышленности:

*В живых струях бесчисленных колебаний
Поэт гигантское, как мир, веретено.*

Случевский — поэт разоблачения, всюду видит он не живые лица, а намалеванные маски, не реальность, а театральные кулисы и декорации, мир же трактует как вселенский маскарад истории, этнографический музей, где меняются костюмы и обычаи, но не люди. Давно отзвучали либеральные восторги по поводу половинчатых реформ 60-х годов, новых судов и т. п. Случевский и здесь подводит черту, называя процедуру буржуазного суда присяжных «незрелой мысли пустотой» («На судоговоренье»). Высшее общество, правящая верхушка — тоже красиво раскрашенная оболочка, за которой пустота и гниль. Здесь поэт поднимается до пророчества:

*Не дом стоит — стоят его подпоры;
Его прошедшее — насмешка и позор!
И может это все в одно мгновенье стинуть...
И он развалится, блестящий старый дом...*

Лжет женщина, лукавая коломбина, предшественница блоковских героинь, лгут чиновник, адвокат, художник, ученый. Лжет даже поэт, вынужденный принять законы неподлинного мира: «У нас поэзия — афера».

Для Случевского навязчивая ложь и всеобщая неподлинность — знамение времени: «Юродствующий век проходит над землей». Боги умерли, идеи умерли, даже великая литература давит страшной силой бесплотных образов на зыбкое, лишенное самобытности мышление читателя-потребителя, которому надо бы чего-нибудь попроще — Потапенко, Боборыкина, Арцыбашева. Это существование показано поэтом как пустое и нищее духом, как забвение корней, традиций и преданий:

*Когда отроют их средь будущей пустыни,
Сменившей торжище, потомки не найдут
Ни неосмеянной во времени святыни,
Ни успокоенных в искусстве минут.*

От столь всеобъемлющего разоблачения естествен путь поэта к пророчеству, апокалипсическому предсказанию неизбежной гибели траурного, неподлинного, зашедшего в тупик мира под пятой «грядущего полуживого». И здесь Случевский достигает удивительной убедительности, силы обличения и прозорливости. В его стихотворениях много археологии, развалин, картин погибших цивилизаций, забвения и запустения. И рядом рождается образ грядущей гибели старой России:

Вижу я ясно: буря подходит, глубоко темна...

Буря грянула, как известно, уже после смерти Случевского, но для него катастрофа старого злого мира была предрешена:

*В умах людских, как язвы вскрытых,
Легенды в бьль перерастут,
И по церквам царей убитых
Виденья в полночи пойдут!*

На грани двух веков Случевский был восторженно принят литературной декадентской молодежью, толпившейся на его знаменитых поэтических вечерах по пятницам и видевшей в поэте своего предтечу, певца сумерек и безвременья. Однако он не прельстился своекорыстными хвалами, взгляделся в лица и творчество своих молодых гостей и предрек их будущее:

*То будет ломаный народ
Борцов-полукалек,
Тех, кто собой завалят вход
В двадцатый, в лучший век...*

Даже поздний Блок предсказан Случевским, написавшим страшную и пророческую «Камаринскую», предвосхищавшую «Двенадцать» своей идеей грядущей расплаты:

*Торопитесь! Будет поздно торопить.
Сами станете копеечки просить...*

У Случевского много стихотворений о русской истории, и любимый его исторический персонаж — Петр Первый. Ему поэт многое прощает: и кровавую расправу со стрельцами, и беспримерное расточительство народных жизней и средств, и убийство собственного сына, царевича Алексея:

*Мало ль что у нас бывало
С края света, в нашей хате!*

В Петре Случевский увидел и оценил чисто русский характер, неистовую и беспощадную энергию великого государственного ума, всем сословиям и даже самому себе отказавшего в каких-либо правах и заставившего всех и прежде всего самого себя исполнять только обязанности и повинности, не щадить живота своего для отечества:

*Не для сладких сантиментов,
Не для временной забавы
Из своих тесал он мыслей
Основания державы!..
Как его, гиганта, мерить
Нашим маленьким аршином?*

В Петре Случевского выплеснулась наружу народная сила, до поры до времени таившаяся во глубине России.

Неровная, желчная, полная ощущения неблагополучия, поэзия Случевского являет собой разительный контраст с его благообразной внешностью, размеренным и весьма благополучным образом жизни, высоким общественным положением, о чем не раз говорилось и писалось. Он успешно служил в министерствах внутренних дел и государственных имуществ, с 1891 года редактировал официальную газету «Правительственный вестник». В свое время Тургенев в сердцах пожелал молодому Случевскому дослужиться до генеральского чина, и тот дослужился — стал тайным советником, камергером, гофмейстером императорского двора. Из-под борта его сюртука выглядывали крупные орден-

ские звезды, среди знакомых поэта наряду с Достоевским, Тургеневым, Иваном Горбуновым, издателем Сувориным, философом Розановым и актрисой Савиной были и всесильный обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев и будущий премьер-министр С. Ю. Витте. Золотые очки, солидный строгий костюм, пронизывающий холодноватый взгляд, холеные усы и бородка — все являло облик штатского генерала, чиновника высшего ранга. «Это был по внешности настоящий петербургский чиновник. Таким можно было бы сыграть мужа Анны Карениной», — вспоминала о Случевском переводчица Т. Л. Щепкина-Куперник, бывавшая на его литературных «пятницах», где встречались литераторы разных поколений и направлений. Никак не верилось, что этот бесстрастный и скептический петербуржец мог так искренне скорбеть о мире и человеке, вдохновенно пророчествовать о грядущей революции и искренне желать гибели старому миру. Но именно мятущееся лирическое слово Случевского сумело выразить беспорядочное движение тогдашней судорожной жизни, глубину безнадежного отчаяния, горькую силу поздней любви.

Умер Константин Случевский 25 сентября 1904 года, через два месяца после Чехова, накануне предсказанной ими темной революционной бури и окончательного раскола в гибнущем русском обществе.

Да, он не был борцом, понимал, что «страшна условий жизни сила, стеной обычаи стоят». Но поэт знал, что главное в его судьбе — не чины и звезды, а совсем другое — сила живого песнопения. Наносное ушло, а главное осталось.

*Но, будет некий день... Нас всех, кто
здесь, — не станет...
Забудутся черты... Замрет бесследно речь...
Тогда, сквозь тьму годов, портрет в строках —
проглянет...
Его — ни затерять, ни разорвать, ни сжечь!*

Лучшее в обширном литературном наследии Константина Случевского и сегодня не потеряло своего значения и художественной силы. В этих строках проглядывает портрет художника талантливого, мятущегося, трагического, очень неровного и противоречивого, но всегда искреннего. Есть в них и отпечаток времени, приметы трудной переходной эпохи. Не стоит забывать: это к нам обращался поэт сквозь столетие со своим посланием:

*Пускай живое песнопенье
В родной мне русский мир идет,
Где можно — даст успокоенье
И никогда ни в чем не жлет.*

И мы должны принять этот дар.

КОНСТАНТИН СЛУЧЕВСКИЙ

НАС ДВОЕ

*Никогда, нигде один я не хожу,
Двое нас живут между людей:
Первый — это я, каким я стал на вид,
А другой — то я мечты моей.*

*И один из нас вполне законный сын;
Без отца, без матери другой;
Вечный спор у них и ссоры без конца;
Сон придет — во сне все тот же бой.*

*Потому-то вот, что двое нас, — нельзя,
Мы не можем хорошо прожить:
Чуть один из нас устроится — другой
Рад в чем может только б досадить.*

≡

*Шли путем неведомым...
Шли тропинкой скрытою,
Бог весть кем проложенной
И почти забытою...*

*В сердце человеческом
Есть обетованные
Тропочки закрытые,
Вовсе безымянные!*

Под ветвями темными
Издавна проложены,
Без пути протоптаны,
Без толку размножены...

И по ним-то крадутся,
По глубокой темени,
Чувства непонятные,
Без роду, без племени...

Чувства безымянные,
Сироты бездомные,
Робкие, пугливые,
Иногда нескромные...

ШАРМАНЩИК

Воздуху, воздуху! Я задыхаюсь...
Эта шарманка, что уши пилит,
Мучает, душит... я мыслью сбиваюсь...
Глупый шарманщик в окошко глядит!

Эту забытую песню когда-то
Слушал я иначе, слушал душой,
Слушал тайком... скрыл от друга, от брата!
Думал: не знает никто под луной...

Вдруг ты воспрянула, заговорила!
Полная неги, мечте говоришь.
Время ли, что ли, тебя изменило?
Но не хватает — а все ты звучишь!

Значит, подслушали нас! Ударенья
Ясны и четки на тех же словах,
Что и тогда, в эту ночь увлеченья...
Память сбивается, на сердце страх!

Злая шарманка пилит и хохочет,
Песня безумною стала сама,
Мысль, погасая, проклятья бормочет...
Не замолчишь ты — сойду я с ума!

Слышу, что тянет меня на отмщенье...
Но ведь то время погасло давно,
Нет тех людей... нет ее!.. Наважденье!..
Глупый шарманщик все смотрит в окно!

≡
Мне ее подарили во сне;
Я проснулся — и нет ее! Взяли!..
Слышу: ходят часы на стене, —
Встал и я, потому что все встали.

*И брожу я весь день, как шальной,
И где вижу, что люди смеются,—
Мнится мне: это смех надо мной,
Потому что нельзя мне проснуться!*

*Какая ночь убийственная, злая!
Бушует ветер, в окна град стучит;
И тьма вокруг надвинулась такая,
Что в ней фонарь едва-едва блестит.*

*А ночь порой красотами богата!
Да, где-нибудь нет вовсе темноты,
Есть блеск луны, есть прелести заката
И полный ход всем чаяньям мечты.*

*Тьма — не везде. Здесь чья-то злая чара!
Ее согнать, поверь, под силу мне:
Готовы струны, ждет моя гитара,
Я петь начну о звездах, о луне.*

*Они всплывут. Мы озаримся ими —
Чем гуще тьма, тем будет песнь ясней,
И в град, и в вихрь раскатами живыми
Зальется в песне вешний соловей.*

НА РАУТЕ

*Людишки чахлае,— почти любой с изъяном!
Одно им нужно: жить и не тужить!
Тут мальчик-с-пальчик был бы великаном,
Когда б их по уму и силе чувств сравнить.
А между тем все то, что тешит взоры,
Все это держится усильями подпор:
Не дом стоит — стоят его подпоры;
Его прошедшее — насмешка и позор!
И может это все в одно мгновенье сгнать,
Упорно держится Бог ведает на чем!
Не молотом хватить,—
на биржу вексель кинуть —
И он развалится, блестящий старый дом...*

*В этой внимательной администрации,
Как в геологии — всюду слои!
Дремлют живые когда-то формации,
Видят отжившие грезы свои.
Часто разбиты, но изредка в целости
Эти слои! В них особенность есть:
Затхлые издавна окаменелости
Могут порой и плодиться, и есть!*

ПРО СТАРЫЕ ГОДЫ

Не смейся над песнею старой
С напевом ее немудреным,
Служившей заветною чарой
Отцам нашим, нежно влюбленным!
Не смейся стихам мадригалов,
Топорщенью фижм и манжетов,
Вихрам боевых генералов,
Качавшимся в такт менуэтов!

Над смыслом альбомов старинных,
С пучками волос неизвестных,
С собранием шалостей чинных,
Забавных, но, в сущности, честных.

Не смейся! Те вещи служили,
Томили людей, подстрекали:
Отцы наши жили, любили,
И матери нас воспитали!

≡

Не храни ты ни бронзы, ни книг,
Ничего, что из прошлого ценно,
Все, поверь мне, возьмет старьевщик,
Все пойдет по рукам — несомненно.

Те почтенные люди прошли,
Что касались бывшего со страхом,
Те, что письма отцов берегли,
Не пускали их памятей прахом.

Где старинные эти дома —
С их седьми как лунь стариками?
Деды где? Где их опыт ума,
Где слова их — не шутки словами?

Весь источен сердец наших мир!
В чем желать, в чем искать обновленья?
И жиреет могильный вампир
Урожаем годов оскуденья...

В ДЕНЬ ПОХОРОН СКОБЕЛЕВА

Что слышится сквозь шум и говор смутный
О том, что умер он так рано? Гость минутный
В тысячелетней жизни родины своей,
Он был как ветер, видимо попутный,
На мутной толчее встревоженных зыбей.
Исканье знамени, как нового оплота,
Ввиду поблекнувших и выцветших знамен,
Развернутых в толпе без цели и без счета —
Вот смысл того неясного чего-то,
Чем этот шум толпы за гробом порожден...

Каков бы ни был он, усопший — волей Бога,
В нем обозначились великие черты:
Ему был голос дан, среди общей немоты!
Он знамя шевельнул! Он видел, где дорога!
Он был живым лицом среди масок и гримас,
Был прочным обликом в видениях тумана...
Вот отчего тот клич: «Зачем, зачем так рано!»
Вот отчего та скорбь глубокая у нас...
Гроб унесен... Вопрос убийственный гнездится
При взгляде на живых, в неведенье конца:
Зачем у нас всегда так рвутся те сердца,
Которым заодно с народом любо биться?
Зачем у нас судьба все лучшее мертвит,
Безумцы мудрствуют, Христом торгует злоба,
Ликует часто смерть, шумят триумфы гроба,
А остальное все — иль лжет, или молчит?..
Что ж? Русским умирать не страшно и не жалко...
И, если суждено, мы сообща умрем, —
Но тяжким трауром полмира облечем
И вразумим живых величьем катафалка!..

≡
И холодной волной по железным бортам
Разбивается зыбь океана!
Только в меру ль ему и его глубинам
Сердца бедного жгучая рана?!
Нет! Плывет по тебе не живой богатырь,
Чтобы прославить красу боевую...
Нет! Останки везут, и темна твоя ширь
И баюкает мощь не живую!
Что мне в том, что я мал
И что мир так велик,
И что я побежденным остался!
Все ж я соколом был, к поднебесью привык
И к нему сколько мог порывался.
Да, я мал! Да, я слаб! Но велик был любить
И велик неисходной тоскою...
И тебе, океан, той тоски не покрыть
Всею черной твоей глубиною!

≡
Что тут писано, писал совсем не я, —
Оставляла за собою жизнь моя;
Это — куколки от бабочек бывших,
След заметный превращений временных.

△ души моей — что бабочки искать!
Хорошо теперь ей где-нибудь порхать,
Никогда ее, нигде не обрести,
Потому что в ней, беспутной, нет пути...

GOAL

Первое рудуправление. Соляное озеро.

ВОШУ

БУЛАТ ТЕМИРОВ
ФОТО ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

Первое, что слышит здесь приезжий человек: белкалий, белкалий, белкалий... Например, так: «А что бы делал белкалий без учителей, врачей, автомобилистов? Разве это справедливо?», «Белкалий летом своим сахар достал, а другие так и остались без варенья...».

Начинаю понимать, что загадочный белкалий — предприятие. То есть производственное объединение «Белорускалий».

А ведь когда-то этот самый «Белкалий» назывался просто и хорошо: Солигорский калийный комбинат.

«Фабричным не даем!»

Таких городов у нас много. Которые не сами по себе, а при чем-то состоят. При заводе, фабрике, шахте... Тридцать с лишним лет назад начали разрабатывать месторождение калийной соли близ маленького Слуцка — когда-то столицы древнего Слуцкого княжества, заложили рудники, фабрики, вырабатывающие калийные удобрения... А в центре громадного круга, очерченного на плоской земле горами терриконов, вырос город Солигорск. Здесь все принадлежало калийному комбинату: дома и улицы, ясли и сады, столовые и буфеты, клубы и ансамбли, музыкальные и художественные студии, водопроводы и котельные, вода горячая и вода холодная... Проще сказать языком канцелярским: до прошлого года город состоял на балансе калийного комбината.

Понятно, что шахтеры здесь как бы главные люди. Все лучшее им. Они сами покупают, что надо, поскольку напрямую ведут торговлю с любой границей. Конечно, при нынешнем всеобщем дефиците это особенно бросается в глаза. Но

надо сказать, что ожесточенных пересудов по сему поводу нет: процветает тихий и мирный бартер. Здесь же, в городе, работают трикотажная и швейная фабрики, выпускающие добротную одежду. Так что все автобусные остановки пестрят объявлениями с самыми фантастическими предложениями. В общем, меняю два шила на одно мыло, но непременно импортное...

В утешение же и для поднятия настроения тем, кому нечего менять, скажу, что и там, внутри шахтерской империи, тоже, по неистребимой советской привычке, делятся на своих и не своих. Так, в рудничной столовой буфетчица кричит женщинам, стоящим в очереди за фаршем: «А фабричным давать не будем, идите в свою столовую!», — хотя и рудник, и обогатительная фабрика не просто соседи, но принадлежат одному хозяину, калийному комбинату. Но, повторюсь, никакого ожесточения при этом нет, кричит она скорее для тренировки, чтобы не утратить боевого духа. Да и чего там «не дам!», когда рядом, в двухстах метрах, во второй рудничной столовой тот же фарш лежит без всякой очереди.

Спор

Третий горизонт — это шестьсот с лишним метров вниз, под землю. Клеть опускается стремительно, под разбойный свист ветра. В шахте четыре ствола. Через три поднимается наверх руда, а четвертый — для спуска людей. Он же вентиляционный. Потому и гудит здесь ветер. Нужен мощный напор, чтобы обеспечить обмен воздуха в лабиринтах подземного мира, в штреках, протянувшихся в разные стороны на десятки километров.

В углу клетки о чем-то спорят две девушки, маркработчие, и пожилой взрывник. Продолжают они что-то доказывать друг другу и в машине, в оранжевом электро-мобиле, на котором мы едем по штрекам на дальний участок.

— Да не может такого быть! — горячится взрывник. — Трикотажная фабрика план выполняет, швейная выполняет, а где оно все?

— Как они могут выполнять, если там все тащат? — удивляются девушки. — Нитки — сумками, ткань — мешками.

— А вы откуда знаете?

— Оттуда! В одном ведь городе живем...

— От черт! — радуется взрывник. — Хорошо, у нас нечего тащить!

— Да ты * что, смеешься? — удивляются девушки. — И у нас тащат! Аккумуляторные батареи с лампами, доски, кабель целыми кусками...

Машина останавливается. Взрывник выходит. Оборачивается к нам, смеется:

— А мне и тащить нечего! Утащишь взрывчатку — так ведь посадят!

И уходит в глубь штрека, высвечивая лампой красные мраморные стены.

Опасная работа

Шахтеры не любят говорить об опасностях своей профессии, во всяком случае, с посторонними.

Николай Кернажицкий размахивал руками, смеялся, грозился уйти в скором времени, потому что такая работа здоровья не прибавляет, но что он имеет в виду под «здоровьем», прямой смысл или переносный, так и осталось неясным.

Володя Лобанов прямо сказал,

что никакого настроения нет идти в забой, когда лава дышит, когда под давлением шестисотметровой толщи обрушивается свод...

Да уж, конечно, тут не до веселья. Но потом Володя пояснил: нет настроения потому, что в случае обвала забой приходится расчищать вручную, а кому это понравится. Вот и пойми его...

Красивые, высокие, бело-красно-розовомраморные штреки, напоминающие станции московского метро, с двух сторон охватывают лаву, пласт калийной соли. Между двумя штреками пробивается узкий туннель, забой, по которому и ходит комбайн, срезая фрезой руду, углубляясь в лаву. А вслед за ним, опять же на всю длину забоя, передвигаются гидравлические ноги опор. Железные плиты толщиной в десять сантиметров и площадью с квадратный метр подпирают потолок забоев, держат давление земной толщи.

На одном из поворотов длинного штрека Женя Ищенко, начальник участка, остановился:

— Вот здесь погиб шахтер, трактором придавило... Цветы тут долго лежали, тут ведь микробов нет, вот они и сохраняются.

А чуть раньше, в другом штреке, погибли два молодых парня. Их трое было, они отстали от бригады, позже вышли из забоя и догоняли своих. На них-то и обвалилась с потолка штрека пластина руды... Один остался жив, а двое погибли. Совсем молодые, только после армии.

В шахте не проходит ни одного года без смертей. Считается, что здесь, в соляных забоях, несчастных случаев мало, а вот на угольных, в Донбассе, на Кузбассе, там да, там действительно... Но ведь это разговор наш, чисто советский, «много» или «мало», как будто трагедия перестает от этого быть трагедией. Однако никто не

Солигорск: город над шахтами...

считает шахту неким чудищем, не делает из нее всепожирающего молоха.

Женя Ищенко, Николай Кернажицкий и Володя Лобанов относятся к подобным разговорам с невозмутимостью, свойственной людям молодым, тридцатилетним.

Но однажды, когда мы поднялись на поверхность, в сумрачный зимний день Женя вдруг сказал:

— Летом хорошо: выходишь из-под земли — солнце, зелень кругом. Сразу настроение меняется...

По долларам ходим, в золоте спим

Ирина Куцухо местная, солигорская, кажется, из деревни Чижевичи. Пока жила в родительском доме, все было нормально. Подалась на учебу в Минск, приехала на первые каникулы — и стала

вдруг задыхаться. Кашляет, все жилы напрягаются. А в Минске, в чужом, неродном ей доме, хоть бы что, дышит, живет...

Это астма, одна из самых коварных, труднолечимых болезней. У нее сотни возбудителей, сотни показаний и противопоказаний. И никто точно не знает, как и что может помочь. Я встречал людей, которые всю страну объездили, у всех врачей перебивали, и впустую...

Так бы и заказан был Ирине с восемнадцати лет порог родного дома, если бы здесь же, в Солигорске, на первом руднике, не открыли спелеолечебницу, каких в мире раз, два — и обчелся. Подземную, соляную. Сюда приезжают люди со всей Белоруссии, праведными и неправедными путями пробиваются больные из других республик.

Тут ведь лечение особое. Весь день люди предоставлены самим

себе. А вечером их привозят на рудник, опускают на второй, отработанный горизонт, где добычи руды уже нет, где в штреках сделаны большие камеры-комнаты, поставлены кровати, и укладывают спать. Больные дышат соленым воздухом и за один-два курса начисто излечиваются от любой, самой тяжелой астмы.

Отработанный шахтный горизонт — это уникальная лечебница на тысячи, десятки тысяч мест.

Астма — болезнь века. Во всем мире от нее страдают миллионы людей. Любые доллары заплатят, лишь бы попасть в Солигорск. Но принять их город не может: ни гостиниц, ни дорог, ни персонала, ни поликлиники — ничего нет. И долго, очень долго еще не будет. А между тем, говорят знающие люди, стоит только выбрать солидную зарубежную фирму, заключить с ней договор на совместную эксплуатацию уникальной

подземной лечебницы — и все появится, возникнет моментально.

Все можно сделать. Если только не возобладает угрюмый комплекс «собаки на сене»: своих лечить не можем, но и за границе не позволим дышать нашим воздухом, лучше быть нищим, чем делиться хоть частью прибыли с капиталистами...

Может быть и такое. И если победит «собака на сене», то я предлагаю в многокилометровых штреках устроить овощехранилища и продуктовые склады: в соляном воздухе нет микробов, и полная сохранность нашей картошки гарантируется!

Загадочный город

Конечно, я заранее знал, как должен выглядеть Солигорск. Как и все металлургические, шахтерские, нефтяные, рудничные горо-

Юрий Егорович Шашков, он же — Натрий Хларыч

«Перекур» в забое.

да. Двадцать или тридцать дымящихся труб, площадь с монументальными зданиями производственного управления и горкомагорисполкома, гостиница и кинотеатр, вокруг — район облезлых панельных пятиэтажек, а все остальное, до самого горизонта, — бараки, развалюхи, засыпухи, времянки, землянки, копаи, нахаловки, шанхай. В общем, трущобы социализма.

А что такое настоящий Солигорск — рассказать трудно.

Хоть население сто двадцать тысяч — это очень даже немало, город необыкновенно компактен: встань на любую улицу — и в обе стороны на просвет виден горизонт, за десять — пятнадцать минут Солигорск можно пройти из конца в конец. То есть город растет вверх, а не расплзается вширь. Прямые аккуратные улицы, аккуратные дома, аккуратные люди. Попробуйте представить себе город, в котором ничто ни в центре, ни на окраине не вызывает у вас раздражения и глухой тоски, где нет мусорных свалок посреди площадей, где даже на обочине дороги днем с огнем не найдешь брошенной, разбитой вдрызг железобетонной плиты с торчащими ржавыми прутьями арматуры...

Допустим, это всего лишь порядок, который соблюдается горисполкомом во главе с мэром Юрчиком, о котором я еще расскажу. Но ведь и Юрчик с командой не на пустом месте возникли. Еще до них, изначально, заложена была традиция, система. Ну, представьте, если сможете, шахтерский, рудничный, горняцкий город, где нет и не было ни одной землянки, времянки, засыпухи, где не знают, что такое шанхай, копай и нахаловки, где не употребляется такое слово, как «слободка»!

...С самого первого дня, с само-

го первого фундамента город строился как надо, как должно быть — навечно, навсегда, чисто и красиво.

Вот это и поражает больше всего. Вот это и есть самая большая загадка Солигорска.

Иногда я думаю: может, секрет в том, что Солигорску повезло на хороших, умных и твердых начальников. Мы-то по всем правилам нового, демократического тона костерим их на чем свет стоит, но должен сказать, что бывают в природе умные и хорошие начальники. И даже бывает так, что их большое количество собирается в одном месте, как это и случилось, по моему мнению, в Солигорске.

Вспомним же тех, первых, заложивших основы, ушедших уже, добрым словом. Скажем о нынешних. И обязательно — о Юрчике.

Человек, которому надо поставить памятник

Это — Юрчик Николай Федорович, нынешний мэр Солигорска. С виду он такой, понимаете ли, завхоз, прораб, который все знает и все видит насквозь, которого не обманешь и у которого каждый гвоздь на учете, поскольку лично ему знаком. Так он и был прорабом, Юрчик. А потом — начальником домостроительного комбината. Лучшего в стране, между прочим.

Наверно, поэтому и сошлись депутаты Солигорска на нем, на Юрчике, пришли уговаривать. И — уговорили.

Не берусь судить, что и как получается у Юрчика вообще, но мне кажется, безусловного памятника себе Юрчик заслужил тем, что он ликвидировал протечки.

Он собрал всех предпринимате-

лей, кооператоров, словом, деловых людей города и сказал: если вы хотите, чтобы вас уважали, возьмитесь-ка дружно за это большое дело! И кооператоры взялись. И — ликвидировали. В этом году ни в горисполкоме, ни в редакциях газет еще не зарегистрировано ни одной жалобы на то, что в том или ином доме течет с потолка.

Вот и судите теперь сами, достоин Юрчик памятника или нет.

Курорт

Как бы ни ругали издержки нынешней демократии, почему-то путая их, издержки, с самой сутью демократии, а всем видно, как разительно изменилась жизнь.

Что бы сказали раньше правители Слуцка, Солигорска и Любани в ответ на постановление правительства о строительстве здесь, на границе их районов, завода кальцинированной соды? Завода, вокруг которого простирается мертвая земля. Да уж наверняка долго и пламенно благодарили бы за оказанную честь.

А теперь не то. Нынешние правители, мэры, первыми и подняли бунт. Тут и своей химии достаточно. Четыре рудника, четыре громады терриконов, сотни миллионов тонн соли, перемешанной с породой, — уже угроза всему живому. Снег и дожди размывают соль, текут с гор натрий-хлорные ручьи, их отводят в специальные озера с непроницаемым дном, чтобы не просачивались, не попадали в грунтовые воды.

Пока справляются. По берегам соляных озер растет зеленая трава. Синим зеркалом раскинулось водохранилище, где не переводятся раки. Рак — живой индикатор, если в реке что неладно, он вымирает первым. А здесь — живет... Но, конечно, не только рыбой.

грибами и ягодами одаряет солигорцев их земля, за чистоту которой они воюют сейчас с правительством. Тут есть и другой резон. Почти все они, теперешние горожане, народ сельский. В окрестных деревнях остались у них дома, усадьбы родителей, сестер, братьев. Живая земля, от которой они не отвыкли. А приезжие давно уже обзавелись дачами, огородами в недалеких окрестностях или купили в селах заброшенные дома.

Так что и картошкой, и огурчиком, и всем прочим солигорец обеспечивает себя сам. Есть в такой жизни не просто основательность, но — уверенность в завтрашнем дне. Как говорит одна фабричная женщина: «Мы-то здесь проживем, нам бы еще немного промтовара!»

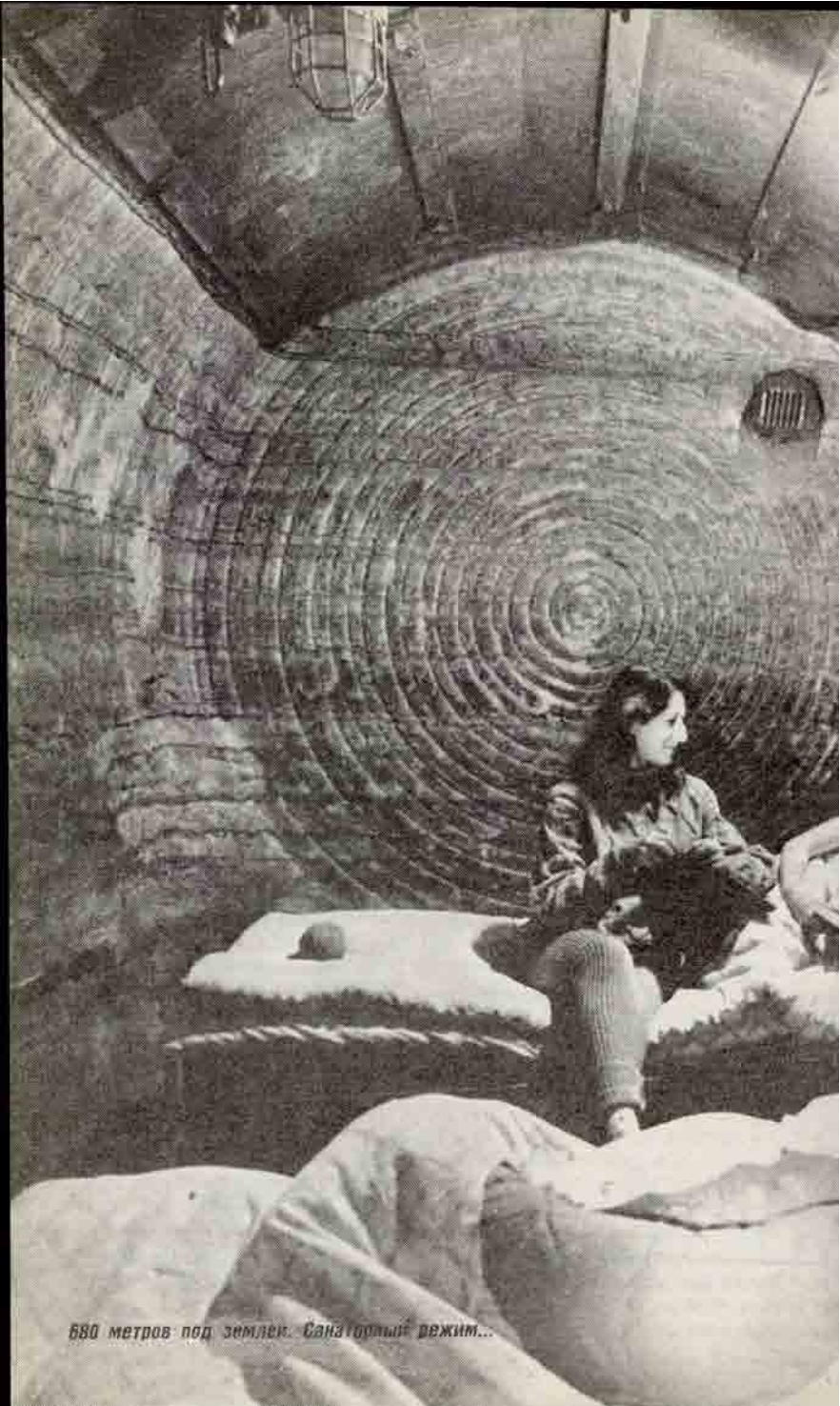
Забастовка

Тихий, благополучный Солигорск не остался в стороне от штормов и бурь политики, от накала рабочего движения. Здесь тоже бастовали. И после апрельского повышения цен при Павлове, и после январской либерализации уже при Ельцине и Шушкевиче.

(Бастуют и сейчас, в марте, когда пишу эти строки...)

Но когда калийщикам после первой забастовки вдвое подняли зарплату, почти все заметили: работать стали хуже. Ни шатко ни валко, через силу, через не хочу и не могу...

По словам Фомина, директора обогатительной фабрики, у них есть все возможности для выполнения плана хотя бы по двум показателям: по валу и по прибыли. А это значит, что будут премии, месячный заработок возрастет в полтора раза! Но после забастовки фабрика не выполнила еще ни одного квартального плана. Как

680 метров под землей. Санитарный режим...

будто все дружно поняли и решили: а чего горбатиться, мы свое и так получили...

Похвала крепостничеству

Мы всегда жили словно крепостные. Квартира ведомственная, сам работает в забое, жена — в рудничной столовой, сын — в заочном техникуме при комбинате, внук — в рудничном детсадыке...

Но даже в расцвет командно-административной системы не было такого, чтобы комбинат обеспечивал своим рабочим мясо и колготки, пальто и линолеум, котлеты и галоши... А на швейной фабрике, например, директор Ковалевич в придачу ко всему добывает для своих женщин еще и косметику. Они на него молятся: от скольких житейских проблем в нынешние нелегкие времена спасает их фабрика.

Заводы, комбинаты, рудники, словом, производственная структура — это, наверно, единственное, что еще у нас действует и к чему люди могут прислониться в штормовое переходное время. Рыщут по стране добытчики с предприятий, доставая, уговаривая, выбивая сырье, запчасти, гайки-болтики, чтобы не остановилось производство, чтобы люди могли зарплату получать. Мало того, теперь еще надо для них же, для своих рабочих, завозить сахар и стиральный порошок, куртки и колготки, костюмы и телевизоры...

Так что же это получается, братцы? Рыночники — а все мои симпатии на их стороне — жесткой рукой швырнули страну в штормовое море реформ, практически без шлюпок, без спасательных кругов

и поясов, а поддерживает людей, помогает им выжить в нелегкое время старая, добрая, разруганная вдрызг административно-командная система?!

Наверно, есть здесь своя диалектика, неподвластная моему уму. Меня же другое заботит, когда мы доплывем до светлого капиталистического берега, когда наши рыночники скажут нам: «Ну вот, а вы боялись!», не забыть бы тогда и вспомнить добрым словом наш проклятый производственный феодализм.

Натрий Егорович

Юрий Егорович Шашков — живой персонаж из производственного романа. Да и ситуация сама — прямо-таки цитата из тех самых романов. Не когда-нибудь, а именно под Новый год, 31 декабря, комбайн достиг расчетного пласта — и Шашков, не помня себя, полетел в забой, схватил сверкающий кристаллический ком и с первого же взгляда понял: «Есть! Все! Теперь никто меня не назовет трепачом!»

Все последние годы Шашков «мутил воду», «баламутил народ», доказывая, что здесь можно и надо добывать пищевую соль. Ведь в городе, который называется Солигорск, на самом деле соли нет. Здесь добывается калийная соль, из которой делают калийные удобрения, но для нас-то, в нашем-то понимании соль — это... соль.

Но это — к слову. Суть же в том, что пищевая соль, точнее, каменная и калийная — идут параллельными пластами. Каменная — очень грязная, с примесями, и в пищу, конечно, не годится. Очищать ее очень сложно, дорого, овчинка выделки не стоит. А Шаш-

Такие люди

ков доказывал, что есть почти чистые пласты, надо разведать, попробовать, в конце концов для начала можно добывать и продавать кормовую соль, ту, что идет на засолку мяса, рыбы. Та же Прибалтика, рыбный край, с руками оторвет, любые деньги заплатит. Да во всем мире самый ходовой продукт — соль, по золоту ходим.

И доказал. Но главное, конечно, в том, что повернулась сама жизнь. Иначе так бы и бились Шашков с друзьями словно рыба об лед и ничего, кроме сочувствия или иронии, не получили. А сейчас даже общая грядущая беда пришла им, да и всему городу, как нельзя кстати. Ведь нынче совхозы и колхозы не раскупают калийные удобрения с прежней широтой души за казенный счет. Хоть миллионы, хоть миллиарды тонн гони — все брали и за все платили. Теперь же заказы минимальные, калийное производство сокращается, и впереди маячит призрак безработицы. Громадной, пугающей, потому что ничего другого, кроме рудников да обогатительных фабрик, здесь нет. А тут, с разработкой пищевой соли, перед всеми открывается новая жизнь. Между прочим, очень богатая жизнь, с абсолютной уверенностью в завтрашнем дне, потому что на будущее, на отдаленное будущее, под третьим горизонтом, на большой глубине обнаружены вообще неисчислимы запасы каменной соли. Всеми миру хватит на все века.

Калийная соль — хлористый калий. Пищевая же — хлористый натрий. Вот почему Шашкова Юрия Егоровича давно уже на комбинате зовут не иначе, как Натрий Егорович...

Что же касается производственных романов, дружно и заслуженно осмеянных в свое время, то надо тем не менее знать и помнить, что их герои — люди невыдуманные. В основе, в сути, в производственной одержимости. Ведь действительно про все забывали за-ради какого-нибудь цеха или процесса, и с курортов действительно сбегали к мартенам и прокатным станам. И ничего в этом смешного, ненормального или показушного нет. Просто люди себя так реализуют, и любая другая жизнь им просто-напросто неинтересна, скучна. Их и сейчас много, фанатичных производственников, занятых только и единственно делом. Раньше мы к ним относились по-разному, а теперь понимаем, что именно на них-то многое, очень многое держалось и держится.

И слава Богу, что такие люди были и есть.

ГРЕГОРИ МАКДОНАЛЪД

ЖРЕБНИ

Рисунки БОРИСА СОПИНА

ПЛЕСТИЧА

— ЦРУ, мистер Флетчер.

— Угу. Вас не затруднит расшифровать, что это такое?

Войдя в прохладную темноту гостиной, ослепший после яркого солнца Флетч замедлил шаг. Пахло сигарным дымом. Двое мужчин, он видел лишь контуры фигур, расположились в его гостиной. Один — на диване, второй — в кресле.

— Центральное разведывательное управление, — пробурчал один из незваных гостей.

Голые ноги Флетча прощлепали с мраморного пола на ковер.

— Извините, друзья, вы ошиблись номером. Флетч в отлучке. Но он позволил мне попользоваться его хибарой. — Флетч протянул руку сидящему на диване. — Всегда чувствую себя не в своей тарелке, представляясь кому-либо в плавках, но на Ривьере это дозволительно, не правда ли? Моя фамилия Эрбатнот. Фредди Эрбатнот.

Мужчина на диване не пожал его руку.

Мужчина в кресле пренебрежительно фыркнул.

— Вы не Эрбатнот, — разлепил он губы.

— Не Эрбатнот? — переспросил Флетч.

— Нет, — кивнул мужчина.

Глаза Флетча уже освоились, и он мог различить рисунок на галстуках мужчин.

Гостиная, казалось, пропиталась сигарным дымом. В пепельнице лежали два окурка. Третья сигара, выкуренная наполовину, продолжала дымиться. С пепельницей на столике соседствовала фотография: улыбающийся Флетч в форме военно-морского флота США.

— О Господи, — выдохнул Флетч.

— Не хотели беспокоить вас на пляже, — добавил мужчина в кресле. — Вы так мило возились на песке с вашей подружкой.

— Восхитительное зрелище, — подтвердил его напарник.

Оба были в костюмах, правда, расстегнули верхние пуговицы рубашек и ослабили узлы галстуков. Лица их блестели от пота.

— Позвольте ваши удостоверения.

На этот раз Флетч протянул руку тому, кто сидел в кресле.

Мужчина раздумчиво посмотрел на Флетча, словно прикидывая, насколько серьезны его слова, затем откинул полу пиджака и вытащил бумажник из правого заднего кармана.

На развороте слева красовалась его фотография. Справа значилось: «ЦЕНТРАЛЬНОЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ, Соединенные Штаты Америки», несколько подписей, дата, имя и фамилия мужчины: Эггерз, Гордон.

— Теперь вы. — Флетч повернулся к сидящему на диване.

Того звали Ричард Фейбенс.

— Эггерз и Фейбенс. — Флетч вернул бумажники владельцам. — Вы не будете возражать, если я выберусь из мокрых плавков и приму душ?

— Отнюдь. — Эггерз поднялся. — Но сначала давайте поговорим.

— Кофе?

— Если бы мы хотели кофе, то сварили бы его сами,— встал и Фейбенс.

— Наверное, это неотъемлемая часть подготовки агента ЦРУ,— предположил Флетч.— Входить без разрешения в чужой дом и варить кофе. Не желаете ли «Кровавую Мэри»? Или что-то другое, для поднятия настроения в воскресный день?

— Достаточно, Флетчер. Вам нет нужды выгадывать время на раздумья.— Палец Эггерза уперся в грудь Флетча.— Все равно вы сделаете то, что вам скажут. Ясно?

— Да, сэр! — прокричал Флетч ему в лицо.

Неожиданно правая рука Эггерза сжалась в кулак и врезалась в живот Флетча, аккуратно в солнечное сплетение, да еще с удивительной для столь короткого замаха силой.

Флетч рухнул в кресло, жадно лова ртом воздух.

— Хватит болтовни, Флетчер.

— Однажды я поймал рыбу.— Фейбенс поднес сигару ко рту и с наслаждением затянулся.— Когда я вытащил ее на палубу, она все еще билась и пыталась сорваться с крючка. Мне пришлось стукнуть ее по голове, и не один раз, прежде чем она уgomонилась.— Он выпустил струю дыма Флетчу в глаза.

— Угу,— пробормотал Флетч.

— Вас мы тоже должны бить по голове, Флетчер? — осведомился Фейбенс.

— Все лучше, чем сигарный дым.

Голос Эггерза помягчел.

— Так вы намерены выслушать нас, Ирвин?

— Эль Чип-о,— определил Флетч марку дешевых сигар Фейбенса.

Повернувшись к дверям и оглядев пляж, Фейбенс спросил:

— А что случилось с вашей подружкой? Куда она ушла?

— К себе.— У Флетча уже восстановилось дыхание.— Она живет в соседнем доме. С мужем.

Он успел поднять голову и заметить, как переглянулись Эггерз и Фейбенс.

— С мужем?

— Он встает поздно. По воскресеньям.

— О Боже,— выдохнул Эггерз.

— А вы, значит, в это время забавляетесь,— добавил Фейбенс.

Флетч полностью пришел в себя и устроился в кресле поудобнее.

— Ладно, парни. Зачем вы пожаловали ко мне?

— Есть одна работенка.— Эггерз потер руки.

— А вы просто созданы для нее,— пояснил Фейбенс.

— Какая работенка?

— Вы слышали об Ассоциации американских журналистов?

— Да.

— Они проводят ежегодный конгресс.

— И что?

— Вот вы и поедете на него.

— Послушайте, я уже не пишущий журналист. Я безработный. И больше года ничего не печатаю.

— Как это не печатаете? — нахмурился Эггерз. — А статья в «Бронсоне» в прошлом месяце?

— Так то о картинах Капшоветти.

— И что? Журналисты пишут и о картинах.

— Дерьмо, оно всегда дерьмо, — резюмировал Фейбенс.

— Надеюсь, ваша сигара вас доконает.

— Так вы едете, — гнул свое Эггерз.

— Но я даже не состою в ААЖ.

— Состоите, — возразил Эггерз.

— Состоял, — поправил его Флетч.

— Состоите и теперь.

— Я давно не плачу взносов. Собственно, никогда не платил.

— Мы оплатили ваши взносы. Вы — полноправный член ААЖ.

— Вы оплатили мои взносы? — переспросил Флетч.

— Вот именно, — последовал ответ.

— Как вы предусмотрительны.

— Не берите в голову. — Фейбенс выпустил струю дыма. — Для нас это пустяк.

— Вы могли бы потратить эти деньги на более дорогие и не такие вонючие сигары. Лучше кубинские.

— Я на государственной службе. — Фейбенс весь подобрался. — Или вы забыли, какие у нас с ними отношения?

— Конгресс открывается завтра. — Эггерз направил разговор в нужное русло. — Неподалеку от Вашингтона. В Вирджинии.

— Завтра?

— Мы не хотели давать вам время на раздумье.

— Ничего не выйдет.

— Завтра, — подтвердил Фейбенс. — И вы там будете.

— Завтра у меня деловой ленч в Генуе. А в четверг я лечу в Рим на выставку.

— Завтра, — повторил Фейбенс.

— У меня нет билета. Я не собрал вещи.

— Ваш билет у нас, — отмел Эггерз довод Флетча. — А вещи вы соберете сами.

Флетч наклонился вперед и уперся локтями в колени.

— Ладно. Что от меня требуется?

— В аэропорту Вашингтона вы подойдете к автоматической камере хранения у стойки «Транс Уорлд Эйрлайнс»*. — Фейбенс вытащил из кармана ключ и посмотрел на него. — Ячейка 719. Из ячейки вы достанете довольно-таки тяжелый чемодан.

— С подслушивающим оборудованием, — добавил Эггерз.

— Нет! — воскликнул Флетч.

— Достанете. — Фейбенс положил ключ на кофейный столик.

— Никогда!

— Спорить тут не о чем, — отрезал Фейбенс. — Из аэропорта другим самолетом вы полетите в Хендрикс, штат Вирджиния, на старую Плантацию Хендрикса, где, собственно, и будет прохо-

* Одна из крупнейших авиакомпаний, сокращенно ТУЗ (здесь и далее прим. переводчика).

дить конгресс, и незамедлительно установите микрофоны в комнатах своих коллег. Даже не знаю, стоит ли называть так то дерьмо, что, подобно вам, составляет четвертую власть.

— Этому не бывать.

— Будет именно так и не иначе. В коричневом чемодане, а нам пришлось попотеть, чтобы найти чемодан точь-в-точь, как ваши, будет также записывающий блок и достаточный запас ленты. Вы будете записывать сугубо личные разговоры наиболее значительных журналистов Америки.

— Да вы просто психи.

Эггерз покачал головой.

— Отнюдь.

— Вы психи. — Флетч встал. — Вы сказали мне больше, чем следовало. Идиоты! Вы подарили мне сенсацию. — Флетч схватил ключ с кофейного столика. — Один мой звонок, и через тридцать шесть часов о ней будет говорить весь мир.

Флетч попятился с ковра на мраморный пол.

— Можете выдыхать сигарный дым мне в лицо. Ключ я вам не верну.

Фейбенс улыбнулся, держа сигару на уровне груди.

— Мы сказали вам далеко не все. Точнее, самую малость.

— Чего же вы мне не сказали?

Эггерз печально покачал головой, словно сожалея, что придется прибегнуть к подобному средству.

— Нам есть, чем вас прижать.

— Неужели? Я не священник и не политик. Так что мне нет нужды заботиться о своей репутации.

— Налоги, мистер Флетчер.

— Что?

— Налоги, — повторил Фейбенс.

— А при чем тут налоги?

— Вы их не платили.

— Ерунда. Я всегда платил налоги.

— Не ерунда. — Фейбенс сбросил пепел в пепельницу. — Попробуйте встать на наше место. Ваши родители жили в штате Вашингтон в достатке, конечно, но едва ли можно назвать их богачами.

— Они честные, хорошие люди.

— Совершенно справедливо. Очень хорошие, милые. А вот вы живете на вилле в Канья, в Италии, любуетесь через окно Средиземным морем, ездите на «порше» и... не работаете.

— Я ушел на пенсию молодым.

— А когда вы работали, то не платили федеральных налогов.

— У меня были большие расходы.

— Даже не представляли декларацию. Ни разу.

— Я медленно считаю.

— Со счетом ему управиться трудно. — Фейбенс посмотрел на своего напарника. — Деньги у него и в Рио, и на Багамах, и в Италии. О Швейцарии я и не говорю.

— Все потому, что я очень тревожусь за свое будущее.

— И правильно делаете, — покивал Фейбенс. — Учитывая сложившиеся обстоятельства.

— Ну, хорошо. Я не платил налогов. Я покрою задолженность, оплачу и штраф, но потом позвоню в газеты и расскажу о вашем намерении расставить подслушивающие устройства в комнатах ведущих журналистов Америки и записать на пленку их разговоры на съезде.

— Уклонение от подачи налоговой декларации — преступление, мистер Флетчер, карающееся тюремным заключением.

— И что? Пусть меня поймают.

Эггерз сидел в кресле, заложив руки за голову.

— Вот мы вас и поймали, — улыбнулся Фейбенс.

— Ха! Вам меня никогда не догнать.

— Мистер Флетчер, хотите, я скажу, почему вы не заполняли налоговую декларацию?

— Так почему я не заполнял налоговую декларацию?

— Потому что не можете указать, откуда у вас взялись такие деньги.

— Я как-то проснулся, а они лежали на моей кровати, в ногах. Эггерз рассмеялся и посмотрел на Фейбенса.

— Наверное, так оно и было.

— Вам следовало сообщить об этом, — улыбнулся и Фейбенс.

— Я сообщу.

— Вашего репортерского заработка, а других легальных источников дохода у вас не было, хватило бы разве что на «порше».

— Кто признается в карточных выигрышах?

— Где вы взяли деньги? Больше двух миллионов, возможно, и три?

— На Багамах я увлекся подводным плаванием и нашел испанский галеон, груженный золотыми слитками.

— Да тут целый букет преступлений. — Фейбенс положил окурок в пепельницу. — Десять, двадцать, а то и тридцать лет тюрьмы.

— Может, к тому времени, как он выйдет на свободу, женщина, что живет в соседнем доме, разведется, — рассмеялся Эггерз.

— Ох, Гордон, — обратился к нему Фейбенс, — мы забыли сказать мистеру Ирвину Морису Флетчеру, что в одном кармане у меня лежит билет «ТУЭ» до Хендрикса, что в штате Вирджиния, а в другом — документы, оформленные в полном соответствии с имеющейся между США и Италией договоренностью о выдаче преступников.

Эггерз хлопнул себя по колену.

— А я, Ричард, припас для него пару отличных итальянских наручников.

Флетч сел.

— Послушайте, они мои друзья. Вы хотите, чтобы я записывал разговоры моих друзей?

— Я думал, у хорошего журналиста не может быть друзей, — процедил Фейбенс.

— Просто другие журналисты, — пробормотал Флетч.

— У вас нет выбора, Флетчер, — подвел черту Эггерз.

— Черт! — Флетч вертел в руках ключ от ячейки. — Мне-то

казалось, что ЦРУ перестало этим заниматься. Внутренний шпионаж, присматривание за журналистами...

— Вы все правильно поняли, Флетчер,— покачал головой Фейбенс.— Мы лишь стараемся наладить отношения с общественностью. Нам это дозволено. Вот мы и хотим найти друзей среди американских журналистов.

— Другой цели у нас нет,— заверил Флетча Эггерз.— Зная об их частных проблемах, мы, при случае, поможем их разрешить.

— Кроме их дружбы, нам ничего не нужно,— продолжил Фейбенс.— Особенно дружбы Уолтера Марча. Вы его знаете?

— Издатель. «Марч ньюспейперз». Одно время я у него работал.

— Совершенно верно. Очень влиятельный человек. Но вы скорее всего понятия не имеете о том, что происходит в его спальне.

— Мой Бог! — ахнул Флетчер.— Да ему больше семидесяти.

— И что? — Эггерз, похоже, полагал, что для мужчины это не возраст.— Я читал в книге...

— Уолтер Марч,— прервал его Фейбенс.— Мы очень хотим подружиться с Уолтером Марчем.

— Допустим, я выполню вашу просьбу. Что потом? — спросил Флетч.— Я отправлюсь в тюрьму?

— Нет, нет. Все ваши налоговые неурядицы исчезнут как по мановению волшебной палочки. Они утонут в Потомаке и уже никогда не вынырнут на поверхность.

— Как так?

— Мы об этом позаботимся,— ответил Эггерз.

— Могу я получить письменные гарантии?

— Нет.

Фейбенс положил на стол фирменный конверт «ТУЭ» с билетом.

— Генуя, Лондон, Вашингтон, Хендрикс, Вирджиния. Ваш самолет вылетает в четыре часа.

Флетч глянул на загорелую руку.

— Мне нужно принять душ.

Эггерз рассмеялся.

— Нелишне надеть и брюки.

— Как я понял, вы решили вернуться домой без наручников? — уточнил Фейбенс.

— Вы сами сказали, что у меня нет выбора,— огрызнулся Флетч.

ГЛАВА 2

— Значит, ты решил шпионить за элитой американской журналистики? Только лишь потому, что кто-то попросил тебя об этом? Интересная мысль.

Голос Джиббса едва прорывался сквозь помехи. Когда Флетч звонил из Лондона, слышимость и то была лучше.

В другом конце зала ожидания Национального аэропорта духовой оркестр заиграл «Америку».

Флетч ногой вытолкнул коричневый чемодан, который чуть

раньше достал из ячейки 719, и захлопнул дверь телефонной будки.

— Флетч?

— Я здесь. Закрывал дверь.

— Ты уже в Вашингтоне?

— Да.

— Долетел хорошо?

— Нет.

— Мне тебя жаль. А что случилось?

— Сидел рядом с методистским священником.

— А что плохого в том, что твоим соседом оказался методистский священник?

— Ты что, шутишь? Его самодовольство росло с каждым футом подъема.

— О Господи, Флетч!

— Вот-вот, он разве что не представлялся Иисусом Христом.

— Ты еще можешь спеть пару строчек гимна Северо-западного университета?

— Я бы и раньше с этим не справился.

Студентом Дон Джиббс верил в футбольную команду (играл в основном составе), пиво (выпивал ящик в промежутке между субботним вечером и утром понедельника), машины фирмы «Шевроле» (ездил на сине-желтом «седане»), методистскую церковь (для женщин и детей) и прикладную физику. В студенческом городке они с Флетчем жили в одной комнате.

— Из университета я вынес только одно,— прокричал Флетч в трубку.— Все мои наименее удачливые сокурсники пошли работать в государственные учреждения.

— Кто кому звонит? — Джиббс даже осип от негодования.— Ты — мне или я — тебе? Ты просишь о помощи или я?

— Остынь, Дон. Сегодня утром ты забыл принять античувствительную пилюлю.

— Меня тошнит от вашего брата-журналиста, поливающего нас грязью во всех газетах. Но стоит у вас вскочить прыщiku, вы бежите к нам, заливаясь горячими слезами.

— Не болтай ерунды, Дон. Я никогда не цеплял тебя в своих статьях. Ты слишком мелкая сошка.

— Неужели?

Точно в такой же манере, семнадцатилетними, они спорили в одиннадцать часов вечера, кому первому идти в душ. Флетча бесила привычка Джиббса двадцать минут стоять под струей. Джиббс терпеть не мог запотевших зеркал.

— Да. Более того, я не прошу тебя об услуге. Я лишь задаю тебе вопрос.

— Зато какой вопрос, Ирвин Морис! Имеешь ли ты юридическое право шпионить за цветом американской журналистики? Нет! Абсолютно нет! — Джиббс понизил голос.— Но, честно говоря, Ирвин Морис Флетчер, я подозревал, что ты всегда именно этим и занимался.

— Забавно, забавно.— Флетчу пришлось хохотнуть, чтобы показать Джиббсу, как он ценит юмор.— С каких это пор ты стал адвокатом? Я не просил совета. Я и сам знаю, что тайком

записывать разговоры моих друзей с последующим использованием пленок для шантажа — нехорошо, даже если снимать сливки, то есть вить из них веревки, буду не я. Вопрос в другом: должен ли я это делать?

На другом конце провода повисла тишина.

— Эй! Дон!

В трубке щелкнуло.

— Флетч?

— Я здесь.

— Я попытаюсь ответить на твой вопрос. Не мог бы повторить основные моменты?

Голос Джиббса звучал на пол-октавы ниже. Серьезный, уравновешенный, ответственный.

— Я же все рассказал тебе, когда звонил из Лондона, Дон.

— Хочу убедиться, что ничего не перепутал.

— Ты просто прикрываешься звонком приятеля по местному телефону, чтобы создать видимость работы. Негодяй!

Флетч знал, что телефон отнюдь не местный. Если судить по номеру, он звонил вроде бы в Пентагон. На самом же деле Дон Джиббс сидел в подземной штаб-квартире разведывательного ведомства в горах Северной Каролины.

— Мне пора на самолет.

— Давай с самого начала, Флетч. В общих чертах.

— Хорошо. Вчера днем, в воскресенье, двое ваших громил вломилась в мой дом в Канья. Это в Италии.

— Имена.

— Гордон Эггерз и Ричард Фейбенс.

— Эггерз Гордон и Фейбенс Ричард. Так?

— Чиновники все переворачивают с ног на голову.

— Ты запомнил личные номера их удостоверений?

— Нет. Но номера были. Длинные-предлинные.

— Это не важно. Что конкретно ты имел в виду под словом «вломилась»?

— Я думаю, они вошли через французские окна*. Так, кажется, они называются. Днем я их никогда не закрываю.

— То есть фактически они ничего не сломали?

— Фактически, как это ни странно, нет.

— Значит, они вошли в твой дом.

— Вошли без приглашения. Я их не звал. Они нарушили право собственности.

— А как ты оказался в том доме в Италии?

— Я там живу.

— Понятно, но почему ты там живешь? Работаешь в каком-то международном информационном агентстве?

— Нет. Я теперь искусствовед. В прошлом месяце у меня вышла статья в «Бронсоне». Хочу написать биографию Эдгара Артура Тарпа, младшего...

— Того, что обожал рисовать ковбоев и индейцев?

— Однако. Ты, значит, что-то да знаешь.

* Двустворчатое окно до пола.

— Не он ли дружил с Уинслоу Хомером* ?

— Нет.

— А журналистские расследования ты оставил.

Флетч выдержал паузу.

— Я в отпуске.

— Значит, тебя опять уволили? Я рад, что не входил в число лучших учеников нашего выпуска, кому сулили самые радужные перспективы.

— Сам знаешь, на работе умников не жалуют.

— Так что хотели эти джентльмены?

— Они не джентльмены.

— Твои слова весьма огорчительны. За границу мы посылаем лучших из лучших. Мне еще не удалось войти в их число.

— Меня это не удивляет.

— Так чего они хотели?

Оркестр уже играл «Глаза Техаса смотрят на тебя...».

— Они предложили мне поехать на конгресс ААЖ в Хендрикс, это здесь, в Вирджинии, тайком установить микрофоны в спальнях моих горячо любимых коллег и записать их постельные разговоры, после чего передать пленки им для последующего шантажа. Они пообещали, что чемодан с подслушивающим устройством будет поджидать меня в Вашингтоне, и не обманули. — глядя на коричневый чемодан, который он достал из ячейки 719 и вытолкнул из телефонной будки, Флетч отметил, что он совершенно не гармонирует с остальными чемоданами. — Ты хочешь сказать, что понятия не имеешь, о чем идет речь?

Так я тебя понял, Дон?

— Не так уж часто нам сообщают о наших операциях со стороны.

— Позвонив вчера вечером из Лондона, я просил тебя разобраться.

— Я пытался. Проверил все, что мог.

— Тогда почему я стою в телефонной будке, опаздывая на самолет, лететь на котором у меня нет ни малейшего желания, и повторяю тебе то, что ты и так знаешь?

— Скажи мне еще раз, почему ты согласился. Я просто хочу убедиться, совпадают ли твои слова с тем, что мне уже известно.

— Сколько же можно твердить об одном и том же, Дон! Меня шантажировали!

— Я знаю, но повтори еще раз.

— Ну...

— От тебя не убудет, Флетчер. Тем более что мне уже все известно.

— Ну и ублюдок же ты. — Флетч только сейчас заметил, какой грязный пол в будке. — Налоги.

— Ты никогда не платил налогов?

— Только те, что вычитали из моего заработка. Живя в Штатах, я ни разу не подавал налоговой декларации.

* Хомер, Уинслоу (1836—1910), американский живописец, крупнейший художник-реалист США.

— Понятно. А в последние год или два?
— Тем более.
— Это указывает на то, что у тебя есть деньги, за которые ты не можешь отчитаться. Так?

— Да.

— Не понял.

— Да!

— Так почему ты звонишь мне?

— Ты мой друг в американской разведке.

— Мы не друзья.

— Знакомый. А звоню я тебе потому, что хочу донести до начальства, чем занимаются подчиненные. К примеру, шантажируют меня, чтобы получить компромат на элиту американской журналистики, людей, занимающих важные посты в газетном бизнесе, на радио и телевидении.

— Ты полагаешь, что наша правая рука не знает, что делает левая?

— Я так не думаю. А если так оно и есть, вам должно быть стыдно за себя.

— Мне стыдиться нечего. Меня никто не шантажирует.

— Ради Бога, Дон, перестань!

— Как, по-твоему, мы получаем информацию, Флетчер? Читая ваши паршивые газетенки? Или из телевизионных выпусков новостей?

— Дон, то, что мне предложили, — противозаконно, и ты это знаешь.

— Я знаю много чего. — Джиббс чуть повысил голос. — Позволив из Лондона, ты сказал, что эти парни особенно интересовались мистером Марчем.

— Да. Совершенно верно. Уолтером Марчем. В свое время я работал у него.

— К какому выводу ты пришел?

— Почему они выделили именно Марча?

— Да.

— Едва ли не самый влиятельный человек. «Марч ньюспейперс». — Правое ухо Флетча покраснелось, начало болеть. — Послушай, Дон, у меня осталось лишь несколько минут, если я хочу успеть на самолет. Ты говоришь...

— Нет, мистер Флетч. Говорю я, — раздался в трубке другой голос, более зрелый, властный.

— Кто это? — переспросил Флетч.

— Роберт Энглехардт. Начальник отдела, в котором работает Дон. Я слышал весь разговор.

— Однако! — Флетч усмехнулся. — Вечно вы со своими штучками.

— Насколько я понимаю, вы звоните Дону, чтобы спросить, должны ли вы выполнить порученное вам дело?

— Вы все поняли правильно.

— И каким, по-вашему, будет ответ?

— Мне представляется, что утвердительным.

— У вас сложилось правильное впечатление.

Вновь в трубке щелкнуло.

- Дон, ты еще здесь?
- Да.
- Вы так запутались в собственной загадочности, что не можете ответить на вопрос простым да или нет, не напустив дополнительного тумана.
- Какой загадочности?
- Перестань, Дон.
- Мы всего лишь пытаемся убедиться, что конгресс ААЖ продолжается.
- Продолжается? А с чего ему прерываться?
- Вы, журналисты, узнаете новости последними, не так ли?
- Какие новости?
- Сегодня утром Уолтера Марча убили. В Хендриксе. До свидания, Флетчер.

ГЛАВА 3

— Привет, привет.— Флетч застегнул ремень безопасности, усевшись в кресло рядом с кареглазой девушкой со светлыми волосами.— Я живу в ладу со всеми.

— Вы не в ладу даже с расписанием,— ответила девушка.— Из-за вас вылет задержали на десять минут.

В салоне было двенадцать мест.

— Я говорил по телефону со старым дядюшкой. Язык у него ворочается не так шустро, как прежде.

Пилот захлопнул и застопорил дверцу.

— Я вас прощаю,— улыбнулась девушка.— Где вы так загорели?

— Я только что прибыл из Италии. Этим утром.

— Достаточно веская причина для опоздания.

Пилот завел мотор, и самолет медленно покатился от здания аэропорта к началу взлетной полосы.

— Спросите меня, хорошо ли я долетел.

Им приходилось кричать, чтобы расслышать друг друга. Все три двигателя ревели, один — прямо над их головами.

— Хорошо ли вы долетели?

— Нет.— Маленький самолет, трясясь, катился по бетону.—

Спросите, чем мне не понравился полет.

— Почему вам не понравился полет?

— Я сидел рядом с методистским священником.

— И что? — удивилась девушка.

— Его самодовольство росло с каждым футом подъема.

Она покачала головой.

— Полет на реактивном лайнере действует на людей по-разному.

— Вот и мой дядюшка не нашел шутку забавной.

— Наверное, вы потому и опоздали, что делились ею с ним.

— Я — любящий племянник.

Самолет остановился. Двигатели взревели еще громче. Пилот отпустил тормоза, и самолет начал набирать скорость. Его трясло все сильнее, а в тот момент, когда Флетч решил, что фюзеляж уже разваливается, они оторвались от земли. Самолет описал

подокруг, огибая Вашингтон. Шум двигателей заметно стих.

Девушка взглянула в иллюминатор.

— Мне нравится смотреть на Вашингтон сверху. Такое милое местечко.

— Хотите его купить?

Она удостоила Флетча пренебрежительной улыбкой.

— И вы еще говорите, что ладите со всеми.

— Со всеми, — подтвердил Флетч. — С методистскими священниками, дядюшками, ослепительно красивыми девушками, сидящими рядом со мной в самолетах...

— Я ослепительно красивая? — прокричала она.

— Потрясающая. Ваш муж того же мнения?

— У меня нет мужа.

— Как так?

— Еще не нашла достойного человека, которому могла бы отдать руку и сердце. А как поживает ваша жена?

— Которая?

— У вас их легион?

— Был легион. Легионы и легионы. Великое множество. Практически все достойны того, чтобы выйти за меня замуж.

— Полагаю, за исключением меня.

— Я слишком быстро предлагаю женщинам соединиться узам брака. По крайней мере так сказал мне методистский священник.

— И все они соглашаются?

— Большинству приходится. Такой уж я человек. Люблю устоявшееся. К примеру, законный брак.

— У вас это комплекс?

— Несомненно. Вы поможете мне избавиться от него?

— Конечно.

— Когда я попрошу вас выйти за меня замуж, пожалуйста, ответьте отказом.

— Всенепременно.

Флетч посмотрел на часы, подождал десять секунд.

— Вы выйдете за меня замуж?

— Обязательно.

— Что?

— Я сказала: «Обязательно».

— Да, вижу, помощи от вас не дожدهшься.

— А с чего я должна помогать вам? Вы и так со всеми ладите.

— А вы нет?

— Нет.

— И я понимаю, почему. Внешность у вас потрясающая, а вот внутри масса недостатков.

— Это защитный механизм. Я потратила немало времени, чтобы отладить его.

— Вы когда-нибудь бывали в Хендриксе, штат Вирджиния?

— Нет, — ответила девушка.

— И вы летите на конгресс ААЖ?

— Да.

Флетч подумал, что и большинство пассажиров, если не все, летят туда же.

В двух рядах впереди сидел Хай Литвак, один из столпов «Юнайтед Броудкастинг Компани». Даже по затылку чувствовалось, что это Хай Литвак.

— Вы журналистка? — спросил Флетч.

— А вы приняли меня за кондуктора автобуса?

— Нет. — Флетч разглядывал свои руки. — Вы работаете в газете?

— В журнале «Ньюсуорлд».

— Ведете раздел для женщин? Моды? Питание?

— Преступность. — Она смотрела прямо перед собой.

— В разделе для женщин? — Флетч улыбнулся.

— В журнале. Я только что вернулась из Аризоны с процесса Пекуче.

Флетч не слышал об этом процессе.

— Каков приговор?

— Хороший материал.

— Понятно. — Он хлопнул себя по щеке. — Понятно.

Их взгляды встретились.

— Иной приговор мне неинтересен, — пояснила девушка.

— Вы знаете, что Уолтера Марча убили сегодня утром?

— Я слышала об этом по радио в такси по пути в аэропорт.

Вам известны какие-либо подробности?

— Ни единой, — честно признался Флетч.

— Ясно. — Она вытянула ноги, насколько позволял узкий промежуток между рядами. — А то у меня с собой два блокнота.

И три ручки. — Она зевнула, прикрыв пальчиками рот. — Вы журналист? Или кондуктор?

— Даже не знаю, что ответить. Я в отпуске.

— И какая же компания отправила вас в отпуск?

— Можно сказать, что все.

— Вы безработный, — уточнила девушка. — А потому пишете книгу.

— Вы попали в точку.

— О Ватикане?

— Почему о Ватикане?

— Вы же пишете книгу в Италии.

— Я работаю над биографией Эдгара Артура Тарпа, младшего.

— Вы пишете книгу об американском художнике в Италии?

— Очень действенный метод. Присутствует эффект отстраненности.

— И к тому же тридцать тонн неудобств.

— Вы меряете неудобства тоннами?

— В вашем случае, да. Простые смертные, вроде меня, обходятся килограммами.

Она накрыла своей рукой руку Флетча, лежащую на подлокотнике.

— У меня складывается впечатление, что многочисленность экс-жен и экс-работодателей придает вашей жизни определенную фрагментарность. И вам недостает клея, связывающего ее воедино.

— Помогите мне,— улыбнулся Флетч.— Спасите меня от самого себя.

— Как вас зовут?

— Ай-Эм Флетчер.

— Флетчер? Никогда не слышала о вас. А с чего такая помпезность?

— Помпезность?

— К чему говорить: «Я — Флетчер». Разве кто-то в этом сомневается? Почему не просто Флетчер?

— Мой первый инициал — буква Ай. Второй Эм.

— М-м-м.— Девушка покачала головой.— Да у вас чуть ли не родовая травма. А зовут вас Ирвинг?

— Хуже. Ирвин.

— Мне нравится имя Ирвин.

— Такое имя никому не может нравиться.

— Просто вы относитесь к нему с предубеждением.

— У меня есть на то основания.

— У вас красивые кисти.

— По одной на каждой руке.

— Вы пробегитесь ладонями по моему обнаженному телу?

— Здесь? Сейчас?

— Позже,— ответила она.— Позже.

— Я думал, вы уже и не попросите об этом. Прислать вам кисти рук с коридорным или принести самому?

— Мне нужны только кисти. Об остальных частях тела я ничего не знаю, за исключением того, что вы со всеми ладите.

Флетч сжал ее руку, а она подтянула ноги к креслу.

— Мисс, вы поставили меня в неловкое положение.

— Я к тому и стремилась.

— Я не знаю ни вашего имени, ни вашей фамилии.

— Эрбатнот,— ответила девушка.

— Эрбатнот! — Флетч вырвал руку.— Только не Эрбатнот.

— Эрбатнот,— повторила она.

— Эрбатнот?

— Эрбатнот. Фредерика Эрбатнот.

— Фредди Эрбатнот?

— Вы слышали обо мне. Я отмечаю внезапную бледность, проступившую под итальянским загаром.

— Слышал о вас? Да я вас выдумал!

Самолет уже катился по посадочной полосе аэропорта Хендрикса.

— Что-то я вас не поняла.

— Выдумал,— кивнул Флетч, расстегивая ремень безопасности.— Будьте уверены.

ГЛАВА 4

Гостей встречала миссис Джейк Уильямс — Хелена, она настаивала, чтобы к ней обращались именно так,— хозяйка конгресса Ассоциации американских журналистов.

— Флетчер, дорогой! Ты прекрасно выглядишь.— Она протянула руки, чтобы обнять его.

— Привет, Хелена, как поживаете? — Флетч наклонился и поцеловал ее.

Они стояли неподалеку от регистрационной стойки в вестибюле отеля. Лимузин поджидал их у трапа самолета. Словно забыв о существовании багажа, Флетч напрямик направился к машине, залез в салон и сел. Несколько минут спустя открылась дверца и Фредерика Эрбатнот устроилась рядом с ним. После того, как багаж уложили на крышу, а остальные пассажиры расселись, они покинули аэропорт, проехали через маленькую деревеньку с торговым центром на окраине и взяли курс на Плантацию.

Путь не занял много времени, и вскоре они свернули на подъездную дорожку к особняку. По обе стороны гнулись изумрудные поля для гольфа. Лимузин остановился перед светлосиней тележкой для гольфа, перегораживающей дорогу. За тележкой гордо высился особняк из красного кирпича, с белыми колоннами и кирпичными пристройками по обе его стороны. Флетч предположил, что подобная пристройка есть и позади дома. В пристройках располагались номера для гостей, но архитектор приложил немало усилий, дабы сохранить дух старины, и в полной мере добился желаемого. На последнем повороте Флетч заметил сверкающую на солнце голубую гладь бассейна. А дальше тянулись зеленые лужайки, очерченные вдалеке белой изгородью.

По пути никто не произнес ни слова. Даже вежливый вопрос водителя: «Хорошо долетели?» — заданный, едва он сел за руль, остался без ответа. Казалось, они едут на похороны, а не на конгресс. Собственно, они и ехали на похороны.

Уолтер Марч умер. Этим утром его убили на Плантации Хендрикса.

Уолтеру Марчу было под семьдесят. С незапамятных времен ему принадлежали многие влиятельные газеты. Вероятно, все, кто сидел в салоне, на определенных этапах своей карьеры имели дело с Марчем. Скорее всего последнее относилось практически к каждому участнику конгресса. Приглашались на него журналисты, в том числе и лучшие мастера своего дела.

Улыбаясь про себя, Флетч отметил, что любой из них, считая и его самого, будь он в салоне один, насел бы на водителя, выкачивая из него всю доступную информацию — слухи, домыслы, его личные предположения касательно убийства. Но, будучи все вместе, вопросов они не задавали. За исключением прессконференций, когда другого выхода просто не было, ни один журналист никогда не задал бы вопроса, ответ на который мог принести какие-то дивиденды коллегам.

Флетч подождал, пока ему отладут багаж, снятый с крыши лимузина, и зашагал к парадной двери. В вестибюль, с чемоданом в руках, вошла Фредерика Эрбатнот и остановилась позади него. Во взгляде ее отражалось легкое удивление.

— Привет, миссис Флетчер. — Хелена пожала руку Фредди.

— Она не миссис Флетчер, — внес ясность Флетч.

— О, извините, — улыбнулась Хелена. — Мы привыкли к тому, что Флетч всегда приезжает с миссис Флетчер.

— Это Фредди Эрбатнот.

— Фредди? У многих твоих подружек мужские имена. В Италию мы встретили тебя с Энди*... фамилии не помню.

— Барбара и Линда. — Флетч напомнил ей имена своих жен. — Джоан... — Тут уже речь шла о жене, вернее, вдове Стэнуика**.

— Должно быть, есть в тебе какая-то странность, да вот мне никак не удастся сформулировать, в чем же она заключается.

— Наверняка есть, — поддакнула Фредди Эрбатнот.

— К тому же, Хелена, мисс Эрбатнот и я впервые встретились в самолете.

— Столь стремительное развитие ваших отношений для меня не сюрприз, — фыркнула Хелена. — Помнится, мы обедали в Нью-Йорке, и я заметила, что ты посматриваешь на девушку за соседним столиком. Она тоже начала посматривать на тебя и, не успели мы оглянуться, как вы оба исчезли! Ты даже не извинился за столь ранний уход. Не сказал ни слова! Ушел, не доев десерт.

— Я не мог уйти без сладкого.

— Все у Флетча не так, как у людей. — Хелена обращалась к Фредди. — Взять хотя бы взносы. Перед самым конгрессом он до последнего цента оплатил долг перед ААЖ, а ведь раньше много лет манкировал взносами.

— Она знает, — пробурчал Флетч.

— Флетч, дорогой, мы просто потрясены.

— Я сам себе удивляюсь. Прошу вас, Хелена, никому не говорите об этом. Может пострадать моя репутация.

— Флетч, милый. — Хелена с улыбкой положила руку ему на плечо. — Ей-то уже ничего не грозит.

— Я сожалею о случившемся, Хелена, — резко сменил тему Флетч.

На лице Хелены Уильямс тут же отразилась печаль.

— Преступление века. — Муж Хелены издавал в Нью-Йорке ежедневную газету. — Преступление века, Флетч.

— Сенсация что надо, — пробормотала Фредди.

— Сегодня утром мы провели голосование, отменять конгресс или нет. Решили открыть его в намеченный срок. Люди-то уже выехали, так что ничего иного нам и не оставалось. Подготовка закончена. Полиция попросила задержаться всех, кто находился на Платанции в момент убийства. И потом, конгресс поможет отвлечься от этой ужасной трагедии. Уолтер Марч! — Она вскинула руки. — Кто мог такое представить?

— Лидия здесь, Хелена? — спросил Флетч.

— Она обнаружила тело! Принимала ванну и услышала какой-то булькающий звук. Она полагала, что булькает вода в трубах. Но бульканье продолжалось, доносясь из спальни. Она вылезла из ванны, обмоталась полотенцем и открыла дверь. Уолтер

* Подробнее в романе «Сознавайтесь, Флетч», опубликованном в «Смене», №№ 11 и 12 за 1991 год.

** Подробнее в романе «Флетч», опубликованном в «Смене», №№ 20—24 за 1989 год.

полулежал на одной из кроватей, раскинув руки, лицом вниз, а из его спины торчали ножницы. На ее глазах он сполз на пол и упал на спину! Ножницы, должно быть, вонзились еще глубже. Она сказала, что он выгнулся, а потом затих. Жизнь покинула его. — Теперь на лице Хелены отражалось искреннее, а не дежурное сострадание. — Бедная Лидия! Она не знала, что делать. Выбежала в коридор в одном полотенце и забарабанила в мою дверь. Я только что встала. Еще не было и восьми. Открыла дверь, а там Лидия, в полотенце, в ее-то семьдесят лет, с открытым ртом и закрытыми глазами! Я усадила ее на кровать, и она упала на спину! Лишилась чувств! Я побежала в ее номер за Уолтером прямо в ночной рубашке. А он лежит на полу, уставившись в потолок невидящими глазами. Естественно, я подумала, что у него сердечный приступ. Крови я не заметила. И сама чуть не грохнулась в обморок. Вдруг услышала чей-то вопль. Потом мне сказали, что вопила я сама. — Хелена отвернулась, коснулась пальцами шеи. — Но я в этом не уверена.

— Могу я чем-нибудь вам помочь, Хелена? — спросил Флетч.

— Нет. — Она покачала головой. — Я выпила приличную дозу бренди до завтрака. И не позавтракала. Здешний доктор, не знаю его имени, дал мне какую-то таблетку. От нее в голове абсолютная пустота. Я выпила чай с гренком. — Хелена улыбнулась. — Хватит об этом. Все равно Уолтера не вернешь. Расскажи лучше о себе, Флетч. На кого ты теперь работаешь?

— ЦРУ, — ответил Флетч и посмотрел на Фредди Эрбатнот. — Я приехал сюда, чтобы записывать на пленку все ваши постельные разговоры.

— Ты всегда отличаешься тонким чувством юмора, — улыбнулась Хелена. — Детки, не хотите ли поселиться в одном номере? С местами у нас напряженно.

— Только не это, — воскликнул Флетч. — Подозреваю, она храпит.

— Я не храплю.

— Откуда вы знаете?

— Мне бы сказали.

— Вы так хорошо смотрите вместе. — Хелена переводила взгляд с Флетча на Фредди. — Идеальная пара. О, да это Хай Литвак. Я не видела, как он пришел. Надо с ним поздороваться и напомнить, что он выступает сегодня после обеда.

Хелена одновременно пожала руки Флетчу и Фредди, словно венчающий священник.

— Мы должны жить и в присутствии смерти, — бросила она и поспешила навстречу Литваку.

— И умирать в присутствии жизни, — добавил Флетч.

ГЛАВА 5

Следуя за портье, Флетч и Фредди вышли из вестибюля через боковую дверь, поднялись по ступеням, обогнули угол и зашагали по коридору одной из пристроек. Флетч сам нес свои чемоданы. У номера 77 портье поставил чемоданы Фредди на пол, вставил ключ в замочную скважину.

- А где мой номер? — спросил Флетч.
- Следующая дверь, сэр. Семьдесят девятый, сэр.
- О, нет, — простонал Флетч.

Из-за плеча портье ему улыбалась Фредди.

- Дайте мне мой ключ, — попросил Флетч.

Портье протянул ключ.

— Знаете, — обратился Флетч к Фредди Эрбатнот, — вы в полной мере соответствуете тому образу, что создало мое воображение.

- Ваши чемоданы не подходят друг к другу, — ответила она.

В его комнате было четыре двери: в коридор, на улицу и в соседние номера.

Прежде чем принять душ, Флетч сдвинул стеклянную дверь, что вела на улицу. Посмотрел на бассейн: на берегу загорали женщины, в воде плескались дети, на кортах было много игроков.

Внутренний объем чемодана использовался полностью.

Посередине стоял магнитофон, с привычными клавишами на панели, с двумя динамиками размером с сигаретную пачку, снабженный кассетой с пленкой. В специальном кармане на крышке лежали еще тридцать пять кассет. Суммарно на семьдесят два часа записи. Нигде — ни на магнитофоне, ни на кассетах, ни даже на чемодане — Флетч не обнаружил фирменного знака изготовителя.

Флетч осмотрел антенну, подсоединил магнитофон к сети, воткнув штепсель в розетку на стене, выбрал «жучок» с номером 8, поставил его рядом с настольной лампой, нажал кнопку на приемном блоке с цифрой «8», вдавил клавишу «Запись» и произнес:

— Слушайте, Эггерз Гордон и Фейбенс Ричард! — На диске регулятора громкости задергалась стрелка с красным наконечником. Машина работала. Флетч чуть крутанул диск против часовой стрелки. — Это ваш приятель, Ирвин Морис Флетчер, говорит с вами с прекрасной Плантации Хендрикса, что находится в Хендриксе, штат Вирджиния. Разумеется, у меня нет привычки участвовать в журналистских собраниях, но своей настойчивостью вы убедили меня в неизбежности этой поездки, и я должен поблагодарить вас, что вы не отправили меня в какую-нибудь дыру.

Флетч перекрутил пленку назад и нажал клавишу «Пуск».

Гром собственного голоса заставил его подпрыгнуть. Он поспешно повернул регулятор громкости против часовой стрелки и выслушал собственный монолог.

Посмеиваясь про себя, прогулялся в ванную, вернулся со стаканом воды, присел на краешек кровати, вновь нажал клавишу «Запись» и продолжил, обращаясь к воображаемым слушателям:

— Очевидно, я мог бы семьдесят два часа заполнять ваши пленки шутками, песнями и забавными историями, но, если я правильно вас понял, сюда меня послали не за этим.

На случай моей смерти или иного, не менее печального собы-

тия я хочу, чтобы тот, кто найдет в моей комнате этот ужасный агрегат, понял, что здесь происходит и почему я занимаюсь этим делом.

Меня шантажировало Центральное разведывательное управление, угрожая посадить на двадцать лет в тюрьму за неуплату федеральных налогов, незаконный вывоз денег из Соединенных Штатов плюс невозможность отчитаться за получение этих денег. Потребовали они следующее: расставить подслушивающие устройства в комнатах моих коллег-журналистов на конгрессе ААЖ на Плантации Хендрикса и записать на пленку их ночные беседы.

Кто бы мог подумать, что у богатых могут возникнуть подобные проблемы.

Я принял это малочтенное предложение по трем причинам, очевидным для любого журналиста.

Для Эггерза Гордона, Фейбенса Ричарда, Джиббса Дона, Энгхардта Роберта и всей вашей братии, у которой задница там, где положено быть рту, я хочу сказать следующее.

Во-первых, подозреваю, вы все трахаетесь с козами и курами.

Во-вторых, Уолтер Марч, который интересовал вас более всего, мертв. И с этим вам ничего не поделать.

Возникает естественный вопрос, а нет ли взаимосвязи между вашим интересом к Уолтеру Марчу и причиной его смерти.

В-третьих, Фредерика Эрбатнот проявила чудеса изобретательности, чтобы сблизиться со мной. Она чертовски соблазнительна. Однако вы, парни, похоже, запредельно глупы. Разве можно требовать от человека выполнения порученного, всемерно отвлекая его от дела?

Это не последняя шутка. Далее я постараюсь выучить все песенки в паре-тройке детских книжек и пропою их вам на ночь.

Флетч выключил магнитофон, посидел пару минут, глядя на него. Затем поставил чемодан на пол и с откинутой крышкой задвинул под кровать. Опустившись на колени, закрепил антенну в пружинах кровати. Лег на живот, вынул штепсель из розетки, протаскал провод между изголовьем и стеной, чтобы его никто не видел, снова воткнул штепсель в розетку.

Когда Флетч вылезал из-под кровати, его левая рука нацупала лежащий на полу конверт. Он мог поклясться, что раньше конверта не было. Из чемодана он тоже не мог выпасть.

Заклеить конверт отправитель не удосужился.

«Дорогой мистер Флетчер!

Наши представители в Италии, объясняя вам задание, упомянули лишь Уолтера Марча.

Как вы уже убедились сами, оборудование, которым мы вас снабдили, включает двадцать четыре микрофона-передатчика и столько же приемных устройств. В укрепление наших контактов с журналистами мы хотели бы, чтобы микрофоны оказались в номерах тех, кто значится в прилагаемом списке. Остальные вы можете установить у журналистов помоложе, которые, по вашему мнению, со временем смогут занять ведущие позиции в информационном бизнесе. Мы сочтем задание выполненным лишь при эффективном использовании всех комплектов...»

Рядом с каждой фамилией упоминалось место работы: теле- или радиокомпания, газета, журнал. Впрочем, люди были столь известные, что никаких уточнений не требовалось.

В список входили мистер и миссис Уолтер Марч, Уолтер Марч младший, Леона Хэтч, Роберт Макконнелл, Ролли Уинэм, Льюис Грэхэм, Хай Литвак, Шелдон Леви, мистер и миссис Джейк Уильямс, Нетти Хорн, Фрэнк Джиллес, Том Локхарт, Ричард Болдридж, Стюарт Пойнтон, Элеонор Иглз и Оскар Перлман.

— Сукины дети, — процедил Флетч. — Сукины дети.

Подпись, разумеется, отсутствовала, лишь несколько слов у нижней кромки листа: «Мы пользуемся бумагой изготовленной из макулатуры».

ГЛАВА 6

Флетч снял трубку со звонящего телефона.

— Позвольте поблагодарить вас за то, что вы соизволили позвонить мне.

— Это Рональд Албемарл Блоджетт Ислингтон Димунтти Флетчер? — спросил женский голос.

— О, нет. Разумеется, нет.

Кто может называть его бешеным*, подумал он. Ему вспомнилось, как давным-давно кто-то пошутил, сказав, что при отсутствии интересных материалов Флетч укусит собаку, лишь бы не уменьшился тираж.

— Кристал! — воскликнул он. — Подруженька моя, задница моя милая! Как поживаешь? Все еще тревожишься из-за своего веса, старушка? Число подбородков не уменьшается?

В отличие от настоящих кристаллов Кристал Фаони не просвечивалась насквозь. Просто ей не повезло в тот миг, когда пришла пора заменить в регистрационной книге запись «младенец-девочка» на нечто более специфическое. Вот ее родители и дали волю воображению.

С черными волосами, ширококостная, аппетитом Кристал могла потягаться с проснувшимся после зимней спячки медведем. Прибавьте к этому огромные, широко посаженные карие глаза, нежную бархатистую кожу и быстрый ум, рассчитывающий все на много ходов вперед, отчего тело могло и не перемещаться в пространстве, ибо логическими рассуждениями Фаони обычно находила истину. С Флетчем она работала в одной чикагской газете.

— У тебя все нормально?

— Я подумала, что мы можем встретиться в баре перед банкетом и как следует напиться.

— Я-то собирался пойти в сауну, а потом на массаж. — Просмотрев рекламный буклет, Флетч отметил наличие тренажерного зала, сауны и массажного кабинета, открытых с десяти утра до семи вечера.

* Начальные буквы названных имен образуют слово бешеный.

— О, Флетч,— вздохнула Кристал.— Ну почему ты всегда заботишься о своем здоровье?

— Последние двадцать четыре часа я не вылезал из самолетов и аэропортов. У меня затекли все мышцы.

— Ты уже напился? По голосу это не чувствуется.

— Капли во рту не было. Ты все еще работаешь в Чикаго?

— Почему люди ездят на конгрессы? — задала Кристал риторический вопрос.

— Чтобы носить маски и взрывать хлопушки?

— Нет.

— Я не знаю, Кристал. На конгрессе я впервые.

— Так почему ты здесь, Ай-Эм Флетчер?

«О Боже!» — мысленно простонал Флетч. Все его знакомые знали, что он не любитель конгрессов и прочих многолюдных сборищ. И не отличается аккуратностью в уплате членских взносов.

— Э...

— Попробую угадать. Ты безработный, так?

— С одного места я ушел, а на другое еще не поступил.

— Ясно. Так вернемся к исходному вопросу: «Почему люди ездят на конгрессы?»

— Чтобы найти работу?

— Примерно половина. Чтобы найти работу, если не имеют одной, или чтобы получить новую, лучше оплачиваемую, если они и так при деле.

— Ты, несомненно, права.

— Примерно треть участников конгресса ищет, кого бы нанять. Конгресс, мой дорогой мистер Флетчер, как тебе хорошо известно, большая мясная ярмарка. И нет нужды напоминать, что я — солидный кусок мяса.

— Если память мне не изменяет, с тобой ни одна комната не покажется пустой.

— Не заметить меня может только слепой.

— А как насчет остальных шестнадцати с семьюдесятью процентами?

— Что-что?

— Ты вот сказала, что половина участников конгресса ищет работу, а треть — работников. Остается шестнадцать и семь десятых процента. Что делают здесь они?

— А, вот ты о ком. Это люди, которые могут бросить любое дело, даже если они не ударяют пальцем о палец, и поехать куда, за чем и когда угодно, лишь бы за чужой счет, а еще лучше, за счет своей компании.

— Вас понял.

— К сожалению, бедная Кристал Фаони, да, полагаю, и ты не входят в их число, ибо приехали сюда на собственные быстро убывающие сбережения.

— Кристал, как ты узнала, что я безработный?

— Если бы ты работал, то собирал бы материал для очередной статьи, и на конгресс тебя не загнали бы даже под дулом пистолета. Так?

— Но, Кристал, ты же знаешь, я делаю все, что мне скажут.

— Помнишь, как тебя нашли спящим под прилавком в кафетерии редакции?

— Я заработался допоздна.

— Но, Флетч, ты был не один. С одной из дежурных телефонисток.

— И что?

— По крайней мере на тебе были джинсы. С аккуратно застегнутой «молнией». И ничего более.

— Мы заснули.

— Я понимаю. Джек Сандерс едва не лопнул от негодования. Сотрудники кафетерия отказались в тот день работать...

— Больше всего шума бывает из-за супчих пустяков.

— Я осталась без левча, Флетч, а для меня это не пустяк. Если бы ты тогда работал у старины Марча, то вылетел бы на улицу, не успев надеть рубашку.

— Ты-то работала у Марча, не так ли?

— В Денвере. Там меня и уволили. За аморальное поведение.

— За аморальное поведение? Тебя?

— Да.

— Что же ты такого сотворила? Объелась бананами?

— Ты сам все знаешь.

— Не знаю.

— Это известно всем и каждому.

— Кроме меня.

— Наверное, кроме тебя. Едва ли кто стал бы рассказывать тебе подробности того скандала. На твоем счету их куда больше.

— Многим очень нравится совать нос в чужие дела.

— Знаешь, вместо того чтобы висеть на телефоне, мы могли бы уютно устроиться в темном уголке бара и совмещать приятное с полезным, благо меню тут богатое.

— Скажешь ты мне или нет?

— Я забеременела.

— Кто же смог это заметить?

— Заметили, можешь не волноваться.

— Без мужа?

— Естественно.

— А при чем тут Уолтер Марч?

— Я не проявила должной скромности. Говорила, что собираюсь родить и воспитывать ребенка одна. Тогда мы все думали, что времена изменились.

— Это точно.

— Забеременела я, разумеется, сознательно. От отличного парня. Фил Шапиро. Помнишь его?

— Нет.

— Парень что надо. Симпатичный, умный, из благополучной семьи.

— И что случилось с ребенком?

— Я думала, что смогу родить его, не выходя замуж. Но оказалось, что рожать можно или замужней, или безработной.

— Аборт?

— Вот именно.

- Ужасно.
- А на моем банковском счету было тогда чуть больше двух тысяч долларов.
- Ох уж этот Марч!
- Он многих увольнял за аморальное поведение.
- А вот я, как это ни странно, в их число не попал.
- Просто он не поймал тебя. Слышал-то предостаточно, но не верил. Даже я не могу поверить во все, что говорили о тебе.
- Все это ложь.
- Я была в редакции в то утро, когда тебя нашли в кафетерии. И осталась без лэнча.
- Извини.
- И человек, воткнувший ножницы в спину старины Марча, должно быть, имел на то веские основания.
- Твоя работа?
- Если меня обвинят в этом, огорчаться не буду.
- Могут и обвинить. Тыходишь в категорию тех, у кого был мотив для убийства. Он же лишил тебя ребенка. Ты была здесь этим утром?
- Да.
- И могла убить его?
- Полагаю, что да. По словам Лидии, дверь в номер была открыта, когда она увидела мужа с ножницами в спине. Любой мог войти и убить его.
- Что еще известно тебе об этом убийстве, Кристал?
- Думаю, ни одно убийство в истории не будет иметь такой прессы. На Платации Хендрикса собрался весь цвет журналистики Америки. И, полагаю, приедут даже те, кто не собирался участвовать в конгрессе, именно из-за этого убийства. Ты представляешь себе, что означает для карьеры таких, как мы, освещение расследования обстоятельств смерти Уолтера Марча? Тем более при такой конкуренции.
- Представляю.
- Тут можно без труда отхватить Пулитцеровскую премию*.
- Чьи были ножницы? Ты знаешь?
- Их взяли в вестибюле отеля. С регистрационной стойки.
- О!
- А ты думал, что уже раскусил этот орешек, Флетч?
- Да, знаешь ли, мелькнула такая мысль. Редко кто возит с собой ножницы, во всяком случае, достаточно большие, чтобы убить ими человека. Скорее всего это могла быть женщина...
- Флетч, тебе нужно избавляться от мужского шовинизма. Я уже говорила об этом.
- Но теперь все это не более чем досужие рассуждения, раз ножницы лежали на регистрационной стойке, где их мог взять кто угодно.
- А ситуация, скажу тебе, презабавная. — Кристал хихикнула. — Журналисты снуют по отелю, выискивая крупницы информации. Коммутатор раскалится от междугородных звонков.

* Ежегодная премия лучшим журналистам США.

И я сомневаюсь, найдется ли сейчас хоть одна замочная скважина, к которой не прилипли чье-нибудь ухо или глаз.

— Да, забавно, — согласился Флетч.

— Иди на массаж, сибарит. На банкете-то увидимся?

— Обязательно. Я не пропущу его ни за какие коврижки.

— Меня ты узнаешь. Свой жир я ношу с собой.

ГЛАВА 7

— Теперь другую. — Флетч лежал на массажном столе. Массажистка закончила с его правой ногой и перешла к левой.

Ему пришлось подождать больше часа, чтобы попасть на массажный стол: не он один хотел размять мышцы.

Массажистка, дородная блондинка лет пятидесяти, внешнеюстью напоминала скандинавку. Звали ее миссис Лири.

Он подождал, пока она начнет массировать его правое плечо, прежде чем упомянул Уолтера Марча.

— Вчера вечером Уолтер Марч приходил на массаж?

— Я начинаю понимать, какими методами вы работаете. Как добываете то, что пишете. Источники информации, так, кажется, у вас это называется. Источники того, что написано вами. Вы всегда цитируете какого-нибудь специалиста или знаменитость. «Источники!» Ха! Теперь я вижу, что всю информацию вы черпаете от старушки в подвале, а уж потом украшаете ее известными именами. Я не специалист, мистер. И не источник.

Флетч посмотрел на ее мускулистые руки.

— Эксперты — источники мнений. Люди — источники фактов.

— Вот-вот. — Она разминала ему бедро. — Так я — не источник ни мнений, ни фактов. И вот что я вам скажу. Никогда еще у меня не было столько работы. Вы девятый репортер, которого я массирую за сегодняшнее утро, и все хотят поговорить со мной о мистере Марче. Полагаю, мне следовало бы что-нибудь придумать. Чтобы все остались довольны. Клиентов от этого только прибавится. Но я совсем выдохлась.

О том, что Уолтер Марч часто пользуется услугами массажистов, Флетч узнал, работая в одной из его газет. Вероятно, этот пустячок не составлял тайны и для восьми других репортеров.

— Если вам нужен массаж, вы его получите. — Она разогнулась и оглядела Флетча с головы до ног. — Если хотите поговорить, давайте поговорим. Но я возьму с вас плату, как за массаж. Или одно, или другое.

Флетч смотрел в потолок.

— Я заплачу премиальные.

— Хорошо. — Пальцы ее вновь вернулись на ногу Флетча. — Тело у вас не такое, как у других журналистов.

— Уолтер Марч, — напомнил Флетч.

— У него было хорошее тело. Очень хорошее, учитывая почтенный возраст. Упругая кожа, знаете ли.

— Вы делали ему массаж?

— Да.

— Не мужчина-массажист?

- А что в этом удивительного? Я же массирую вас.
- Уолтер Марч славился пуританизмом.
- А при чем тут массаж? Уолтер Марч был важной особой?
- Да.
- Издавал газеты?
- И не одну. Не просто издавал, все они принадлежали ему.
- Очень вежливый человек. Обходительный. И не скупился

на чаевые.

- Насчет чаевых я все понял.

Она покончила с его левой рукой и принялась за мышцы живота.

- О Боже, — выдохнул Флетч.
- Что такое?
- Не слишком идеальные условия для работы.
- Работаю я, а не вы. Переворачивайтесь.

Лежа на массажном столе, лицом вниз, Флетч повторил:

- Уолтер Марч. Что вы сказали другим репортерам?

— Ничего особенного. Нечего было рассказывать. — Она разминала левую ногу Флетча. — Мистер Марч отметил, что выдался погожий день. Добавил, что ему нравится в Вирджинии, что и в Вашингтоне в последние дни стоит хорошая погода. Спросил, шведка ли я. Я ответила, что родом из Питтсбурга. Он поинтересовался, как я стала массажисткой. Я объяснила, что меня учила мать, она приехала с Ньюфаундленда. Он спросил, где работает мой муж. Я ответила, что в муниципальном отделе водоснабжения. Вообще он задавал много вопросов: сколько у меня детей, много ли народу приходит на массаж, в будни, по выходным, какова численность населения Хендрикса, знаю ли я кого-либо из потомков самого Хендрикса. Вы понимаете. Мы просто болтали.

Флетча всегда удивляли издатели, инстинктивно уподобляющиеся в общении с людьми репортерам.

Старина Уолтер Марч ведрами выкачивал информацию из старушки в подвале. И Флетч понимал, что делал он это просто так, по привычке, лишь для того, чтобы лучше ориентироваться в городе, где проходил конгресс.

Флетч на его месте поступил бы точно так же, если б массажирование мышц не сбивало стройного хода его мыслей.

Круговыми движениями кулаков массажистка массировала ему ягодицы. Потом перешла к спине.

- Вам надо почаще делать массаж. Разминать мышцы.
- Обычно я разминаю их другим способом.

Закончив массаж, она вымыла руки и насухо вытерла их полотенцем. Флетч уже сидел на краю массажного стола. Кожа порозовела, усталость от дальнего перелета бесследно исчезла.

— Уолтер Марч нервничал? Казался расстроенным, озабоченным, чего-то боялся?

- Нет. А следовало бы.
- Похоже, что да.

— Я о другом. До вас тут побывал один репортер. Думаю, он мог бы убить Уолтера Марча.

- Почему вы так решили?

— Он все время ругался. Обзывал его последними словами. Вместо того чтобы расспрашивать меня о мистере Марче, как остальные, крыл его почем зря.

— Как его фамилия?

— Не знаю. Впрочем, могу посмотреть на квитанции. Крупный мужчина, лет сорока, с усами и бакенбардами. Северянин. Ужасно злой. Знаете, есть такие люди, которые постоянно злятся. Они убеждены, что с ними обходятся не по справедливости.

— Ясно.

— А еще этот вчерашний тип на автомобильной стоянке.

Она аккуратно повесила полотенце на крючок над раковиной.

— Какой тип?

— Когда я приехала вчера утром, он подошел ко мне и спросил, работаю ли я здесь. Я подумала, что и он хочет справиться насчет работы. Джинсовый костюм, короткие вьющиеся волосы, уже с сединой, хотя на старика он не тянул, худощавый, такие обычно встречаются на конюшне. Одним словом, лошадиник. Он спросил, приехал ли Уолтер Марч. Вот тогда я впервые услышала об Уолтере Марче. Я еще обратила внимание на его налитые кровью глаза и горящее решимостью лицо.

— И что вы сделали?

— Поскорее ушла от него.

Флетч посмотрел на светловолосую, с сильными руками массажистку.

— То есть он напугал вас?

— Да.

— Вы рассказали об этом человеке другим репортерам?

— Нет.— Она покачала головой.— Наверное, если бы мне десять раз не задали одни и те же вопросы, я бы о нем и не вспомнила.

ГЛАВА 8

АССОЦИАЦИЯ АМЕРИКАНСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ

Уолтер Марч,

президент

ПРОГРАММА МЕРОПРИЯТИЙ

Плантация Хендрикса

Хендрикс, Вирджиния

Понедельник

6.30 Р. М. * БАНКЕТ.

Зал Аманды Хендрикс.

— Привет.— Флетч заглянул в комнатку, где за коммутатором отеля сидели две телефонистки.

С другой стороны вестибюля журналисты толпились в зале Аманды Хендрикс.

* Р. М.— post meridiem — лат. (во столько-то часов пополудни), в данном случае в 18.30 вечера.

— Сюда не положено заходить посторонним, сэр,— сказала ему телефонистка, сидевшая ближе к двери.

Обе они выглядели испуганными, словно кролики, внезапно освещенные лучом фонаря.

— Я только за списком,— объяснил Флетч свое появление.

— Каким списком?

Он выкатил глаза.

— Явочным списком гостей с указанием номеров, в которых они поселились. Вас же просили приготовить его для меня.

Телефонистка, сидевшая подальше, смотрела не на него, а на поблескивающий лампочками коммутатор.

— Нам он нужен для работы,— гнул свое Флетч.

— Элен, ты знаешь что-нибудь насчет явочного списка?

— Плантация Хендрикса. Добрый вечер,— произнесла в микрофон вторая телефонистка.

— Для Информационной группы. Мы должны знать, кто где поселился. Возникают же разные проблемы. Фамилии и номера комнат.

— А.— Первая телефонистка посмотрела на лежащий перед ней листок.

— Да, да,— покивал Флетч.— Он самый.

— Но это мой,— забеспокоилась девушка.

— Еще один вы должны были приготовить для меня.

— Элен, у тебя есть еще одна копия?

— Извините, сэр.— Вторая телефонистка продолжала беседу с далеким абонентом.— Этот номер не отвечает.

— У нее точно такой же листок,— успокоил ее Флетч.

— Но я не могу без списка.

— Давайте снимем ксерокс,— нашелся Флетч.

— Мы не имеем права отходить от коммутатора. Очень много звонков.— И тут же на пульте вспыхнула лампочка.— Плантация Хендрикса. Добрый вечер.

— Давайте мне ваш.— Флетч взял список фамилий с указанием номеров со столика.— Я его ксерокопирую.

— Но дирекция уже закрыта, сэр,— прошептала девушка.— Я сейчас позвоню.

— Зачем? Достаточно просто подвинуть листок, которым пользуется Элен.— Флетч наклонился и перенес на десяток дюймов лежащий перед второй телефонисткой точно такой же лист с фамилиями и номерами комнат.— Одного вам вполне хватит. При необходимости вы обе сможете заглядывать в него.

Сидевшая ближе к нему телефонистка говорила в микрофон: «Извините, сэр, но сейчас банкет и в номерах практически никого нет».

Элен сердито зыркнула на Флетча, но голос ее звучал ровно и спокойно: «Столовая открывается на завтрак в семь утра, сэр».

— Скажите мне,— Флетч уже проглядывал список,— разве Лидия Марч и Уолтер Марч-младший остались в том же номере, где убили Уолтера Марча?

— Нет,— ответила телефонистка.— Их перевели в двенадцатый люкс.

— Благодарю.— Флетч помахал в воздухе драгоценным листком.— Вы мне очень помогли.

8.00Р. И. ОБЕД
Большая столовая.

Затушив семь уголков двух кредитных карточек, Флетч побывал в двадцати номерах и люксах Плантации Хендрикса, прежде чем его поймали.

Он уже прикрепил «жучок» к изголовью кровати в номере 42 и направился к двери, когда в замочную скважину вставили ключ.

Флетч метнулся было к ванной, но замок уже щелкнул. Он застыл посреди комнаты, притворяясь, что внимательно изучает информационный листок, и прикидывая, как с его помощью объяснить свое появление в чужом номере.

Рядом с фамилией проживающего в номере журналиста он заносил цифру, значащуюся на устанавливаемом «жучке».

Ручка двери начала поворачиваться.

— Хана! — сказал он себе, не находя выхода из тушика. — Хана!

Дверь открывалась до невозможности медленно. На пороге, качаясь из стороны в сторону возникла Леона Хэтч, знаменитый радиокомментатор, ведущая свою программу непосредственно из Белого дома, рыжеволосая, в ярко-зеленом платье, висевшем на ней, как на вешалке. Ее слабая попытка задержаться взглядом на Флетче не удалась. Правое плечо стукнулось о косяк двери.

— О! — обратилась она к проникшему в ее номер вору. — Слава Богу, что вы здесь.

И начала падать. Флетч подхватил ее до того, как она шлепнулась на пол. Леона отключилась. От нее так и разлило спиртным.

Флетч осторожно положил ее на ковер. Разобрал постель, включил ночник и перенес Леону на кровать. С трудом расстегнул замок ожерелья. Для этого ему пришлось перевернуть семидесятилетнюю женщину на живот и отбросить с шеи редущие волосы. Ожерелье он положил рядом с ночником и оглядел Леону с головы до ног, думая, чем же еще ей помочь. Понял, что она в корсете, не дающем свободно вздохнуть.

— О, черт!

Вновь перевернул ее на живот, расстегнул «молнию» на спине.

— Хр-р-р-р-р,— вырвалось из горла Леоны.— Хр-р-р-р-р.

— Только не надо блевать,— попросил ее Флетч, стараясь стащить платье за подол. При этом Леона чуть не свалилась на пол, и Флетчу вновь пришлось укладывать ее на подушки. Он бросил платье на кресло и тут же понял, что предстоит снимать еще и комбинацию. С корсетом пришлось повозиться. Сей предмет Флетч видел в натуре впервые. И вообще, никогда ранее ему не доводилось снимать столько одежды с одного человека.

— Справимся,— подбадривал он себя.— Полагаю, она поступила бы точно так же, поменяйся мы ролями.

— Хр-р-р-р,— исторгалось из Леоны всякий раз, как Флетч поворачивал ее.— Хр-р-р-р-р.

Наконец освободив Леону от корсета и не касаясь последнего слоя нижнего белья, Флетч укрыл ее одеялом.

— Спокойной ночи, принцесса. — Он погасил ночник. — Приятных сновидений, а когда проснешься, не держи зла на неловкого грабителя.

Лампу на письменном столе он оставил зажженной, чтобы Леона, придя в себя, побыстрее поняла, где находится.

ГЛАВА 10

9.00 P. M. ПРИВЕТСТВЕННАЯ РЕЧЬ.

Хай Литвак: «Терроризм и телевидение».

— Я ожидал твоего появления, — пробурчал Боб Макконнелл. Обед уже близился к концу, когда Флетч занял свое место за круглым столиком на шестерых в дальнем углу зала.

Кроме Макконнелла, мужчины крупного, лет сорока, с усами и бакенбардами, за ним сидели Кристал Фаони и Фредерика Эрбатнот.

— Лишь в сказке за столиком для шестерых со мной могут сидеть только две женщины.

— Привет, Боб.

— Привет.

— Они посадили нас вместе, — наклонилась к Флетчу Фредерика Эрбатнот, — чтобы мы познакомились поближе.

— Это точно.

Флетч измерил взглядом расстояние, отделяющее их от главного стола.

— Похоже, организаторы конгресса не относят нас к важным персонам. Если сдвинуть наш столик на несколько футов вправо и убрать стену, то мы могли бы класть грязные тарелки в посудомоечную машину, не поднимаясь со стула.

— Ты прав, — кивнул Боб.

Несколькими годами раньше Роберт Макконнелл ушел из газеты и десять месяцев проработал пресс-секретарем кандидата в президенты Соединенных Штатов. Такой шанс выпадает раз в жизни. Но, к сожалению, тот кандидат так и не стал президентом. Боба взяли в газету, на прежнее место, но не с распростертыми объятиями.

Издатель Уолтер Марч полагал, что ошибка в суждении, ставка не на ту лошадь — несомненный минус, перевешивающий плюсы приобретенного опыта. По большому счету сам Уолтер Марч никогда не ошибался. В тот раз его газеты поддерживали другого кандидата, который и победил.

Все эти годы ушли у Роберта Макконнелла на то, чтобы преодолеть депрессию, моральную и финансовую, обусловленную его неудачным выбором.

— Сделали тебе массаж, сибарит? — спросила Кристал.

— Ты ходил на массаж? — сразу подобрался Боб. Для него — а репортер он был хороший — имела значение каждая мелочь.

— Потом меня потянуло в сон, — ответил Флетч.

— Пожалуй, и я последую твоему примеру,— решила Кристал.— Может, удастся согнать с себя хоть толику жира.

— Кристал, дорогая,— улыбнулся Флетч.— Какая же ты зануда.

— Я?

— Ты говоришь только о своем жире.

Опоздание Флетча привело к тому, что официант одновременно поставил перед ним все блюда: фруктовый и мясной салаты, ростбиф, картофель, зеленый горошек, торт с клубничным кремом и кофе.

— Принести вам что-нибудь выпить? — спросил официант.

— Нет, благодарю,— покачал головой Флетч.

— Потому что все только и говорят о нем,— возразила Кристал.

— Это ответная реакция. Ты же постоянно переводишь разговор на собственный жир.— Флетч пожевал дольки грейпфрута и апельсина.— Плантация Хендрикса дышит историей. Вазочка для фруктового салата, и та старинная.

— Я никогда не упоминаю собственный жир,— не согласилась с ним Кристал и полезла вилкой в его мясной салат.

— Ты никогда не упоминаешь ничего иного.— Флетч подвинул поближе к себе тарелку с ростбифом.— Ты из той породы людей, которые обожают свою кошку, собаку, яхту, сад или что-то еще и потому говорят только об этой чертовой кошке, собаке, яхте... Что я еще называл?

— Сад,— подсказала Фредди.

— О чертовом саде,— кивнул Флетч.— Занудство, занудство, занудство.

Кристал заедала салат хлебом.

— Это самозащита.

— Глупости. Тебе не от чего защищаться.

— Я жирная.

— У тебя прекрасная кожа.

— Да еще как много!

Кристал потянулась к тарту Флетча.

Фредерика Эрбатнот посмотрела на Роберта Макконнелла.

— Это Ай-Эм Флетчер. Он ладит со всеми.

— Глупая, навязчивая американская идея! — воскликнул Флетч.— Ну почему все должны казаться истощенными до предела?

— Кому бы об этом говорить, но только не тебе. Ты-то не жирный.— Голос Кристал звучал глухо: она набила рот тортом.

— В каждом тощем,— изрек Флетч,— сидит толстяк, жаждущий вырваться наружу.

Кристал искоса глянула на Флетча и более не смогла сдержаться. Они начали смеяться, смеяться, смеяться. Лево́й рукой Кристал держалась за бок, правую, с салфеткой, поднесла ко рту. Фредерика Эрбатнот и Роберт Макконнелл смотрели на них, не улыбаясь. Кристал протянула руку к чашке кофе. Флетч забарабанил кулаком по столу.

— Кофе не тронь!

От смеха Кристал чуть не свалилась со стула.

Роберт Макконнелл подозвал официанта.

— Принесите что-нибудь выпить. А то мы никак не развеселимся.

Официант оглядел пустые бокалы, вопросительно посмотрел на Флетча.

— Флетч? — спросил Боб.

— Мне все равно.

— Принесите бренди. Ему надо успокоиться.

— И еще один кусок торта, — добавила Кристал. — А не то я умру от голода.

Флетч отодвинул тарелку.

— Больше есть не могу. Слишком много смеялся. — Он повернулся к Кристал. — Хочешь доест, Кристал?

— Конечно.

Но тарелка так и осталась перед Флетчем.

— С кем вы разговаривали у себя в номере? — спросила Флетча Фредди.

— Разговаривал?

— Я не подслушивала, но стены тут тонкие.

— И вы все слышали через стену?

— У меня сложилось впечатление, что вы репетировали речь.

— Репетировал речь?

— Другого голоса я не слышала.

— Я говорил с Кристал. По телефону.

— Нет. — Фредди покачала головой. — Вы записывали свой голос на магнитофон, а потом прослушивали запись.

— Да, я воспользовался магнитофоном. Записал кое-что для себя.

— На какую тему? — Боб откинулся на спинку стула, чтобы официант смог поставить перед ним полный бокал.

— Я знаю! — вмешалась Кристал. — Великий специалист по части журналистских расследований Ирвин Морис Флетчер выяснил, кто убил Уолтера Марча.

— Пусть это покажется странным, но выяснил, — кивнул Флетч.

— Кто же? — прямо спросила Фредди.

— Роберт Макконнелл, — ответил Флетч.

Фредди глянула на Боба.

— Мотив?

— Несколько лет тому назад газеты Марча поддержали оппозицию. И увели конфетку буквально из-под носа Боба. Не так ли, Боб? — Лицо Макконнелла чуть побледнело. — Кандидат Боба мог и победить, если бы газеты Марча не приняли сторону его соперника. Боб попал бы в Белый дом. А вместо этого ему пришлось вернуться за прежний обшарпанный металлический стол в редакции, да еще с крупными долгами банку.

Взгляды мужчин перекрестились. Флетч слегка улыбался.

— На какую тему? — повторил Боб.

Флетч пожал плечами.

— О путешествиях. Я приехал из Италии. Между прочим, кто-нибудь видел Младшего?

Возраст Уолтера Марча-младшего приближался к пятидесяти, но его по-прежнему звали Младшим.

— Я слышала, он пьет,— подала голос Кристал.

— Джейк Уильямс увез его и Лидию на машине. Проверитесь.— Боб откинулся на спинку стула.— Чтобы они хоть немного отвлеклись от случившегося.

— То есть полиция требует, чтобы миссис Марч и ее сын оставались на этом чертовом конгрессе? — спросила Фредди.— Какая жестокость.

— Полагаю, они могут избрать этот путь,— кивнул Боб.— Если захотят.

— Когда за твоей спиной могущество «Марч ньюспейперз», можно рассчитывать на всемерное содействие и дружелюбие властей.

— По крайней мере внешнее,— пробурчал Боб.

— О, перестаньте,— отмахнулась дама, заявившая ранее, что приехала от журнала «Ньюсуорлд», но, похоже, незнакомя с хитросплетениями журналистских отношений.— В наши дни газеты не так уж и могущественны, как бывало.

Трое газетчиков переглянулись.

— «Марч ньюспейперз»? — переспросила Кристал Фаони.

— Еще как могущественны,— возразил Роберт Макконнелл.

— Да,— подтвердил Флетч,— они печатаются и продаются двенадцать месяцев в году.

За главным столом по стеклу застучала ложечка.

— Начинается.— Боб обреченно вздохнул.— Послеобеденная отрывка.

Флетч развернул стул, лицом к возвышению.

— У кого-нибудь есть сигара? — поинтересовался Боб.— Я давно мечтал о том, чтобы выдохнуть струю дыма в нос Хаю Литваку.

На возвышение поднялась Хелена Уильямс.

— Эта штукавина работает? — спросила она в микрофон.

Многokrатно усиленный голос отразился от стен.

— Нет! — ответила аудитория.— Разумеется, нет!

— Спроси еще раз, Хелена! — попросила аудитория.

— Добрый вечер,— поприветствовала Хелена собравшихся.

Сидящие за столами перестали скрипеть стульями и откашливаться.

— Несмотря на трагические обстоятельства, связанные со смертью президента Ассоциации американских журналистов Уолтера Марча...— Она зашнулась, тяжело вздохнула, но, переборов себя, продолжила:— ...я рада видеть вас всех. Добро пожаловать на сорок девятый ежегодный конгресс Ассоциации американских журналистов. Уолтер Марч собирался обратиться к вам с приветственной речью, но...

— Но старину Марча отправили домой в гробу,— прошептал Роберт Макконнелл.

— Разумеется, никто из нас не сумел заменить его. Так что давайте вспомним все хорошее, что он сделал для Ассоциации, для каждого из нас и для всех нас за те долгие годы...

— Тут есть что вспомнить,— пробурчал Роберт Макконнелл.

— Это точно,— поддержала его Кристал Фаони.

— ...и почтим его память минутой молчания.

— Эй, Флетч, у тебя есть колода карт,— громким шепотом нарушил Роберт Макконнелл пожелание Хелены.

За другим столиком Тим Шилдз замахал рукой, подзывая официанта с полным бокалом.

— Я уверена, причиной тому не эти трагические обстоятельства, а то, что президент Соединенных Штатов отменил свое выступление на нашем конгрессе, назначенное на среду.

— Жаль.— Боб посмотрел на Флетча.— Я привез с собой ножницы.

— ...Однако вице-президент сможет приехать.

— Администрация решила, что полностью игнорировать нас не стоит,— прокомментировала Кристал Фаони.— Собственно, что произошло? Удар в спину — наша излюбленная практика. Просто на этот раз он нанесен более открыто.

— И еще одно объявление, прежде чем я дам слово Хаю Литваку. Позвольте представить вам Эндрю Нила, капитана полиции штата Вирджиния, который ведет расследование убийства бедного Уолтера...

И Хелена отступила от микрофона.

Из-за столика у двери поднялся мужчина с коротко стриженными, тронутыми седой волосами, в гражданской одежде, но с военной выправкой и направился к возвышению.

— Готов поспорить, он скажет: «Последнее по счету, но не по значению»,— отреагировал Боб Макконнелл.

Чуть покраснев, капитан Нил наклонился к микрофону.

— Добрый вечер.— Приятный бархатный баритон.— Примите мой соболезнования в связи с трагической гибелью президента вашей Ассоциации.

— Принимаем, принимаем,— покивал Боб.

— Во-первых, я хочу попросить вас не отменять конгресс. Разумеется, смерть Уолтера Марча наложит отпечаток на ваши заседания...

— Еще как наложит,— буркнул Боб.

— ...но, заверяю вас, мы приложим максимум усилий, чтобы как можно меньше мешать вам заниматься своими делами. Во-вторых, нам, разумеется, понадобятся показания всех, кто находился на Плантации Хендрикса во время этого трагического происшествия. Заранее благодарю вас за содействие расследованию.

В-третьих, я понимаю, что сейчас меня окружают лучшие репортеры мира. Откровенно говоря, я ощущаю себя Даниилом в клетке со львами. Каждый из вас полагает, и это абсолютно справедливо, что ваши газеты, а также теле- и радиокomпании должны наиболее полно освещать расследование, а потому обещаю держать вас в курсе происходящего. Но, пожалуйста, поймите, что мне поручено нелегкое дело. Многие уже обращались ко мне с вопросами. Я могу ответить на все, но тогда у меня не останется времени на расследование. Если мы выявим важные улики, будьте уверены, вы о них узнаете первыми. А потому

я хотел бы попросить вас не давать волю воображению и не муссировать слухи и досужие домыслы.

— Сейчас,— шепнул Флетчу Боб.

— И последнее, по счету, но не по значению.— Капитан Нил не подвел Боба.— Если кому-то из вас известна важная информация, которая может помочь нам в розыске убийцы, мы надеемся, что вы поделитесь ею со мной или с моими сотрудниками.

Сегодня утром здесь, на Планации Хендрикса, кто-то убил Уолтера Марча. Убил не спонтанно, а обдуманно, тщательно все подготовив. С той минуты ни один человек не покинул отель. Так что убийца среди нас, возможно, даже в этом зале. Поэтому, повторюсь, я с благодарностью приму любую помощь.— Капитан Нил оглядел зал и выпрямился.— Благодарю за внимание.

— Хороший парень,— похвалил его Боб.— И, похоже, знает свое дело.

— Умный и порядочный,— добавила Кристал.

— Неудачник,— высказала свою точку зрения Фредди Эрбатнот.

— Готов поспорить, он скажет: «Не пристреливайте гонца»,— откликнулся Боб Макконнелл на появление у микрофона Хая Литвака.

Кристал и Флетч лишь пожали плечами.

Хая Литвака, ведущего вечернего информационного выпуска, уважали и ценили все, кроме журналистов, большинство из которых просто ему завидовали.

Симпатичный, держащийся с достоинством, с безупречными манерами, хорошо поставленным голосом, знающий себе цену, Хай Литвак уже многие годы получал фантастическое жалование. Пожалуй, ни один из журналистов не мог сравниться с ним богатством. Завидовали еще и потому, что в своем деле ему также не было равных.

— Добрый вечер.— Знаменитый голос наполнил зал.— Когда мне предоставляют возможность выступить, я стараюсь затронуть те темы, о которых меня наиболее часто спрашивают, независимо от того, хочу я говорить о них или нет.

В последнее время более всего мне задают вопросы о терроризме, вернее, о том, должно ли телевидение показывать результаты террористических актов, не способствует ли оно тем самым пропаганде терроризма, не подвигает ли будущих террористов на новые безумства.

Я ненавижу показывать то, что вытворяют террористы. Я ненавижу читать об их деяниях. Я ненавижу сообщать об этом телезрителям. Наверное, в таком отношении к терроризму я не одинок. Но не телевидение создало терроризм. Терроризм, как любая другая форма преступления или безумия, заразителен. Он возобновляет себя сам. Один случай терроризма вызывает два других, а потом идет цепная реакция.

Никогда еще этот социальный феномен, когда одни террористические акты стимулировали все новые и новые, не проявлялся столь ярко, как в начале двадцатого столетия. Но тогда никто и подумать не мог не только о выпусках телевизионных новостей, а и о самом телевидении.

Террористический акт — это событие. Это новости. И наша работа — доносить новости до людей, нравятся они нам лично или нет.

— Сейчас, — прошептал Боб Макконнелл.

— Обвинять телевидение в распространении терроризма, — продолжал Хай Литвак, — только потому, что оно показывает последствия террористических актов, все равно, что пристреливать гонца, принесшего плохую весть...

ГЛАВА 11

В уединении спальни Кэрол говорила мужу: «...наверное, не смогу свыкнуться с этим, даже если доживу до ста лет».

— С чем?

— С тобой.

Из динамика послышалось бульканье.

Прежде чем уйти на обед, Флетч настроился на комнату Леоны Хэтч, номер 42, чтобы убедиться, все ли с ней в порядке, и, если потребуется, прийти на помощь. Он ожидал, что на пленку запишется лишь похрапывание, но удивительная машина сработала иначе. Как и все государственное, она обладала собственной системой приоритетов.

Поначалу он услышал храп Леоны Хэтч из номера 42 по приемному блоку 22. Затем зажглась лампочка приемного блока 21, и из динамика раздался шум спускаемой воды в туалете номера 48, который занимал Шелдон Леви. Следом включился приемный блок 4, и Элеонор Иглз из четвертого «люкса» пожаловалась Флетчу: «...Одеваться к обеду, чтобы выслушивать глупости, изрекаемые Хаем Литваком. Ужасно! Но, не приди я, «Ти-ви гайд» * на трех страницах поминал бы мой снобизм и неуважение к этой звезде американской журналистики...» — а уж потом приемный блок 2 донес до него разговор Кэрол и Хая Литваков из пятого «люкса».

По всему выходило, что приоритетным становился источник шума, регистрируемый микрофоном с меньшим порядковым номером.

Флетч просмотрел заимствованный у телефонисток список с проставленными им самим номерами микрофонов и, к собственному удивлению, обнаружил, что разместил микрофоны едва ли не в полном соответствии с заложенной в машину схемой.

Во всяком случае, приемный блок 1 держал его в курсе происходящего в двенадцатом «люксе», куда перевели Лидию Марч и Уолтера Марча-младшего. Микрофон 2 стоял у Литваков в пятом «люксе», 3 — у Хелены и Джейка Уильямсов в седьмом, 4 — у Элеонор Иглз в девятом. В третьем «люксе», пока пустующем, — там убили Уолтера Марча — Флетч установил микрофон номер 5. В комнате 77, куда поселили Фредерику Эрбатнот, — микрофон номер 23.

* Популярный еженедельник, издающийся в США.

— Просто чудо,— похвалил Флетч доставшуюся ему машину.— Ходит, говорит, кричит «Мама!» и пишет настоящим апельсиновым соком.

Хай Литвак довольно долго полоскал свое знаменитое горло. Весь этот процесс Флетч добросовестно зафиксировал на магнитофонной ленте.

— Взять хотя бы тебя, самого удачливого, самого уважаемого журналиста в стране, в целом мире, к тому же мультимиллионера, а тем не менее ты не можешь сказать все, что хочешь, всю правду,— укоряла мужа Кэрол.

— О чем ты? — Голос Литвака звучал устало.

— Вот и в сегодняшнем выступлении ты говорил одно, а мне, о том же терроризме и телевидении, совсем другое.

Постельный разговор, начатый женой, не вызывал у Хая Литвака ничего, кроме скуки.

— Чем больше времени мы уделяем террористам и убийцам, тем больше желающих совершать акты террора и убийства лишь ради саморекламы. Я упомянул и об этом. Слишком много людей жаждут попасть в объектив телекамеры, даже с пистолетом в руке, в наручниках или лежа на мостовой, прошитыми пулями полицейских... Что еще из сказанного внизу я должен повторить тебе? Я признал, что такое положение существует. Но я не знаю, что с этим делать. И никто не знает. Новости есть новости, и редко они бывают хорошими.

Женский вздох.

— Мне ты говорил иное.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Отлично понимаешь. Раз за разом ты повторял мне, что показ актов терроризма повышает рейтинг телепрограммы, а потому все компании стараются перецеголять друг друга. Особенно им нравится выносить на экран не итог, а сам процесс.

— Драматичность ситуации всегда берет зрителей за живое.

— Да, люди не могут оторваться от телевизоров, если видят себе подобных под дулом автоматов. А еще лучше с приставленными к горлу ножами. Ты сам это говорил.

— Да,— признал Литвак,— говорил. Тебе.

— Но не сказал об этом сегодня. В своей речи. Стоит вам узнать о террористическом акте, как весь отдел новостей приходит в движение. Ты мчишься на студию днем или ночью. Люди включают телевизоры. Зрительский рейтинг поднимается.

— Потому что все любят смотреть хорошую драму.

— А рекламные ролики видят большее число потенциальных покупателей. Вот какой-то псих из Чикаго или из Кливленда захватил заложниками двадцать человек, чтобы выразить свой протест обществу, а по всей стране, в директоратах больших и маленьких компаний, радостно потирают руки, потому что этот псих помогает распродавать произведенные обществом товары, тем самым способствуя дальнейшему процветанию общества.

— Все мы трудимся ради процветания общества.

— Ты это говорил. Мне. Почему же ты не донес эту мысль до сегодняшних слушателей? Или ты так слился с обществом, что

не можешь высказать истинные мысли, как требует твой журналистский долг?

— Нет, — ответил Хай Литвак. — Я хороший журналист, а потому оставляю цинизм при себе.

Последовала долгая пауза. Флетч ожидал, когда же его чудесная машина переключится на другой микрофон. И уже намеревался переключить ее сам, когда в динамике вновь раздался голос Кэрол Литвак:

— О, Хай! Ты даже не понимаешь, о чем я говорю.

— Наверное, нет.

— Сегодня днем ты примчался из Вирджинии и сразу же записал на пленку панегирик Уолтеру Марчу для вечернего выпуска новостей. «Мы все потрясены убийством великого журналиста Уолтера Марча из «Марч ньюспейперз». — Она имитировала интонации мужа. — Жизнь его трагически оборвалась на конгрессе Ассоциации американских журналистов, председателем которой он являлся».

— И что в этом плохого?

— Ты даже по-настоящему не знал Уолтера Марча.

— Человек не остров, надеюсь, тебе это известно.

— Ты встречался с ним несколько раз, а потом всегда говорил о нем одно и то же. Нахал!

— Кэрол? Как насчет того, чтобы поспать?

— Ты меня не слушаешь.

— Нет. Не слушаю.

— А теперь вы раздуете до небес убийство Уолтера Марча лишь потому, что здесь собрались самые известные журналисты, рейтинг ваших программ зависит от таких вот дешевых драм, вы соперничаете между собой, даже поднимая бокалы «мартини». Наверное, о второй мировой войне говорилось с экрана меньше, чем вы скажете об убийстве Уолтера Марча.

— Кэрол!

В знаменитом голосе уже не чувствовалось сонливости. Наоборот, создавалось впечатление, будто его обладателю только что сообщили о начале третьей мировой войны.

— Ты по-прежнему не понимаешь, о чем я говорю.

— Мне что, уйти спать в гостиную?

— Ты не отдаешь отчет в своих поступках. Тебе это не под силу.

— Кэрол..

— Раздувая убийство Марча, вы толкаете кого-то другого, — а таких, жаждущих известности, сотни, — к мысли о том, не сможет ли он всадить нож или ножницы, а может, что-то иное в спину еще одного, не менее знаменитого американского журналиста.

— Кэрол, ради Бога!

— Мне остается лишь надеяться, что следующим за Марчем убьют не тебя.

Флетч переключился на приемный блок 22 и три минуты вслушивался в храп Леоны Хэтч.

Методом проб и ошибок он выяснил, что переключения с блока на блок можно добиться, нажав и подержав соответствующую кнопку.

Через блок 23 до него донесся шум льющейся воды и голос Фредерики Эрбатнот: «Теперь помоем левое колено... А теперь правое...»

— Хорошие колени,— покивал Флетч.— Но предательское сердце.

Приемный блок номер 8 стоял в «люксе» известного сатирика Оскара Перлмана, еженедельную колонку которого печатали многие газеты.

— ...платишь пять долларов, а получаешь не сигару, а какую-то дрянь.

— А где сейчас возьмешь хорошие сигары?

— Я играю. Две карты.

— Литвак...

Оскар Перлман написал пьесу и несколько книжек, часто выступал на телевидении, поэтому Флетч узнал его голос.

Относительно остальных он не мог сказать ничего определенного. Даже не знал, сколько народу собралось у Перлмана. Правда, предположил, что это нью-йоркские газетчики.

— Паршивая пустышка.

— Кто это говорит о Литваке?

— А вы сразу поняли, о ком речь? Я пас.

— Он просто красавчик,— вставил Перлман.

— Он не журналист, а актер.

— Нам, уродам, не остается ничего другого, как завидовать ему,— признал Перлман,— потому что он симпатяга.

— Никакой он не актер. Кто-нибудь видел, как он паясничал в вечернем выпуске новостей?

— Какую часть годового дохода он зарабатывает своей физиономией, Уолтер?

— Физиономией и голосом? Тридцать процентов.

— Девяносто, Оскар. Девяносто.

— Он выглядит, как отец любого из зрителей. Когда его видели в последний раз, выставленным в гробу.

— Кому сдавать?

— Иногда, парни, зависть застилает вам глаза, и вы забываете, что Хай Литвак — хороший журналист,— не согласился Оскар Перлман.

— Хороший журналист?

— Не мешай, я сам соберу карты. От твоей нерасторопности так и тянет выпить.

— Дерьмо.

— Оскар, кажется, я видел тебя в столовой, когда Хай Литвак произносил речь. Мне даже показалось, что ты сидел за соседним столиком.

— Каюсь, сидел.

— Ты слышал его речь и по-прежнему утверждаешь, что Хай Литвак — хороший, честный журналист?

— Эта речь написана для заседания дамского общества где-нибудь в Огайо,— вмешался кто-то.— Но не для коллег, Оскар.

— Это правда, — согласился Перлман.

— Заносчивый, самодовольный мерзавец.

— К чему столь суровая оценка? — спросил Перлман. — Он отнюдь не первый оратор, ошибающийся со слушателями. Что же ему делать? Повеситься на шнуре микрофона?

— По крайней мере он мог попросить одного из своих бесчисленных подчиненных написать ему новую речь специально для нас.

— Вы завидуете ему и потому, что его годовой доход исчисляется суммой со многими нулями.

— Твой тоже, Оскар, — изрек кто-то после долгой паузы.

— Согласен. Только вы нашли способ заставить меня поделиться с вами — за покерным столом.

Ему ответил дружный смех.

— Оскар защищает Хая, потому что они оба достигли вершины. Самые богатые журналисты.

— Совершенно верно, — согласился Оскар. — Только Литвак умнее меня. Он не играет в покер.

— Ты собираешься написать в своей колонке о смерти Уолтера Марча, Оскар?

— Я не вижу ничего забавного в том, что человеку всадили в зад ножницы. Даже я не смогу заставить читателей смеяться над этим.

— Не может быть.

— Две двойки. Два короля.

— Тебе не повезло. Пять в масть.

— Нет, не смогу.

— В какую сумму обошелся тебе Уолтер Марч, Оскар?

— Дело не в деньгах. Я горюю.

— А я думаю, ты мог бы предъявить ему солидный счет. Впервые, когда ты работал на него в Вашингтоне, он много лет не разрешал тебе печатать твою колонку в других издательствах. Не печатал ее даже в своих газетах.

— Он говорил, что смешное в Вашингтоне не покажется таковым в Далласе. Насчет Далласа он ошибался.

— А когда ты все-таки вышел на другие издательства, он подал на тебя в суд, утверждая, что колонка создана в его газете, а потому авторское право принадлежит ему.

— Никто не сумел разбогатеть, работая у Уолтера Марча.

— Так сколько все это тебе стоило, Оскар?

— Ни цента.

— Ни цента?

— Нельзя осуждать талант.

— Ты не откупился от него?

— Разумеется, нет.

— А услуги адвокатов?

— Кое-что пришлось заплатить.

— Ты обиделся?

— Еще как. Так и не простил его. Откровенно говоря, и не прощу. Никогда.

— А он разом сменил тактику, да? Начал зудеть, что твоя колонка должна печататься в его газетах.

— Этот мерзавец третировал меня из-за каждого заключенного договора, в каком бы захолустье ни издавалась эта газета.

— И такое тянулось долгие годы. Так, Оскар?

— Что мы тут делаем, играем в карты или готовим статью?

— Я ничего не понимаю. — Другой голос. — Уолтер Марч все эти годы сидел у тебя на хвосте. Так с чего сейчас горевать, Оскар?

— Ты, наверное, не знаешь, какими методами пользовался Уолтер Марч?

— Вы только посмотрите. Девятка, десятка, дама.

— Шантаж. Постоянный шантаж.

— Этот сукин сын держал на службе не только журналистов, но и частных детективов. — Еще один голос. — Последних числом поболе, да и платил он им лучше.

— И не требовал от них материалов в номер.

— Скользкий тип. Очень скользкий.

— Дерьмо. Сукин сын. Я пас.

— То есть Уолтер Марч шантажировал тебя, Оскар?

— Нет. Но пытался. Держал меня под постоянным наблюдением. Я лечу первым классом, один из его подонков — вторым. В какой бы город я ни приезжал, в вестибюле отеля меня уже ждали, дабы убедиться, что я поднимаюсь по лестнице один. Мелочь, конечно, но приятного мало.

— И организовывал это высокоуважаемый праведный Уолтер Марч?

— Высокоуважаемый праведный Уолтер Марч, президент Ассоциации американских журналистов. Ты голосовал за него? Дай мне одну карту, и непременно короля треф.

— Я благодарен ему. Все эти годы он держал меня в форме. Я даже ни разу не солгал жене.

— Оскар, и ты по-прежнему не находишь ничего забавного в том, что кто-то всадил ножницы ему в зад?

— Для колонки нужно найти что-нибудь посмешнее.

— Как я понимаю, мы не спим вместе?

— Кто это? — спросил Флетч в телефонную трубку.

Часы показывали двадцать минут второго. Он уже спал полчаса.

— Черт бы тебя побрал! — ответила Фредди Эрбатнот. — Будь прокляты твои глаза, твой нос, твой конец.

В трубке раздалась гудки отбоя.

ГЛАВА 12

9.30 А. М. БОГ УМЕР ИЛИ ПРОСТО В ДЕПРЕССИИ?

Выступление преподобного Джеймса Колфорда.

Оражера.

10.00 А. М. ЕСТЬ ЛИ ТАМ КТО-НИБУДЬ?

Семинар секции еженедельных изданий.

Коктейль-холл Бобби-Джо Хендикса.

Флетч завтракал в своем номере, слушая, как Эндрю Нил, капитан полиции штата Вирджиния, ведет допрос Лидии Марч и Уолтера Марча-младшего, в двенадцатом «люксе».

Началось все с взаимного обмена любезностями. Капитан Нил: «Я понимаю, что для вас это невыносимо трудно, миссис Марч». Лидия: «Я знаю, что это необходимо». Капитан: «Благодарю вас. Я вам искренне сочувствую. Только крайняя необходимость нуждается меня беспокоить вас в такую минуту...»

По ходу диалога Флетч умял половину грейпфрута.

Младшего пришлось звать из спальни.

— Реакция у него сегодня замедленная. — Миссис Марч. — За всю ночь мы не сомкнули глаз.

— Привет, капитан. — Голос Младшего звучал не так четко, как капитана или Лидии.

— Доброе утро, мистер Марч. Примите мои соболезнования, но, как бы мне этого ни хотелось, я обязан...

— Совершенно верно. Как бы вам этого ни хотелось.

— Если вы еще раз повторите, при каких обстоятельствах нашли... Вы не будете возражать, если я включу диктофон?

— Диктофон? — переспросил Младший. — Разумеется, нет, капитан. Делайте все, что считаете нужным.

— Тогда мне не придется во всем полагаться на память и скорее всего больше я вас не побеспокою. Наиболее важно определить точное время этого... инцидента.

— Инцидента! — воскликнул Младший.

— Извините. — В голосе капитана звучала печаль. — Я не смог подобрать подходящего слова.

— Это заметно.

— Особенно нас интересует...

— Я сделаю все, что смогу, капитан. Только мне...

— Миссис Марч, прошу вас, опишите все, с мельчайшими подробностями, начиная с того мгновения, как вы проснулись вчера утром.

— Хорошо. Мы, Уолтер и я, собирались позавтракать в восемь утра с Хеленой и Джейком Уильямс, Хелена — исполнительный секретарь Ассоциации, хотела в последний раз проверить, все ли в порядке. Вы понимаете, обсудить проблемы, которые могли еще возникнуть перед началом конгресса...

— Вы предполагали, что они возникнут?

— Что?

— Проблемы.

— Нет. В общем-то нет. Была одна загвоздка с президентом.

— Президентом чего?

— ...Соединенных Штатов.

— О! И в чем она заключалась?

— Простите?

— Я про загвоздку, связанную с президентом Соединенных Штатов.

— Ну, видите ли, он не играет в гольф.

— Я знаю.

— Намечалось, что он прибудет на вертолете в три часа дня.

И мы никак не могли решить, чем занять его до обеда. Все

президенты Соединенных Штатов играли в гольф. Практически все. Но нынешний президент не играет в гольф. Вечером мы тоже говорили об этом, предлагая разные варианты, чем занять президента Соединенных Штатов на четыре часа. Вот Джейк, то есть мистер Уильямс, предложил запустить в бассейн карасей и дать президенту сеть, чтобы он всех их выловил. Ой, наверное, мне не следовало это говорить. А, Младший?

— И что вы решили?

— Кажется, склонялись к футбольному матчу. Президент и агенты Секретной службы против команды журналистов. Только на Плантации Хендрикса нет футбольного поля. Да и где оно есть? И потом, Джейк задал резонный вопрос: а как будет истолкована победа сборной прессы над президентом Соединенных Штатов?

— Действительно, как, мистер Нил? — подал голос Младший.

— Нормально, — ответил капитан. — Миссис Марч...

— Вице-президент, слава Богу, играет в гольф, — откликнулась та.

— В котором часу вы проснулись, миссис Марч?

— Точно сказать не могу. В четверть восьмого? Я услышала, как закрылась дверь «люкса».

— Это я выходил в вестибюль за газетами, — пояснил Младший.

— Уолтер уже поднялся с постели. Он давно взял за правило вставать раньше меня. Я слышала, что он в ванной. Полежала несколько минут, дожидаясь, пока он выйдет оттуда.

— Дверь в ванную была закрыта?

— Да. Потом в гостиной включили телевизор. Утренний выпуск новостей. Я встала и пошла в ванную.

— Извините. Как мог ваш муж попасть из ванной в гостиную, минуя вашу спальню?

— Он прошел через спальню Младшего. Не хотел беспокоить меня.

— Миссис Марч, получается, что вчера утром вы не видели вашего мужа?

— О, капитан Нил!

— Извините. Я имею в виду живым.

— Нет, не видела.

— Как же вы узнали, что в ванной был он?

— Капитан, мы поженились пятьдесят лет тому назад. За это время привыкаешь к определенным звукам, свойственным членам семьи. Их узнаешь даже в отеле.

— Понятно. Вы были в ванной. В гостиной работал телевизор...

— Я услышала, как дверь «люкса» снова закрылась, и решила, что Уолтер пошел вниз выпить чашечку кофе.

— Но телевизор не выключил?

— Нет.

— Значит, закрывшаяся дверь могла означать, что кто-то вошел в гостиную?

— Нет. Поначалу я подумала, что вернулся Младший, но поняла, что ошиблась.

— Почему?

— Я не услышала их разговора.

— А они бы заговорили?

— Обязательно. О заголовках. Газетах. Выпусках новостей. Мой муж и сын — газетчики, капитан Нил. Каждый день появляется что-то новое.

— Взяв газеты, я прошел в кафетерий и позавтракал,— добавил Младший.

— Итак, миссис Марч, вы слышали, как вновь закрылась входная дверь, но ваш муж никуда не ушел. И вы думаете, что никто не входил в гостиную, потому что он ни с кем не заговорил.

— Полагаю, все так. Естественно, я могу ошибаться. Но я пытаюсь вспомнить все, как было.

— Извините, пожалуйста, но вы уже находились в ванной, когда услышали, как второй раз закрылась входная дверь? По всему получается, в этот момент из «люкса» кто-то вышел.

— О, ну, конечно. Вы совершенно правы.

— Сын-то ваш еще не пришел, муж — не ушел, и вы не услышали разговора в гостиной. Другого объяснения я не нахожу.

— Какой же вы умный!

— И что потом? Вы лежали в ванной...

— Точно сказать не могу. Но мне показалось, что дверь открылась. Наверняка так оно и было. Потому что, когда я вышла в гостиную, когда увиде... увиде... дверь в коридор была открыта.

— Успокойся, мама.

— Извините, капитан Нил. Мне так тяжело.

— Может, вы хотите прерваться? Выпить кофе? Или чего-нибудь еще?

— А может, и вам налить для бодрости, капитан Нил?

— Пожалуй, рановато.

— Тогда продолжим. Я услышала кашель Уолтера. Он никогда не кашляет. Даже по утрам. Он никогда не курил. Потом он захрипел. Я крикнула: «Уолтер! Что с тобой? Уолтер?»

— Не надо так волноваться, миссис Марч.

— Хрипы прекратились, и я подумала, что с ним все в порядке. Зазвонил телефон. Уолтер всегда снимал трубку после первого же звонка. А тут телефон прозвонил дважды, трижды. Вот когда я испугалась. Крикнула: «Уолтер!» Потом выскочила из ванны, схватила полотенце, открыла дверь в спальню...

— Чью спальню?

— Нашу. Мою и Уолтера... Уолтер стоял на коленях у кровати, словно не мог залезть на нее... Он пришел из гостиной... Дверь между ней и спальней была открыта... Ножницы... Я ничего не могла поделать... Он начал сползать на пол... Мужчина он был крупный... Я бы не сумела удержать его, даже если бы смогла сдвинуться с места! Упав на пол, он перекатился на спину... ножницы... лицо его так побледнело... Капитан Нил, на его губах появились кровавые пузыри...

— Мистер Марч, почему бы вам не дать вашей матери глотнуть из бокала?

— Выпей, мама.

— Нет, нет. Сейчас все пройдет. Один момент.

— Ты только пригуби.

— Нет.

— Если хотите, остальное мы можем перенести на потом, миссис Марч.

— Я даже не понимаю, как прошла через гостиную, как оказалась в коридоре. В голове у меня вертелось только одно — Хелена, Джейк... Я знала, что они в седьмом «люксе»... Вечером мы выпили по паре коктейлей... По коридору шел какой-то мужчина... Я видела его со спины... Ни у кого в мире, капитан, не было повода убивать моего мужа. Да вы сами можете убедиться в этом. Просмотрите утренние газеты. Включите телевизор. Как тепло говорил о нем Хай Литвак. Все журналисты потрясены случившимся. Все они, капитан Нил, любили моего мужа...

ГЛАВА 13

11.00 А. М. БОГ В МОЕЙ ПИШУЩЕЙ МАШИНКЕ. Я ЭТО ЗНАЮ.

Уэртон Круз.

Франкфурт.

ПРЕССА И ТЕКУЩИЕ СОБЫТИЯ: ГНАТЬСЯ ИЛИ СЛЕДОВАТЬ В ОТДАЛЕНИИ?

Семинар секции еженедельных изданий.

Коктейль-холл Бобби-Джо Хондрикса.

— Мистер Флетчер?

Флетч, сидевший в пезлонге рядом с бассейном, искоса глянул на юношу в белых шортах, с надписью ПЛАНТАЦИЯ ХЕНДРИКСА на рубашке.

— Да.

— Вы заказывали корт на одиннадцать утра?

— Я?

— Вы Ай-Эм Флетчер?

— Один из нас наверняка.

— Мы ждем вас на корте в одиннадцать часов.

— Благодарю.

— Вам понадобятся ракетка и мячи, сэръ?

— Да. И партнер. Утомительно, знаете ли, играть в теннис одному. Взад-вперед не набегаешься.

— То есть вам нужен инструктор?

— Не обязательно. Готов играть с кем угодно, лишь бы он перебрасывал мячи через сетку.

— Тогда около одиннадцати загляните в комнату инструкторов. Мы приготовим вам ракетку и мячи. Шорты у вас есть?

— Принесите их в мой номер. Семьдесят девятый.

— Хорошо.

— Благодарю. — Флетч закрыл глаза, греясь на солнышке.

Ножки соседнего шезлонга заскрежетали по гравию. Флетч повернул голову, приоткрыл глаз.

— Вы — Фишер, не так ли?

Рядом с ним сидел Стюарт Пойнтон, в зеленой рубашке, темно-бордовых брюках, желтых ботинках, этаким сочетании салата, томатного супа и лимона.

— Флетчер, — поправил его Флетч.

— Совершенно верно, Флетчер. Кто-то говорил мне о вас.

— Кто-то говорит вам о всех и о каждом.

Из вежливости Стюарта Пойнтон можно было бы назвать политическим обозревателем. Но вежливость плохо уживалась со Стюартом Пойнтоном.

В его колонке политике не находилось места: вся она уходила на самих политиков и других власть предержащих.

— Вы меня знаете? Пойнтон. Стюарт Пойнтон.

— О! — Флетч чутко отреагировал на выказанное Пойнтоном дружелюбие. — Всегда рад.

— Так вот о чем я думаю. — Пойнтон смотрел на свои руки, зажатые между колен. — Работать мне здесь сложно. Эти собрания, заседания. Дело в том, что все здесь меня знают и... следят за мной. — Он огляделся. — Вы меня понимаете?

— Естественно.

— Трудно работать, тем более вести собственное расследование. Убийство Уолча Марча — настоящая сенсация.

— Вы имеете в виду Уолтера Марча?

— Я и сказал — Уолтера Марча. Дело в том, что я могу задавать вопросы, но эти идиоты, съехавшиеся на конгресс, они, похоже, получают удовольствие, вешая лапшу на уши Стюарту Пойнтону. Некоторые уже попытались. Вы даже представить себе не можете, что они мне говорили, да еще глядя прямо в глаза, будто на полном серьезе.

— Ясно, — кивнул Флетч.

— Конечно, винить их не за что. В конце концов это конгресс. И развлечения, и розыгрыши — его неотъемлемая часть.

Флетч приподнял спинку шезлонга.

— Дело в том, что я — Стюарт Пойнтон. — Вновь короткий взгляд по сторонам. — Вы меня понимаете?

— Несомненно.

— И я здесь.

— Это точно.

— И весь мир знает, что я здесь.

— Истинно так.

— И здесь, на Плантации Кендрикса, такое происшествие!

— Плантация Хендрикса.

— Что?

— Хендрикса. Первая буква «Х».

— Я чувствую, что должен помочь найти убийцу Уолча Марча.

— Уолтера.

— Интуиция подсказывает мне, что достаточно какого-то пулячка, чтобы схватиться за кончик веревки и распутать весь клубок.

— Да, конечно, но сначала надо найти убийцу и доказать его вину.

— Не без этого.

— Разгадка убийства Уолтера Марча будет неплохо смотреться в вашей колонке. Возможно, вам даже придется уделить этому не один, а два абзаца.

— Дело в том, что все знают, что я здесь, — тяжело вздохнул Стюарт Пойнтон. — И все знают, что разгадка убийства — сенсация. Но я слишком известен, а потому руки у меня связаны.

— Я вас понимаю.

— Джек Уилльямс говорил мне, что в журналистском расследовании вы — король. Вчера вечером я спросил его, кто бы мог мне помочь, выяснить кое-что для меня, проверить некоторые версии. Вы безработный?

— Живу на проценты с накопленного ранее состояния.

— То есть если у вас появится интересный материал, возникнут трудности с его публикацией?

— Да, на первой полосе меня не ждут.

— Я так и думал. Может, мы сможем найти взаимоприемлемый вариант. Вот что я предлагаю. — Пойнтон вновь уставился на зажатые коленями руки. — Вы будете моими ушами и глазами. На вас ляжет сбор информации. Походите вокруг, пообщайтесь с тем, с другим. Как вы будете добывать сведения, меня не касается. Мне нужны только факты. Посмотрим, что вы сможете откопать. А уж с добычей прошу ко мне.

Вопрос, вертящийся на языке Флетча, так и остался невысказанным. Пойнтон откинулся на спинку шезлонга.

— В зависимости от того, что вы узнаете, разумеется... по возвращении в Нью-Йорк... ну, возможно, мне понадобится еще один информатор.

— Возможно?

— Трое, слугами которых я пользуюсь, слишком уж известны. Вот почему я не смог привести их сюда. Все журналисты знают их в лицо. Можно сказать, они уже вышли в тираж.

— Чертовски интересное предложение! — воскликнул Флетч. Пойнтон нервно глянул на него.

— Информатор Уолтера Пойнтона. Потрясающе!

— Стюарта, — поправил его Пойнтон.

Флетч уставился на него.

— Разумеется, я оплачу ваши расходы на Плантации Кендрика, — продолжил Пойнтон, — потому что вы будете работать на меня, — и повернулся к Флетчу: — Вы это сделаете?

— Кто бы стал спорить.

— Так вы согласны?

— Естественно.

— Скрепим договор. — Пойнтон протянул руку, которую Флетч незамедлительно пожал. — А теперь скажите, — рука вернулась на прежнее место между колен, — что вам уже удалось выяснить?

— Не много, — признал Флетч. — Я же не работал.

— Перестаньте, — отмахнулся Пойнтон. — Журналистский инстинкт...

— Я приехал только вчера...

— Но что-то вы слышали.

— Ну... разумеется.

— Что именно?

— Тут говорили о портье.

— Портье этого отеля?

— Ну да. Похоже, Уолтер Марч очень рассердился по приезде на Плантацию Хендрикса. Портье отпустил какую-то шуточку в адрес миссис Марч. Марч спросил его фамилию и пообещал утром пожаловаться управляющему отеля... Портье вроде бы по уши в долгах... Вы понимаете, большой любитель скачек.

— Это же напрямую связано с ножницами, — глубокомысленно заметил Пойнтон.

— Какими ножницами?

— Теми самыми. Из спины Уолтера Марча. Их взяли с регистрационной стойки в вестибюле отеля.

— Однако! — воскликнул Флетч.

— Становится понятным и время убийства.

— То есть?

— Портье должен был расправиться с Марчем до того, как последний выйдет из своего номера.

— А ведь вы правы!

— И еще, становится ясным, как убийца попал в «люкс» Марча.

— Не понял. — На лице Флетча отразилось недоумение.

— Портье! У него же все ключи.

— Святая правда!

Пойнтон вновь нервно глянул на Флетча.

— Похоже, стоит покопаться в этом. Присмотритесь к портье повнимательнее.

— Будет исполнено, сэр.

— Я слышал еще кое-что. — Пойнтон опять смотрел на свои руки.

— Что же?

— Ронни Уишэм.

— Вы имеете в виду Ролли Уишэма?

— Я так и сказал.

— Наверное, я не расслышал.

— Вроде бы Марч начал кампанию, цель которой — выжить этого Уишэма из телепрограммы, которую тот вел. По его указанию на Ронни набросились бы все газеты Марча, от Западного до Восточного побережья.

— Правда? А почему?

— Уишэм — один из тех журналистов, у которых вечно кровоточит сердце. Журналист-адвокат.

— Понятно.

Ролли Уишэм показывал обществу его дно: недавно освободившихся заключенных, рабочих-иммигрантов, матерей, живущих на пособие. Репортажи он заканчивал одинаково: «Ролли Уишэм, с любовью».

— Сукин сын, — добавил Флетч.

— Марч полагал, что это непрофессионально. И, как президент ААЖ, хотел отлучить Уишэма от журналистики.

— Да, это тоже мотив для убийства,— кивнул Флетч.— Уолтер Марч мог бы добиться желаемого, и Уишэма вышибли бы с работы.

— Вчера вечером Джек Уильямс подтвердил, что такие статьи готовились. И должны были появиться в самое ближайшее время.

— Но теперь не появятся?

— Нет. Джек Уильямс полагает, что нападки на таких, как Ронни Уишэм, в данной ситуации бросят тень на покойного Уолча Марча.

— Да, да. Логичный вывод.

Из-за зеленой изгороди появилась Фредди Эрбатнот. В теннисных шортах, с ракеткой в руке.

— Уильямс полагает, что редакторы других газет с ним согласятся.

— Несомненно.

Пойнтон заметил приближающуюся Фредди и поднялся.

— Посмотрим, что вам удастся выяснить.

— Я постараюсь, мистер Пойнтон,— заверил его Флетч.

Он встал и представил друг другу Фредерику Эрбатнот и Стюарта Пойнтон.

— Мисс Блейк, позвольте представить вам мистера Джеснера.

Пока они пожимали друг другу руки, Пойнтон одарил Флетча благодарным взглядом, а Фредди посмотрела на него как на идиота.

— Вы ладите со всеми,— усмехнулась она, когда Пойнтон оставил их вдвоем.

— Конечно. Я само дружелюбие.

— Это же Стюарт Пойнтон.

— Вы уверены?

— Почему вы представили его под другой фамилией?

— А вы — мисс Блейк.

— Я не мисс Блейк.

— Тогда вы — Фредерика Эрбатнот?

— Я — Фредерика Эрбатнот.

— Вы уверены?

— Показать вам водительское удостоверение?

— Вы собрались играть в теннис? — спросил Флетч.

— Хотела бы.

— Разумеется, вы уже нашли партнера?

— К сожалению, нет.

— Странно. Кстати, на мое имя зарезервирован корт. На одиннадцать часов.

— Но без партнера?

— Без.

— Действительно, странно,— покачала головой Фредди.— В теннис надо играть как минимум вдвоем.

— Оживляет игру, знаете ли,— согласился Флетч.

— А вы собираетесь одеться, как положено?

— Почему люди всегда говорят мне об этом?

- Подозреваю, куда чаще вам предлагают обратное.
- Действительно, случается и такое.
- Мисс Блейк ждет вас, — напомнила ему Фредерика Эрбатнот. — Набравшись терпения.

ГЛАВА 14

С магнитофонной ленты. Приемный блок 22. Номер 42 (Леона Хэтч).

- К ленчу готова?
- Уже надеваю шляпку.
- Зачем она тебе? Нам нет нужды выходить из здания.
- Будь у тебя такие же жидкие волосы, как мои, Нетт...
- Я бы никогда не выходила из номера, — ответила Нетти Хорн. — Как будто кто-то смотрит на наши волосы.
- Мне нравится носить шляпку.
- Я удивляюсь тебе, Леона. При твоём-то тщеславии и так напиваться.
- О чем ты говоришь?
- Вчера ты так набралась, что не дошла до столовой.
- А ты?
- Я дошла.
- А как ты вела себя после обеда?
- Точно не помню. Кажется, пела у пианино...
- Нетти, вчера вечером я просто легла спать пораньше. А где ты спала этой ночью?
- Проснулась я в кресле, в своей комнате.
- Я знаю тебя, Нетти. Кто-то втащил тебя в номер и бросил в кресло. Скорее всего коридорный. А я спала в кровати. Так что не тебе говорить, что я напиваюсь на людях...

Флетч выключил чудо-машину, чтобы ответить на телефонный звонок.

- Флетчер, старина, дружище ты мой!
- Дон?
- Да, сэр. Я здесь.
- Если это Дон Джиббс, то позвольте напомнить вам, что в ходе нашего разговора, когда я звонил вам из Вашингтона, мы установили, что никогда не были близкими, тем более закадычными друзьями, и наши отношения попадают под категорию «случайные знакомства».
- Как ты можешь так говорить? Перестань. Разве мы не разучивали вместе марш Северо-западного университета?
- Мне не удалось продвинуться дальше первого куплета. Что это с тобой, Дон? Ты сегодня само добродушие.
- И как оно на вкус? Чем-то напоминает бурбон «Дикая индюшка»?
- Вы там на государственной службе привыкли к изысканным напиткам.
- Лично мне редко представлялась возможность выжать хоть цент из кошелька налогоплательщика. Как идет конгресс?
- Если я спрошу, где ты сейчас, могу я надеяться на ответ?

— Попробуй.

— Откуда ты говоришь, Дон?

— Отсюда.

— Потрясающе. Не можешь ли расшифровать термин «откуда»?

— Плантация Хендрикса, Хендрикс, Вирджиния, Соединенные Штаты Америки.

— Ты здесь?

— Наконец-то до тебя дошло.

— И что ты тут делаешь?

— Да вот решили подъехать, посмотреть, как у тебя дела.

— Решили?

— Да, со мной Боб.

— Какой еще Боб?

— Боб Энгелхардт, глубокоуважаемый и всеми любимый начальник моего отдела.

— И каким ветром вас сюда занесло?

— Убили Уолтера Марча, Флетч. Естественно, нас это тревожит.

— Почему? При чем тут ЦРУ? Убийство гражданина Соединенных Штатов на их территории — сугубо внутреннее дело*.

— У «Марч ньюспейперз» есть зарубежные представительства, не так ли?

— Чувствуется ваше нетривиальное мышление.

— Между прочим, ты что-нибудь выяснил насчет убийства?

— Даже знаю, кто прикончил Марча.

— Правда?

— Будь уверен.

— Поделись.

— Еще не время.

— Подожди, Флетч. С тобой хочет поговорить Боб. А потом я снова возьму трубку.

— Мистер Флетчер? — Роберт Энгелхардт пытался изгнать из голоса начальственные нотки. — Могу я называть вас Флетч?

— Валайте.

— Так вот, нам нужно, чтобы вы нас прикрыли. Потому-то Дон и звонит вам заранее, чтобы, внезапно увидев нас в отеле, вы от удивления не произнесли вслух название государственного учреждения, в котором мы работаем. Флетч, здесь мы — наблюдатели от Канадского союза журналистов.

— Кто-нибудь в Канаде знает об этом?

— Нет. Наша официальная «легенда» такова: мы намереваемся организовать аналогичный конгресс в следующем году. В Онтарио. Естественно, мы ожидаем, что вы никому не скажете, ни сейчас, ни потом, кого мы представляем на самом деле.

— С какой стати я должен вас прикрывать?

— Причины вам уже назывались.

— Значит, опять за старое?

* Подразумевается четкое разделение ролей правоохранительных органов: ЦРУ действует за пределами Соединенных Штатов, ФБР — внутри страны.

— Уклонение от уплаты налогов, незаконный вывоз денег с территории Соединенных Штатов...

— Не зря мне столько раз говорили, что сохранить состояние куда труднее, чем сколотить его.

— Так мы рассчитываем на ваше полное содействие.

— Как вы могли подумать иначе?

— Отлично, — подвел черту Роберт Энглехардт. — Даю вам Дона.

В паузе Флетч услышал, как звякнул кубик льда, брошенный в бокал.

— Флетч? — Голос Джиббса. — Это Дон.

— Послушай, Дон, твой шеф не сказал, что с нетерпением ждет встречи со мной.

— Откровенно говоря, Флетч, такого желания у него нет.

— Как интересно, Дон.

— Как работает магнитофон? Что-нибудь уже записал?

— Изумительная машина. Очень чувствительная.

— Так что ты нарыл?

— В основном спускается в туалетах вода, струя душа, бьющая в ванну, треск пирующих машинок да журналисты, говорящие сами с собой. Я и не подозревал, что журналисты очень одиноки.

— Это все?

— Нет, я полностью записал «Симфонию нового мира», которую кто-то слушал по радио.

— Я думаю, ты записал что-то более важное.

— Храп, кашель, сопение...

— Ладно, Флетч, мы еще увидимся.

— Между прочим, Дон, а где вас поселили?

— В третьем «люксе». Там самом, где убили Марча. Все остальные заняты.

— Роскошно живете, а?

— В инструкции записано, что мы можем снять «люкс», если нет других свободных номеров.

— Как хорошо, что я не налогоплательщик. Чао. — И Флетч положил трубку.

Флетч переключил свою чудесную машину на приемный блок 5, установленный в третьем «люксе».

— ...учились вместе, — говорил Дон Джиббс. — Всегда был сам по себе.

— Что еще? — спросил Роберт Энглехардт.

— Никто не мог понять, что все это значит. Уходил неизвестно куда вечер за вечером. Никогда не участвовал в наших пирушках. Скоро по кампусу начали ходить шутки, начинающиеся с вопроса: «Где Флетч?» Ответы могли быть самые разные. К примеру: «Обнюхивает сиденья велосипедов около женского общежития».

— Понятно. Допивай бокал, и пойдем на ленч.

— Эй, Боб, мы же работаем под журналистов, не так ли? А журналисты никогда не приходят вовремя. В одном фильме...

ГЛАВА 15
1.00 Р. М. ЛЕНЧ.
Большая столовая.

Флетч приподнялся и, подойдя к столу, протянул руку Роберту Макконнеллу.

— Боб, я извиняюсь. Давай выпьем. Позволь угостить тебя.

У Роберта Макконнелла отвисла челюсть, глаза вылезли из орбит, лицо стало белым, как мел. Он отпрянул от стола, вскочил и как ошпаренный вылетел из столовой.

Кристал Фаони смотрела на Флетча.

— Что это с ним? — пожал он плечами. — Я лишь хотел извиниться за то, что обвинил его в убийстве...

Фредди Эрбатнот после тенниса благоухала, как садовая роза.

Льюис Грэхэм занял одно из пустующих мест. Флетч пожал ему руку.

— Несете вздор? — пробурчал Грэхэм.

На телевидении Льюис Грэхэм играл ту же роль, что передовица — в газете. Седовласый, с длинной физиономией и узким подбородком, обычно с грустно-унылым выражением лица, ежевечерне он отнимал у телезрителей девяносто секунд, со скоростью пулемета выстреливая в них комментарий к какому-либо событию дня или недели, позволяя гражданам Америки осознать, что без его высокоинтеллектуального комментария они никогда бы не разобрались в происходящем.

К сожалению, его коллеги читали «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», «Атланта конститьюшн», «Лос-Анджелес таймс», «Тайм», «Ньюсуик», «Форин Эфезз» и Ветхий завет, а потому могли точненько определить, откуда взяты те или другие факты или предположения, изрекаемые с экрана.

Потому-то журналисты и называли Льюиса Грэхэма не иначе, как Ридерз дайджест эфира 0.

— Я не знал, где сесть, — объяснил Грэхэм свое появление за столом Флетча. — Полагал, что ленч для всех одинаков.

Кристал Фаони не отрывала взгляда от Флетча.

— Играли мы на равных, — подала голос Фредди. — Шесть — четыре в вашу пользу, шесть — четыре — в мою и семь — пять — в нашу.

— В мою, — поправил ее Флетч.

— То говорит ваш мужской шовинизм.

— В мою, в мою, — упорствовал Флетч.

— Это не чистая победа. Ваши руки и ноги длиннее моих.

— Особенность тенниса состоит в том, что кто-то должен выиграть, а кто-то — проиграть, — вмешался Льюис Грэхэм.

Кристал Фаони перевела взгляд на него.

— В теннисе всегда ясно, кто выиграл, — добавил Льюис Грэхэм.

— Где вы это вычитали? — поинтересовался Флетч.

— Я заказала тебе порцию цыпленка и салат, — сообщила Кристал Фаони.

— Благодарю за заботу. Но мне столько не нужно.

— То есть тебе хватит одного салата?

— С лихвой.

— Тогда цыпленка съем я. Мне, как ты понимаешь, неудобно заказывать себе две порции.

— Почему неудобно?

— О, перестань, Флетч. Ты когда-нибудь спал с толстухой?

Грэхэм заелозил локтями по столу. Затронутая тема показала ему излишне вольной.

— Я взвешиваю ответ.

— Такой вот, как я.

— Тяжелый вопрос.

Льюис Грэхэм откашлялся.

— А вы, похоже, привыкли к легким ответам.

За ленчем (Флетч съел салат, Кристал — две порции цыпленка) разговор коснулся убийства Уолтера Марча. Выслушав Льюиса Грэхэма, изложившего прочитанное в утренних газетах вкупе с цитатой из Ветхого завета касательно брениности человеческой жизни, Кристал оторвалась от тарелки, чтобы сказать: «Вы знаете, Уолтер Марч объявил о своем уходе на пенсию».

— Я этого не знал, — повернулся к ней Грэхэм.

— Объявил.

— И что? — хмыкнула Фредди. — Ему было за семьдесят.

— Но произошло это более пяти лет тому назад.

— Мужчины относятся к уходу на пенсию со смешанными чувствами, — изрек Льюис Грэхэм. — С одной стороны, они осознают, что устали, и хотят напоследок насладиться жизнью. С другой — с содроганием думают о потере власти, вакууме, в котором окажутся после ухода на пенсию.

Кристал, Фредди и Флетч одарили Грэхэма кроткими взглядами.

— Он объявил об этом публично? — спросил Флетч.

— О, да, — ответила Кристал. — При большом стечении народа. На открытии новой типографии «Марч ньюспейперз» в Сан-Франциско. Меня специально послали туда. Знаменитости, дамы, сверкающие драгоценностями, словно рождественские елки, моя газета не могла остаться в стороне. Роскошный был прием. Горы закусок, ветчина, паштет из гусиной печени, разнообразные пирожные...

— Кристал, — оборвал ее Флетч.

— Что?

— Ты голодна?

— Нет, благодарю. Только что откушала.

— Тогда не отклоняйся от темы.

— Марч воспользовался этим случаем, чтобы объявить о своем решении удалиться от дел. Сказал, что ему шестьдесят пять, он сам ввел порядок, согласно которому сотрудники корпорации, достигнув этого возраста, уходят на пенсию, и не считает возможным сделать для себя исключение.

— А мне-то казалось, что, по его разумению, установленным им правилам должны подчиняться все, кроме него самого, — ввернула Фредди.

— Так оно и было, — кивнул Льюис Грэхэм.

— Он даже сказал, — продолжила Кристал, — что распорядил-

ся перегнать яхту в Сан-Диего и ждет не дождется, когда сможет отплыть с женой в дальний круиз по островам южной части Тихого океана. Нарисовал такую идиллическую картину, что у меня на глазах навернулись слезы. Закат солнца, надутые ветром паруса и он с женой, верным спутником жизни, на корме, взявшись за руки.

— Ему принадлежал большой катамаран, не так ли? — осведомилась Фредди.

— Тримаран, — поправил ее Грэхэм. — Три корпуса. Я однажды плавал на нем.

— Правда? — удивился Флетч.

— Довольно-таки давно. Назывался он «Лидия». Я считал Уолтера Марча своим другом.

— И что произошло? — спросил Флетч. — Почему сорвался круиз? Тримаран дал течь?

Льюис Грэхэм пожал плечами.

— Не вижу в этом ничего удивительного, — заметила Фредди. — Многих начинает бить мелкая дрожь, когда приходит пора удаляться от дел.

— Он сказал, когда уйдет на пенсию, Кристал? Назвал конкретный срок? — Флетч не испытывал недостатка в вопросах.

— Через шесть месяцев. Типографию открывали в декабре. Я четко помню его слова о том, что на юг они с Лидией поплывут в июне.

— Так и сказал?

— Именно так. Я сообщила об этом в газету. Все сообщили. Чтобы убедиться, достаточно заглянуть в архив. «УОЛТЕР МАРЧ ОБЪЯВЛЯЕТ ОБ УХОДЕ НА ПЕНСИЮ». Заголовок на первой полосе. А более всего в сложившейся ситуации радовало его то, что «Марч ньюспейперз» остается в надежных руках.

— Чьих же? — последовал естественный вопрос Флетча.

— Догадайся, — улыбнулась Кристал.

— Маленького мерзавца, — ответил Льюис Грэхэм. — Младшего.

— Я видела его сегодня утром, — сообщила Кристал. — В лифте. Выглядел он ужасно. Мертвые глаза на сером лице. Казалось, умер он, а не его отец.

— Его можно понять. — Такая перемена в Младшем не удивила Флетча.

— А выражение лица у него было такое, словно он уже лежит в гробу. В лифте все молчали.

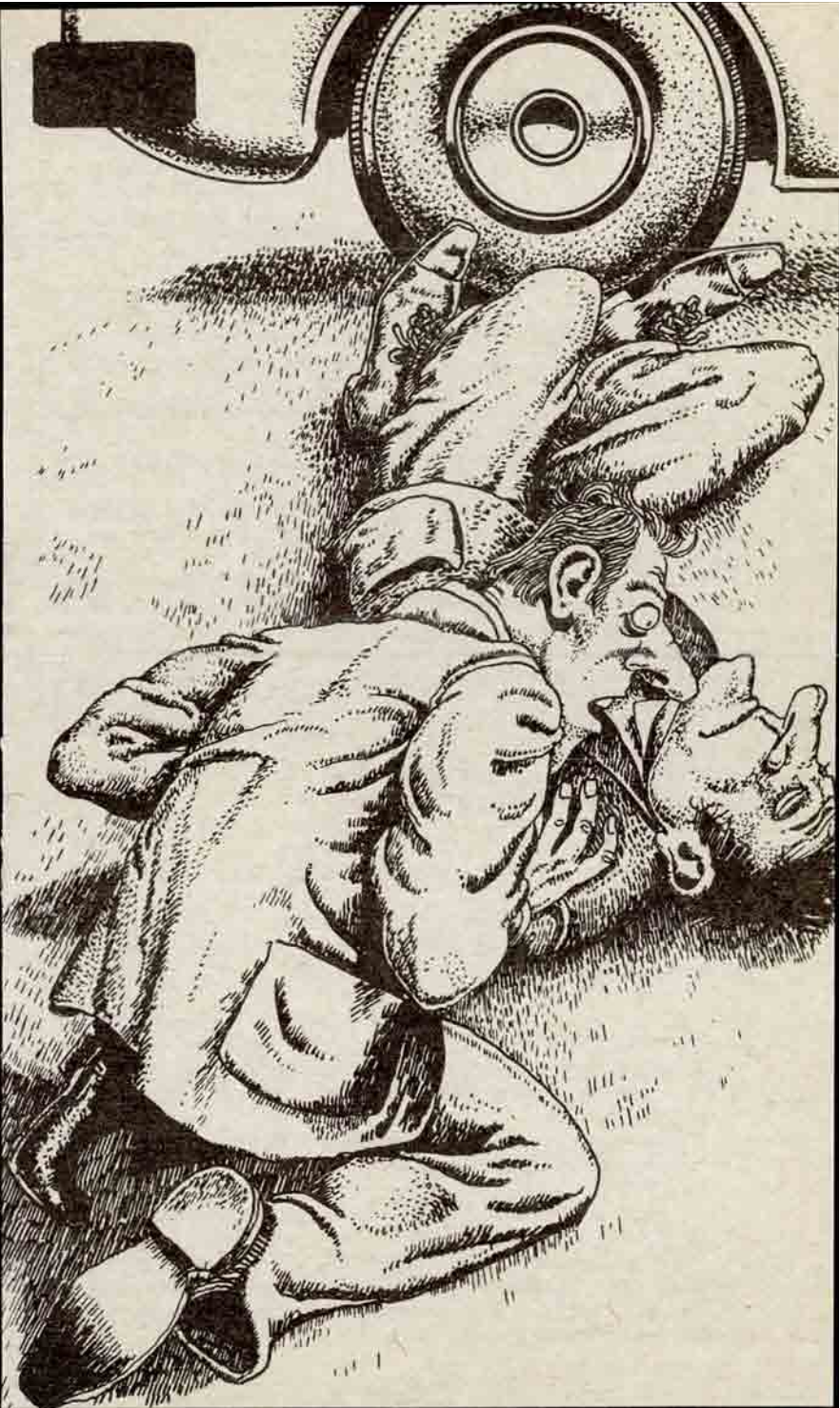
— Так почему же Уолтер Марч не ушел на пенсию, если объявил об этом? — Флетч оглядел своих собеседников. — Вот в чем вопрос.

— Потому что хотел стать президентом Ассоциации американских журналистов, — ответил Льюис Грэхэм. — Как видите, все ясно как Божий день. Очень хотел. Я это знаю наверняка.

Вновь на нем сошлись взгляды Фредди, Кристал и Флетча.

— Он хотел увенчать свою карьеру президентством в ААЖ. Говорил мне об этом давно. Лет восемь — десять назад. Просил поддержки.

— И вы обещали поддержать его?

— Разумеется. Ему до пенсии оставалось несколько лет, мне — почти целое десятилетие.

Официант налил всем кофе.

— Два или три раза его имя значилось в списке претендентов. Мое — ни разу. Но побеждал не он. — Грэхэм отодвинул от себя полную чашку. — До последнего года. Когда мы оба претендовали на этот пост.

— Понятно, — отозвался Флетч.

— Уолтер Марч и я в разных весовых категориях. У него есть своя корпорация, у меня — нет. — На бледных щеках Грэхэма затеплился румянец. — Первого января следующего года я должен уйти на пенсию. Так что до следующих выборов мне не дотянуть.

— А по уставу ААЖ пост президента может занимать только работающий журналист, — добавила Кристал.

— Совершенно верно, — кивнул Грэхэм. — Пенсионерам путь закрыт.

— Поэтому-то вы перестали считать Уолтера Марча своим другом? — спросила Фредди. — Потому что на выборах стали соперниками?

— О, нет, — покачал головой Грэхэм. — Я уже старый, многое повидал. Хорошо знаком с миром политики. И прекрасно знаю, что в предвыборных кампаниях все средства хороши. Но никак не ожидал оказаться жертвой такой вот кампании.

Старший официант указал подошедшему к нему коридорному на Флетча.

— Наверное, все вы знаете, что Уолтер Марч содержал свору частных детективов.

Кристал, Фредди и Флетч промолчали.

Грэхэм откинулся на спинку стула.

— Конец истории.

Коридорный остановился у стула Флетча.

— Вас просят к телефону, мистер Флетч. Не могли бы вы пройти со мной?

Флетч положил салфетку на стол и встал.

— Я бы не посмел беспокоить вас, — продолжил коридорный, — но звонят из Пентагона.

ГЛАВА 16

— Одну минуту, сэр. С вами будет говорить майор Леттвин. Флетча отвели к настенному телефону в коридоре у входа в большую столовую.

— Добрый день, — поздоровался майор Леттвин. — Имею ли я честь говорить с Ирвином Морисом Флетчером?

— Так точно.

— Ветеран военно-морского флота Соединенных Штатов?

— Да.

— Регистрационный номер 1893983?

— Был. Я его освободил. Можете дать его кому-нибудь еще.

— Так вот, сэр, один востроглазый мальчуган прочел в газете об убийстве... этого... ну как его...

— Уолтера Марча,— после долгой паузы ответил Флетч.
 — Уолтера Марча,— согласился майор.— Похоже, вы опять попали в самое пекло, не так ли?

— В данную минуту я попал на ленч.

— Во всяком случае, этот востроглазый мальчуган, кстати, он из Теннесси, подозреваю, в родных краях славился тем, что мог с сотни метров выстрелить курице в глаз, читая статью об убийстве Уолтера Марча, обратил внимание на вашу фамилию.

— И что? — поинтересовался Флетч.

— Послушайте, вас нет в списке подозреваемых?

— Нет.

— То есть можно гарантировать, что на этот раз вы никоим образом не связаны с убийством?

— Когда убили Уолтера Марча, меня здесь не было. Я летел над Атлантическим океаном. Из Италии.

— Видите ли, статья так написана, что можно подумать всякое. И почему журналисты так делают? По мне лучше б они ничего не писали.— Майор Летгвин запылся.— О, простите, вы журналист, не так ли? Впрочем, я ничего не имею против спортивных обозревателей.

— Я не обозреваю спорт.

— Короче, он обратил внимание на вашу фамилию. Действительно, много ли найдется Ирвинов Морисов Флетчеров? — Флетч едва сдержался, чтобы не ответить: «Не знаю». — Заглянул в наши архивы, здесь, в Пентагоне, и, естественно, нашел вас. Регистрационный номер 1893983. Это вы?

— Майор, чего вы от меня хотите? Все-таки вы звоните по межгороду. Вдруг нас слушает кто-нибудь из налогоплательщиков?

— Это точно.— Майор хохотнул.— Это точно.

Последовала длительная пауза.

— Майор?

— Дело в том, что мы давно разыскиваем вас.

— Почему?

— Мы задолжали вам Бронзовую звезду*. Вы это знаете?

— Ходили такие слухи.

— Раз вы это знали, почему не получили ее?

— Я...

— Мне представляется, что Бронзовую звезду надобно носить на груди, раз уж заслужил такую высокую награду. Это дело серьезное.

— Майор, благодарю за беспокойство...

— Пустяки, пустяки. Я лишь выполняю свой долг. В Пентагоне так много народу, что работу так и рвут друг у друга из рук. Поэтому редко удается сделать что-то полезное.

* Орден за доблесть в бою.

— Через автостоянку, засунув руки в карманы джинсов, шел мужчина.

— Вы еще пробудете там несколько дней, мистер Флетчер?

— Где?

— Где сейчас находитесь. Плантация Хендрикса. Хендрикс, штат Вирджиния.

— Да.

Мужчина был в синей джинсовой куртке.

— Полагаю, я найду какого-нибудь генерала, уверяю вас, в Пентагоне это не составит большого труда. В любом кафетерии генералов у нас больше, чем в армии Наполеона. Полагаю, он не перетрудится, прогулявшись в Хендрикс.

— Генерала? Что-то я вас не понял, майор.

Свои курчавые, обильно тронутые сединой волосы мужчина стриг коротко.

— Я толкую о церемонии вашего награждения. Перед коллегами-журналистами. Вручение Бронзовой звезды...

Мужчина, который спрашивал у миссис Лири о прибытии Уолтера Марча, уходил все дальше от особняка.

— Майор, мне надо идти.

— Да и военно-морскому флоту не помешает реклама. В наши дни...

— Майор, я должен бежать. Экстренная ситуация. У меня загорелись брюки. Перезвоните позже.

Флетч повесил трубку, повернулся и побежал к торцу коридора. Нашел пожарную дверь с табличкой «Запасной выход», открыл ее, слетел по ступеням. На автостоянке сбавил шаг, дабы не привлекать внимания.

Мужчина уходил все дальше.

Флетч перемахнул через выкрашенное белой краской ограждение, двинулся вниз по склону. Мужчина уже скрылся меж двух кустов рододендронов. Флетч последовал за ним и увидел, что мужчина стоит под яблоней, не вынимая рук из карманов, и смотрит на него.

Флетч медленно двинулся к нему.

Мужчина вытащил руки из карманов, повернулся и побежал вниз по склону, к сосновой роще, за которой находилась конюшня.

Флетч припустился следом, но, вбежав в сосновую рощу, поскользнулся. Он схватился за тоненький ствол, пытаясь удержаться на ногах, вымазал руку в смоле, но все равно упал. Подняв голову, посмотрел мужчине вслед, но тот словно растворился в воздухе. Флетч встал и пошел к конюшне, пытаясь на ходу оттереть смолу с ладоней. Несколько минут он поглаживал лошадь, на которой ездил утром, спрашивал, не видела ли она, куда побежал мужчина, и сам отвечал за нее: «Вон туда». Затем вернулся в особняк-отель.

2.00 Р. М. КОМПЬЮТЕРЫ И ВОЗМОЖНОСТЬ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ЖУРНАЛИСТИКЕ.
Доктор Хайрэм Вонг.

Гостиная. С магнитофонной ленты. Приемный блок 1. «Люкс» 12
(миссис Уолтер Марч и Уолтер Марч-младший).

— Бэнди звонил из Лос-Анджелеса. Какие-то проблемы. Справиться самостоятельно он не может. И Мазур спрашивает, надо ли давать информацию о том баскетбольном скандале в Нью-Йорке...

— Ответа не последовало.

— Ты идешь на ленч? — спросила Лидия сына.

— Ответа не последовало.

— О, ради Бога, Младший. Встряхнись! Твой отец умер, и кто-то должен принимать решения за редакторов. Они не способны брать ответственность на себя. Не приучены.

В ответ то же молчание.

— Я прикажу принести ленч в номер. Нельзя жить на одних «Кровавых Мэри...».

С магнитофонной ленты. Приемный блок 9. Номер 36 (Ролли Уишэм).

— Если позволите, я задам вопрос первым, капитан Нил.

— Даже не знаю. Как только вы, журналисты, начинаете задавать вопросы, вас уже не остановишь. Я это испытал на себе.

— Только один: почему вы допрашиваете меня?

— Мы полагаем, что у вас был мотив для убийства Уолтера Марча.

— Однако.

Несмотря на его двадцать девять лет, в голосе Ролли Уишэма еще слышалась мальчишеская агрессивность и тем не менее доброта.

Сидевший на кровати Флетч ожидал, что за этим последует коронная фраза Уишэма: «Ролли Уишэм, с любовью». Уишэм повторял ее многократно, хотя едва ли она что-нибудь значила, особенно в журналистике.

— И какой же у меня мотив для убийства старого мерзавца?

— Я знаю о передовице в одной из газет Марча, не оставляющей камня на камне от вашей манеры ведения телепередач. Манера эта характеризуется как «небрежная, сентиментальная, страдающая отсутствием профессионализма». Цитирую дословно. Перед тем как прийти к вам, я попросил найти передовицу и зачитать ее мне по телефону.

— Я и сам знаю, что там написано.

— Мне также известно, что передовица эта знаменовала начало кампании, разворачиваемой «Марч ньюспейперз» с целью дискредитировать вас, как ведущего, и добиться вашего увольнения с телевидения. Статьи появлялись бы в газетах Марча изо дня в день, ловя вас на каждом неудачном слове, раздувая до небес каждую вашу неточность.

— Я этого не знал, но догадывался, откуда дует ветер.

— Уолтер Марч собирался отправить вас в небытие. Откровенно говоря, мистер Уишэм, я и представить себе не мог, что такое возможно в наши дни.

— Называйте меня Ролли.

— Я думал, что подобные кампании отошли в прошлое.

— Вы заблуждались.

— Похоже. И не только в этом. По ходу расследования я узнал многое из того, о чем хотел бы остаться в неведении.

— Кампания будет продолжена? Газеты Марча смешают меня с дерьмом, несмотря на его смерть?

— Насколько я понял, дан отбой. Мистер Уилльямс... Джейк Уилльямс... распорядился прекратить нападки на вас.

— Хорошо.

— Разумеется, не для того, чтобы облегчить вам жизнь. Он думает лишь о том, чтобы не бросить тень на память усопшего. Чтобы люди не думали плохо об Уолтере Марче.

— Если такова их логика, я бы хотел, чтобы кампания продолжалась. Тем более, что едва ли покойник может рассчитывать на симпатии тех, кто ненавидел его при жизни.

— Интересно наблюдать, как принимаются решения в средствах массовой информации. Вы ежедневно скармливаете нам тысячи фактов и идей и, как я вижу, не все руководствуетесь чистыми помыслами.

— Очень редко. Потому что в каждом болоте есть свой Уолтер Марч.

— Однако, мистер Уишэм, факты говорят о следующем: Уолтер Марч развернул против вас кампанию в прессе. Его убили. Кампания свернута.

— Капитан Нил, кто вас на это натолкнул?

— Не понял?

— Кто рассказал вам о передовице и намеченной кампании?

— Я не журналист, мистер Уишэм. И не должен раскрывать свои источники информации, кроме как на суде.

— Значит, мне придется подождать?

— Я намерен передать дело в суд, мистер Уишэм. И добиться осуждения преступника.

— Почему вы мне это говорите?

— Что-то я вас не понял.

— Как-то странно слышать от вас такие слова. Вполне естественно, что вы собираетесь передать дело в суд. Совершенно убийство. А вы...

— Ну...

— Доводилось ли вам слышать что-то малоприятное об Уолтере Марче?

— Я занимаюсь этим делом только двадцать четыре часа.

— Когда расследуешь убийство такого человека, как Уолтер Марч, двадцати четырех часов вполне достаточно, чтобы наесться дерьмом до тошноты.

— Миссис Марч заверяет меня, что врагов у него не было. Это же факт, что его выбрали президентом Ассоциации американских журналистов.

— Разумеется, факт. Как и то, что Аттила был предводителем гуннов.

— Мистер Уишэм, любой человек с таким влиянием...

— ...обязан иметь хоть нескольких врагов. Совершенно верно. Уолтера Марча любили все, за исключением тех, кому приходилось иметь с ним дело.

— Мистер Уишэм...

— У меня к вам еще один вопрос.

— Мистер Уишэм, я... Вопросы положено задавать мне.

— Вы видели меня по телевизору?

— Разумеется.

— Часто?

— Пожалуй, да. Моя работа... Мне не удается регулярно смотреть телевизор.

— Что вы обо мне думаете? Что вы думаете о моих передачах?

— Видите ли, я не журналист.

— Я работаю не для журналистов. Для зрителей. Вы — зритель.

— Я не критик.

— Я не работаю и для критиков.

— Мне кажется, у вас очень хорошие передачи.

— Очень хорошие?

— Видите ли, специального анализа я не проводил. Мне и в голову не приходило, что Ролли Уишэм поинтересуется моим мнением о его репортажах. Я в основном смотрю спортивные передачи...

— Тем не менее. Скажите, что вы думаете о моей работе.

— Репортажи у вас хорошие. Мне нравятся. Во всяком случае, вы работаете не так, как другие. Как бы это выразить. Вы показываете живых людей. Не просто сидите в студии и вещаете о том, что видели. Нет, вы всегда на улице. И, с кем бы ни говорили, будь то наркоманы, карманники, к любому вы относитесь уважительно, как к личности. Я не знаю, как это должно звучать в журналистских терминах...

— Остается только пожалеть, что вы не критик. Вы только что дали мне положительную рецензию.

— Наверное, не мне судить об этом.

— Следующий вопрос...

— Довольно вопросов, мистер Уишэм.

— Если моей работой удовлетворены и вы, и руководство компании, и множество зрителей, каким образом Марч собирался отлучить меня от эфира?

— Не знаю. Но и у меня есть вопросы.

— Я задаю их за вас.

— Ладно, мистер Уишэм. В умении задавать вопросы мне с вами не сравниться. Суть я уяснил.

— Суть в другом. Я не собирался унижить вас, капитан Нил. Просто хотел донести до вас одну мысль.

— Какую же?

— Вы смотрите на экран телевизора. Видите многих репортеров. У большинства из нас собственный стиль. Мои репортажи —

в основном документальные съемки. Так называемые картинки из жизни. И главное в них не факты, а отношения между людьми, человеческие чувства. Это моя работа, и, как вы только что сказали сами, я в ней преуспел.

— Мистер Уишэм...

— Так почему я? С чего Уолтеру Марчу или кому-то еще затевать общенациональную кампанию, цель которой — вышибить меня вон?

— Хорошо, мистер Уишэм. Ролли. Вы задали вопрос. Почему слон набросился на мышку?

— Потому что он боялся меня.

— Уолтер Марч? Боялся вас?

— Я представлял собой опасность, с которой он не мог не считаться.

— Ага... Кто-то говорил мне вчера вечером... Кажется, Нетти Хори, что сомнение — бич журналистов. Ну как можно сравнить ваши еженедельные несколько минут на экране с Уолтером Марчем и его газетами, выходящими каждый день по всей стране...

— Потенциально я был для него очень опасен.

— Ладно, Ролли. Теперь я должен спросить: «Чем же?»

— Я по-прежнему стараюсь донести до вас одну мысль. У меня больше причин убить этого мерзавца, чем у кого бы то ни было.

— Тогда...

— Только не говорите мне, что пора вызывать адвоката. Я знаю свои права. Я на конгрессе только потому, что на этом настояло руководство компании. И приехал с лютой ненавистью к этому мерзавцу. Откровенно говоря, боялся случайно встретиться с ним, увидеть его, даже услышать, оказаться в одной комнате... Потому что мог потерять контроль над собой.

— Подождите.

— Моему отцу принадлежала газета в Денвере. Я катался на лыжах, ездил на лошадях, любил журналистику, отца, радовался, что я — сын издателя газеты. Если газета начинает терять читателей, остановить этот процесс практически невозможно. Я этого не знал, но когда мне исполнилось десять лет, такое произошло с газетой отца. Еще через четыре года он заложил все, что можно, даже свой стол. Конечно, он брал ссуды в банке и вот здесь-то допустил ошибку, ибо обращался только в один банк. Он не был силен в бизнесе.

— Я тоже. Но...

— И когда газета начала-таки выправляться, а на это потребовалось пять лет, этот единственный банк потребовал незамедлительно расплатиться за ссуды.

— А они имели на это право? По закону?

— Конечно. Но отец и представить себе не мог, что такое случится. Они же были друзьями. Отец пошел в банк. В директорате его не пустили на порог. Ссуды должны быть выплачены, и точка.

— Я ничего не понимаю.

— Отец тоже не понимал. Почему банк хочет забрать себе газету и именно в тот момент, когда забрезжила надежда? Они

же ни черта не смыслят в издательском деле. Отец потерял газету. Держался он мужественно. Неделями слонялся по дому, пытаясь осознать, как же такое могло случиться. Мне тогда было пятнадцать лет. А потом пошли слухи, что банк продал газету Уолтеру Марчу или «Марч ньюспейпер».

— Послушайте, но это же обычное...

— Не совсем. Эти банкиры с давних пор дружили с отцом. Вместе охотились, рыбачили, пили.

— Представляю, как он обиделся.

— Скорее заинтересовался, а в чем же истинная причина. Кстати, журналистом он был отменным и со временем все выяснил. В конце концов кто-то всегда да проговорится. Уолтер Марч чохом выкупил закладные отца, чтобы получить контроль над газетой.

— Но как банкиры ему позволили? Они же были друзьями вашего...

— Шантаж, капитан Нил. Неприкрытый шантаж. Он шантажировал директоров банка. Надеюсь, за те двадцать четыре часа, что вы ведете расследование, до вас дошли слухи об орде частных детективов, работавших на Уолтера Марча.

— Что-то такое говорили.

— Когда мне стукнуло шестнадцать, отец умер от пулевого ранения в висок, выстрел производился с близкого расстояния.

Последовала долгая пауза.

— На этот вопрос я так и не нашел ответа,— продолжил Ролли Уишэм.— Почему отец застрелил себя, а не Уолтера Марча?

— Мистер Уишэм, все-таки я настоятельно советую вам пригласить адвоката...

— Никаких адвокатов.

Тяжелый вздох капитана Нила.

— Где вы были в понедельник, в восемь утра?

— Поехал на машине в Хендрикс, чтобы купить газеты и позавтракать в каком-нибудь кафетерии или закусочной.

— У вас здесь машина?

— Я взял ее напрокат.

— Вы могли позавтракать и купить газеты прямо в отеле.

— Я хотел выбраться из отеля. Прошлым вечером я столкнулся в лифте с Уолтером Марчем и Джейком Уильямсом. Они смеялись. Что-то насчет президента и гольфа... какие-то карасы. Я не спал всю ночь.

— Вы поехали в Хендрикс один?

— Да.

— Отлично, мистер Уишэм. Значит, никаких проблем у нас не будет. Ваше лицо знают многие. Мы опросим жителей городка. Кто-то наверняка видел вас и узнал. Где вы завтракали?

— Я не вылезал из машины, капитан Нил.

— Простите?

— Я не позавтракал и не купил газет. По крайней мере до возвращения в отель.

— О Господи!

— Я передумал. Какой завтрак в закусочной?! Меня тут же

узнают, подойдут, будут жать руку, смеяться, просить автограф. Отказать я не смогу, вы же знаете, людей я люблю, но больно уж не подходящее у меня было настроение.

— То есть в понедельник утром вас никто не видел?

— Пожалуй, я принял все меры, чтобы не задержать на себе чей-то взгляд. Надел солнцезащитные очки. Поездил по округе. Может, старался подавить в себе желание убить Уолтера Марча.

— Когда вы уехали из отеля?

— В четверть восьмого.

— Когда вы вернулись?

— В девять. Позавтракал в кафетерии. О смерти Марча узнал позднее. В половине одиннадцатого. Может, в одиннадцать.

— Понятно, мистер Уишэм. Вы говорите, Уолтер Марч пытался поломать вашу карьеру, изгнать...

— Не пытался, капитан Нил. Уже ломал. И я не сомневался в его успехе.

— Полагаю, вы правы. Скажите, мистер Уишэм, вы часом не знали, куда поселили Уолтера Марча и его семью?

— В третий «люкс».

— Откуда вам было это известно?

— Спросил, чтобы не появляться там, где можно встретить Уолтера Марча.

— У портье?

— Совершенно верно. То есть имел возможность утащить с регистрационной стойки ножницы. Так?

— Вы предельно откровенны со мной, мистер Уишэм.

— Я вообще предпочитаю откровенность. И мне представляется, что вы мастер своего дела. На вас будут крепко давить. Рано или поздно вы выясните, что Уолтер Марч подтолкнул моего отца к самоубийству. Весь Денвер это знает, возможно, многие из тех, кто сейчас на конгрессе. Скрыв эту информацию, я заставил бы вас потратить попусту много времени.

— То есть вы советуете поискать преступника в другом месте?

— Не просто советую. Настоятельно рекомендую. Поверьте, я не убивал Уолтера Марча.

ГЛАВА 18

3.30 P. M. КОМПЬЮТЕРЫ И ПРОФСОЮЗЫ.

Семинар.

Комната для шитья тетушки Салли Хендрикс.

В среду в половине четвертого игра шла на всех теннисных кортах, около бассейна толпился народ, а по окружающим Плантацию Хендрикса холмам прогуливались и катались на лошадях гости отеля.

В баре (коктейль-холл Бобби-Джо Хендрикса), темном и прохладном, лишь несколько журналистов из Бостона запивали ленч джином с тоником.

У стойки в одиночестве сидел Уолтер Марч, младший. Флетч устроился рядом и заказал джин с мутным лимоном. Скучающий бармен не торопясь потянулся к бутылкам. Услышав голос Флет-

ча, Младший сразу повернулся к нему. Налитые кровью, затуманенные глаза, опухшее лицо. На виске пульсировала жилка. Мгновение спустя Младший отвел взгляд, икнул и вновь посмотрел на Флетча.

— Уильям Моррис Флетчер. Я вас помню.

— Ирвин Моррис Флетчер.

— Совершенно верно. Когда-то вы у нас работали.

— Практически все, кто приехал сюда, когда-то работали у вас.

— Флетч. Помнится, была такая шутка. «Слово сотворило Флетча».

— Вроде бы да.

— И вообще вас часто поминали. Вы умели повеселить публику.

Флетч расплатился с барменом.

— Вы слышали, что мой отец мертв?

— Что-то такое говорили.

— Кто-то зарезал его. — Младший резко вытянул вперед руку, словно нанес удар ножом. Глаза его наполняло безумие. — Ножницами.

— Не повезло, — посочувствовал Флетч.

— Не повезло! — фыркнул Младший. — Не повезло ему. «Марч ньюспейперз».

— И вам тяжело.

Последовала томительная пауза.

— Да, тяжело. — Младший икнул. — Вы знаете, отец ненавидел вас.

— Ваш отец ненавидел всех.

— Я тоже ненавидел вас.

— Наверное, каждый, кто ненавидит меня, имеет на это право.

— Мой божественный отец полагал, что вы — день и ночь.

Флетч отпил из бокала.

— Что это должно означать?

Младший попытался придать своей физиономии начальственное выражение.

— Знаете ли, он хотел поладить с вами. Ему нравился ваш стиль. — Веки Младшего упали. — Он хотел привести вас в свою конюшню. Сделать из вас человека.

— Знай я об этом, никогда не ушел бы из журналистики.

— Вы помните, как однажды он попытался напугать вас?

— Нет.

— Он пытался.

— Не помню.

— Потому что вы не напугались. Помните ту историю с секретарем губернатора?

— Конечно.

— Он посылал вам служебные записки. Лично. С требованием оставить эту тему.

— Было такое.

— Приехал в город. Вызвал вас на ковер.

— Как я могу забыть тот незабываемый миг?

— До смерти напугал вас.

— Неужели?

— Предупредил, что уволит, если вы напишете эту статью.

— За пять минут трудно напу...

Голова Младшего качнулась к Флетчу.

— Вы написали эту гребаную статью! И уволились! — Младший дважды икнул. — Не о губернаторе заботился отец. Не о его секретаре. Не о статье. О вас.

— Я все понял. Едва вокруг начинается суета, до меня сразу доходит, что к чему.

— Ничего-то вы не поняли. Я извиняюсь.

— Извиняетесь?

— О Боже, да. Извиняюсь.

— Но за что? За поднятую вокруг меня суету?

— Прежде чем отец сделал это —... вероятно, тут Младший еще раз обдумал значимость слов, которые намеревался произнести, — он предпринял все возможное, дабы избежать крайних мер.

Флетч молча потягивал джин.

— Он хотел, чтобы вы работали у него.

— Он был работодателем. Я написал статью и уволился.

Обычное дело.

— Отец ничего этого не хотел. Он предпочел бы иметь вас под рукой. И предпринял все возможное, чтобы избежать крайних мер. Или я это уже говорил?

— Нет.

— До того, как вызывать на ковер, он просеял вас через тонкое сито.

— Не понял.

— Он хотел, чтобы вы работали у него. Вы оказались крепким орешком. Не испугались.

— Он заставил меня подать заявление об уходе.

— Потому что... — Младший опять наклонился к Флетчу, — он не мог раскусить вас. И сдался, знаете ли.

— Он натравил на меня детективов.

— Ему нравились ваши манеры. Поведение в редакции. Поначалу вы обошлись ему в тысячу долларов. Простая слежка. Он не поверил тому, что ему доложили. За первой тысячей последовали еще десять. Пятнадцать.

— Я бы предпочел получить их в виде жалованья.

— Он не мог поверить... На ком вы тогда были женаты?

— Не помню.

— Он говорил: «Или все это правда, или — ложь».

— Разумеется, ложь. Если хочешь узнать правду...

— Истории, — перебил его Младший, — какие истории он о вас рассказывал за обедом!

— Как же тут мерзко. — Флетч круто изменил тему. — Отвратительный бар. И у бармена грязные локти. Нет музыки. Что это за шум? Неужели «Лунная река»? Вот я и говорю, нет музыки. Посмотрите на эту картину. Ужасно. Лошадь. Лошадь над стойкой бара. Нелепо...

Младший навис над своим бокалом.

— Отец ненавидел меня.

— Что?

— Всю жизнь... Я рос...

— Не только вы.

— Уолтером Марчем, младшим. Уолтер Марч Ньюспейперз, младший. Наследником могущественной империи.

— Тут есть определенные сложности.

— А если бы я хотел стать скрипачом, художником, играть в бейсбол?

— А вы хотели?

Младший зажмурился.

— Даже не задумывался над этим.

— Похоже, Уолтеру пора бай-бай,— донеслось от углового столика.

— Самое время.

Флетч оглянулся на бостонских журналистов.

Младший их не услышал.

— Я помню мой первый рабочий день. В сентябре. В год окончания колледжа. Летом мне позволили отдыхать. Я пришел к конторе. Двадцать минут стоял на противоположной стороне улицы. Может, полчаса. Потом вернулся домой. Насмерть перепуганный. В тот вечер ко мне приехал Джейк Уильямс. Мы долго говорили. На следующее утро он заехал за мной, и мы вошли в Марч Ньюспейперз Билдинг. Вместе. — Младший попытался выпить из уже пустого бокала. — Добрый, верный Джейк Уильямс.

Флетч промолчал.

— Флетчер, вы мне можете?

— Каким образом?

— Поработайте со мной. Как хотел мой отец.

— Я же ничего не смыслю в издательском деле. Я — журналист.

— Ерунда!

— Для меня — нет.

Младший сжал правую руку в кулак и медленно опустил ее на стойку.

— Помогите мне!

— Младший, вы, похоже, пропустили ленч.

— Мой отец так вас любил!

— Перестаньте, я общался с этим мерзавцем, то есть с вашим отцом, ровно пять минут в его кабинете...

— Я не могу объяснить...

По щекам Младшего покатались слезы.

— Пора на боковую? — участливо спросил Флетч.

Младший резко выпрямился. Слезы исчезли. Рука крепко держала пустой бокал.

— Послушайте, Уолт, я предлагаю сауну и массаж. У них фантастическая массажистка, миссис Лири. Она просто творит чудеса...

Младший посмотрел на него. Рядом с Флетчем сидел президент «Марч Ньюспейперз».

— Рад снова повидаться с вами, Флетчер. — Он откашлялся. — Приходится только сожалеть, что вы не хотите остаться в нашей

лодке. — Младший наклонился к Флетчу: — Распорядиться, чтобы вам в номер прислали что-нибудь выпить?

— Нет, благодарю.

Флетч соскользнул с высокого стула. В темноте бара пристально посмотрел на Младшего.

— А впрочем, Уолт, — Флетч засунул руки в карманы брюк, — я не возражаю. Пришлите в мой номер два джина с тоником. Комната 79. Идет? — Флетч не мог с уверенностью сказать, что Младший его услышал. — Заранее благодарю, Уолт.

ГЛАВА 19

С магнитофонной ленты. Приемный блок 8. «Люкс» 8 (Оскар Перлман).

— ...Да.

— Позвольте начать с того, мистер Перлман, что моя жена в восторге от вашей колонки.

— В гробу я видел вашу жену.

— Простите? — Капитан Нил аж отшатнулся.

— В гробу я видел вашу жену. Всегда одно и то же. «Моя жена в восторге от вашей колонки». — Несомненно, Перлман говорил, не вынимая сигары изо рта. — Что бы я ни сделал, будь то пьеса, книга или газетная колонка, в ответ слышу: «Моей жене понравилось». Когда я прихожу на вечеринку и пытаюсь увести разговор с моей персоны или моей работы, то заранее знаю, что меня ждет. Я спрашиваю: «Вы видели вчера Нуриева в Национальном театре?» Мне отвечают: «Моей жене он понравился». Вы видели последнюю картину Бергмана? «Моей жене понравилось». Как насчет последней пластинки Нейла Диамонда? «Моей жене понравилось». Вы читали новый роман Джо Гореса? «Моей жене...» Как бы вы отнеслись сегодня к королю Лиру? «Моя жена полагает его шовинистом. Почему он чего-то ждет от дочерей?» В кого превратились американские мужчины? Неужели в безмозглых дикарей? Зачем прятаться за мнение жены? Или у мужчин более нет глаз и ушей? Взять, к примеру, вас. Почему вы не говорите, что моя колонка понравилась вам? Или вы от этого перестанете быть мужчиной? У вас выпадут волосы на теле и начнет расти грудь? Неужели вы считаете возможным говорить только о хоккее да боксе?

— Мистер Перлман, я всего лишь полицейский...

— Вы трахаете свою жену, не так ли?

— Никогда еще я не встречал таких странных, эксцентричных, возможно, больных людей, как жур...

— Она говорит, что ей это нравится? Вы верите всему, что говорит ваша жена? Как вообще можно верить тому, что говорит жена? Почему бы вам просто не сказать, что вы в восторге от моей колонки? Я работаю только для жен? Фред Уэйринг работал для жен. И посмотрите на него. Он изобрел миксмастерс. Нет, он

* Современный американский писатель, автор многих детективных романов, лауреат премии Эдгара По.

изобрел смеси Уэйринга*. Может, он только радуется, когда мужчины подходят к нему и говорят: «Моей жене нравится ваша работа». О Господи, ну что вы все стоите? Присядьте, пожалуйста. У меня такое чувство, будто я продал вам содержание моей очередной колонки. С вас семнадцать тысяч долларов. Расслабьтесь. Хотите сигару? Играете в карты? Случается проигрывать? Может, выпьете? Сам я капли в рот не беру, но спиртного тут хватает. О Господи. Ну что же я так разошелся? Как поживает ваша жена? Я приехал сюда поразвлечься, но не получилось. За вечер проиграл двенадцать сотен баксов. Что? Пить не будете? Карты наверняка меченые. Потому-то они и обули меня на двенадцать сотен.

— Мистер Перлман, скажите, когда вы сможете ответить...

— Хоть сейчас. Значит, старине Марчу вставили ножницы в зад? Он заслуживал этого более других. Все вокруг только и пишут об этом. По мне, забавного тут мало. Объясните, что в этом забавного? Я вас отблагодарю.

— Мистер Перлман!

— Не кричите на меня. Я не позволю, чтобы на меня кричал провинциальный коп. Пусть и ветеран.

— Послушайте, я знаю, что вы, журналисты, всегда задаете вопросы. Я тоже задаю вопросы. Потому и пришел к вам. Ясно?

— О Боже! Да у него истерика. Вы совсем не играете в карты? Напрасно. Помогает расслабиться, снять напряжение.

— Мистер Перлман, вы работали у Уолтера Марча?

— Давным-давно. В одной из его газет. Двадцать пять лет тому назад. Большинство участников конгресса когда-нибудь да работали у Марча. Почему вы допрашиваете меня?

— Я задаю вопросы.

— Это не вопрос.

— Вы начали публиковать вашу юмористическую колонку в его газете. Затем продали эту колонку, созданную для одной из газет Марча, вашингтонской, национальному синдикату.

— Интернациональному. Жены всего мира в восторге от моей колонки.

— Почему вы ушли от Уолтера Марча и продали колонку другому газетному объединению?

— Чтобы не умереть с голоду, ибо этот человек начисто лишен чувства юмора. Даже у его жены нет чувства юмора. Он отказался публиковать мою колонку в других своих газетах. Я дал ему на раздумья достаточный срок. Два или три года.

— Правда ли, что он помогал вам создавать колонку?

— Правда ли, что деревья растут корнями вверх? «Правда, — ответит вам мудрец, — если вы ходите на голове». Он позволял печатать колонку. Раз от разу. Обычно, обкорнав наполовину, на странице, отведенной под некрологи. Он так помогал мне, что обеспечил бесплатные похороны. Я пользовался большой популярностью у тамошних похоронных бюро.

* Блюда быстрого приготовления.

- А после того, как вы подписали контракт с синдикатом, он подал на вас в суд?
- Он проиграл процесс. Нельзя подавать в суд на талант.
- Но дело разбиралось в суде?
- В суде его обсмеяли. Жена судьбы обладала чувством юмора.
- И что потом?
- Что потом? — переспросил Перлман.
- Миссис Марч говорит, что все эти годы вы недолюбливали друг друга.
- Старушка Лидия предлагает меня на роль убийцы? Эта дама всегда отличалась острыми коготками.
- Все эти годы между вами сохранялись напряженные отношения?
- С какой стати? Мы же разошлись в разные стороны. Он издавал свои газеты. Я писал свою колонку.
- Кто-то сказал мне, что Марч не отказывался от мысли заставить вас опубликовать колонку в его газетах.
- Да кто мог такое сказать?
- Если вас это интересует, — Стюарт Пойнтон.
- Милого вы нашли себе собеседника. Он правильно произнес мою фамилию?
- Нет, и меня это удивило. Он постоянно называл вас Оскаром Уорлдманом.
- На него это похоже.
- Вы меняли фамилию?
- Нет. Просто Пойнтон не может произнести правильно ни одну фамилию. Он — ходячая совесть мира.
- Пожалуйста, ответьте на мой вопрос, мистер Перлман.
- Не отказался ли Марч от мысли опубликовать мою колонку в своих газетах? Видите ли, во многих городах моя колонка печаталась в конкурирующих с Марчем газетах. Полагаю, она привлекала читателей. Да, наверное, он мог подумывать над тем, чтобы переманить меня на свою сторону.
- Скажите, а каким образом Уолтер Марч мог добиться того, чтобы вернуть вашу колонку «Марч ньюспейперз»?
- Меня это тоже интересует.
- Мистер Перлман...
- Я с детства сам себе хозяин. И если чего не хочу, то и делать не буду.
- Вам известно, что на Уолтера Марча работали частные детективы?
- Кто вам это сказал?
- Вы, журналисты, обычно предпочитаете не указывать источник информации, не так ли?
- Кто вам сказал?
- К примеру, Ролли Уишэм.
- Ролли? Милый паренек.
- Так вы знали о существовании частных детективов Уолтера Марча?
- Если это хорошие детективы, как я мог знать о них?
- Уолтер Марч пытался вас шантажировать?
- На чем? Жизнь моя кристально чиста. Как новорожденный котенок.

Последовала пауза.

Вытянувшийся на кровати Флетч закрыл глаза.

— Где вы были в понедельник в восемь утра? — прервал молчание капитан Нил.

— В моей спальне. Спал.

— Вы были в коридоре, неподалеку от «люкса» Марча?

— Не был.

— Вас там видели.

— Это невозможно.

— Мистер Перлман, миссис Марч подробно описала нам, как она выбежала через открытую дверь «люкса», увидела вас в коридоре, раскуривающего сигару, побежала к вам, дабы попросить о помощи, узнала, а затем бросилась к «люксу» Уильямсов и забарабанила в дверь.

— В голове у нее помутилось, так что ей могла привидеться и зеленая зебра.

— Вы не видели Лидию Марч в коридоре в понедельник в восемь утра?

— Не видел даже во сне. Капитан Нил, мы играли в покер до половины шестого утра. Я спал до одиннадцати, может, до половины двенадцатого.

— С кем могла спутать вас миссис Марч?

— Роберт Редфорд не приехал на этот конгресс.

— Вы готовы повторить под присягой, что вас не было у номера Марча в понедельник в восемь утра?

— Любой суд признает Лидию Марч не заслуживающим доверия свидетелем, если встанет вопрос, кого и где она тогда видела.

— Только на это вы и рассчитываете, мистер Перлман?

— Вы хотите узнать, кто убил Уолтера Марча? Я вам скажу. Уолтера Марча убил Стюарт Пойнтон. Он намеревался убить Льюиса Грэхэма, но перепутал фамилии и номера комнат, в которых их поселили.

ГЛАВА 20

4.30 P. M. ГЛАВНЫЙ ВОПРОС: ЕСТЬ ЛИ У ЖУРНАЛИСТА ПРАВО НА СОБСТВЕННОЕ МНЕНИЕ?

Семинар.
Оранжевая.

Флетч стоял на коленях, заталкивая под кровать чемодан с чудесной машиной, когда услышал, как скользнула в сторону стеклянная дверь на балкон. Он мысленно отругал себя за то, что не запер дверь.

— Теперь я узнала тайну Флетча, — услышал он голос Кристал. — Надобно рассказать всем, как он преклоняет колени перед кроватью, нашептывая: «Господи, положи меня рядом с овцой!»

Кристал стояла в дверном проеме. Ее жир со всех сторон нависал над черным бикини.

— В самолете я сидел рядом с методистским священником. —

Флетч встал. — Когда мы поднялись на двенадцать тысяч футов, он начал разучивать со мной псалом: «Все ближе мы к тебе, Бог мой».

— Я замерзла, — пожаловалась Кристал. — Моя комната на другой стороне отеля. Можно мне залезть под твой душ?

— Конечно.

Когда она шла через комнату, жир ее так трясся, что Флетч испугался, а не начнет ли он отваливаться и ключьями падать на пол.

— Из-за этого идиота, Стюарта Пойнтон, я полчаса простояла в бассейне по пояс в воде, слушая, как мне будет хорошо, если я поработаю на него.

— Поработаешь на него?

— Да, займусь сбором информации по делу Марча. Кто-то сказал ему, что я без работы.

Дверь ванной она оставила открытой.

— Ты согласилась?

— Ответила, что скорее буду работать в «Правде».

— А чего ты его слушала?

— Хотела узнать, известно ли ему что-нибудь. По его версии портье испугался, что Уолтер Марч пожалуется начальству и его уволят за грубое обхождение с миссис Марч. А потому поутру схватил ножницы, с помощью своего ключа проник в «люкс», где поселилось семейство Марч, и разделался с Уолтером.

— И где только Пойнтон раскапывает такие глупости? — удивился Флетч.

Кристал уже стояла в ванной под горячим душем.

— Почему бы и нет? — добавил он.

Разделся и вошел в ванную. Отодвинул занавеску в сторону.

— На двоих места хватит? Только не наступи мне на ногу.

Вода, ударяясь о тело Кристал, летела во все стороны.

— Ты захватил с собой сандвич? Что-нибудь из съестного?

— Юная леди, я намерен научить вас более не говорить про себя гадости.

— Так жратвы нет?

— Я этого не сказал.

— О, не нравится мне пицца с высоким содержанием белка.

— Возможно. Повторяй за мной. Я более никогда не буду оскорблять себя.

— Я более никогда не... ой!

Вываливаясь из ванны, они потянули за собой не только занавеску, но и пластмассовый стержень, на котором она висела. Они попытались выпутаться из занавески, один край которой оказался под ними.

— Черт побери, — прорычал Флетч, — ты сидишь на моей ноге. Моей левой ногой!

— Я ничего не чувствую.

— Зато я чувствую! Немедленно слезь с нее!

— Не могу. Занавеска...

— Отпусти мою ногу! О Боже, ты, похоже, сломала ее!

— Что значит сломала? В таких ситуациях мужчины должны брать инициативу на себя.

- Как я могу что-то взять, если ты придавила меня к полу?
- Ежели ты придавлен к полу, толку от тебя не будет.
- Слезешь с моей ноги или нет?
- Сначаланими с меня эту чертову занавеску.
- Как? Я не могу шевельнуться.

Тут пластиковая занавеска дернулась и исчезла.

Над ними стояла Фредерика Эрбатнот, в юбке-брюках и легкой блузке.

- Привет, Фредди! — поздоровался с ней Флетч.
- Рада, что наконец-то увидела вас, Флетч.
- Благодарю. — Кристал скатилась с него.
- Вы, однако, шумный сосед. — Фредди бросила занавеску на пол и удалилась.

Флетч сидел, ощупывая левую ногу.

- Я ее сломала? — склонилась над ним Кристал.
- К счастью, нет.
- Ты ее возбуждаешь.
- Кого?
- Фредди.
- Хорошо ли это? — Этот риторический вопрос ответа не требовал.

ГЛАВА 21

Б.О. Р. М. КОКТЕЙЛИ. Гостиная Аманды Хендрикс.

- Хорошо помылись в душе? — спросила Фредди.
- Спасибо, что спасли нас. И, главное, вовремя.
- Всегда готова. Знаете, Флетч, вам следовало бы постоянно носить на шею свисток. Аккурат для подобных ситуаций.

В гостиной Аманды Хендрикс Флетч стоял с бокалом «Чивас Регал» с содовой. Фредди отдала предпочтение «мартини».

С того момента, как он переступил порог, Леона Хэтч не отрывала от него глаз.

- Скажите, вы всегда поете, когда занимаетесь этим делом?
- Разве я пел?
- Что-то неподобающее моменту. Мне показалось, «Все ближе мы к тебе, Бог мой!».
- Нет, нет. Для Кристал я пел: «Все ближе я к тебе, Бог мой!»
- Как же повезло этой девчужке.

Леона Хэтч — ее уже заметно покачивало — подошла к ним.

— Кажется, мы знакомы? — обратилась она к Флетчу.

«И сегодня она не дотянет до обеда», — подумал Флетч.

— Моя фамилия Флетчер. — Он протянул руку. — Ай-Эм Флетчер.

Леона нерешительно пожала его руку.

— Фамилию вашу я слышу впервые. Но мы наверняка встречались, только не помню где.

— Я никогда не работал в Вашингтоне.

— Может, в какой-нибудь из предвыборных кампаний?

— Не участвовал ни в одной.

— Странно. А у меня такое чувство, будто я хорошо вас знаю.

— Возможно, и так, — пробормотал Флетч. — Очень возможно. За спиной Леоны выросли Дон Джиббс и еще один, незнакомый ему мужчина. Лицо Джиббса раскраснелось от выпитого.

— Флетчер, старина!

Чуть не оттолкнув Леону в сторону, во всяком случае, задев шляпку, Джиббс с бокалом в руке неуклюже попытался обнять Флетча за плечи.

— Ха-ха, — прокомментировал появление Джиббса Флетч. — Ха-ха-ха. — После чего начал внимательно разглядывать свой бокал.

Затянувшееся молчание прервал улыбающийся до ушей Джиббс.

— Флетч, а не представить ли тебе нас?

Флетч пожал плечами, не поднимая глаз.

— Я полагал, что вы и так знаете друг друга. — Искоса глянув на Фредерику Эрбатнот, он заметил, как блеснули ее глаза.

Леона в это время поправляла шляпку.

— Но я знать не знаю, кто они такие, — недовольно проворчала она. — Кто вы, черт побери?

— О, мисс Хэтч, извините, — оживился Флетч. — Это Дональд Джиббс. А это Роберт Энглехардт. Они работают в Центральном разведывательном управлении. Мисс Леона Хэтч.

Улыбка сползла с лица Джиббса, шея и ускользнула куда-то под воротник рубашки.

Энглехардт, крупный, лысый мужчина в плохо сшитом коричневом костюме, побледнел как полотно.

— У вас в голове одно ЦРУ, — пробормотала Фредерика Эрбатнот.

Флетч вновь пожал плечами.

— И, откровенно говоря, мисс Хэтч, я понятия не имею, кто эта юная леди.

Энглехардт выступил вперед и схватил руку Леоны.

— Рад познакомиться с вами, мисс Хэтч. Мистер Джиббс и я приехали на ваш конгресс наблюдателями. Мы — представители канадской прессы. Хотим провести в следующем году аналогичный конгресс. В Онтарио...

— У вас не канадское произношение, — осадил его Леона Хэтч.

— Пип, — вырвалось у Джиббса. — Пип, пип, пип.

— Поп-пап, — откликнулся Флетч.

— Понимаете, что я имею в виду? — продолжила Леона. — С каких это пор канадцы говорят «пип»?

Энглехардт, лысина его покрылась пленочкой пота, бросил на Флетча убийственный взгляд.

— И слово «наблюдатели» вы произнесли неправильно. — Леона дернула рукой. — Мистер, мне больно.

— О, извините.

Энглехардт, отпуская ее руку, отступил на шаг, отчего потянул Леону вперед, и та чуть не свалилась.

Шагнул назад и Дон Джиббс. Боязнь окончательного разоблачения по-прежнему отражалась на его физиономии.

— Мисс Хэтч, я — Фредерика Эрбатнот, — отвлекла внимание старушки Фредди. — Я работаю в журнале «Ньюсуорлд».

— Ерунда, — фыркнула Леона. — Никто не работает в журнале «Ньюсуорлд».

— А вот и наша очаровательная молодая пара. — К их группе присоединилась Хелена Уильямс. — Привет, Леона. Все в порядке?

Хелена с любопытством взглянула на Джиббса и Энглехардта. — Флетч и... — Хелена смотрела на Фредди. — К сожалению, забыла ваше имя.

— Она тоже, — ввернул Флетч.

— Фредерика Эрбатнот. Для краткости можете называть меня мисс Блейк.

— Ты знаешь, Леона, я предложила им «свадебный локс». Но они настаивали, что не женаты! Куда катится мир?

— Это большой шаг вперед, — ответила Леона. — Большой шаг.

— Хелена, что-то я совсем не вижу Джейка, — повернулся к ней Флетч.

— Да, конечно. Он старается как можно больше времени проводить с Младшим. После гибели Уолта... Кто-то должен принимать решения, а Младший пока явно не в форме. — Она поправила волосы. — Боюсь, Джейку этот конгресс не в радость. Да и нам, пожалуй, тоже.

— Если я не увижу Джейка, передайте ему мои наилучшие пожелания. Скажите, что я питаю к нему самые теплые чувства.

— Обязательно, Флетч.

И Хелена унеслась к другой группе журналистов.

— За каким чертом тебе это понадобилось? — послышался под ухом Флетча хриплый шепот.

Он обернулся, чтобы оказаться лицом к лицу с Доном Джиббсом и Робертом Энглехардтом.

— А вы пытались когда-нибудь лгать такой, как Леона Хэтч?

— Она сама часто врет.

— Вы пытались лгать такой, как Леона Хэтч, даже если она сама часто врет?

Энглехардт стоял мрачнее тучи.

— Она сразу выведет вас на чистую воду. Собственно, именно так оно и вышло.

Оставляя за собой широкий проход, к ним подошла Кристал Фаони.

— Мисс Кристал Фаони, — торжественно изрек Флетч, — позвольте представить вас мистеру Роберту Энглехардту и мистеру Дональду Джиббсу, сотрудникам Центрального разведывательного управления.

Глаза Энглехардта медленно закрылись и открылись вновь. Верхняя губа Джиббса с капельками пота дрожала.

— Привет, — поздоровалась Кристал и повернулась к Флетчу: — Я задержалась в номере, чтобы прослушать вечернюю проповедь Льюиса Грэхэма. Знаешь, что он сделал?

— С нетерпением жду твоего рассказа.

— Свои девяносто секунд он употребил на заверения, что, объявив во всеуслышание об уходе на пенсию, люди должны держать слово, от чего бы им ни пришлось ради этого отказываться. И сослался при этом на судьбу Уолтера Марча.

— Мы написали ему текст за ленчем, — улыбнулся Флетч.

— Можно сказать, что мы внесли свою лепту, — поправила его Фаони.

— Он воспользовался теми же библейскими цитатами.

— Естественно.

— Да, как обычно, определить источник информации Льюиса Грэхэма не составляет большого труда. Вы позволите проводить вас в столовую, мисс Фаони?

— С удовольствием! Мы придем туда первыми? Хочется хоть в чем-то быть рекордсменом.

— Мисс Фаони. — Флетч взял ее под руку. — Мне есть что тебе сказать.

— Ты узнал, кто убил Уолтера Марча?

— Нет, речь пойдет о более важном.

— Что может быть важнее?

— Единство и борьба противоположностей. Смерть в присутствии жизни; жизнь в присутствии смерти.

— Пусть это покажется тебе странным, но от подобных гололомок у меня возникает острое чувство голода.

— Кристал, дорогая, сегодня днем ты пыталась забеременеть.

— Думаешь, нам это удалось?

— О Боже! — вздохнул Флетч.

— Если помнишь, математика всегда была моим коньком.

Они вошли в столовую.

— Кристал, присядь.

— Как мило с твоей стороны. Ты уже заботишься обо мне. — Она села на предложенный стул. — Не волнуйся, Флетчер.

— Не буду.

— Я не могу еще девять месяцев не работать. Святое небо! Я же умру с голоду.

Флетч сел напротив.

— Кристал, ведь именно так ты потеряла работу в прошлый раз. Это жестокий мир. И ничего в нем не изменилось.

— Отнюдь. — Она покачала головой. — Уолтер Марч мертв.

ГЛАВА 22

7.30. Р. М. ОБЕД.

Большая столовая.

— Откровенно говоря, я считаю, что вы все несправедливы. — Элеонор Иглз положила салфетку рядом с кофейной чашечкой. — Никогда в жизни я не слышала, чтобы с такой злобой и ненавистью говорили об одном человеке, как здесь, на Плантации Хендрикса, говорят об Уолтере Марче.

Флетч сидел за круглым столом на шестерых с тремя женщинами. Элеонор Иглз, Кристал Фаони и, разумеется, Фредди Эрбатнот. Ни Роберт Макконнелл, ни Льюис Грэхэм не почтили их своим присутствием.

— Вы ведете себя, как банда подростков в исправительном заведении, дуящихся на то, что самого здорового из них пырнули ножом, а не как подобает уважающим себя журналистам и порядочным людям.

— А что мы такого сказали? — спросила Фредди.

Справедливости ради следует отметить, что за столом держались нейтральных тем, обсуждая главным образом завтрашний приезд вице-президента и кандидатуры журналистов, которые сыграют с ним в гольф (Том Локхарт, Ричард Болдридж и Шелдон Леви; Оскар Перлман пригласил вице-президента на партию в покер, дабы доказать, что скрывать ему нечего), и гадая, возьмет ли он на Плантацию Хендрикса свою очаровательную супругу.

Лишь Фредди упомянула о богослужении в память усопшего Уолтера Марча, намеченном на следующее утро в Хендриксе.

— О, я не о вас. — Элеонор негодуяще оглядела столовую. — Я обо всех этих прохвостах.

Элеонор Иглз, симпатичная и едва ли не самая высокооплачиваемая журналистка одной из телекомпаний, не пользовалась любовью и уважением коллег, потому что на прежней работе, в другой телекомпании, делала рекламные ролики (большинство журналистов полагало подобное унижением профессии), что никоим образом не отразилось на ее блестящей карьере.

Многие отказывали ей в таланте, утверждая, что ей никогда бы не подняться выше рекламных роликов, если б не желание телекомпаний использовать ее как символ женщины-журналиста.

В этом, пожалуй, они грешили против истины. Ума Элеонор Иглз хватало.

— Уолтер Марч был прекрасным журналистом, прекрасным издателем и, самое важное, прекрасным человеком.

— Воистину так, — отозвалась Кристал.

— Он интуитивно чувствовал, что представляет интерес, а что — нет, как следует подать тот или иной материал. И на моей памяти ни разу не ошибался. «Марч ньюспейперз» всегда выступала на стороне победителей.

— А как насчет людей? — спросила Кристал. — Его отношения к своим сотрудникам?

— Вот что я вам скажу. — Элеонор поджала губы. — Я сочла бы за честь работать на Уолтера Марча. В любое время, в любом месте, при любых обстоятельствах.

— Да, старина Марч вполне достоин причисления к лику святых. — Флетч встал. — Извините, мне нужно уйти.

За обедом коридорный принес ему записку, на бланке отеля. С надписью «Мистеру И. Флетчеру» на конверте. Он прочитал: «Дорогой Флетч! Не подозревала о вашем присутствии на конгрессе, пока не раскрыла вашингтонскую утреннюю газету со статьей Макконнелла. Если сможете, зайдите ко мне после обеда. Двенадцатый «люкс». Лидия Марч».

Записку он никому не показал. Полюбопытствовала только Кристал: «Для безработного тебя слишком часто дергают за едой. Стоит ли удивляться, что ты такой худой. Должно быть, на работе у тебя вообще нет времени поесть».

— Насколько я поняла, вы работали у Уолтера Марча? — спросила Элеонор Иглз.

— Работала, — кивнула Кристал.

— Я тоже, — присоединился к ней Флетч.

— И он обошелся с вами жестоко? — продолжила допрос Элеонор.

— Не то слово, — ответила Кристал.

Флетч предпочел промолчать.

— Подозреваю, вы того заслуживали, — вынесла вердикт им обоим Элеонор.

ГЛАВА 23

9.00 P. M. ВСЕГДА ЕСТЬ ВРЕМЯ И МЕСТО ЮМОРУ: ВАШИНГТОН СЕГОДНЯ.

Оскар Перлман.

Дверь в «люкс» 12 открыл Флетчу Джейк Уильямс, с ручкой и блокнотом в руке, осунувшийся, посеревший от усталости.

— Флетчер!

Они обменялись крепким рукопожатием.

Лидия, в перламутрово-сером домашнем халате, стояла посреди комнаты. В одной руке она держала несколько желтых телетайпных лент, в другой — очки. Ее светло-синие глаза быстро пробежались по Флетчу.

— Рада, что снова вижу вас, Флетч.

Флетч мог поклясться, что это их первая встреча.

— Мы закончим через минуту, — продолжила Лидия. — Надо кое-что утрясти. — Позабыв о Флетче, она водрузила очки на нос и уткнулась в телетайпные ленты. — С какой стати мы должны давать версию А-пи * из Сан-Франциско? Разве наши люди в Сан-Франциско не могут прислать свой материал?

— Вопрос времени, более ничего. — Джейк что-то чиркнул в блокноте.

— За шесть часов эта тема не устареет.

— Шесть часов?

— Если наши люди не успеют дать статью за шесть часов, значит, нам следует заменить их на более компетентных журналистов, Джейк.

— Миссис Марч? — подал голос Флетч.

Она посмотрела на него поверх очков.

— Могу я воспользоваться вашим туалетом?

— Разумеется. Пройдите через спальню, — взмахом руки она указала дорогу.

— Благодарю.

Когда он вернулся в гостиную, Лидия сидела на диване. Перед ней на кофейном столике стояли чашечки, сахарница, горшочек сливок, полный кофейник. Исчезли и телетайпные ленты, и очки.

— Присядьте, Флетч.

Флетч пододвинул стул и сел напротив.

— Джейк ушел?

— Да. У него много дел. Хотите кофе?

— Я его не пью.

Записывает ли его чудесная машина их разговор, гадал Флетч. И решил, что скорее да, чем нет.

* Ассошиэйтед Пресс — одно из крупнейших телеграфных агентств.

— Флетч, насколько мне известно, вы не работаете.

Она налила себе кофе.

— Пишу книгу.

— О, конечно. Журналистская гордость. Если журналист не работает, то причина всегда одна и та же: он пишет книгу. Сколько раз я это слышала. Впрочем, в некоторых случаях книга действительно появлялась на свет Божий. — Лидия улыбнулась. — Знаете, Флетч, я столько о вас слышала. Мой муж любил рассказывать о вас разные истории.

— Я уже понял, что людям доставляет удовольствие рассказывать обо мне всякие небылицы. Одну мне довелось услышать буквально на днях, и я лишь позавидовал воображению рассказчика.

— Думаю, вы и мой муж были очень похожи.

— Миссис Марч, с вашим мужем я виделся лишь один раз, проведя в его кабинете ровно пять минут. Встреча эта не доставила удовольствия ни мне, ни ему.

— Естественно. Потому что у вас много общего. И ему были свойственны дерзость, порывистость. Если ему предлагалось на выбор несколько решений, он находил свое, додумался до которого не удавалось никому. И вы такой же, не правда ли?

— Возможно. — Этот ответ показался Флетчу более уместным, чем «да» или «нет».

— Так вот о чем пойдет речь, Флетч. Мой муж мертв.

— Извините, что с самого начала не выразил вам соболезнование.

— Благодарю. Так вот, «Марч ньюспейперз» нуждается в помощи. Все легло на плечи Младшего. Он, конечно, парень крепкий, весь в отца, во многом даже превосходит его, но... — Лидия покрутила чашечку на блюдце. — Эта смерть... Это убийство...

— Представляю себе, какой был удар для Младшего.

— Вся его жизнь прошла рядом с отцом... Они были большими друзьями.

— Миссис Марч, я же рабочая лошадка. Репортер. Знаю, как добыть материал, написать статью. В экстренном случае помогу с литобработкой. Способен отличить удачный снимок от плохого. Но в издательском деле я ничего не смыслю. Понятия не имею, как привлечь рекламодателей, сколько стоит квадратный дюйм газетной полосы, не говоря уже о финансировании газеты, закупках оборудования...

— В этом разбирается Младший. В хозяйственных делах ему цены нет. — Лидия добавила в чашку кофе. — Флетч, наш бизнес — это та же лошадь с телегой. И лошадь всегда должна быть впереди. Как выгладит газета и как она читается — это лошадь; сбор рекламы, финансы и все остальное — телега. Если газета не привлекает внимания и читатель не ждет с нетерпением следующего номера, ее не спасут самые умные хозяйственники.

— У вас же есть Джейк Уильямс...

— О, Джейк. — Лидия безнадежно махнула рукой. — Джейк уже староват. И выдохся (родился Джейк Уильямс лет на двадцать позже Лидии). — И я хочу попросить вас, Флетч, о следующем: не сможете ли вы помочь Младшему? Боюсь, что ноша, которая легла на его плечи, окажется непосильной...

— Сомневаюсь, что он согласится на мою помощь.

— Почему вы так говорите?

— Днем мы случайно встретились в баре и потолковали кое о чем.

— В баре! В баре! — Лидию аж перекошило. — Чувствую, Младшему придется завязать со спиртным, и очень скоро!

— Мне показалось, он не питает ко мне дружеских чувств.

— Сейчас Младший не отдает отчета в своих чувствах. Пьет и пьет, не позволяя себе протрезветь. В какой-то степени его можно понять, учитывая сложившиеся обстоятельства. Но ведь это не может продолжаться до бесконечности...

— Я думаю, он боится.

Глаза Лидии широко раскрылись.

— Боится?

— Честно говоря, до приезда на конгресс, где только и говорят что о нашем муже, я даже представить себе не мог, как много у него было забот. И такая ужасная смерть.

Лидия вжалась в угол дивана, взгляд ее не отрывался от пола. Похоже, ее обуревали тяжелые мысли.

— Миссис Марч, более чем пять лет тому назад ваш муж объявил об уходе на пенсию. Публично. Об этом сообщили все газеты. Почему он остался на своем посту?

— О, вы слышали выступление Льюиса Грэхэма по телевизору.

— Это действительно ни для кого не секрет.

— Самодовольный болван. Вы знаете, в прошлом году он соперничал с моим мужем на выборах президента ААЖ. И теперь всю скопившуюся ненависть выплеснул в отведенные ему девяносто секунд.

— Почему ваш муж не ушел на пенсию после того, как во всеуслышание объявил об этом?

— Вы не знаете?

— Нет.

Лидия выпрямилась, посмотрела на Флетча.

— Из-за Младшего. Из-за той глупой истории с профсоюзами. Приближался срок подписания очередного договора с профсоюзами, и Младший решил, что нашел интересный ход. Наш совет директоров не один год давил на него. По их убеждению, он вел жизнь затворника, проявлял излишнюю наивность. Им бы хотелось, чтобы он работал до пяти, а потом отправлялся домой, к жене, почаще появлялся с ней в обществе. Разумеется, все это происходило до того, как они развелись. Они настаивали, чтобы он больше путешествовал, и он съездил-таки на Дальний Восток...

Флетч вспомнил репортаж Младшего из Гонконга, начинавшийся словами: «Здесь великое множество китайцев...» Все газеты Марча опубликовали его на первой полосе, радуясь случаю выставить сына босса на посмешище.

— ...Так что Младший решил доказать отцу и директорам, что он тоже не лыком шит и многое может сделать сам, без чьей-либо указки. Даже Уолтер, мой муж, удивлялся, сколь гладко шли переговоры. Все наши возражения, возникающие по ходу рассмотрения договора, принимались едва ли не мгновенно. Естественно, возникли подозрения и у некоторых профсоюзных лидеров, и они начали выяснять, что к чему. Вы не слышали об этом? Уолтер старался замять то дело. И, похоже, безуспешно. Выяснилось, что Младший и президент профсоюза вместе вложили деньги в большой бар-ресторан. Младший внес за президента

начальный взнос, а расплачиваться тот должен был из прибыли. То есть президент профсоюза не платил из своего кармана ни цента. Младший не видел в своих действиях ничего предосудительного, так как внес собственные деньги. Но ему быстро разобъяснили, насколько он не прав. Вмешалась даже Национальная комиссия по трудовым отношениям. Пошли разговоры о том, что Младшего и президента профсоюза следует посадить в тюрьму. Из-за этого дела мы потеряли газету в Балтиморе. В такой ситуации вопрос об уходе Уолтера на пенсию отпал сам собой. И потребовался не один год, чтобы все пришло в норму.

В голове Флетча вновь пронеслись слова Лидии: «Он, конечно, парень крепкий, весь в отца, во многом даже превосходит его, но...»

— Мы все имеем право на одну ошибку, — продолжила Лидия. — Да и вина тут не Младшего, а совета директоров, сомневавшегося в его способностях. Он лишь хотел самоутвердиться. Вы понимаете, не так ли, Флетч? И я думаю, ваша помощь придется ему весьма кстати...

— Миссис Марч, нам следует вернуться к этому разговору через день-другой...

— Да, разумеется. — Она поднялась и протянула ему руку. — Хотя более всего Младший нуждается в помощи именно сейчас.

— Согласен, — не стал спорить Флетч.

— А относительно сказанного вами... — Лидия все еще держала его руку. — Сегодня за обедом мы с Младшим говорили о вас. Он со мной согласился. И хочет, чтобы вы поработали в «Марч ньюспейперз». Надеюсь, если представится случай, вы с ним обговорите все более детально.

— Хорошо.

Она проводила Флетча до двери.

— Спасибо, что пришли, Флетч. Полагаю, вы не сожалеете о том, что пропустили послеобеденный доклад Оскара Перлмана. Мне неприятно даже думать обо всех этих людях, смеющихся над его глупыми шутками...

ГЛАВА 24

10.00 Р. М. ЖЕНЩИНЫ В ЖУРНАЛИСТИКЕ: Признаемся, друзья, — редкая статья готовится для печати девять месяцев.

Общая дискуссия.

Комната для шитья тетушки Салли Хендрикс.

С магнитофонной ленты. Приемный блок 4. «Люкс» 9 (Элеонор Иглз).

— Я уже собиралась лечь спать. — Голос Элеонор Иглз.

— А я принес шампанское.

— Как мило с твоей стороны, Ролли, но уже поздно.

— С каких это пор десять часов — поздно? — спросил Ролли Уишэм. — Ты еще далеко не старушка, Элеонор.

— Нет, конечно, но я только в воскресенье вернулась из Пакистана.

— Правда? Я не знал.

— Вечерним самолетом.

— И как дела в Пакистане?

— Ужасно.

— Для тех краев это обычное состояние.

— Ролли, что ты хочешь?

— А что, по-твоему, я хочу? Когда мужчина приходит в десять часов с бутылкой шампанского...

— Весьма юный мужчина.

— Элеонор, дорогая. «Это Ролли Уишэм, с любовью...»

— Как забавно.

— Ты забыла Вену?

— Я не забыла, Ролли. Там было так хорошо.

— Шел дождь.

— Дождь иной раз возбуждает меня.

— Мне включить душ?

— Честно говоря, Ролли, я очень устала и расстроилась из-за Уолтера...

— Великий Уолтер Марч. Чего ты только не делала для него!

— Прекрати так говорить, наглец.

— Как получилось, что весь мир населен наглецами? За исключением одного старого мерзавца, которого звали Уолтер Марч.

— Ладно, Ролли, я знаю, почему ты обижен на Марча. Из-за того, что он сделал с газетой.

— Не обижен, Элеонор. Он убил моего отца. Понимаешь, убил! После чего моей матери жизнь стала не в радость, да и мне тоже. Так что слово «обида» в данном случае звучит как оскорбление.

— Это случилось так давно, в Оклахоме...

— В Колорадо.

— И ты выражаешь мнение только одной стороны.

— Я располагаю фактами, Элеонор.

— Если у тебя есть факты, почему ты не обратился в суд? Не попытался опубликовать их?

— Тогда я был еще ребенком.

— А потом?

— Я их опубликую. В свое время. Можешь мне поверить. Так я открываю шампанское?

— Нет.

— Перестань, Элеонор. Старый мерзавец мертв.

— Его убил ты, Ролли?

— Убил ли я Уолтера Марча? — Послышался хлопок, вылетела пробка, затем булькающие звуки: шампанское разливали по бокалам. — За твоё крепкое здоровье, Элеонор, твой успех и твои любовные утехы.

— Ты, похоже, не понимаешь, когда тебе указывают на дверь.

— Неплохое шампанское. По местным меркам.

— Что тебе нужно, Ролли? Мы не можем изображать дождливую Вену в Хендриксе, штат Вирджиния, с работающим на полную мощь кондиционером. Ты пришел сюда что-то разнюхать. Так, Ролли? Ролли Уишэм, с любовью и бутылкой шампанского. Ничего ты от меня не узнаешь.

— Понимаю тебя, Элеонор. Ты постоянно твердила, по поводу и без того, что Уолтер Марч помогал тебе только из благих побуждений. И в итоге заставила всех забыть одну простую истину: Уолтера Марча невозможно причислить к хорошим людям. Он — подонок.

— Даже подонок способен на одно или два добрых дела, Ролли.

— Элеонор, это уже прогресс. Ты признала, что Уолтер Марч был подонком.

— Убирайся отсюда! Как я жалею, что Уолтер мертв. Он бы размазал тебя по стенке.

— Да, — согласился Ролли Уишэм, — размазал бы. Но теперь это ему не под силу. Понимаешь, Элеонор? Как и многое другое. Не так ли, Элеонор?

Зазвонил телефон. Лежа на кровати, в полусне, Флетч не сразу понял, звонит ли он у него в номере или в «люксе» Элеонор Иглз.

— Уберешься ты или...

— Шампанское оставить?

— Ты знаешь, что следует с ним делать.

— Спокойной ночи, Элеонор.

Телефон звонил в номере Флетча.

ГЛАВА 25

— Почтовое отделение на связи, — пробурчал Флетч в трубку. Перед тем как снять ее, Флетч сел на край кровати и убрал звук на магнитофоне.

— Черт, я весь вечер пытаюсь дозвониться до тебя.

— Тебе это удалось. Ты звонишь из Бостона?

Бессчетное число раз слышал Флетч в телефонной трубке этот мужской голос.

— Легче дозвониться в Белый дом в час национального кризиса.

— Здесь проходит конгресс, знаешь ли. А бедным телефонисткам приходится обходиться одним экземпляром списка его участников. Ты все еще в «Стар»?

Более года Джек был редактором Флетча, когда тот работал в чикагской газете. Совсем недавно они виделись в Бостоне, куда Джек переехал из Чикаго, получив место в «Стар»*.

Флетч даже оказал Джеку небольшую услугу, поработав в газете в ночь, когда ловили поджигателя.

— Естественно. Надо же мне кормить мою ужасную жену.

— Понятно, — улыбнулся Флетч. — Вечный роман Джека и Дафни Сандерс. Как поживает старушка?

— Стала голще и злее, жуткая уродина.

— Жир — скорее достоинство, чем недостаток.

— Как ты?

— Более она не заземляла ресницы дверцей холодильника?

— Нет, но на днях не смогла разминуться с дверью. Ручка залезла ей в пупок. Пришлось вызывать хирурга. — Иногда Флетчу казалось, что Джек живет с Дафни лишь для того, чтобы рассказывать о ней всякие гадости. — О твоём участии в конгрессе я узнал из вашингтонской газеты. На кого-то работаешь?

— Только на ЦРУ.

* Подробнее в романе «Сознавайтесь. Флетч» («Смена» №№ 11—12, 1991 г.).

— Ага. Могу себе представить. Но раз ты на конгрессе, значит, ищешь работу. Почему? Проел весь накопленный мед?

— Нет, но все идет к этому.

— Полагаю, ты можешь что-нибудь рассказать об убийстве Уолтера Марча.

— Если я дам тебе хорошую статью, ты предложишь мне работу?

— Я возьму тебя и без этой статьи.

— Ответь, пожалуйста, на конкретный вопрос. Если я дам тебе хорошую статью, ты возьмешь меня на работу?

— Будь уверен.

— Идет. Что тебя интересует, факты или слухи?

— И то, и другое.

— Уолтера Марча убили.

— Довольно шуток.

— Ножницами в спину.

— Теперь ты собираешься сказать, что он упал на пол мертвым:

— Ты всегда забегаешь вперед, Джек.

— Извини.

— Лучше пойдем шаг за шагом.

— Я уже записал: «Уолтера Марча убили».

— Убили на конгрессе, где все его знали и многие ненавидели.

— Его же избрали президентом.

— Тебе известно, что Уолтер Марч имел под рукой целую свору частных детективов?

— Конечно.

— Не просто имел под рукой, но и использовал в своих целях, к неудовольствию многих. Похоже, у любого из них был мотив для убийства. Если поверить тому, что здесь говорят, старина Марч шантажировал всех живущих по эту сторону Тибета.

— Ты знаешь, кого конкретно он шантажировал и почему?

— Кое-кого знаю. К примеру, его ищейки уже много лет неотступно следовали за Перлманом.

— Оскаром Перлманом? Сатириком?

— Когда-то он работал у Марча. Но продал свою колонку синдикату, и с той поры она публикуется в газетах, конкурирующих с «Марч ньюспейперз».

— Это же было до нашей эры.

— Тем не менее он до сих пор держал Перлмана под колпаком.

— Так с чего Перлману пырять Марча на конгрессе, если он не сделал этого раньше?

— Не знаю. Может, его детективы что-то раскопали?

— Оскар Перлман, — мечтательно протянул Сандерс. — Интересный будет суд. Соберет большую прессу.

— Лидия Марч видела Оскара Перлмана в коридоре около их номера сразу же после убийства. Отходящим от двери.

— Хорошо. Пометим Перлмана. Чего не сделаешь ради удовольствия читателей!

— Все это не для печати, Джек.

— Знаю. Я же редактор, не забывай об этом. Дафни и трое моих уродливых детей постоянно просят есть.

— Ролли Уинчэм яро ненавидел Уолтера Марча, имея на то веские основания. Но его ненависть могла выйти из-под контроля.

— Ролли Уишэм, с любовью?

— Он самый. Говорит, так разволновался, случайно столкнувшись с Марчем в лифте воскресным вечером, что не смог заснуть всю ночь.

— А чем ему досадила Марч?

— Уишэм утверждает, что Марч, опять же с помощью частных детективов, прибрал к рукам газету его отца, который затем покончил с собой.

— Это правда?

— Откуда мне знать? Если да, то произошло это в критическом для Ролли возрасте — пятнадцать или шестнадцать лет. Для подростков чувства любви и ненависти особенно сильны.

— Тут ты прав. Мог Уишэм убить Марча? Ты говоришь, он приехал в воскресенье.

— Да, и у него нет алиби на утро понедельника. Он говорит, что ездил по Вирджинии на взятой напрокат машине. Не останавливался даже у бензоколонки.

— Забавно. Ролли Уишэм, с любовью, и ножницы в спине Уолтера Марча.

— Ты знаешь, Марч планировал национальную кампанию, от Восточного до Западного побережья, с целью выпрыгнуть Уишэма из эфира.

— О, да. Я читал одну передовицу. В этом я бы его поддержал. Уишэм — идиот. Негоже журналисту изображать страждущего Христа.

— Оставьте свои консервативные высказывания при себе, Сандерс. Просто вы давно не появлялись на улице.

— Двое достойных кандидатов в убийцы. Мы незамедлительно начнем подбирать материал. Кто еще?

— Помнишь Кристал Фаони?

— Кристал? Крошка Кристал? Желанная гостья всех кафе-мороженых? Она работала с нами в Чикаго.

— Она говорит, что Марч выгнал ее с работы за аморальное поведение, когда она забеременела, не пожелав предварительно выйти замуж. И Кристал пришлось делать аборт.

— Мерзавец. Ханжа. Знаешь, что я скажу тебе, Флетч. Кристал хватит ума и воображения убить человека и выйти сухой из воды.

— Полностью с тобой согласен.

— Я не хотел бы иметь такого врага.

— Я тоже.

— От одной мысли об этом меня начинает бить дрожь. Да лучше лечь в одну кровать с удавом. А что ты думаешь о капитане Эндрю Ниле, который ведет расследование?

— Думаю, капитан Нил держится молодцом. Работа у него — не позавидуешь. Вокруг столько журналистов. Не так-то легко добиться ответов на вопросы у тех, чья профессия — задавать те же самые вопросы. И он сможет продержаться нас здесь еще двадцать четыре часа.

— У кого еще мог быть мотив для убийства?

— Да тут таких десятки. Хотя бы Роберт Макконнелл.

— Макконнелл. Ах, да. Он был чьим-то пресс-секретарем. Хотел вместе с ним войти в Белый дом.

— Точно. А пизанка Марч всеми своими газетами поддержал другого кандидата, что, возможно, склонило чашу весов в его пользу. Боба взяли на прежнее место и задвинули в угол, где он и пребывает по сию пору.

— Боб мог это сделать. Злопамятный тип. Убежденный, что с ним поступают не по справедливости. Всегда готовый ударить в ответ, даже если на него и не замахивались.

— Я это заметил.

— Мы займемся и им. А что это за парень, которого помянул в утренней колонке Стюарт Пойнтон?

— Пойнтон кого-то помянул? Портгье?

— Я только что получил телекс. Какой-то Джозеф Молиаро.

— Никогда о нем не слышал. Уж не вымышленное ли это имя?

— Сейчас прочту тебе, что пишет Пойнтон: «Расследуя убийство Уолтера Марча, местная полиция объявила, что хотела бы допросить Джозефа Молиаро, двадцати восьми лет. Не известно, находился ли этот Молиаро на месте преступления в понедельник утром. Эндру Нил, руководитель расследования, не пояснил, чем руководствуется полиция, разыскивая Молиаро». Тебе это что-то говорит, Флетч?

— Конечно. Пойнтон уговорил какого-то бедолагу заняться частным сыском, а добычу приносить хозяину, то есть ему.

— Флетч, сидя здесь, в башне из слоновой кости, которая зовется «Бостон стар»...

— Если это башня из слоновой кости, то я — леденец на палочке.

— Значит, при случае я смогу тебя полизать.

— Хо-хо!

— Мысли мои все время возвращаются к Младшему.

— Ты полагаешь, убийца — он?

— Уолтер Марч, младший.

— Я сомневаюсь.

— Всю жизнь под пятой у отца...

— Я говорил с ним.

— Под тяжелой пятой.

— У меня не сложилось впечатления, что Младший жаждет встать у руля. По-моему, он бонится.

— Бонится, что его поймут?

— Пьет по-черному.

— Он давно уже пьет втихую.

— Сомневаюсь, чтобы он мог решиться.

— Решиться ткнуть отца в спину ножницами?

Флетчу вспомнились резкий выпад рукой в баре и безумный взгляд Младшего в тот миг.

— Возможно, ты прав. Но теперь ты, наверное, хочешь услышать имя убийцы?

Джек Сандрес хохотнул.

— Нет, благодарю. Давай пока ограничимся списком подозреваемых. Если у тебя появится что-то интересное, позвонишь?

— Обязательно, Джек, обязательно. «Память о совместной работе», она дорогого стоит.

С магнитофонной ленты. Приемный блок 5. «Люкс» 3
(Дональд Джиббс и Роберт Энглехардт).

— Снег, чудесный снег. — По голосу Дона Флетч понял, что тот крепко набрался. — Кто бы ожидал найти в Вирджинии снег в такое время года?

Ответа Энглехардта Флетч не разобрал.

— Кто бы мог подумать, что мой дорогой начальник отдела будет путешествовать по Югу со снегом в «дипломате»? Какое счастье, что он не тает!

Вновь неразборчивое бурчание Энглехардта.

— Но я тоже приготовил тебе сюрприз, мой дорогой начальник. Ты спрашиваешь, какой? Объясню. Помнишь двух крошек в коктейль-холде Билли-Бобби? Помнится, ты еще назвал их милашками. Так вот, сэр, я взял на себя смелость пригласить их в наш журналистский «люкс». В этот вечер! В этот час! В эту минуту! Вернее, двадцать минут тому назад.

— Ты их пригласил?

— Конечно. А почему бы и нет? Они же журналистки. Развращенные женщины. Можно ли ждать от них чего-то другого?

— Я тоже кое-кого пригласил. — В голосе Энглехардта слышалась осторожность.

— Правда? Так их будет четыре? Четыре голые девицы в одной комнате! И нас двое. Потрясающе.

— Спасателя, — пояснил Энглехардт.

— Спасателя? Какого спасателя? Спасатели тут только мужчины. Других нет.

Энглехардт что-то пробубнил. Джиббс не ответил.

— Что с тобой, Дон? — удивился Энглехардт. — Разве ты против разнообразия?

— О Боже. Две девицы и парень. И мы. Оргия! Боб...

— Спокойнее, Джиббс.

— Где бербон? Хочу бербона. А то какое-то странное ощущение в носу.

— Удивительные люди, начальники отделов, — продолжал Джиббс. — Спасатели под снегом. Спасатели-мужчины.

— Любые ситуации надо испытать на себе. Это часть нашей подготовки. Полевые учения.

— Что-то я ничего не читал об этом в руководствах.

— На все случаи жизни книг не напишешь.

В номере Флетча зазвонил телефон.

— Слушаю. — Он приглушил магнитофон.

— Флетчер, не поплавать ли нам в бассейне? — звонила Фредерика Эрбатнот. — Или вы уже накупались?

— Вы в своей комнате?

— Да.

— Разве вы не слышите моего диктофона?

— Только так я и поняла, что вы не спите.

— Не только не сплю, но работаю. Готовлю книгу о моих странствиях.

— Я подумала, что к этому часу вы наговорили об Италии все, что могли.

— Разве можно наговорить все об Италии? Великолепная страна, в которой живут удивительные люди...

— Одна работа и никаких развлечений...

— Делу — время, потехе — час.

— Почему бы вам не выключить диктофон? Мы могли бы поплавать в бассейне. Вдвоем.

— Который час в вашей комнате?

— Полночь. Тридцать пять первого. А в вашей?

— Моя милая леди. Кристал Фаони замерзла в бассейне днем, под жаркими лучами солнца.

— Это с ее-то изоляцией.

— Продрогла до костей.

— Я видела, как вы пытались согреть ее.

— А ежели она замерзла днем, можно представить себе, что случится с нами глубокой ночью.

— Мы можем согреть друг друга.

— Вы упустили суть, мисс Эрбатнот.

— Суть в том, мистер Флетчер, что вы уже стреляный патрон.

— Суть в том, мисс Эрбатнот...

— А со стороны кажется, что со здоровьем у вас все в порядке. — И она положила трубку.

ГЛАВА 27

Среда.

Боковым зрением Флетч уловил среди деревьев на склоне холма блеснувшее в солнечных лучах ветровое стекло. Доскакав до подножия, Флетч обнаружил уходящую вверх тропинку и двинулся по ней. После очередного поворота натянул поводья.

На дороге застыл автомобиль. Рядом, на спине, с бегущим из рта ручейком крови, лежал мужчина, которого он искал, тот самый, в джинсовом костюме, что спрашивал миссис Лири о приезде Уолтера Марча, с коротко стриженными, курчавыми, седыми волосами.

А другой мужчина, не кто иной, как Фрэнк Джиллис, опустившись на колено, подозрительно смотрел на Флетча, держа в руках бумажник первого.

— Доброе утро, — поздоровался Флетч.

— Кто вы? — спросил Джиллис.

— Моя фамилия Флетчер.

Джиллис вновь занялся бумажником.

— Работаете здесь?

— Нет.

— Остановились в отеле?

— Да.

— Вы журналист? — В голосе Джиллиса послышались нотки изумления.

— Время от времени. А вы — Фрэнк Джиллис.

— Попали в самую точку.

Многие годы Фрэнк Джиллис колесил по Америке, выискивая и вынося на суд телезрителей самые невероятные сюжеты, касающиеся главным образом истории и традиций жителей тех или иных регионов. И когда Америка начинала сомневаться в себе, репортажи Фрэнка Джиллиса становились тонизирующим средством, что улучшало, пусть и на несколько минут, настроение американцев.

— Кажется, вы только что кого-то оглушили.

Джиллис поднялся и бросил бумажник на грудь лежащего мужчины.

— Да, но догадайтесь, кого именно. Слезьте с лошади. Подойдите поближе и приглядитесь.

Джиллису было за пятьдесят, добродушно улыбающиеся глаза, двойной подбородок.

Флетч спрыгнул на землю, подошел, ведя лошадь на поводу. Посмотрел на лежащего на земле мужчину. Лицо оказалось гораздо моложе, чем ожидал увидеть Флетч. Совсем молодое лицо, никак не сочетающееся с седыми волосами.

— Мой Бог! — ахнул Флетч.

— Думаете, правильно.

— Уолтер Марч. Почему вы уложили его?

— Не люблю людей, которые швыряют мне в лицо горящие сигареты. — Джиллис провел рукой по левой щеке. — Я ударил его лишь один раз.

— Вы его знаете?

— Откуда? Я подошел к нему, чтобы спросить дорогу. — Великий исследователь современной Америки застенчиво улыбнулся. — Я заблудился. Парень стоял у машины, скручивая сигарету. Я глянул ему в лицо и остолбенел. «Боже мой, — воскликнул я, — как же вы похожи на...» Лицо его столь внезапно исказилось, что фразы я не закончил. А он закурил и спросил: «На кого же?» Тут я ответил: «На Уолтера Марча». В следующее мгновение сигарета полетела мне в лицо, а я инстинктивно ударил его. — Джиллис посмотрел на лежащего. — Только один раз.

— Удар у вас отменный, — похвалил Джиллиса Флетч. — Как хорошо, что я не курю.

Голова лежащего дернулась.

— Как его зовут? — спросил Флетч.

— Если верить водительскому удостоверению, Молинаро. Джозеф Молинаро. Удостоверение выдано во Флориде.

Как и номерные знаки автомобиля, отметил Флетч.

— Парню только двадцать восемь лет.

Джиллис пристально посмотрел на лежащего.

— Тело молодое. Возможно, вы правы.

Тут глаза Молинаро открылись, и он настороженно глянул на Джиллиса, затем на Флетча.

— Доброе утро, — поздоровался Флетч. — Вы, я вижу, решили вздремнуть перед завтраком.

Молинаро приподнялся на локтях, лицо его скривилось от боли, бумажник сполз с груди на землю.

— Не торопитесь. Десять секунд уже прошли.

Глаза Молиаро затуманились, и он вновь упал бы на землю, не подхвати его Флетч.

— Давайте подниматься. Вам сразу станет лучше.

Он помог Молиаро встать, подождал, пока тот вытрет кровь с губ. Отбросив руки Флетча, Молиаро отошел к автомобилю и сел на бампер.

— У вас дурные манеры, — пояснил Джиллис. — А я вспыхиваю как порох.

— Вас зовут Джозеф Молиаро? — спросил Флетч.

Мужчина переводил взгляд с Джиллиса на Флетча и молчал.

— Вы — родственник Уолтера Марча? — спросил Фрэнк Джиллис.

Молчание.

— Вы его сын? — уточнил вопрос Флетч.

Взгляд мужчины упал на дорогу, затем переместился на кусты. Он пренебрежительно фыркнул.

— Вы — сын Уолтера Марча. Отсюда такое сходство. Вы убили его?

— С какой стати? — спросил Молиаро.

— Вот и скажите нам, — предложил ему Джиллис.

— От мертвого мне пользы нет, — пробурчал Молиаро.

Глаза Джиллиса сузились, но он промолчал.

— А какая вам польза от живого? — спросил Флетч.

Молиаро пожал плечами.

— Всегда есть надежда.

Вновь последовала томительная пауза. Молиаро поднес руки к голове, потер виски.

Молчание прервал Флетч.

— Послушайте, Джо, мы оказались здесь не для того, чтобы арестовать вас. — Он прикинул, стоит ли говорить Молиаро о том, что полиция разыскивает его. Возникла у него и другая мысль: а не сообщить ли капитану Эндрю Нилу о местонахождении Молиаро? — Мы здесь даже не потому, что хотим написать статью.

— Значит, наткнулись на меня случайно? — с усмешкой спросил Молиаро.

— Какая вам была бы польза от живого Уолтера Марча?

— Я написал ему три или четыре вежливых письма с просьбой о встрече. Мне было тогда лет пятнадцать. В девятнадцать, захватив с собой все сбережения, я поехал в Нью-Йорк, жил в ночлежке, осаждал его секретаршу, чтобы добиться аудиенции. Сначала я назвал собственную фамилию, потом много других, вымышленных. Но ничего не добился. Он то покидал город или страну, то участвовал в важном совещании. — У Молиаро дернулось лицо. — Я даже купил костюм и галстук, чтобы прилично одеться, когда он соблаговолит принять меня.

— Он был вашим отцом? — спросил Джиллис.

— Так мне всегда говорили.

— Кто говорил? — последовал вопрос.

— Мои дедушка и бабушка. Они воспитывали меня. Во Флориде. — Молиаро уважительно глянул на Джиллиса. — Я даже не видел вашего кулака.

— Естественно, — кивнул Джиллис. — При нокауте никто не видит кулака.

— Вы занимались боксом?

— Меня учили играть на рояле, а не махать кулаками.

Молинаро попытался покачать головой и скривился от боли.

— Старый козел.

— Вы снова хотите не увидеть мой кулак? — поинтересовался Джиллис.

Молинаро повернулся к нему.

— Вы — Фрэнк Джиллис, телерепортер.

— Мне это известно, — ответил тот.

— Я видел вас по телевизору.

— Почему вы сами скручиваете сигареты?

— А вам что до этого?

— Для здешних мест необычно. Вы работали на юго-западе?

— Да. На коневодческом ранчо, в Колорадо. Однажды прочитал, что Уолтер Марч купил газету в Денвере. Я оставил работу и поехал в Денвер. Целыми днями простаивал у здания редакции. Наконец как-то вечером он вышел из дверей в сопровождении трех мужчин. Я подбежал к нему. Двое мужчин придержали меня, третий открыл дверцу автомобиля.

— Он видел вас? — спросил Флетч. — Ваше лицо?

— Он посмотрел на меня, прежде чем залезть в кабину. И еще раз, через заднее стекло, когда автомобиль тронулся с места. Сукин сын.

— Джо, я же просил вас не ругаться, — нахмурился Джиллис.

— Ну, есть у тебя незаконнорожденный сын. Что в этом плохого? — Молинаро возвысил голос. — О Боже! Даже в средние века здоровались с незаконнорожденными сыновьями.

Стоя на лесной дороге в нескольких километрах от Плантации Хендрикса, Флетч думал о том, что Уолтер Марч выгнал Кристал Фаони с работы, когда та пожелала родить без мужа. И вообще «аморальность поведения» журналиста являлась в «Марч ньюспейперз» едва ли не наиболее часто встречающимся поводом для увольнения.

— Ваш отец был очень жестким человеком, — заметил Флетч.

Молинаро прищурился.

— Вы его знали?

— Когда-то работал у него. Однажды виделся с ним. Провел в его кабинете пять минут. Возможно, те самые, которые требовались вам. Вы приехали в Вирджинию, чтобы встретиться с ним?

— Да.

— Как вы узнали, что он будет здесь?

— Президент Ассоциации американских журналистов. Конгресс. Прочитал об этом в газете «Майами герольд».

— С чего вы взяли, что он примет вас радушнее, чем в прошлый раз?

— Он стал старше. Возможно, помягчел. Я не терял надежды.

— Почему вы не сняли номер в отеле? — спросил Джиллис. — Почему прячетесь в лесу?

— Вы смеетесь? Сами-то сразу узнали меня. Я намеревался

держаться подальше от отеля. Пока не найду способ пробиться к нему.

— Вы пытались связаться с ним на Плантации Хендрикса? — полюбопытствовал Флетч.

— В понедельник вечером я услышал по радио о его смерти. Попытался что-нибудь выяснить, но безрезультатно.

— С этим все ясно, — кивнул Джиллис. — Но почему вы до сих пор здесь?

Молинару бросил на журналиста полный ненависти взгляд.

— Завтра церковная панихида, вот почему.

— Джо, кто ваша мать? — Похоже, Флетч еще не утолил свой интерес.

В ответ он получил еще один ненавидящий взгляд.

— Джо, ваш отец считал себя моралистом. Выдумывал собственные законы, которых и придерживался, невзирая на беду, что несли они остальным. И, подозреваю, вы вполне смогли бы обойтись без того, что хотели получить от вашего отца.

— Это ваше надгробное слово? — с горечью спросил Джозеф Молинару.

— Полагаю, что да, — кивнул Флетч.

ГЛАВА 28

8.00—9.00 А. М. ЗАВТРАК.

Лишь один человек сидел в шезлонге у бассейна — высокий тощий мужчина, в шортах до колен, рубашке с открытым воротом в вертикальную полоску и начищенных черных туфлях.

У шезлонга стоял черный «дипломат».

Флетч направился к отелю, потный, без тенниски. Пока вставлял ключ в замочную скважину сдвижной двери, мужчина успел подняться и подойти к нему.

— Доброе утро, — поздоровался Флетч.

— Де-эн-эс, — ответил мужчина.

Флетч сдвинул дверь.

— И что это должно означать?

— Департамент налогов и сборов.

Флетч вошел в прохладный номер, оставив дверь открытой.

— То есть вы в некотором роде связаны с налогами?

— В некотором роде, — подтвердил мужчина.

Он сел на стул, держа «дипломат» на коленях.

Флетч бросил тенниску на кровать, ключ положил на комод. Мужчина открыл «дипломат».

— Вы даже не спросили, кто я такой, — удивился Флетч.

— В этом нет нужды, — заверил его мужчина. — Из вашингтонской газеты мы узнали, что вы здесь. Меня послали в Хендрикс. Портье сказал, что вас поселили в номере 79. Дверь вы открыли ключом.

— Но вы не назвали и сами.

Мужчина покачал головой.

— Де-эн-эс. — И повторил: — Де-эн-эс.

— И как мне к вам обращаться? Мистер Де? Д-эн? Де-эн-эс?

— Можете не обращаться. Просто отвечайте на вопросы.

— Вас понял, мистер Де.

Флетч снял трубку и позвонил в номер 102.

— Хотите вызвать адвоката? — предположил мужчина.

— Кристал, мне кое-что нужно.

— Ты позавтракал?

— Я забыл.

— Забыл, завтракал ты или нет?

— Я говорю не о завтраке.

— А почему бы не поговорить о завтраке? Я взяла себе пирожки, сосиски и кленовый сироп. Я знала, что мне не следует есть оладьи с черникой, но не смогла устоять. Слишком много времени прошло с ужина.

— Понимаю. И ты, должно быть, съела не только свою порцию, но и мою?

— Флетч, ты меня простишь?

— Посмотрим на твое поведение.

— Хорошо. Не хочешь повторить вчерашнее?

— Мне пришлось поломать голову, чтобы найти объяснение сломанной перекладине, на которой висела занавеска.

— И что ты сказал?

— Сказал, что решил подтянуться на ней.

— Тебе поверили?

— Нет. Но надо же когда-то начинать врать.

— Тебя ругали?

— Отнюдь. Но пообещали, что внесут стоимость перекладки в счет. Слушай, мне кое-что нужно. И у меня гости.

— Фредди Эрбатнот? Из-за нее ты забыл про завтрак?

Флетч посмотрел на Де-эн-эса. Тот внимательно прислушивался к телефонному разговору.

— К сожалению, нет.

— Флетч, дорогой, любовь моя. Проси, о чем хочешь. Для тебя я готова на все.

— Мне нужен двухкассетник. Хочу переписать одну пленку.

— У меня диктофон только на одну кассету. Но двухкассетник есть у Боба Макконнелла.

— Боба?

— Ты хочешь, чтобы я позвонила ему?

— Нет, благодарю. Я могу и сам позвонить.

— Мне кажется, он горит желанием помочь тебе, если ему представится такая возможность.

— Он причинил мне немало неприятностей, упомянув в статье мою фамилию.

Де-эн-эс нетерпеливо постукивал ручкой по ногтю большого пальца.

— Что-нибудь еще, дорогой?

— Я закончил книгу о путешествиях. Хочу послать ее издателью. У тебя есть большой конверт, коробка или пакет?

— В вестибюле отеля есть почтовое отделение.

— И что?

— Там продаются большие конверты. И картонные ящики, если твоя книга не влезет в конверт.

— Действительно, как же я забыл!
— Там на двери надпись: «Почтовая служба Соединенных Штатов».

— Спасибо тебе, Кристал.

— Если заблудишься в вестибюле, спроси дорогу у любого.

— Кристал! Я хочу сказать тебе кое-что неприятное.

— Что же?

— Столовая еще открыта для тех, кто хочет позавтракать.

— Поганец!

Флетч положил трубку, но так и остался у кровати. Ему хотелось принять душ. Или прыгнуть в бассейн. А может, сначала поплавать в бассейне, а потом встать под душ.

— Не могли бы мы перейти к делу? — подал голос Де-эн-эс.

— Какие у нас могут быть дела?

— Мистер Флетчер, согласно имеющейся у нас информации, вы никогда не заполняли декларации о доходах.

— Угу.

— Эта информация соответствует действительности?

— Несомненно.

— Ваши работодатели, а их набралось немало, удерживали положенную для перечисления в бюджет часть вашего заработка, поэтому нельзя сказать, что вы вообще не платили налогов.

— Это хорошо.

— Уклонение от подачи налоговой декларации — преступление.

— Какой ужас.

— Из чистого любопытства позвольте спросить: почему вы никогда не подавали ее?

— В апреле всегда столько дел. Весной молодому мужчине как-то некогда вспоминать о Департаменте налогов и сборов.

— Вы могли бы попросить об отсрочке. Не скрывалось ли за вашим стремлением уклониться от уплаты налогов политической подоплеку?

— О, нет. Мотивы были чисто эстетические, если вам угодно знать правду.

— Эстетические?

— Да. Я видел ваши бланки деклараций. Они ужасные. Оскорбляют вкус человека. А английский язык просто коверкают.

— Наши бланки коверкают английский язык?

— Именно так. Меня тошнит от одного их вида. Я знаю, что вы пытались хоть как-то изменить их в лучшую сторону, но пока ваши усилия пошли прахом.

Ди-эн-эс мигнул. Его адамово яблоко ходило вверх-вниз.

— Эстетика, — пробормотал он.

— Вот-вот.

— Хорошо, мистер Флетчер. Мы не слышали о вас более двух лет. Вы не посылали ни заполненных налоговых деклараций, ни просьб об отсрочке.

— Мне не хотелось беспокоить вас.

— Однако, согласно поступившим к нам сведениям, все эти годы вы получали какой-то доход.

— Сами видите, я еще жив.

— Мистер Флетчер, у вас есть деньги в Бразилии, на Багамских островах, в Швейцарии и Италии.

— Вы знаете о Швейцарии?

— Много денег. Где вы их взяли?

— Урвал.

— Урвали?

— Глагол «украсть» очень уж грубый.

— Вы говорите, что украли их?

— Вы при этом не присутствовали.

— Я — нет.

— А следовало бы.

— Вы украли деньги в этой стране?

— Да.

— Как вы вывели их из Соединенных Штатов?

— По воздуху. На зафрахтованном самолете.

— Мой Бог! Это же тяжчайшее преступление.

— Уклонение от уплаты налогов и незаконный вывоз денег за границу вас волнуют, а вот сам факт кражи почему-то нет.

— Что вы такое говорите, мистер Флетчер!

— Такое, знаете ли, у меня сложилось впечатление.

Флетч снова снял трубку и позвонил в номер 82.

— Боб? Это твой друг Флетчер.

Боб Макконнелл ответил лишь после долгой паузы.

— О, да. Привет.

— Кристал сказала, что у тебя есть двухкассетник.

— Есть.

— Тебя не затруднит одолжить мне его на час-другой?

— Нет, конечно.

— Отлично, Боб. Ты будешь у себя?

— Да.

— Я зайду через несколько минут. — Флетч уже оторвал трубку от уха, чтобы положить на рычаг, но в последний момент решил добавить еще пару фраз. — Спасибо тебе большое. Позволь угостить тебя выпивкой.

В ответ раздались гудки отбоя.

— Мистер Флетчер, надеюсь, вы понимаете, в чем вы только что признались, — вновь заговорил Де-эн-эс.

— В чем?

— Вы украли деньги, вывели их из страны, не сообщили об источнике дохода в Департамент налогов и сборов и ни разу в жизни не заполнили налоговой декларации.

— А, вы об этом. Да, конечно.

— Вы сумасшедший?

— Нет, всего лишь эстет. Бланки налоговых деклараций...

— Мистер Флетчер, вы, похоже, обрекаете себя на долгий тюремный срок.

— Да, наверное. Если можно, определите меня на Юг. Холодная погода мне не по нутру. Даже если придется коротать век в камере.

В дверь постучали.

— Вы удовлетворены моими ответами? — спросил Флетч.

— Для начала, да. — Де-эн-эс начал собирать «дипломат». — Я не могу поверить своим ушам.

Флетч открыл дверь коридорному.

— Телеграммы, сэр. Две. — Он протянул телеграммы. — Вас не было в номере, сэр.

— А подсунув их под дверь, вы остались бы без чаевых, так? Коридорный виновато улыбнулся.

— Вы их все равно не получите.

Закрыв дверь, Флетч развернул первую телеграмму.

ГЕНЕРАЛ КАЙЛДЕР ПРИБЫВАЕТ В ХЕНДРИКС В ПОЛДЕНЬ НА ЦЕРЕМОНИЮ ВРУЧЕНИЯ БРОНЗОВОЙ ЗВЕЗДЫ. — ЛЕТТВИН.

Де-эн-эс закрыл «дипломат», встал и направился к двери.

Вторая телеграмма гласила:

ВАМ ЗАРЕЗЕРВИРОВАН БИЛЕТ НА РЕЙС 81 ВАШИНГТОН — ЛОНДОН КОМПАНИИ ВОАС. ВЫЛЕТ ИЗ НАЦИОНАЛЬНОГО АЭРОПОРТА В ДЕВЯТЬ ВЕЧЕРА. БУДЕМ У РЕГИСТРАЦИОННОЙ СТОЙКИ ВОАС В ПОЛОВИНЕ ВОСЬМОГО, ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ МАГНИТОФОННЫЕ ПЛЕНКИ. — ФЕЙБЕНС И ЭГГЕРЗ.

У двери Де-эн-эс остановился.

— Мистер Флетчер, я должен приказать вам не покидать Вирджинию, не покидать Хендрикс и уж ни в коем случае не выезжать за пределы Соединенных Штатов.

Флетч открыл ему дверь.

— У меня и мыслей таких нет.

— Вскорости мы дадим вам знать о себе.

— Вести с вами дела — сущее наслаждение.

Де-эн-эс вышел в коридор, а Флетч помахал ему вслед телеграммами.

Флетч принял душ, поплавал в бассейне, прогулялся в библиотеку отеля, размещенную рядом с бильярдной в дальнем конце вестибюля. Из библиотеки прошел в почтовое отделение, где купил большой конверт из плотной бумаги. Заглянул в номер 82, и Роберт Макконнелл тут же выдал ему двухкассетник.

Оставшееся до ленча время Флетч уделил перезаписи. Закончив работу, положил кассеты в конверт (за исключением одной, которую поставил на магнитофон в чемодане) и адресовал его Олстону Чамберсу, прокурору из Калифорнии. С припиской «ХРАНИТЬ ДЛЯ И. М. ФЛЕТЧЕРА».

По пути в столовую Флетч вернул Макконнеллу двухкассетник и отправил конверт Чамберсу.

ГЛАВА 29

12.30 Р. М. ЛЕНЧ.
Большая столовая.

Капитан Нил сидел за столиком для шестерых вместе с Кристал Фаони и, естественно, Фредерикой Эрбатнот. Роберт Макконнелл, Льюис Грэхэм и Элеонор Иглз отсутствовали.

— Вы обратили внимание, что те, кто делит трапезу с нами тремя, более не возвращаются? — спросил Флетч.

— Все потому, что вы так хорошо ладите со всеми, — ответила ему Фредди.

— Кто же у нас на новенького? — хихикнула Кристал. — Бедный капитан Нил. Наша очередная жертва.

Капитан Нил слегка улыбнулся, показывая, что он понимает шутку.

— Вы не собираетесь продержаться нас здесь дольше завтрашнего утра? — спросила Кристал.

— Вернее, сегодняшнего вечера, — поправила ее Фредди. — У меня самолет в шесть сорок пять.

— Во всяком случае, едва ли будут задерживать после окончания конгресса. — И Кристал сосредоточила все внимание на фруктовом салате.

— Такое просто невозможно, — пояснил капитан Нил. — Едва ли не каждый, с кем мне приходилось беседовать, подчеркивал собственную важность. Тут собрались выдающиеся личности. Если я задержу их хоть на одну лишнюю минуту, рухнет не одно правительство, а моря так просто выйдут из берегов.

Кристал глянула на Флетча.

— Я говорила тебе, что он сразу мне понравился.

— Вы везде встречаете такое ужасное отношение? — с улыбкой спросила Фредди.

— Я всегда думал, что журналистами называются те, кто сообщает нам новости, — ответил капитан Нил. — За последние два дня у меня создалось впечатление, что новости являют собой они сами.

— Вы совершенно правы. — Кристал не отрывалась от фруктового салата. — Событие не станет новостью, пока не появится освещающий его журналист. — Она посмотрела на Фредди. — Если я съела два завтрака, то вина в этом Флетча. Вы попробовали сегодня утром оладьи с черникой?

— Я попробовала только одну, — ответила Фредди.

— Остальные были не хуже, уверяю вас.

Капитану Нилу оставалось только посмеиваться.

— Здешний люд изрядно потрепал вам нервы, не так ли? — спросил его Флетч.

Прежде чем ответить, капитан Нил долго смотрел в тарелку.

— Впечатление такое, словно пытаешься пить «Земляничные поляны», сунув голову в улей.

— Да он у нас литературовед, — сказала Кристал фруктовому салату.

— И разбирается в музыке, — добавила Фредди.

— Вместо того, чтобы отвечать на мои вопросы, они допрашивали меня, — пожаловался капитан Нил.

— Журналистам чужда жалость, — подтвердила Кристал.

— Если же они снисходили до ответа, то заранее знали, какие должны говорить слова, чтобы выставить себя в самом лучшем свете. Представленные ими факты говорили только в их пользу, старались ли они сообщить что-либо или, наоборот, скрыть.

— Наверное, так оно и есть, — задумчиво промурлыкала Фредди. — Если смотреть на все с вашей колокольни.

— Легче допросить Верховный суд в полном составе.

— Их только девять, — заметила Фредди.

— Но и вы, если верить прессе, не спешите поделиться имеющейся у вас информацией, — упрекнула капитана Нила Кристал. — Лишь Пойнтон сообщил нам что-то интересное.

— Пойнтон?

— Стюарт Пойнтон. Вы не читали его утренней колонки?

— Нет.

— Он написал, что в связи с убийством Уолтера Марча вы намерены допросить некоего Джозефа Молиаро.

— Это было в газете? — удивился капитан Нил.

— Кто такой Джозеф Молиаро? — в лоб спросила Кристал. Нил улыбнулся.

— Полагаю, я должен задать этот вопрос вам.

— О, нет. — Кристал покачала головой. — Я просмотрела список участников конгресса, список сотрудников отеля, список избирателей Хендрикса, список членов Ассоциации американских журналистов, справочник «Кто есть кто»...

— Вы, похоже, очень любопытны, — прокомментировал усилия Кристал капитан Нил.

— Кто такой Джозеф Молиаро? — теперь вопрос задала Фредди.

— Фруктовый салат особенно хорош в такой вот жаркий день. Вы со мной согласны? — Капитан Нил увильнул от ответа.

— В некотором смысле все участники конгресса — незаконно-рожденные дети Уолтера Марча, — заметил Флетч. — Если судить по тому, как он к нам относился.

Нил выронил вилку, но поймал ее прежде, чем она упала на брюки.

А Кристал весело повторила свой вопрос, словно задавала его впервые.

— Так все-таки кто же такой Джозеф Молиаро?

Капитан Нил словно и не слышал ее, отдавая должное ленчу.

— Конечно, я не имею права задерживать вас, ни до завтрашнего утра, ни до сегодняшнего вечера.

— Насколько я понимаю, мне вылетать в шесть сорок пять. — Флетч посмотрел на Фредди. — Вместе со своей тенью. А в девять вечера у меня самолет в Лондон. — Фредди не повернулась к нему, и Флетч продолжил, обращаясь к капитану Нилу: — Я поражен, как много смогли вы выяснить за каких-то два дня, учитывая, в какой обстановке вам пришлось работать.

— Мы выяснили больше, чем вы думаете.

— Что вы выяснили? — Кристал перла напролом, как танк.

Ответил, однако, не полицейский, а Флетч.

— Список подозреваемых сузился до двух-трех человек. Иначе бы капитан Нил нас не отпустил.

Нил молча уписывал салат.

— Ключ к разгадке в том, — Флетч наклонился к Кристал, — что Уолтера Марча убили ударом ножиц в спину, за несколько минут до восьми часов утра, в понедельник, в гостиной его «люкса».

Кристал тупо смотрела на Флетча.

— Люди зачастую не замечают самого простого.

Под столом Фредди с силой лягнула его в голень.

— Ой! — вскрикнул Флетч.

— Мне ужасно захотелось стукнуть вас, — призналась Фредди.

— Черт побери! — Флетч потер голень. — Вы пытаетесь показать, что я лажу отнюдь не со всеми?

— Что-то в этом роде.

— Так вы ошибаетесь. Я остаюсь при своем мнении.

На десерт официант принес шоколадный торт.

— Какая прелесть! — воскликнула Кристал. — Кто будет говорить о преступлении и наказании, когда на столе шоколадный торт?

— Капитан Нил, — предположил Флетч.

— Нет, — покачал головой полицейский. — По мне лучше есть торт.

— Имеются доказательства того, что Уолтер Марч кого-то ждал, — отчеканил Флетч. Боль в голени начала утихать. — Какого-то знакомого. Этот кто-то намеревался зайти к нему в «люкс» в восемь утра или чуть раньше. — Флетч положил в рот кусочек торта. — И Уолтер Марч открыл бы дверь этому человеку.

Фредди наострила уши. Нил и не подал вида, что версия Флетча ему интересна.

— Кто это был? — спросил Флетч полицейского.

— Хороший торт, — похвалил капитан Нил кулинаров отеля.

— Оскар Перлман?

Ответа и не требовалось. Капитан Нил одарил Флетча взглядом, полным тревоги и отчаяния.

— Кто сказал вам, что Уолтер Марч ждал Оскара Перлмана? — не унимался Флетч. — Младший?

— Младший? — Капитан Нил внезапно осип.

— Уолтер Марч, младший, — расшифровал Флетч.

— О Боже! — Капитан Нил оглядел журналистов. — Не печатайте этого. Я ничего вам не говорил. Если хоть кто-то из вас...

— Не волнуйтесь. — Флетч положил салфетку на стол и встал. — Кристал и я — безработные. А журнал «Ньюсуорлд» не посылал сюда Фредди Эрбатнот.

ГЛАВА 30

1.30 P. M. МОИ ВОСЕМЬ СРОКОВ В БЕЛОМ ДОМЕ.

Леска Хэтч.

Большая столовая.

— Миссис Марч, я все пытался понять, почему вы убили вашего мужа. — Вновь Флетч и Лидия Марч сидели в гостиной двенадцатого «люкса», разделенные кофейным столиком. Только на этот раз он — на диване, а она — на стуле. При этих словах выражение ее лица чуть изменилось. Возможно, пошире раскрылись глаза. — И наконец мне это удалось.

На этот раз Флетч пришел не с пустыми руками, а с чудесной

машиной, которой снабдили его Эггерз и Фейбенс. Его чемодан указывал на скорый отъезд.

Лидия была вся в черном — не успела переодеться после церковной службы. У самой двери стоял столик на колесиках с остатками ланча: коридорный еще не увез его.

Флетч молча прошел в гостиную. Усаживаясь на диван, положил чемодан на кофейный столик и открыл замки.

— Статистика утверждает, что в домашних убийствах, когда жертвой становится муж или жена — а у нас именно такое убийство, — более чем в семидесяти случаях из ста преступление совершает вторая половина покойного.

Наверное, глаза Лидии раскрылись еще больше, когда она увидела, что в чемодане стоит магнитофон.

— Потому-то вы и решили убить вашего мужа на конгрессе, где будет много людей, ненавидящих его лютой ненавистью.

Она сидела выпрямившись. Руки лежали на коленях.

— Послушайте. — И Флетч включил отредактированную им магнитофонную запись допроса Лидии Марч капитаном Нилом: «— В котором часу вы проснулись, миссис Марч?

— Точно сказать не могу. В четверть восьмого? Двадцать минут? Я услышала, как закрылась дверь «люкса».

— Это я выходил в вестибюль за газетами. — Голос Младшего.

— Уолтер уже поднялся с постели. Он давно взял за правило вставать раньше меня. Я слышала, что он в ванной. Полежала несколько минут, дожидаясь, пока он не закончит.

— Дверь в ванную была закрыта?

— Да. Потом в гостиной включили телевизор. Утренний выпуск новостей. Я встала и пошла в ванную.

— Извините. Как мог ваш муж попасть из ванной в гостиную, минуя вашу спальню?

— Он прошел через спальню Младшего. Не хотел беспокоить меня...

— ...Понятно. Вы были в ванной. В гостиной работал телевизор.

— Я услышала, как дверь «люкса» снова закрылась, и решила, что Уолтер пошел вниз выпить чашечку кофе.

— Но телевизор не выключил?

— Нет.

— Значит, закрывшаяся дверь могла означать, что кто-то вошел в гостиную?

— Нет. Поначалу я подумала, что вернулся Младший, но поняла, что ошиблась.

— Почему?

— Я не услышала их разговора.

— А они бы заговорили?

— Обязательно...

— ...Итак, миссис Марч, вы слышали, как вновь закрылась входная дверь, но ваш муж никуда не ушел. И вы думаете, что никто не входил в гостиную, потому что он ни с кем не заговорил?

— Полагаю, все так. Естественно, я могу ошибиться. Но я пытаюсь вспомнить все, как было.

— Извините, пожалуйста, но вы уже находились в ванной, когда услышали, как второй раз закрылась входная дверь?

— Я ложилась в ванну...

— ...Ванну вы уже наполнили?

— Да. Пока чистила зубы. И все такое.

— Значит, в определенный период времени, пока наполнялась ванна, вы ничего не могли слышать? Ни закрывающейся двери, ни работающего телевизора?

— Наверное, нет.

— То есть вы услышали, как второй раз закрылась дверь, когда ложились в ванну. И по всему получается, что в этот момент из «люкса» кто-то вышел.

— О, ну, конечно. Вы совершенно правы.

— Сын-то ваш еще не пришел, муж — не ушел, и вы не услышали разговора в гостиной. Другого объяснения я не нахожу.

— Какой же вы умный...»

Флетч выключил магнитофон.

Слушая, Лидия то и дело переводила взгляд с Флетча на его чудесную машину.

— Когда я приехал на Плантацию Хендрикса и Хелена Уильямс рассказывала мне об убийстве, я отметил для себя ее описание того, что вы слышали из ванной. Насчет бульканья, которое донеслось не из труб, а из спальни. Капитану Нилу вы говорили совсем о другом. А Хелена могла повторить лишь то, что слышала от вас. — И Флетч откинулся на диванные подушки. — Капитан Нил не очень-то и умен. Он даже не зашел в ванную, чтобы выяснить, что же оттуда можно услышать. А я зашел.

Вчера вечером, когда вы пригласили меня в ваш «люкс». Вы с Джейком говорили в гостиной. Я прошел в ванную. Двери из обеих спален в гостиную были открыты. Я закрыл обе двери и слушал.

Миссис Марч, я не услышал вашего с Джейком разговора. И телевизора тоже. Я не услышал, как Джейк вышел из «люкса». И вы не могли слышать, как закрывалась входная дверь, хотя и сказали об этом капитану Нилу. Возможно, слух у вас тоньше, чем у меня, но мои уши моложе ваших лет на сорок.

Миссис Марч, стенные шкафы в спальнях расположены между ванной и гостиной. Архитекторы сделали это сознательно, чтобы находящиеся в гостиной не слышали, какие звуки раздаются в ванной. И наоборот.

Вы особенно упирали на то, что слышали, как закрывалась входная дверь вашего «люкса». Вы сказали капитану Нилу о том, чего не было. Вы пытались убедить его, что слышали, как Младший ушел из «люкса», а через некоторое время за ним последовал кто-то еще.

Вы солгали. Почему?

Несмотря на все известное нам о вашем муже, в частности, о его отношении к сотрудникам, частных детективах, заботе о собственной безопасности, вы хотели убедить нас, что он открыл дверь человеку, который потом зарезал его.

А ларчик раскрывается просто. «В «люксе», за запертой дверью, вы были вдвоем, и один из вас воспользовался ножницами. Кто же это?»

Флетч наклонился вперед и вновь включил магнитофон. Из динамиков раздался голос Лидии Марч:

«— ...По коридору шел какой-то мужчина... Я видела его со спины... На ходу он раскуривал сигару... Сзади я не узнала его... Побежала к нему... Потом поняла, кто он...»

— ...Миссис Марч, кого вы видели в коридоре?

— Перлмана. Оскара Перлмана.

— Сатирика?

— Если можно так сказать...»

Флетч выключил магнитофон.

— Миссис Марч, вы допустили три ошибки, пытаясь убедить следствие, что Оскар Перлман — убийца вашего мужа.

Первая не очень серьезная. Перлман утверждает, что играл в покер до половины шестого утра, после чего спал допоздна. В том, что он играл, сомнений нет, и капитан Нил наверняка нашел тому свидетелей. Он, конечно, мог встать, убить вашего мужа, а затем вновь лечь в кровать, но мне это представляется маловероятным.

Куда более существенную ошибку вы допустили в расчете времени. Согласно вашей версии, вашего мужа зарезали в гостиной. Сидя в ванне, вы слышали хрипы или что-то наподобие этого, вылезли из ванны, обернулись в полотенце, вышли в спальню, увидели, как ваш муж валится на пол с ножницами, торчащими из спины, и умирает. Затем бросились через спальню и гостиную в коридор. И при этом пытаетесь показать, что мужчина, который мог убить вашего мужа, все еще толчется в коридоре, дожидаясь вашего появления, чтобы затем уйти.

Вы лгали. Зачем?

Но главная ваша ошибка состоит в том, что вы признали в несуществующем мужчине Оскара Перлмана.

Сейчас я объясню вам, почему. — Флетч снова откинулся на диванные подушки. — К вашему несчастью, все те, кто мог и хотел убить вашего мужа, прекрасно разбираются в том, как строить интервью. От опытных репортеров другого ждуть не приходится. Ролли Уиншэм, к примеру, даже и не пытался отвести подозрения от себя. Оскар Перлман не стал убеждать капитана Нила, что у него железное алиби. Льюис Грэхэм избрал предельную откровенность, разве что не сознался в убийстве. Даже Кристал Фаони быстро сообразила, что подозрение может пасть на нее. Возможно, подсознательно, но все они поняли, что кто-то хочет их подставить, дабы отвести удар от себя.

И подставили их вы. Выбрав место и время убийства.

Остается последнее. Чем вы руководствовались?

Лидия Марч вскинула голову.

— В октябре 1928 года вы вышли замуж за Уолтера Марча, оканчивавшего Принстон в июне 1929 года. Странно. Особенно для тех дней. Не дождавшись выпускной церемонии. Но не так уж и странно, если копнуть глубже. Младший родился пятью месяцами позже, в марте 1929-го. Как тогда говорили? Женитьба

под дулом пистолета? Был ли Уолтер Марч отцом вашего ребенка? Или вы решили, что вам не заловить более крупной рыбины, чем наследник газетной империи? Вы коварная женщина, миссис Марч. Вы прожили с Уолтером Марчем чуть ли не пятьдесят лет, но уже без детей. Умерев, Уолтер оставил бы огромное состояние. Но он не собирался покидать этот мир. Не сдавался. Заботился о здоровье, которое и так было крепким. Однажды он объявил, что уходит на пенсию, но передумал после той истории с профсоюзами. И все это время, пока Младший рос, женился, разводился, все чаще прикладывался к бутылке, Уолтер видел, что его сын с годами не музает, а слабеет. Но всегда наступает миг, когда отец отходит в сторону, уступая свое место сыну. Даже если сын только жалкое подобие его.

Уолтер не желал отходить. Знал ли он, интуитивно, что Уолтер-младший ему не сын?

Флетч выдернул штепсель своей чудесной машины из розетки.
— Вы убили мужа, чтобы спасти сына.

Он скрутил шнур.

— Вам известно, что у вашего мужа есть еще один сын? Его зовут Джозеф Моллиаро. Его родила ему Элеонор Иглз, когда училась в Барнарде. Вы знали, что он здесь? Он приехал сюда, чтобы повидаться с вашим мужем.

Может, появление на горизонте второго сына, если вы знали о его существовании, и подтолкнуло вас? Вы хотели уберечь собственного сына.

Флетч опустил крышку чемодана и защелкнул замки.

— Разумеется, все это я собираюсь сказать капитану Нилу, если вы не опередите меня. Между прочим, благодарю за приглашение на работу. Вы, Марчи, всегда действуете одинаково. Или покупаете людей, или шантажируете. И за столько лет научились безошибочно угадывать, кого надо подкупить, а кого шантажировать.

Флетч поднялся, взял со стола чемодан.

— И еще, напрасно вы упомянули о том, что видели Оскара Перлмана в коридоре в присутствии Младшего. Он опять перестарался. Пошел к капитану Нилу и сказал, что Оскар Перлман договаривался о встрече с вашим мужем в понедельник, в восемь утра. Понимаете, что это означает? Стал бы он лгать, поддерживая вас, если бы не знал, что вы тоже лжете? Он знает, что вы убили своего мужа.

Лидия медленно опустила глаза. Губы ее дрогнули. Взгляд упал на сложенные на коленях руки. Кулаки разжались.

— Миссис Марч, вы убиваете вашего сына.

Лишь на пороге своего номера Флетч осознал, что за время его пребывания в двенадцатом «люксе» Лидия Марч не произнесла ни слова.

ГЛАВА 31

3.00 P. M. ПРИБЫТИЕ ПРЕЗИДЕНТА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ.

(Отменено.)

ПРИБЫТИЕ ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ.

Еще в вестибюле Флетч услышал стрекот приближающегося вертолета.

Большинство участников конгресса собралось на террасе за особняком, чтобы не пропустить волнующего момента приземления вертолета на зеленой лужайке. Радовало глаз разноцветье их одежд, залитых солнечным светом. Многие все еще обсуждали выступление Леона Хэтч, поведавшей коллегам некоторые секреты внутренней кухни Белого дома.

Флетч вышел на террасу, когда вертолет появился над далекой рощей. Леона Хэтч вырвалась из группы осаждавших ее молодых журналистов и направилась к нему.

— Клянусь Богом, я вас знаю. В этом у меня нет ни малейшего сомнения.

Флетч протянул ей руку.

— Флетчер. Ирвин Флетчер.

Она пожалала руку, не отрывая взгляда от лица.

— Но, по-моему, мы уже знакомы.

Флетч огляделся в поисках капитана Нила.

Младший, ссутулившись, стоял рядом с Джейком Уильямсом, наблюдая за вертолетом.

— Я не могу отделаться от ощущения, что хорошо вас знаю, — пнула свое Леона Хэтч. — Но никак не вспомню...

Флетч увидел капитана Нила, что-то говорившего полицейским.

— Извините, — улыбнулся он Леоне Хэтч, поспешил к капитану и тронул его за рукав. Нил повернулся. Легкое раздражение, отразившееся на его лице, тут же уступило место уважительной заинтересованности. Очевидно, Нил вынес из разговора на ленте, что Флетч не только знает об убийстве Волтера Марча больше остальных, но и способен на блестящие догадки.

— Я думаю, вам следует поговорить с Лидией Марч.

Капитан Нил ответил долгим взглядом, раздумывая, а не следует ли задать Флетчу несколько вопросов, но решил обойтись без них. Молча кивнул и через толпу журналистов направился к особняку.

Вертолет медленно приближался к лужайке перед террасой.

Флетч заметил пятерых мужчин, появившихся на террасе. Но лишь когда те подошли к Джейку Уильямсу и Младшему, пригляделся к ним повнимательнее. Засунув руки в карманы, вице-президент Соединенных Штатов и его охрана смотрели, как вертолет неспешно опускается на траву. В то же мгновение вице-президента узрела и Хелена Уильямс и поспешила к нему. Она что-то кричала, но в реве вертолета едва ли кто мог разобрать хоть слово.

Младший, не ведая о том, что позади него стоит вице-президент Соединенных Штатов, внезапно качнулся назад. Поднес руку к лицу, словно собирався чихнуть.

Флетч увидел кровь на шее Младшего. Мгновением позже красный ручеек пополз на белую рубашку. Флетч бросился к Младшему. Младший потерял равновесие и повалился на вице-президента.

— Младший! — воскликнул Джейк Уильямс.

Младший уже лежал на полу с кровавыми пятнами на белой рубашке.

Хелена склонилась над ним.

— Кто-то пытается убить вице-президента! — прорвался сквозь шум вертолета крик Джейка Уильямса.

Один из четырех мужчин, сопровождавших вице-президента, увлек его к особняку. Трое последовали за ними плотной группой.

Кристал Фаони уже стояла на коленях рядом с Хеленой Уильямс.

Вертолет опустился на лужайку, дверца кабины откинулась. На траву спрыгнули мужчины в военно-морской форме.

Флетч добрался до края террасы, быстрым шагом пересек лужайку и, оказавшись под прикрытием деревьев, побежал к конюшне.

ГЛАВА 32

Никакого плана у Флетча не было.

В конюшне он оседлал лошадь, на которой уже ездил дважды. Справившись с этим нелегким делом, выехал из конюшни и стегнул лошадь хлыстом. Она пустилась рысью, но хватило ее ненадолго. К тому времени, когда они свернули на проселок, где стояла машина Молинарo, лошадь совсем уже выбилась из сил. Флетч оставил ее в кустах, метрах в двадцати ниже по склону.

Кабина машины была открыта, но ключа зажигания Флетч не нашел ни под сиденьем, ни за зеркалом заднего обзора, ни в бардачке. Не принес результатов и осмотр темно-синего костюма, висевшего в кабине на вешалке. На полу у заднего сиденья лежала коробка из-под сигар. Открыв ее, Флетч обнаружил винты, гвозди, полпачки табака, отвертки и связку ключей, которые поочередно попробовал вставить в замок зажигания. Третий подошел.

Флетч вылез из машины, все еще не зная, что делать дальше. Тут он услышал, как внизу кто-то кашлянул. Мысленно поблагодарил лошадь за то, что она не заржала, и забежал за машину.

Вразвалочку, с ружьем в руках к машине шел Джозеф Молинарo.

Флетчу оставалось лишь сидеть, скрючившись у заднего колеса, и наблюдать за ногами Молинарo. Тот направился к багажнику и уже протянул руку с ключом к замку, когда Флетч одним прыжком оказался рядом и со всего маху врезал ему в ухо. Молинарo упал, ударившись головой о бампер. Рука его еще сильнее сжала ружье. Глаза секунду или две оставались открытыми. Кажется, он узнал Флетча. А затем вновь, второй раз за день, потерял сознание.

Флетч забрал у него ружье, положил на переднее сиденье. Нашел в багажнике два куса веревки, связал Молинарo, подхватил обмякшее тело под мышки и затащил на заднее сиденье. Захлопнул дверцу, скользнул за руль, повернул ключ зажигания. И тут он обнаружил, что аккумулятор сел. Не в силах поверить

в случившееся, Флетч предпринял еще две или три попытки завести мотор и застонал в отчаянии.

Молинару ничего не мог сделать, как положено.

Приехал в Вирджинию, чтобы повидаться с отцом, — не повидался.

Утром швырнул сигарету в лицо незнакомцу, а потом оказался в глубоком нокауте.

Позволил двум людям узнать, кто он такой и почему находится здесь.

Если висящий в кабине синий костюм что-то да значил, Джозеф Молинару присутствовал на панихиде отца. А затем из этого самого ружья с телескопическим прицелом убил своего сводного брата и зашагал к автомобилю, даже не избавившись от орудия убийства, не предполагая, что кто-то может вычислить его и поджидать в засаде.

Да еще севший аккумулятор!

Флетч обернулся на лежащего на заднем сиденье мужчину в джинсовом костюме, с коротко стриженными, щедро тронутыми сединой курчавыми волосами и покачал головой. Вздохнув, вылез из машины и зашагал к лошади.

— Вижу, вы соображаете быстрее меня.

У выезда с проселка Флетч столкнулся со спешащим к автомобилю Молинару Фрэнком Джиллисом. Джиллис взглянул на Молинару, лежащего поперек седла.

— Он мертв или без сознания?

— Без сознания.

— Повторение — мать учения.

Флетч одной рукой вел лошадь под уздцы, а во второй нес ружье.

— Младший мертв? — спросил он.

— Да.

Флетч двинулся дальше, держа курс на Плантацию Хендрикса.

— Вы уверены, что это орудие убийства? — спросил Джиллис.

— Уверен, насколько возможно без баллистической экспертизы. Это ружье он держал в руках, возвращаясь к машине.

Джиллис последовал за Флетчем.

— Как насчет того, чтобы переложить его на вашу лошадь? — спросил Флетч.

— Зачем?

— Я чувствую себя круглым идиотом. Этаким ковбоем, возвращающимся с удачной охоты.

Джиллис хохотнул.

— Я буду выглядеть точно так же, а поймали его вы.

— Благодарю.

— А почему вы не воспользовались автомобилем?

— Сдох аккумулятор.

Джиллис покачал головой.

— Этот парень... он убил старину Марча или решил, что его убил Младший? А может, просто ревновал к Младшему и вздумал посчитаться с ним, потеряв надежду быть признанным отцом?

— Об этом вам лучше спросить у капитана Нила, — помолчав, ответил Флетч.

— Знаете, все думали, что покушались на жизнь вице-президента.

— Это понятно.

— И я тоже, пока не сообразил, что убит второй Марч. Да и кому охота убивать вице-президента Соединенных Штатов? Убийство повара Белого дома оказало бы куда большее влияние на государственную политику.

— Кто прилетел на вертолете? — спросил Флетч.

— На вертолете? — Джиллис рассмеялся. — Какой-то генерал Морьяк. Кажется, собирался вручить кому-то медаль. Все глазели на его вертолет, а вице-президент приехал в скромном автомобиле, естественно, никем не замеченный.

Тут уже рассмеялись оба. Молинаро все еще не приходил в сознание.

— И пока народ разбирался что к чему, Младшего убили, а агенты секретной службы подхватили вице-президента под белые руки, усадили в машину и увезли в Вашингтон. Генерал отбыл на своем вертолете. Вице-президент произнес исторические слова, бросив прощальный взгляд на вертолет: «Однако! Неплохо же живут военные!»

— Вы хотите нести ружье? — Флетч посмотрел на Джиллиса.

— Нет, нет. Честь поимки убийцы принадлежит вам и только вам.

— Какая уж тут честь, — пробурчал Флетч.

Капитан Нил увидел их с террасы и поспешил навстречу. За ним следовали двое полицейских в форме.

— Кто это? — спросил капитан, указав на человека, лежащего поперек седла лошади Флетча.

— Джозеф Молинаро.

— Не может быть, — не поверил капитан Нил. — Молинаро нет и тридцати. Он моложе.

— Посмотрите на его лицо, — предложил Джиллис.

Капитан Нил поднял голову Молинаро.

— О Боже! — вырвалось у него.

Флетч передал поводья одному из полицейских.

— Молодого Марча убил Молинаро? — спросил капитан Нил.

Флетч протянул ему ружье.

— Определить это не составит труда. Вот ружье, которое было при нем.

Через плечо капитана Нила Флетч увидел появившуюся на террасе Элеонор Иглз.

— Вы переговорили с Лидией Марч? — поинтересовался он у капитана.

— Нет.

— Нет?

— Она мертва. Отравилась таблетками. Секонал.

Элеонор Иглз направлялась к ним.

Даже издали Флетч видел, что ее лицо обратилось в маску.

— Она оставила записку, — продолжил капитан Нил. — Младшему. Написала, что убила своего мужа. Вечером, сразу же

после приезда, она спустилась в вестибюль, чтобы попросить портье заменить цветы в номере, и утащила ножницы, которые заметила еще при регистрации. Теперь портье это вспомнил. Он еще обиделся, потому что во все «люксы» поставили свежие цветы буквально перед приездом гостей.

Элеонор Иглз уже стояла в трех шагах от них, не отрывая взгляда от лежащего поперек седла мужчины.

Нил искоса глянул на нее.

— Эй, — обратился он ко второму полицейскому, — давайте снимем его с лошади.

Джиллис спрыгнул на землю, готовый помочь.

Элеонор Иглз стояла и смотрела, как они укладывают Молинаро на землю. А затем с закаменевшим лицом повернулась и пошла к отелю. По мнению Флетча, с такого расстояния она не могла определить, жив ее сын или мертв.

ГЛАВА 33

— Добрый день. «Бостон стар».

— Джека Сандерса, пожалуйста.

С лужайки Флетч напрямик направился к номеру 102 и забарабанил в дверь. Ему открыла Кристал Фаони, усталая, заплаканная. Флетч сразу понял, что, потрясенная убийством Марча, она решила вздремнуть, не раздеваясь.

— Просыпайся! — воскликнул он. — И улыбнись наконец.

— Знаешь, Флетч, мне кажется, сейчас не до улыбок.

Он протиснулся в номер и раздвинул шторы.

— Закрой дверь.

Кристал вздохнула.

— Как проще всего получить работу в газете? — спросил Флетч.

— Предложить материал, которого ни у кого нет. Что-нибудь сногсшибательное.

— Материал у меня есть. Действительно сногсшибательный. И, если мы правильно построим свою игру, ты получишь работу у Джека Сандерса, в Бостоне.

— Я?

— Да. Присядь, и я тебе все объясню.

— Флетч, мне от тебя ничего не надо. Статью я напишу сама. Человек ты хороший, но мне претит даже мысль о том, что я должна пользоваться твоей помощью.

— Ты говоришь как женщина.

— Слава Богу, ты это заметил.

— А почему ты говоришь как женщина?

— А почему ты ведешь себя как мужчина? Врываешься в мой номер, предлагаешь дать мне сенсационный материал, устраиваешь меня на работу, как будто я без тебя не ступлю и шага, а ты — Большой Человек, неиссякаемый источник Силы и Величия. Ох уж мне эти мужчины!

— Как складно у тебя получается, — усмехнулся Флетч. — Придумала только что или готовилась заранее?

— К сожалению, Флетч, мужской шовинизм иной раз свойствен и тебе. Мое дело лишь напомнить об этом.

— Благодарю, Кристал.

— Я знаю, что ты постоянно работаешь над собой, но, Флетч, дорогой, нет предела совершенству.

— Ты просто ангел, Кристал. Может, перейдем к делу?

— Нет.

— Нет?

— Нет. Я ничего от тебя не приму. Ни сенсации, ни работы. Даже приглашения на обед.

— Что?

— Ну ладно. С обедом я, пожалуй, перегнула.

Разгоряченный после прогулки по холмам, Флетч начал замерзать в кондиционированной прохладе номера Кристал.

— Кристал, как по-твоему, Боб Макконнелл точно так же отреагировал бы на мое предложение?

— Нет.

— Стюарт Пойнтон?

— Разумеется, нет.

— Тим Шилдз?

— Они не женщины.

— Они и не друзья.

Флетч посмотрел на Кристал. Та отвела глаза.

— Ты не будешь возражать, если я выключу кондиционер?

— Делай, что хочешь.

— Могут мужчина и женщина быть друзьями? — спросил Флетч, подходя к кондиционеру, выключил его и повернулся к Кристал. — Друзья помогают друг другу или нет?

— Статью я могу написать сама, — упрямилась Кристал.

— Ты знаешь, что Лидия Марч покончила с собой?

— Нет.

— Ты знаешь, что она убила своего мужа?

— Нет.

— Ты знаешь, что сегодняшняя стрельба отнюдь не неудачная попытка убить вице-президента, а успешное покушение на жизнь Уолтера Марча, младшего?

— Нет.

— Ты знаешь, кто убил Уолтера Марча, младшего?

— Нет. Но смогу выяснить. Почему ты мне все это говоришь?

— Ты не сможешь выяснить это быстрее остальных, а потому не получишь работу у Джека Сандерса в «Бостон стар».

— Если тебе все это известно, почему ты сам не хочешь воспользоваться этой информацией? У тебя тоже нет работы.

— Я пишу книгу, Кристал. В Италии. Биографию Эдгара Артура Тарпа, младшего.

— Да, конечно. — Она бесцельно прошлась по номеру. — Ты не обязан чем-то делиться со мной.

— Кристал, через пару часов у меня самолет. И нет никакой возможности задерживаться на Плантации Хендрикса. То есть я не смогу раскрутить эту историю до конца. Теперь ты присядешь?

— Это правда? — спросила Кристал. — То, что ты сказал? Лидия Марч покончила с собой?

— Чтоб мне провалиться на этом самом месте. Ты меня выслушаешь?

Кристал села в кресло.

Флетч полностью завладел ее вниманием. Глаза ее широко раскрылись, на щеках затеплился румянец, спина выпрямилась.

— Флетч, ты не мог все это узнать, — прервала она его рассказ.

— Если я и говорю чуть больше, чем нужно, то лишь для того, чтобы ты мне поверила.

— Но как ты все это раскопал? Это же за пределами возможностей человека.

— Считаю, что я пользовался нечеловеческими методами.

— Флетч, как ты узнал?

— У меня есть чудо-машина.

Наконец ему удалось убедить Кристал, что он ничего не выдумал.

— Потрясающая история! — воскликнула она.

Флетч снял телефонную трубку и продиктовал телефонистке номер.

— Кто говорит? — сурово спросили на другом конце провода.

— Ай-эм Флетчер.

— Кто?

— Передайте Джеку Сандерсу, что с ним хочет поговорить некий Флетчер.

Тут же в трубке раздался голос Сандерса.

— Я надеялся, что ты позвонишь.

— Привет, Джек. Помнится, ты обещал мне, что возьмешь на работу любого, кто раскрутит убийство Уолтера Марча.

— Я это говорил?

— Будь уверен.

— Флетч, я сказал...

— Помнишь Кристал Фаони? Она работала с нами в Чикаго.

— Я помню, что она была толще моей жены. И куда умнее.

— Джек, статья у нее готова.

— Какая статья?

— Насчет Уолтера Марча. Веселенькие факты, и все связаны в неразрывную цепь.

— В нашем последнем разговоре ты упомянул ее в числе подозреваемых.

— Я лишь хотел напомнить тебе о ней. Освежить твою память. Показать, что она здесь, на конгрессе.

— У Кристал есть статья об Уолтере Марче?

— У Кристал есть работа?

Если Сандерс и замаялся, то лишь на мгновение.

— У Кристал есть работа.

— Тогда у Кристал есть статья об Уолтере Марче.

— Дай мне перекинуться с ней парой слов, прежде чем она начнет диктовать.

— Конечно, Джек, конечно.

Кристал взяла трубку.

— Привет, Джек. Как Дафни?

Послушала несколько мгновений, пока Джек в очередной раз честил жену, покачала головой и рассмеялась.

— Слушай, Джек, ты бы побыстрее зачислил меня в штат. Мои сбережения подошли к концу. Эти конгрессы дорого стоят. Столько еды.

Флетч включил кондиционер. Кристал предстояло провести на телефоне много времени, ее ждала тяжелая работа.

— Конечно, Джек. Я готова диктовать. Переключайся на магнитофон. Увидимся в Бостоне в понедельник.

Флетч открыл дверь.

— Ну что ж, утрем нос Фредди! — воскликнула Кристал, ожидая, как техники в «Стар» наладят электронику.

— Кому? — переспросил Флетч.

— Этот материал поставит меня вровень с Фредди Эрбатнот.

— С кем?

— Фредди Эрбатнот, — рассеянно повторила Кристал. — Разве ты не знаком с ее статьями? Блестящая журналистка.

— Фредди?

— Ты не читал ее репортажей с судебного процесса над Пекуче? Из Аризоны? Тянут на Пулитцеровскую премию. Невозможно оторваться. О, да, ты же только прилетел из Италии.

— Ты хочешь сказать, что Фредди...

— Что-то я тебя не понимаю, Флетч.

— Значит, Фредди Эрбатнот...

— Что, что?

— Фредди Эрбатнот... Это Фредди Эрбатнот?

— А кто же она, по-твоему? Пол Маккартни?

— О, мой Бог! — Флетч стукнул себя по лбу. — А мне и в голову не пришло раскрыть справочник на букву «Э».

Он уже переступил порог, когда Кристал позвала его: — Эй, Флетч!

Он обернулся.

— Спасибо, друг.

ГЛАВА 34

В номере Флетча поджидали Дон Джиббс и Роберт Энглехардт.

Джиббс изучал содержимое стенового шкафа. Энглехардт открыл чемодан с чудо-машиной и с интересом разглядывал ее.

— У меня нет времени на светскую беседу. Боюсь опоздать на самолет, — предупредил Флетч.

— Прекрасная машина, — оценил Энглехардт стоящий перед ним агрегат. — Вы эффективно использовали ее?

— Все зависит от того, что вы подразумеваете под термином «эффективно».

— Где пленки?

— Уехали.

— Уехали? — Энглехардт повернулся к нему.

— Дон, раз уж ты все равно у стенового шкафа, достань, пожалуйста, чемоданы.

— Уехали? — повторил Энглехардт.

— Вот-вот. В далекие края.

Флетч взял у Джиббса оба чемодана, поставил их на кровать, откинул крышки.

— Дон, передай мне, пожалуйста, костюм.

— Мистер Флетчер, мне кажется, вы чего-то не понимаете, — прорычал Энглехардт.

— Если и не понимаю, то это взаимно. А теперь брюки, Дон. Благодарю.

— Эти люди. Фейбенс и Эггерз...

— Эггерз Гордон и Фейбенс Ричард, — пояснил Флетч.

— Они не наши.

— Не ваши?

— Нет. — Сквозь роговые очки Энглехардт сурово смотрел на Флетча.

— Это же надо. Не ваши!

— Они не являются агентами Центрального разведывательного управления. И вообще не работают в американских федеральных учреждениях. Они даже не граждане Соединенных Штатов.

— Ящик для грязного белья пуст, Дон?

— Мистер Флетчер, вы меня не слушаете.

— Эггерз Гордон и Фейбенс Ричард, несомненно, бяки. Готов поспорить, их послали ко мне с другой стороны «железного занавеса».

— Потому-то мистер Джиббс и я прилетели в Хендрикс. Агенты иностранной державы направили вас сюда, чтобы получить сведения, которые позволят им шантажировать лучших американских журналистов.

— Это же надо!

— Как вы могли подумать, что Центральное разведывательное управление может быть замешано в подобной операции?

— Я пытался это проверить. Спрашивал вас.

— Мы никогда не говорили вам о своем участии. Я действительно посоветовал вам ни в чем им не перечить. Чтобы мы с Джиббсом, прилетев сюда, смогли разобраться на месте, что к чему.

— И как, разобрались? — спросил Флетч.

— Во всяком случае, прилагали к этому максимум усилий.

— Это я знаю. — Флетч снял тенниску. После рейда в лагерь Молинаро и обратно ему хотелось принять душ, но он не располагал свободным временем.

— Да где это видано, чтобы ЦРУ подслушивало постельные разговоры журналистов! — продолжал возмущаться Энглехардт.

— Флетч, ты знал, что эти парни не работают в ЦРУ? — спросил Джиббс.

— Догадывался.

— Догадывался?

— Именно так.

— И что натолкнуло тебя на эту мысль?

— Сигара Фейбенса. Она ужасно воняла. Фу! До сих пор помню эту вонючку. Я упоминал вам о ней. Можно купить американскую одежду. Приобрести американский акцент. А вот пристрастия курильщика остаются неизменными. — Флетч пере-

ложил чистые рубашки из ящика комода в чемодан. — А потом, когда ко мне заглянул чиновник из департамента налогов и сборов, я понял, то ли вы что-то не согласовали, то ли согласовывать что-либо никто и не собирался. Ибо в такой момент не было нужды окончательно загонять меня в угол.

Он надел чистую рубашку.

— Если вы знали или подозревали, что Эггерз и Фейбенс не агенты ЦРУ, почему вы отдали им пленки? — в упор спросил Энглехардт.

— Но я не отдавал.

— Вы же сказали, что они уехали.

— Пленки? Уехали.

— Но вы не отдали их Эггерзу и Фейбенсу?

— Вы принимаете меня за психа?

— Флетчер, — гнул свое Энглехардт, — нам нужны Эггерз и Фейбенс, а также эти пленки.

— Эггерза и Фейбенса можете забирать. — Флетч достал из ящика в столике у кровати их телеграмму и протянул Энглехардту. — Тут написано, что они будут дожидаться меня у регистрационной стойки ВОАС в Национальном аэропорту Вашингтона от половины восьмого до девяти. Удобное для вас время.

Порывшись в чемодане, Флетч вытащил галстук.

— Телеграмма указывает и на то, что пленок я им не отдавал. Энглехардт держал телеграмму в руке, но смотрел на Флетча.

— Флетчер, где пленки?

— Я отправил их по почте. Вчера.

— На свой адрес?

— Нет.

— Кому вы их отправили?

Флетч мысленно прикинул, все ли он положил в чемоданы. Во всяком случае, бритвенные принадлежности он не забыл.

— Кажется, все.

— Флетчер, вам придется отдать нам эти пленки.

— Вы только что сказали, что ЦРУ не связывается в подобные операции.

— Пока эти пленки существуют... — начал Джиббс.

— Пленки — вещественное доказательство сбора информации иностранной державой, — прервал его Энглехардт.

— Е-рун-да! — Флетч закрыл чемоданы, щелкнул замками.

— Флетчер, надо ли мне напоминать вам, каким способом вас заставили взяться за эту работу? Не вы ли незаконно вывозили деньги из США? И не можете сказать, откуда они у вас взялись? А уж о манкировании подачей налоговой декларации я могу и не упоминать, не так ли?

— Вы меня шантажируете?

— Мой долг, — с достоинством заявил Энглехардт, — передать имеющуюся в моем распоряжении информацию компетентным органам.

— Кстати, — Джиббс хихикал, — мы ничего о тебе не знали, пока ты сам все не рассказал.

— Вы меня шантажируете.

Джиббс стоял за спиной у Флетча, Энглехардт — перед дверью.

— В магнитофон вставлена пленка, — продолжил Флетч. — Вернее, копия. Оригинал отправлен по почте вместе с остальными пленками.

После короткого колебания Энглехардт подошел к столу и нажал кнопку «Пуск». Номер заполнил громкий голос Джиббса:

«— Кто бы мог подумать, что мой дорогой начальник отдела будет путешествовать по Югу со снегом в «дипломате». Какое счастье, что он не тает!

— Но я тоже приготовил тебе сюрприз, мой дорогой начальник. Ты спрашиваешь, какой? Объясняю. Помнишь двух крошек в коктейль-холле Билли-Бобби? Так вот, сэр, я взял на себя смелость пригласить их в наш журналистский «люкс». В этот вечер! Этот час! Эту минуту! Вернее, двадцать минут тому назад.

— Ты их пригласил? — Голос Энглехардта.

— Конечно. А почему бы и нет? Они же журналистки. Развращенные женщины. Можно ли ждать от них чего другого?

— Я тоже кое-кого пригласил.

— Правда? Так их будет четыре? Четыре голые девицы в одной комнате! И нас двое. Потрясающе!»

Энглехардт выключил чудо-машину.

— На этом пленка не кончается, — заверил его Флетч. — И мне представляется, что ваше руководство, придерживающееся консервативных взглядов, едва ли одобрит вашу пьяную оргию. Да еще щедро сдобренную кокаином. «Меняемся! Все меняется!» — передразнил он Джиббса.

Плечи Энглехардта пошли вперед. В тот момент он более всего напоминал быка, готового ринуться в атаку. Кулаки его сжались. Кровь прилила к лицу.

— Живем, как журналисты! — вновь процитировал Джиббса Флетч. — Гребаные журналисты!

Джиббс все еще пребывал в шоке. Бледный, как мел, с отвисшей челюстью.

— Разумеется, это не оригинал. Но ничем не отличается от него. Те же действующие лица, те же ремарки...

— Ты поставил «жучок» в наш номер! — Джиббс обрел дар речи. — Черт побери, Флетчер, ты же поставил «жучок» в наш номер!

— Конечно, поставил. А ты ждал от меня другого?

Кулаки Энглехардта разжались.

— И что вы собираетесь с этим делать? — спросил он.

— Естественно, шантажировать вас. — Флетч подхватил оба чемодана. — В ближайшие шесть недель я хочу получить официальное уведомление о том, что все выдвинутые против меня обвинения сняты. И выброшены в Потомак. В противном случае порушатся карьеры Роберта Энглехардта и Дональда Джиббса.

— Мы не сможем этого сделать, — пробурчал Энглехардт.

— Это же оскорбление Агентства! — добавил Джиббс.

— Думаю, вы сумеете найти выход.

Лимузин, на котором Флетча доставили из аэропорта, уже уехал, и ему пришлось вызывать такси.

Он стоял у отеля с двумя чемоданами, когда в вестибюле появился Джиббс.

— Флетчер, — не проговорил, а прошептал он.

— Да?

Подъехало такси.

— Если ты заподозрил, что Эггерз и Фейбенс не служат в ЦРУ, почему же ты согласился?

— По трем причинам.

Флетч отдал чемоданы таксисту.

— Во-первых, я любопытен.

Флетч открыл заднюю дверцу.

— Во-вторых, мне показалось, что может получиться интересный материал.

Он залез в кабину.

— И, в-третьих, мне не хотелось садиться в тюрьму. — На этом задняя дверца захлопнулась.

ГЛАВА 35

— ФРЕДДИ!

С саквояжем в руке, она подходила к лесенке, ведущей в салон двенадцатиместного самолета.

— ФРЕДДИ!

Он бежал по бетону летного поля, чемоданы немилосердно били по ногам.

— ФРЕДДИ!

Наконец она услышала его и остановилась.

— Послушайте. — Он догнал ее, тяжело дыша.

— Послушайте. Вы — Фредди Эрбатнот.

— Нет. Я — мисс Блейк.

— Я могу все объяснить.

Глаза ее сузились.

— Э...

Она ждала.

— ...э.

Она ждала.

— Короче, объяснить я могу. Объяснение тому есть.

Пилот, в белой рубашке с короткими рукавами и в солнцезащитных очках, ждал на лесенке, пока они поднимутся в салон.

— Э... Но на это потребуется время.

— Времени у нас больше нет. Для нас двоих.

— Есть! — воскликнул Флетч. — И всего-то вам нужно полететь со мной в Италию. Сегодня вечером.

— Ирвин Флетчер, я, между прочим, работаю.

— Отпуск! Почему бы вам не взять отпуск? В Канья сейчас изумительная погода.

— Будь у меня свободное время, я осталась бы здесь, чтобы отшлифовать статью об убийстве Уолтера Марча.

— Отшлифовать?

— Пока я смогла передать по телефону лишь самое важное.

— Самое важное? И что же вы передали?

— Да вы сами все знаете. Самоубийство Лидии Марч. Ее признание. Убийство Младшего. О Джозефе Молинаро...

— Однако!
— Отшлифовать статью придется в Нью-Йорке. И сдать в субботу утром.

— Тогда вы сможете полететь в Италию, — схватился Флетч за соломинку. — В субботу.

— Вы же знаете, что в понедельник начинается суд над Джеком Барроузом.

— Джеком Барроузом?

— Флетч, в прошлом году я получила премию Малхолланда за освещение дела Барроуза.

— Да, конечно. Первый раз слышу.

— Флетч, вы журналист?

— Местами, местами.

— Я бы скорее подумала, что вы — кондуктор автобуса, только кондукторы должны ладить со всеми.

Пять человек смотрели на них через иллюминаторы.

— Я должен лететь в Италию. И оставаться там шесть недель, не меньше. То есть я хочу сказать, что мне нужно уехать из Штатов на шесть недель.

— Приятного вам отдыха.

— Фредди...

— Ирвин...

— Есть же способ объясниться.

— Наверняка есть.

— Все так запутано...

Фредди шурилась на солнце.

— Просто очень трудно начать...

Фредди Эрбатнот широко улыбнулась.

— Тогда помолчите, Флетчер.

В салоне нашлось лишь два свободных места. Одно впереди, по соседству с Шелдоном Леви, его заняла Фредди, второе сзади, рядом с Леоной Хэтч. Туда сел Флетч.

Леона Хэтч пристально смотрела на него, пока он снимал пиджак, усаживался, застегивал ремень безопасности.

— Могу поклясться, я видела вас раньше. Только вот где...

В первом ряду белокурая головка Фредди уже уткнулась в свежий номер «Ньюсуорлда».

Леона Хэтч продолжала сверлить взглядом Флетча.

— Как вас зовут?

— Флетч.

— А ваша фамилия?

— Флетчер.

— Имя?

— Ирвин.

— Что-что?

— Ирвин. Ирвин Флетчер. Но люди зовут меня Флетч.

Я счастлива сквозь боль,
я счастлива сквозь муку.
В просветах ада — рай,
в просветах бездны — свет.
И к вечной жизни путь — сквозь вечную разлуку.
Тот, кто прошел сквозь смерть,
тот свел ее на нет.
Тот, кто прошел сквозь смерть...
— Ну а нельзя иначе?
Быть может, как-нибудь полегче, стороной?..
Не сквозь, а мимо, — так,
чтоб эти волны плача —
Не разрывали грудь, а — рядышком со мной.
Пусть Духу моему судьба предел очертит:
От сих, мол, и до сих,
как тварям суждено...
Да разве можно жить, соседствуя со смертью,
Когда ни жив, ни мертв? — Нет,
что-нибудь одно!

Единый Океан, в котором нету края,
Единый Небосвод, в котором нету дна...
Когда приходит смерть, я с каждым умираю.
Когда ликует ДУХ,
вся смерть ПОБЕЖДЕНА.
О Господи, прости за малодушие наше,
За этот вечный страх у роковой черты...
Да, все еще звучит моление о Чаше.
Но — не как я хочу, а так, как хочешь Ты.

Уньинья не надо,
Не плачьте по лету.
Приходит прохлада,
Открылись просветы.

Приходит остуда,
И легче дыханье,
И светится чудо
Сквозь ветхие ткани.

О, мир этот ветхий, —
Листов вереница.
Намокишие ветки,
Замолкшие птицы.

Не надо тревоги,
Не надо вопросов! —
Покрыла дороги
Небесная осьнь.

Янтарь и кораллы
Лежат под ногами.
На Землю упало
Созревшее пламя.

А в том ведь и дело,
Чтоб в мир этот тесный,
Раздвинув пределы,
Влить просверк небесный.

Что дальше? — Не знаю.
И что мне посулы?
В любви утопаю.
В слезах утонула...

≡
Свет шествовал по сердцу, как по полю.
Свет вдавливал мне в грудь свой легкий шаг.
И оставлял свеченьем тайной боли
В лесах души едва заметный знак.

Он шел и шел сквозь царства плотной ночи,
И сам свой путь прокладывал внутри,
Вот отчего так долго кровоточит
Последний след исчезнувшей Зари.

≡
Нам даются равнины бескрайние эти
И молчащих морей синеокая гладь,
Чтоб могли мы всем сердцем, всей жизнью
ответить.
Вопрошают они, а душе — отвечать.

Я в сей мир рождена для ответа, я знаю.
И течение дней, нагнетание лет —
Это тихо растущий, как чаша лесная,
Это мой вызревающий в сердце ответ.

Лишь ко мне обращаются сосен вершины
И пронзительный глаз мирового огня.
И никто не поможет ни словом единым, —
Не ответит никто никогда за меня.

Боже мой, мне на смерть твою надо ответить,
Созерцай твой крест, я же слепну от слез

И глаза отвожу уже двадцать столетий,
Задавая Тебе свой ненужный вопрос.

И разрасталась ТИШИНА.
Сперва была размером с крону
Берез, и вот — горе равна
И небу над вечерним склоном.

Так где я, в чем ее итог?
В чем тайна света на закате?
И если Слово — это Бог,
То ТИШИНА есть Богоматерь.

.....

Благословенна ТИШИНА
Высот бледнеющих и ширей.
Ты Бога выносить должна
В моей душе и в этом мире.

Смерть, точно море, смывает все,
Чторосло на сердцевины,
Отмоет всю земную глину,
И вот душа сверкает невинной,
Незамутненной глубиной.
И это будет мир иной.

Какой он? Да, совсем такой,
Как небо и простор морской.
Сплошной простор. В нем ничего
Вещественного. Вещество
Здесь стало световым раствором.—
Простор и радость от Простора!

Что значит Реквием? — Рыданье,
Которое дошло до Бога;
Из глубины Его молчанья —
Ответ архангельского рога.

Ответ мгновенный и всецелый.
В нем — все, и большего —
Душа, утратившая тело, не требуя,
Вдруг разрастается до неба.

"TATKAL"

2012
FORNOCHE

Разговаривая с эстрадными звездами, всегда удивляешься сопутствующим им счастливым случаям. Один случайно родился в музыкальной семье, другой, не менее случайно, выступил в престижной музыкальной программе. А в действительности? Так ли уж много случайного?..

Вот и певец и композитор Андрей Державин категорически заявил:

— В музыке я человек не случайный.

В этом сомневаться не приходится. Планка популярности Андрея и его группы «Сталкер» поднимается с каждым днем. Сотни писем от поклонниц, просто-таки требующих встречи со своим кумиром.

— Андрей, а у тебя кумиры есть?

— Нет. Я считаю: когда у человека появляется такой вот идол, сразу начинается раболепное подражание. Кумира у меня нет, есть музыканты, творчество которых мне симпатично. Эта симпатия подкрепляется дружескими отношениями.

— Биографии многих исполнителей поклонники знают чуть ли не по годам, а про тебя, кажется, я нигде не прочла ни строчки.

— Ну, это уже по «вашей части». А о себе попробую рассказать, секретов никаких...

Вначале ничто не предвещало музыкальной карьеры. Родился в городе Ухте, в обычной семье. Правда, мне не нравится деление семей на обычные и необычные. У меня добрые и хорошие родители, а разве это обычное явление?

Музыкой увлекся еще ребенком. И параллельно с общеобразовательной школой окончил музыкальную. В школе играл в ансамб-

ле. Сейчас об этом вспоминаю с улыбкой. Ведь выступления проходили на голом энтузиазме, «вооружены» мы были совершенно непрофессиональной аппаратурой, а уже считали себя музыкантами и пели на школьных вечерах.

Тогда же я стал сочинять песни, но показать их никому не решался. После школы, уступая просьбе родителей, «пошел» в институт. Отучившись год, понял — не мое. Ушел...

Устроился в ресторан музыкантом. Но денежно-ресторанная работа вскоре надоела. Один раз специально подсчитал: более 30 раз за вечер пришлось исполнить какой-то популярный мотивчик, полтора часа играть одно и то же... А хотелось чего-то своего, индивидуального, что ли...

Как раз в это время вышли первые альбомы «Миража» и «Ласкового мая». Они произвели впечатление разорвавшейся бомбы. Я был уверен, мои песни не хуже, и решил заняться профессиональной эстрадой.

У меня был неплохой багаж за плечами — несколько лет работы в ансамбле, более двух десятков песен. Буквально через несколько месяцев наша группа стала одной из самых популярных, но лишь в одном районе: на «общесоюзный эстрадный рынок» выхода не было.

— И тогда помог случай?

— В общем-то да. В Ухте проходили гастроли группы «Машина времени». Александр Кутиков прослушал мои песни и посоветовал попробовать себя в Москве. Не буду рассказывать, с какими трудностями пришлось столкнуться, когда я приехал в столицу, через это прошли практически все музыканты. По гороскопу я Дева.

а все, кто родился под этим знаком, — люди решительные и волевые. Наверное, эти качества помогли и мне.

Сейчас выступаю во многих телепрограммах, мои песни звучат по радио, кассеты с записями популярны у молодежи. Я стал ведущим программы «Шире круг». Очень интересно, приходится проявлять актерские способности, о которых даже не подозревал. И еще, с недавних пор я музыкальный редактор журнала «Пульс».

— Думаю, твоим поклонникам мы дали полную информацию...

— Что касается поклонниц, я их очень люблю и благодарен им за поддержку...

**Беседу вела
АЛЕНА ДМИТРИЕВА.**

И Н Ф О Р М С Е Р В И С Т

*Всесоюзный
информационный клуб
дружбы и создания семьи*

■ **ПОМОЖЕТ** вам найти друга, единомышленника, создать семью.

опираясь на современные научные методы и компьютерную технику. Наше преимущество — высокое качество и скорость обслуживания. Мужчинам предоставляются льготы.

Наше агентство сотрудничает с американской фирмой "Russian American Romance" и итальянской фирмой "QUADRIFOGLIO". Может оказаться, что ваш суженый живет в США или Италии.

■ **СОСТАВИТ** ваш индивидуальный гороскоп

по основным направлениям вашей жизни на основе древнеиндийских предсказаний. Специалисты осветят вопросы: здоровья, карьеры, учебы, любви, приключений. Индивидуальный гороскоп поможет вам отказаться от рискованных поступков, найти путь к жизненному успеху.

■ **ПОМОЖЕТ** составить ежемесячный индивидуальный график

благоприятных и неблагоприятных дней в соответствии с вашими биоритмами.

✉ **ПИШИТЕ** нам по адресу: 105215, Москва, Е-215, А/Я 10, «Информсервис». В письмо не забудьте вложить пустой конверт с полным адресом — в нем мы вышлем вам условия обслуживания и анкеты. На письме сделайте соответствующую пометку -3-, «Гороскоп» или «Биоритм».

ОДИН В ПОЛЕ

ЮРИЙ НЕЧИПОРЕНКО

Вышел человек в поле... и оторопел: неба-то, неба сколько! И нет тут ничего, что могло бы его занять, — ни телевизора, ни радио, ни магнитофона — беззащитен городской человек перед природой, беспомощен наедине с ней. Может только глазеть, иногда вздыхать, приговаривая что-то вроде: «Да-а-а, красота-то какая, раздолье...» И опять смотреть — не наглядеться... Гипнотизирует поле городского человека, и начинает потихоньку хмелеть голова...

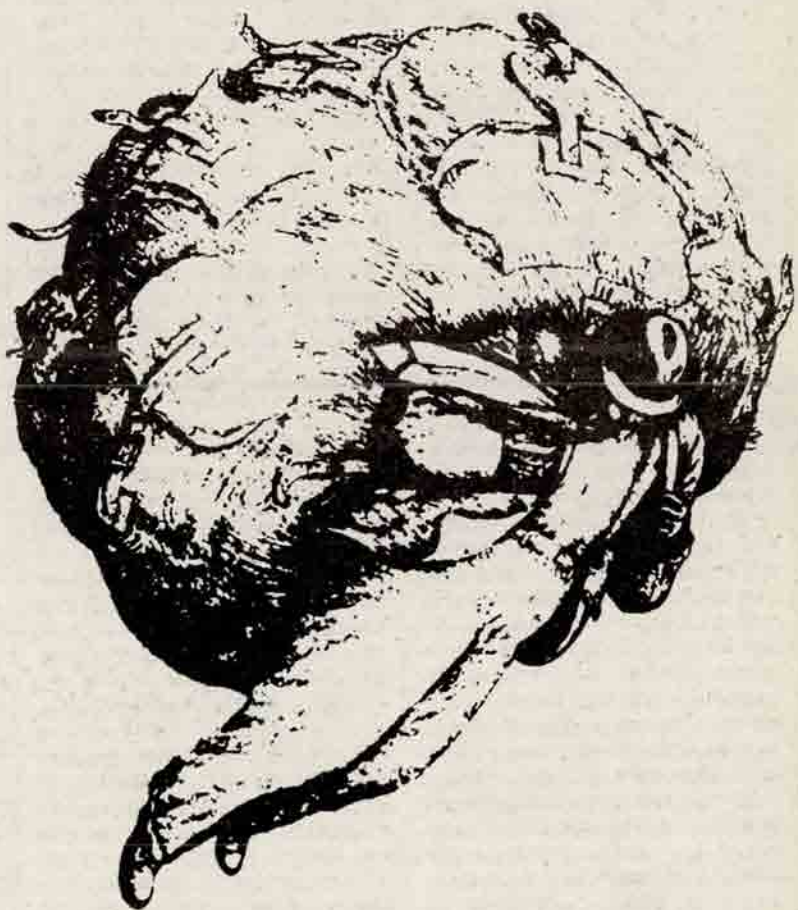
Это удивительное ощущение обморочного почти замедления жизни, сонное состояние невесомости передает в своей графике художник Гариф Басыров. Почти всегда на листах его графики это поле, и все персонажи вырваны из обыденности, перенесены в условия непривычного для них состояния созерцания, мления какого-то медитативного, общения с космосом.

Лист бумаги — то же поле,

и всякий раз выводит своих героев в поле Басыров и оставляет в одиночестве — под небом, под ветром, под Богом... «Все мы под Богом ходим» — так говорят, когда случается что-то с человеком, и поневоле задумаешься, почему так произошло, где случайность, а где возмездие, где судьба, а где злой рок?

Задумчивые персонажи Басырова словно сосредоточены на чем-то своем, словно внесены в чудесный сон наяву, в безмятежное ощущение вечности. Поле — мир, открытый космосу, простор, где есть место любой возможности, любому явлению. Пустое поле — бездна возможностей, раздолье для души, которая может расширяться до пределов горизонта, — но это и одиночество. Свобода и одиночество — как они оказываются сближены, как важны друг для друга...

Может быть, самая главная за-

Из серии «Обитаемые пейзажи». «Отдых».

гадка Басырова — как он, используя минимум выразительных средств, только с бумагой и карандашом, создает щемящие душу ощущения неприкаянности, одиночества, создает атмосферу наркотического, обморочного состояния, замедленного действия: такое бывает во сне или рождается наяву иногда — например, от чтения хороших стихов.

Сам Гариф имеет какое-то повышенное, обостренное чутье свободы — поэтому после окончания ВГИКа он не пошел в кино, увидев там фабрику, производство, в котором одиночкам трудно отстаивать свое право на свободу творчества — все решает «коллектив», тьма начальников, один другого важнее, указывающих «творческому работнику» его место в системе.

Ни в какую систему не хотел встраиваться Гариф — и начал бегать по редакциям, бесконечное рисование «по заказу» — но индивидуальное, свое, без власти мистического «коллектива».

Набрел он на новый и необычный журнал — «Химия и жизнь». Атмосфера журнала в семидесятих годах была чудесная — молодой коллектив, естественнонаучное направление, где время идеологии не столь обязательно, позволили журналу иметь свое лицо, которое было создано работами художников — Ващенко, Лена и Златковского. Басыров пришел чуть позже и не сразу вписался в изощренное «интеллектуальное» рисование, но вписался-таки, и появилось в иллюстрациях нечто новое: озорное, ироническое, радостное. Это не были иллюстрации в прямом смысле слова: то есть рисунки его не подчинялись тексту. Они спорили, конфликтовали, шутили и подтрунивали над текстом. В общем, Басыров смог развернуться во всю свою мощь

по той простой причине, что обрел свободу в журнале.

И продолжалось это беззаботное рисование до... XXVI съезда партии. В «Химии и жизни» готовили к съезду серию статей об успехах применения аминокислотных добавок в пищу домашней скотины. Иллюстрировать статью февральского номера попросили Басырова. Он уже проработал в журнале немало лет, изрисовал вороха бумаги и даже нашел здесь одного из своих любимых персонажей — могучего советского мужчину, полученного-полубюрократа, в плаще, шляпе, очках и с портфелем в руке.

К статье Басыров нарисовал три грузовика, которые в виде тортов везут аминокислотные кормовые добавки. За рулем сидят птицы и звери. В первом грузовике — гусь и петух. Во втором — свинья и баран. В третьем — бык. Редактор поставил ничем на первый взгляд не примечательный рисунок в рубрику «Навстречу XXVI съезду КПСС». Номер быстро подписали в набор, и животные поехали.

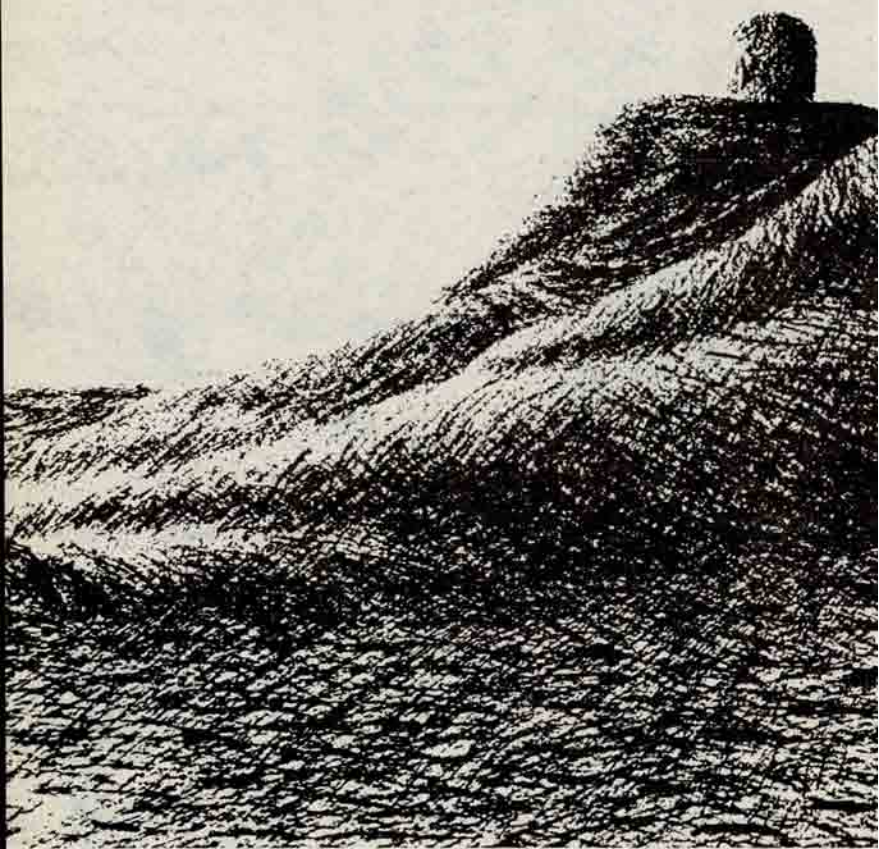
А через несколько дней разразился идеологический ураган разрушительной силы. Говорят, дело дошло до самого товарища Суслова. Он и его команда узнали себя в зверях, едущих навстречу съезду.

Со временем Гариф Басыров все далее отходил от «жанровых» картинок и карикатур и все более погружался в мир чисто художественных, пластических задач, в «нереальный абстрактный мир». Иллюстрация никогда не была его основным и любимым делом — «для себя» он рисовал картины, которые нигде не мог выставить: пейзажи со странными персонажами, космической пустоты поля под бездомными небесами. Сначала картинки содержали в себе явно

Из серии «Спящие».

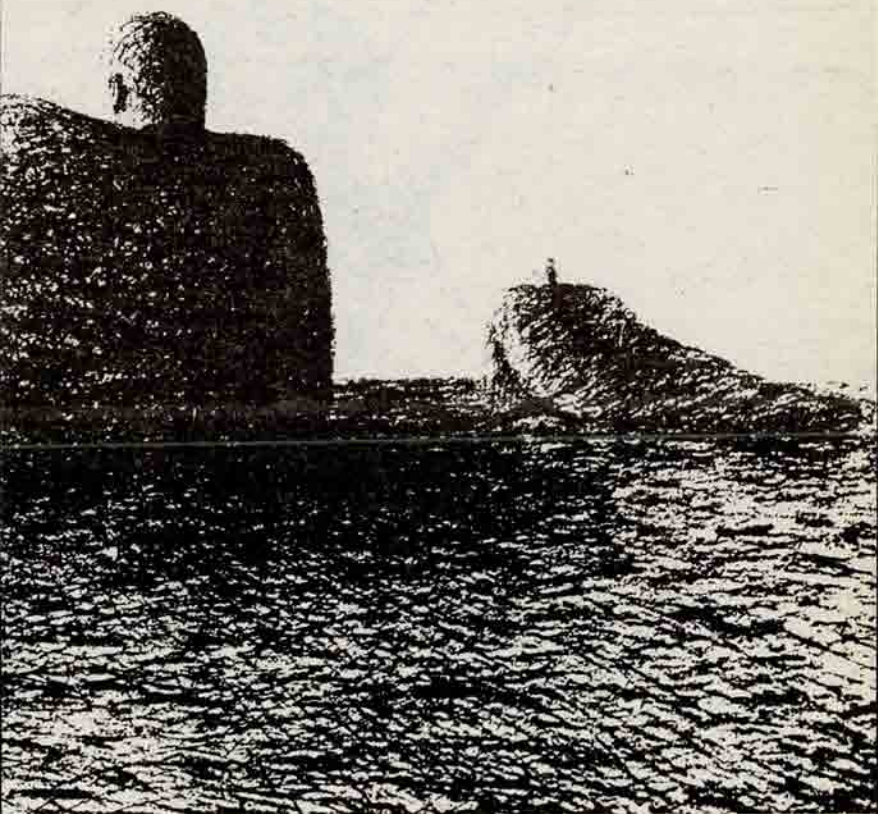

литературное начало — можно было смеяться над сценками, узнавать характеры персонажей, но постепенно литературы в его работах становилось все меньше, все меньше карикатуры и анекдота, хохмы и «прикола».

Вообще литература в живописи — отдельная тема, каждый художник в той или иной степени — рассказчик, сочинитель, литератор, в той степени, в какой прочитывается сюжет в его работах. Со

временем Басыров «замолчал» как литератор и пришел к абстракциям, которые были свободны от «жанровости». И все же он слыл за одного из самых оригинальных иллюстраторов. Действительно, на многих выставках были показаны работы Басырова, имеющие названия «на тему...», «по поводу...» и «иллюстрации». Однако все оказалось уловкой — никогда Басыров не иллюстрировал специально ни Анатолия Кима, ни Венедикта

Ерофеева. Он просто находил в них что-то общее со своими картинками и выставлял их на выставках художников-графиков, придав им статус иллюстрации. Как ни странно, те же самые работы, которые ни за что бы не оказались включенными в экспозицию, если бы рассматривались выставкомом, прекрасно проходили все комиссии и жюри, как авторские, стоило лишь сослаться на некую литературную их значимость, на их под-

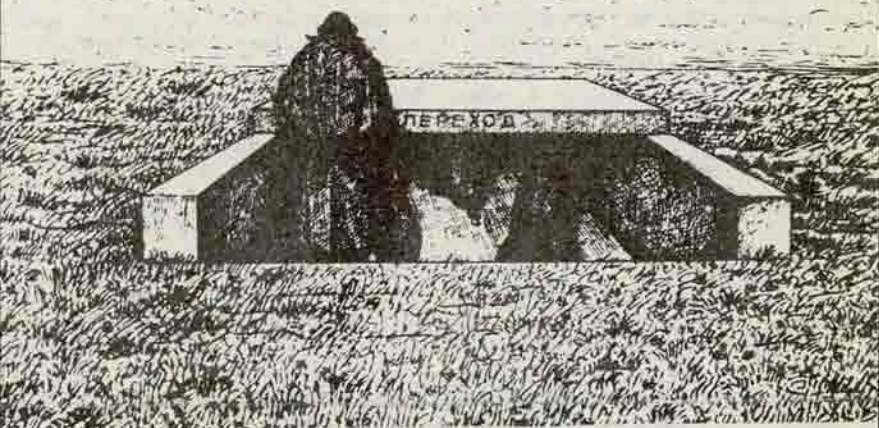
чиненность замыслу писателя.

И знаменитые иллюстрации Басырова в журнале «Трезвость и культура» к роману Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки» — тоже мистификация. Ощущение космичности, неприкаянности, одиночества и попытка сосредоточиться на каких-то важнейших вопросах бытия, сопряженная с гаммой сложнейших отношений и страхов человека, — то, что объединяет работы Басырова

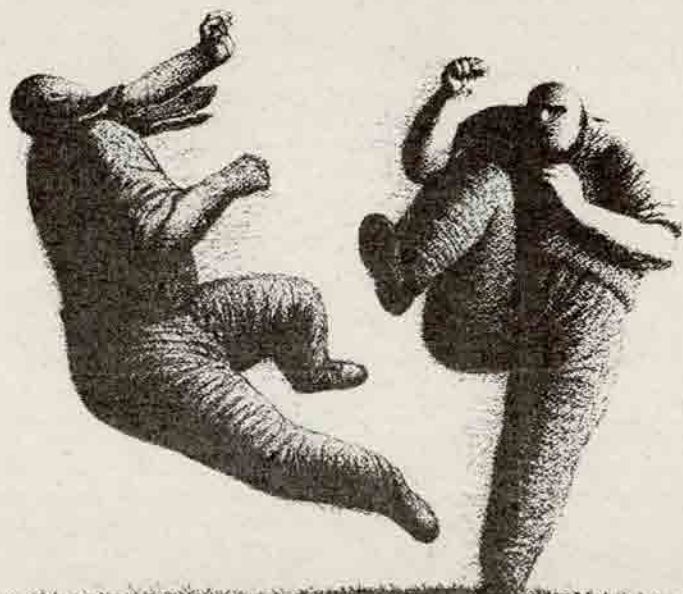
Из серии «Спорт».

Из малой серии «Обитаемые пейзажи». «Переход».

Из серии «Обитаемые пейзажи». «Карате».

и творение Ерофеева. И так же болит у художника душа, как у героя Ерофеева, так же изобретателен он и виртуозен в своих уловках.

Но не стоит отождествлять художника с его персонажами — следует лучше попристальней взглядеться в себя... Вот это, пожалуй, одно из главных качеств графики Басырова — она обращена к чему-то очень личному, к экзистенциальному в каждом человеке, к его внутреннему переживанию мгновений бытия.

Одни названия его серий говорят о многом, говорят о нас: «Горожане за городом», «Обитаемые пейзажи», «Люди в углу», «Люди с грузом», «Спящие»... Это мы — обитатели пейзажей, горожане за городом, это мы спим и носим грузы, это мы стоим в углу, живем по углам и никак не можем из них выбраться. О нас рассказывает Ба-

сыров, и листы его серий — как отдельные кадры кинофильма о «потусторонней», «абстрактной» жизни советского человека. Можно, конечно, и смеяться над собой, и грустить, рассматривая листы Басырова, но нельзя, наверное, не переживать, не чувствовать что-то свое, метафизически-родное в пустынных пейзажах, в одиноких людях! И это родное расширяется со временем, с развитием творчества художника от отдельно взятого пустыря в отдельной стране социализма до размеров Земли.

Висел в небе ветер, один в поле был человек. Об этом странном застывшем ветре, об одиноком человеке в поле рассказывает свои безмолвные стихи Гариф Басыров. Напоминают они гимны, какие-то древние, архаичные песнопения, сказания степей, былины старины...

Я все отдам за это вдовье
Лицо Земли, где дождь, как штрих,
Где жизнь — сплошное предисловье,
А смерть — загадка для живых.

Где все, что есть, — и грех, и слава —
Лишь голос предков в нас самих,
Где мы не заслужили права
И в мыслях быть счастливей их.

Любимая, ты спишь. На столике расческа.
В серебряных хвощах замерзшее стекло,
И облака плывет неровная полоска,
Как кречета во тьме огромное крыло.

Любимая, ты спишь... Я ехал с Павелецкой
На отсвет куполов, не видных из-за крыши
(Так елочных шаров блуждает свет по детской).
Я подъезжал к Кремлю. Любимая, ты спишь,

А я твое лицо в него врезал, как в раму,
Не задевая пыль на сколе завитка,
И на меня при всех точила эпиграмму
Холодная, как снег, и милая рука.

Любимая, ты спишь, когда страна, как порох,
И мне уж не сносить безумной головы,
Когда четвертый час, подъезды на запорах,
А я иду к тебе с ключами от Москвы.

Любимая, ты спишь... Уже, как одеяло,
Чуть смятое крыло сползло на восток.
Я медлил у дверей, такси еще стояло,
И пара трепетал багровый лоскуток.

Ты пришла. Кольхнулись шторы.
У тебя осторожный вид.
За твоею спиной просторы,
От которых меня знобит.

Я решал, для чего я создан...
Ты окрепла в моем тепле
И упрямо стремишься к звездам,
Завещая меня земле.

Ты стоишь в перехлестах платья,
Отрешенная, как вдова...
Уходи. Я готов к расплате
За любые твои права.

Тревожная и тихая погода,
Высокие, как небо, деревья,
И штукатуркой съется листва
С немого протекающего свода.

Есть в жизни предков древняя свобода
Платить судьбой за лучшие слова.
Их Муза в смертный час еще жива
Величьем исчезающего рода.

Так жив и я. И Лира не забыла,
Как падал снег на черные стропила
Нагих ветвей. Как осень, сжав уста,

Ушла одна с пустынного бульвара,
И новый день не поднял с тротуара
Перчатку пятипалого листа.

ЗВЕЛИНА РАКИТСКАЯ

Будут гости шуметь,
будут гости играть на гитаре...
про «заезжего» петь
и беседовать о Кортасаре,

со значеньем курить
и талантливо стряхивать пепел
и ругать и хвалить,
возводя в превосходную степень...

Будут суффиксы «ейш» —
«гениальнейший» или «глупейший»...
Только слушай да ешь!
И не думай о разном дальнейшем.

Развлекайся себе!..
И, окурки в тарелке сминая,
подпевай о судьбе,
в надежах это слово меняя...

Только пой да играй!
За тебя все решили как надо —
не возьмут тебя в рай,
не записан ты в очередь ада.

Приведут тебя в ночь —
будешь туфли снимать у порога.
И не вырвешься прочь,
и гостей будет в комнате много...

Не дадут умереть —
ты у них предусмотрен как лишний.
Не возьмут тебя в смерть —
есть туда кандидат попрестижней..

Приведут тебя в день —
и не сможешь уйти по-английски...
Ты им нужен как тень
или друг без московской прописки.

И напрасен твой труд,
и напрасно костюм отутюжен —
в жизнь тебя не возьмут,
потому что —
кому ты там нужен?

Потому что...
...Сядись,
что-то больше гитары не слышно...
На гостей не сердись —
каждый гость в этой комнате лишний...

А когда тебя так любят
эти маленькие перы —
эти тонкие ресницы
и голубизна в белках,
а когда тебе так верят
твои маленькие дети,
надо жить на этом свете
и не думать о веках...

Не укрыться в черной раме —
чувство долга...
что ж поделать...
Надо быть живою мамой —
остальное все равно.
Как разбойник с кандалами,
пусть душа смирится с телом.
Ей на этом свете долго
проболтаться суждено...

"Волны золотая ручка"

МАРИЯ КУСТОВА

*«Не для фарту я родился,
Воспитался у родных,
Воровать я научился
У товарищей своих».*
(Из блатного фольклора.)

*«Дин-дон, дин-дон,
Слышен звон кандалный».*
(Из песни каторжан.)

В начале ноября 1875 года среди полицейских Мещанской и Серпуховской частей Москвы царил необычное оживление. Приставу Серпуховской части Реброву после тщательных розысков удалось добыть сведения, что в Москве обособилась крупная воровская шайка, перекочевавшая сюда из южных губерний. Но самым ценным из полученной информации были имена главарей шайки — румынского подданного Михаила Блювштейна и его жены Софьи, или Шейны, Блювштейн.

Почему же на первый взгляд ничем не примечательные личности привели в такое волнение московскую полицию? Ответ прост: Софья Блювштейн не была заурядной мошенницей и воровкой, которых во все времена хватало в Москве. Это имя принадлежало самой Соньке Золотой ручке — одной из немногих женщин, вошедших в анналы уголовного мира России, прославившейся своими дерзкими кражами и удивительными по смелости побегам из тюрем, ставшей героиней многих блатных легенд.

Такая слава закрепилась за Софьей недаром. Практически вся ее жизнь с самых молодых лет проходила в постоянной борьбе с законами, которые она беспрерывно нарушала по великому множеству пунктов.

К сожалению, детство и юность легендарной воровки покрыты тьмой. Известно только, что она родилась в начале 50-х годов

прошлого века, совсем юной вышла замуж за варшавского мещанина Михаила Вольфовича Бреннера, и с этого момента начинается ее путь к славе Соньки Золотой ручки. Сейчас уже невозможно установить, кто первый — Шейна Бреннер или ее муж — соприкоснулся с уголовным миром, но точно известно одно: к середине 70-х годов Шейна уже успела развестись со своим первым мужем, выйти замуж за румынского подданного Михаила Блювштейна, родить четверых детей и завоевать себе положение главаря крупной воровской шайки, в которую, кстати, входили оба ее мужа. Очевидно, это была действительно незаурядная натура, чьи способности волею судеб смогли раскрыться только на криминальном поприще. Что же касается легенд, в которых Золотая ручка представляла некоей роковой женщиной, с помощью своей красоты успешно совершающей преступления, то они довольно далеки от истины. Вот как описывается ее внешность сухим языком официальных бумаг: «Росту 2 аршина 2½ вершков (1 метр 53 сантиметра), лицо худощавое, круглое, немного рябоватое, волосы на голове и бровях русые, глаза карие, нос умеренный с широкими ноздрями, немного приплюснутый в рябинах, рот обыкновенный, губы тонкие, на правой щеке бородавка», — портрет довольно далекий от образа фатальной красавицы.

К 1875 году за Софьей Ивановной Блювштейн и ее бандой тянулся длинный шлейф преступлений, совершенных в Варшаве, Минске, Одессе, Нижнем Новгороде и других городах. У них уже выработался определенный стиль работы: члены шайки, в которую входили отставной рядовой Березин, кронштадтский мещанин Мучников, варшавянин Бреннер (пер-

вый муж Золотой ручки), румынский подданный Блювштейн (ее второй муж), отставной унтер-офицер Соркин, крестьянин Евстигнеев, по прозвищу «Щучка», и, естественно, возглавлявшая их Софья Блювштейн, промышляли в основном карманным воровством и, если подворачивался случай, крупными грабежами. В поисках жертв они разъезжали по ярмаркам (как правило, пользуясь железными дорогами — идеальным полем деятельности для искусных воров), появлялись в театрах и других местах скопления людей, где можно было безнаказанно очищать карманы и спокойно скрываться в толпе. Соркин же, прикрываясь вывеской «покупка и продажа вещей», организовывал сбыт похищенного.

Сама Золотая ручка, несомненно, занималась самыми сложными делами — организацией и осуществлением грабежей, укрывательством и сбытом наиболее дорогих украденных вещей, например, драгоценностей. В 1872 году, в возрасте 22 лет, она была поймана в Киеве и отдана под суд за кражи и другие преступления. В тот раз ее присудили к лишению всех прав и шестимесячному тюремному заключению. Но это был один из немногих случаев, когда Софью удалось осудить. Пребывание в тюрьме научило ее осторожности.

С тех пор во многих городах — Варшаве, Санкт-Петербурге, Харькове, Одессе и ряде других — Софью не раз пытались привлечь к судебной ответственности. Но ловкая преступница, уже получившая в кругу карманных воров за свое искусство прозвище «Золотая ручка», при кражах организовывала все так, что полиция при всем своем старании не могла обнаружить никаких улик, достаточных для ее ареста.

В 1875 году после поездок по ряду крупных городов Российской империи, где Софью и ее людей уже взяла на заметку полиция, они решают обосноваться в Москве, которую до тех пор не достаивали вниманием, чтобы не торопясь сбыть вещи после нескольких удачных краж. К тому же беременная Софья ждала родов, и ей требовалась спокойная обстановка. Но московская полиция была на чеку, и пристав Ребров довольно быстро вышел на след преступников.

5 ноября 1875 года полицейские провели обыск у Софьи, проживавшей в доме Баскакова во 2-м квартале Мещанской части. При обыске в нескороаемом сундуке было найдено множество драгоценностей — в основном золото и бриллианты. Все это полиция опечатала и забрала в Мещанскую полицейскую часть на хранение, в том числе и самую ценную вещь — бриллиантовую диадему, на несчастье Софьи, принесенную как раз во время обыска из магазина Крумбюгеля, куда она была отдана для переделки. Золотая ручка, ошеломленная внезапностью обыска, тянула время и давала сбивчивые и неясные показания, ссылаясь на недомогание после родов. В результате ее подвергли домашнему аресту, от которого, впрочем, на следующий день освободили. Но болезнь не помешала ей развить активную деятельность по возвращению отобранных вещей. Она пишет прошение прокурору Московской судебной палаты о снятии запрещения с имущества, но это лишь усиливает внимание к ее особе, и дело по обвинению Софьи Блювштейн в кражах передается судебному следователю.

7 февраля 1876 года по результатам следствия ее арестовывают (в отсутствие мужа, который, по-

чувствовав неладное, вовремя скрылся). Но Золотая ручка не сдастся — от нее потоком идут прошения прокурору об освобождении. Эти документы очень любопытны и дают представление как о самой Софье, так и о подобных документах того времени. Вот некоторые образцы ее эпистолярного творчества:

«Милостивый государь, господин прокурор судебной палаты. Извините меня, что я осмеливаюсь просить Вас принять мою просьбу. Вы, быть может, одне не откажете просьбе несчастной матери четырех детей, которая безвинно страдает за оклеветание одного человека.

Вы, господин прокурор, истинно человек благородный, который будет судить пристрастно. Я мать семейства, у меня четверо малолетних детей, которые теперь брошены на произвол судьбы. Что будет с ними, Бог знает. В пансион они теперь не ходят, все остановилось, хозяйство мое тоже в чужих руках. Муж мой должен был уехать по своим делам и когда воротится, неизвестно. Господин прокурор, прошу Вас освободить меня из-под стражи. Я женщина больная, нервная из-за моих бедных детей. Ради их, господин прокурор, освободите меня, не дайте погибнуть матери, не погубите малолетних деток, которые Вас тоже просят от всей души, от всего детского сердца отдать им мать, которая для них все. Вам известно, что мои собственные золотые вещи и брильянты арестованы. Освободите меня. Вы можете быть уверены, что я не сделаю попытки скрыться, так как все мое имущество находится в руках судебной власти. Если Вы не найдете удобным освободить меня, так назначайте маленький залог. Господин прокурор, не будьте жестокосердечны к мольбам и просьбам жен-

щины, которая мать семейства, притом больна. Не откажите просьбе несчастной, которая безвинно страдает. Остаюсь с глубоким почтением, София Блювштейн».

К этому было приложено прошение, написанное от имени ее детей:

«Ваше превосходительство, мы, четверо малолетних детей Софии Блювштейн, просим Вас освободить нашу мамашу, которая безвинно страдает за оклеветание мизерабельного * человека. Клевет, ни на чем не основанных, как только на зле и лжи. Что нам делать без матери, которая для нас все. Отец наш уехал по своим делам, мы брошены на произвол судьбы. Образование и воспитание остановилось, дома у нас только плач да слезы. Сжальтесь над нами, бедными детками, господин прокурор, освободите нашу мамашу под маленький залог или поручительство. Вы не можете себе представить наше горе. Все дома расстроены, мать от нас оторвана, одним словом, расстройство целого семейства, и причина этому один человек, который своим необузданным злом наделал столько горя.

Отец прокурор, не откажите просьбе детей, которые просят за свою мать. Хотя мы дети, но чувствуем, что без матери нам жить нельзя. Мы блуждаем по комнатам как овцы, которые отбились от стада и блуждают по лесу.

Еще раз, ради Бога создателя, ради Неба, с поднятыми ручками к Вам, мы просим Вас возвратить нашу мамашу. Сделайте нам добро, и Бог Вам заплатит за нас, едесятеро всем хорошим. Соня, Миша, Лоя, Тоня Блювштейн».

Многочисленные ссылки на не-

коего клеветника объясняются тем, что основанием для ареста Золотой ручки во многом послужили показания одного из их бывших харьковских сообщников, которого арестовали в Киеве при расследовании кражи денег у помещика Цвета в гостинице «Одесса».

И в этот раз Софье сопутствовала удача — несмотря на все старания полиции, ее пришлось выпустить за отсутствием серьезных улик. Правда, конфискованные вещи так и не вернули, да и из Москвы пришлось уехать.

Но вторая столица империи тянула к себе Золотую ручку как магнитом. Тут и жажда взять реванш, и желание возместить потерянные драгоценности, приобщенные к священному делу в качестве вещественных доказательств.

В начале 1879 года она вновь появляется в Москве, ее вновь арестовывают по подозрению в краже и конфискуют находящиеся при Золотой ручке золотые, серебряные и бриллиантовые вещи на сумму более 40 000 рублей. Опубликованное полицией объявление подробно описывало драгоценности и приглашало возможных владельцев явиться для их опознания, но никто на опознание вещей не явился. Софья Блювштейн была оправдана за недостатком улик и освобождена — ей в очередной раз повезло. Впрочем, терпение московских властей пошло на убыль. Как писал московский обер-полицеймейстер в рапорте московскому генерал-губернатору: «...признавая личность эту крайне вредною для здешней столицы, я относился к прокурору Московского окружного суда о доставлении сведений, нет ли препятствий к удалению ее из Москвы, и ныне прокурор уведомил меня, что со стороны судебного ведомства никаких препятствий к высылке не встречается».

* Жалкий, ничтожный (искаж. фр.).

...я имею честь покорнейше просить, не изволите ли Вы признать возможным сделать сношение с министерством внутренних дел о высылке Блювштейн,— как румынской подданной,— за границу, с воспрещением ей возвращения в Россию».

Итак, участь Золотой ручки была решена. Как только ее освободили из-под ареста, ночью 5 марта 1879 года она была под конвоем отправлена на границу с Румынией. При высылке ей выдали заграничный паспорт, в котором листы с грифом «для возвращения» были вырваны.

Казалось, пути в Россию отрезаны. Но Золотая ручка не желает с этим смириться, так же, как и с потерей драгоценностей. Жалобы из Будапешта, где она временно обосновалась, потоком идут в российское Министерство иностранных дел и постоянно тревожат московских чиновников. В конце концов московские власти объявили, что драгоценности не могут быть выданы.

Затянувшееся дело о собственности Софьи Блювштейн закончилось естественным путем. Увидев, что на ее ходатайства о возвращении в Россию для выяснения судьбы своего имущества следует категорический отказ («как закоренелой карманной воровке» — объяснялось в служебной переписке), Золотая ручка решает рискнуть еще раз. 27 августа 1879 года полиция Одессы задерживает самовольно вернувшуюся в Российскую империю румынскую подданную Софью Блювштейн. Во время обыска в квартире, которую она занимала вместе со своим сообщником Бронбергом, было найдено 17 000 рублей, об источнике приобретения которых Золотая ручка так и не смогла дать внятного объяснения.

С этого момента полоса везения в ее жизни практически кончается. Одновременно с арестом Золотой ручки начинается охота за остальными членами шайки, все это время находившимися в Москве. Хотя против них, как и против их предводительницы, прямых улик найти не смогли, власти применили испытанный метод — высылка по месту жительства «за порочное поведение», с запрещением проживания в пределах Московской губернии. Члены шайки были выдворены из Москвы и отданы под полицейский надзор. Легко отделался только кронштадтский мещанин Мучников, потому что успел вовремя предложить свои услуги полиции в качестве осведомителя. Благодаря этому он продержался в Москве довольно долго (очевидно, отчасти благодаря его показаниям суд в конце концов сумел осудить Золотую ручку и обоих ее мужей). Но и его в итоге постиг закономерный конец. Вот что писал в 1886 году московский обер-полицмейстер о «работе» Мучникова в качестве осведомителя: «...известный по своей преступной деятельности кронштадтский мещанин Мучников, предложив услуги судебной власти содействовать в поимке лиц этой категории (то есть преступников), с подобной целью в начале прошлого года прибыл в Москву и, заручившись разрешением прокурорского надзора, проживает здесь самостоятельно, окружив себя ворами, с которыми совершает нагло разные мошенничества, укрывает воров и краденое, а в квартире своей устроил притон. На делаемые же ему полицией замечания, он явно глумится, именуя себя неприкосновенным агентом судебной власти».

Естественно, что московская полиция быстро пресекла подобную деятельность, и в 1886 году Муч-

никова уже окончательно выселяют из Москвы и Московской губернии, с позором лишив его «почетного звания» осведомителя.

В результате процесса 1879—1880 годов над шайкой, Сонька Золотая ручка была осуждена на поселение в Сибири. Но ее привыкшая к вольной жизни натура не могла смириться с жалким прозябанием в одном из медвежьих углов Российской империи (деревня Лужки Петропавловской волости Нижнетунгусского участка Иркутской губернии).

В 1885 году Золотая ручка начинает серию своих знаменитых побегов, которые вошли в легенды уголовного мира. Поздней осенью она бежит с места поселения в Сибири в надежде вернуться к своему основному промыслу — кражам и занять прежнее положение в блатной иерархии. Но фортуна прочно отвернулась от Софьи: она недолго пробыла на свободе, причем предали ее свои же, как она считала, люди. Товарищ прокурора Московского окружного суда Арнольди описывал эту историю так:

«В двадцатых числах истекшего ноября мещанка Шева Бреннер обратилась с заявлением о том, что сосланная по судебному приговору на поселение в Сибирь известная воровка Софья Блювштейн, по прозванию «Золотая ручка», в настоящее время бежала из места, назначенного ей для жительства и, вернувшись в Россию, намерена вновь заняться кражами по железным дорогам; при этом Шева Бреннер предложила свои услуги к розыску и задержанию Золотой ручки.

Расспросив Шеву Бреннер об обстоятельствах, при которых ей сделалось известным о побеге Софьи Блювштейн, я узнал, что за несколько дней перед тем в квартиру доносительницы Бреннер,

в городе Минске, совершенно неожиданно явилась Блювштейн с 14-летней дочерью своею. Прежняя красивая и богатая Золотая ручка предстала перед Шевой Бреннер сильно исхудалой и постаревшей, а также едва одетой в старое, изношенное платье. Ссылаясь на свои прежние отношения к Шеве Бреннер и к ее покойному мужу (которого она была первой, разведенной женой), Софья Блювштейн просила Бреннер принять в ней участие как посильной помощью, так и дав временный приют ее дочери. При этом она объяснила, что отправляется в Динабург, где рассчитывает получить паспорт конечно, на чужое имя, и затем, переодевшись в приличное платье, намеревается предпринять поездку по железным дорогам и рядом краж приобрести себе материальные средства, с помощью которых уехать затем вместе с дочерью за границу.

До первых же денег Блювштейн просила Шеву Бреннер приютить у себя ее дочь и помочь ей по мере возможности. Вслед за этим Блювштейн уехала в Динабург, обещая Бреннер приехать к ней через неделю, предупредив заблаговременно телеграммой. Тотчас же после этого Шева Бреннер отправилась в Москву и, не желая укрывать Золотую ручку, знакомство с которой было источником всех ее несчастий, заявила о своей готовности оказать содействие задержанию Софьи Блювштейн, ставя непременным условием, чтобы последняя не была задерживаема в ее квартире и при обстоятельствах, указывающих на ее участие. Это условие Шева Бреннер объяснила страхом перед еврейским кагалом и ворами, которые все держат сторону Золотой ручки и готовы наказать смертью за измену последней.

Зная близко Шеву Бреннер по

делу сыскной полиции, ее отношение к Золотой ручке, а также ее желание поступить на службу в Московскую сыскную полицию и зная также те причины, по которым ей выгодно снискать расположение московского прокурорского надзора, я, из расспросов Бреннер, пришел к убеждению, что рассказываемое ею в главных чертах совершенно справедливо...

Получив предписание принять меры к задержанию Софьи Блювштейн и лично надблести за исполнением этих мер, не прибегая к содействию чинов московской полиции, я тогда же условился с Бреннер и установил следующий план действий:

По словам Шевы Бреннер, Блювштейн должна была пробывать в Динабурге или в другом каком-либо месте до получения паспорта, затем, предупредив Бреннер телеграммой, приехать к ней в Минск, где, при ее содействии, должна была застаться приличным платьем и для этого пробывать несколько дней. Тотчас же по получении телеграммы от Блювштейн или же по ее приезде Шева Бреннер должна была дать мне знать по телеграфу, и я с первым же поездом приехал бы в Минск.

При отъезде Золотой ручки из Минска Бреннер должна была провожать ее на вокзал и усадить в вагон, указав при этом личность Блювштейн, а затем кто-либо из переодетых чинов местной полиции или жандармов, а в крайнем случае я лично (как знающий Золотую ручку), сев в тот же вагон и проследив за нею, должны были задержать ее при первом удобном случае. Если же, паче чаяния, я не мог бы прибыть вовремя, то Шева Бреннер должна была обратиться к минскому прокурору Степанову, деятельное содействие которого было обеспечено заблаговременным сообщением...

3 декабря, утром, Блювштейн вместе с дочерью внезапно приехала к Шеве Бреннер, и последняя дала мне об этом знать телеграммой, которую я получил в 4¼ часа и тотчас же с поездом в 5 часов 55 минут выехал в Минск.

Между тем Блювштейн без всякой видимой причины заявила Шеве Бреннер, что уезжает в Вильно с поездом, отходящим из Минска в 12½ часа ночи и что содержательница публичного дома Сальдес обещала ей полную экипировку; дочь же свою она пока оставляет в Минске. Тогда Бреннер, которую, по ее словам, Блювштейн все время ни на шаг не отпускала, под предлогом забывания денег на дорогу, отправилась в 7½ часов к г. прокурору Степанову и просила его о содействии к задержанию Золотой ручки. При этом она сообщила прокурору, что за полчаса до отхода поезда и даже ранее она будет ходить с Золотой ручкой около вокзала в условленном месте, чтобы дать возможность заметить ее личность агентам, должествующим задерживать ее. Действительно, в 12 часов в условленном месте она все время ходила с Золотой ручкой взад и вперед. Вскоре туда приехал прокурор Степанов и видел их, но так как он приехал один, то почему-то не задержал Золотую ручку и не поручил никому из полицейских агентов проследить за ней. Вследствие этого она беспрепятственно уехала в Вильно, откуда по прибытии прислала Шеве Бреннер телеграмму о благополучном прибытии. Затем на расспросы Шевы Бреннер прокурор Степанов объяснил, что он не успел никого взять с собой за недостатком времени (хотя он мог обратиться к железнодорожному жандарму и хотя полицейский участок находится почти против вокзала). На другой день прокурор Степанов:

получив от Шевы Бреннер подробное описание примет Блювштейн и ее костюма, а также и указания ее местопребывания, послал в Вильно на розыски пристава 2-й части г. Минска. Прибыв в Минск, я узнал обо всем происшедшем до моего приезда, но уже не застал г. прокурора, который уехал в г. Мозырь по делам службы...

Собрав надлежащие сведения, я отправился в Вильно, где узнал от пристава 2-й части г. Минска, что он при содействии местной полиции произвел осмотр указанного Бреннер публичного дома (а также и других 17-ти), причем выяснил, что женщина указанных примет действительно ехала с прибывшей в тот день проституткой и девочкой, но, прибыв в Вильно, неизвестно где остановилась.

Затем, вернувшись в Минск, я получил от Шевы Бреннер известие, что Блювштейн, по словам дочери ее, должна, по всей вероятности, находиться в Динабурге в доме Гутмана. Поэтому, дав Бреннер указание, как поступить в случае приезда Блювштейн за своей дочерью, я отправился обратно, заехал в Динабург, где, однако, по собранным мною негласным сведениям, в указанном месте Золотой ручки не было. Из предосторожности и чтобы не испортить возможности задержания Блювштейн, я не счел возможным поручить полиции осмотр квартиры Гутмана, а ограничился сообщением динабургскому полицмейстеру об учреждении негласного надзора за означенной квартирой и за появлением Золотой ручки с подробным описанием ее примет.

Таким образом, указания Шевы Бреннер вполне подтвердились изложенными обстоятельствами.

Золотая ручка была в Минске 3 декабря и была указана прокурору Степанову, но не была задержана по причинам, от меня не зависящим. Однако пребывание ее дочери у Шевы Бреннер и продолжающиеся наблюдения этой последней дают надежду на возможность задержания Золотой ручки впоследствии, когда она, успокоенная, явится за своей дочерью».

Итак, несмотря на усилия полиции, в этот раз Софье удалось ускользнуть. Но ненадолго. В сеть, которую все туже стягивали вокруг нее осведомители и полиция, Золотая ручка попала буквально через неделю.

10 декабря 1885 года в 7 часов вечера, сразу же по прибытии в Смоленск почтового поезда из Бреста, Софья, вышедшая из вагона вместе со своей дочерью и Шевой Бреннер, была тотчас же опознана специально находившимся на платформе приставом Рогожской части Москвы Виноградовым и задержана. При обыске у нее был обнаружен паспорт на имя Рейзы Вульфовны Гинзберг и яд.

Допрошенная на другой день судебным следователем, задержанная созналась, что она действительно Софья Ивановна Блювштейн, лишенная всех прав состояния, сосланная по приговору Московского окружного суда в Сибирь на поселение, откуда бежала в Европейскую Россию с целью свидания с детьми. Незадолго до задержания она находилась в г. Туле у своей сестры, где встретила с проживающим в Москве Мучниковым (упомянутым выше осведомителем), от которого и получила паспорт на имя Гинзберг.

Как особо опасную преступницу, ее заключили в секретную камеру Смоленского тюремного замка, ключи от которой должны были постоянно храниться в кармане у тюремного смотрителя.

Но Золотая ручка не теряет надежды на свободу. Полгода понадобилось ей, чтобы привлечь на свою сторону надзирателя, у которого, как она знала, находились ключи от секретной камеры. Теперь уже никто не узнает, чем смогла прельстить тюремного смотрителя знаменитая преступница, какими доводами убедила его изменить своему долгу, но факт остается фактом — ночью 29 июня 1886 года Золотая ручка бежит из Смоленского тюремного замка. Ее сообщник, смотритель унтер-офицер Петр Михайлов исчезает вместе с ней.

Сам побег был великолепен по своей простоте и дерзости. Вечером, после краткого разговора в камере, Михайлов приносит Золотой ручке гражданское платье, выводит ее из тюрьмы и преспокойно проходит вместе с ней мимо часовых, которые в темноте приняли Софью за одну из женщин, служивших в тюремном замке.

После побега они на несколько месяцев исчезают из поля зрения полиции. Но терпение властей окончательно исчерпано — объявляется всероссийский розыск преступников, по всем полицейским участкам рассылаются описания примет: «Блювштейн 40 лет, росту малого, брюнетка (на лбу волосы выются), ноздри расширенные, уши как бы порваны серьгами, глаза подвижные, говорит по-еврейски, по-русски, по-немецки, понимает по-французски, дерзка и разговорчива, лицо не совсем чистое. Михайлов — роста

выше среднего, лицо рябоватое, но немного, усы белокурые, без бороды».

Все лето полиция безуспешно разыскивала их по всем известным воровским «малинам» Российской империи. Секрет же был прост: Золотая ручка со своим сообщником скрывалась в знаменитых ярмарочных притонах Нижнего Новгорода. Этот город был выбран не зря: как раз в это время проходила крупнейшая в России Нижегородская ярмарка, собиравшая огромное количество людей, в том числе и представителей уголовного мира, рассчитывавших на легкую наживу, — так что при желании можно было надежно спрятаться от самого лучшего сыщика на свете.

Нижний Новгород к тому же был одним из самых любимых мест для «работы» Золотой ручки, и она прекрасно ориентировалась в ужасных лабиринтах «Самокатов» — центре встреч уголовников всей империи. Место действительно было колоритное, недаром ему много внимания уделил один из самых известных журналистов той эпохи, Гиляровский. Он писал: «Самокаты» — это гнезда такого разврата, какой едва ли мог существовать когда-нибудь и где-нибудь, кроме Нижегородской ярмарки».

К концу лета ярмарка постепенно пустела, и опасность поимки для беглецов увеличивалась. Но они к этому времени забыли о ежеминутной осторожности и скрытности — в отличие от полиции, которая не прекращала розысков.

6 сентября 1886 года помощник нижегородского полицмейстера и пристав одной из частей города задерживают преступников — Зо-

лотая ручка и ее сообщник оказываются в Нижегородском тюремном замке.

На этот раз Софье не удалось отделаться легким наказанием. Закон обрушился на нее со всей своей тяжестью — за побег из ссылки ее приговаривают к 40 ударам плетью (это варварское наказание вплоть до начала XX века применялось к некоторым категориям осужденных) и трем годам каторжных работ на заводе с последующей бессрочной ссылкой. Золотая ручка еще пытается бороться, пишет апелляции, но закон неумолим — ведь она была закоренелой преступницей, немало досадившей властям.

С тех пор следы легендарной Соньки Золотой ручки прочно теряются на каторжных этапах и пересылках. Дальнейшая судьба знаменитой воровки осталась в неизвестности — уцелела ли она на каторге, сумела ли бежать за границу, чтобы там продолжать свой криминальный промысел, — никто не знает. Но так или иначе, а свой след в истории Софья Блювштейн оставила — ее прозвище было так популярно, что известная русская иллюзионистка Федосия Карповна Лычкова уже в начале XX века использовала его как свой сценический псевдоним. Эстрадная «Сонька Золотая ручка», разумеется, демонстрировала молниеносное освобождение из цепей, кандалов и наручников. Похождениям популярной преступницы была посвящена целая серия дешевых детективных книг наподобие бульварных боевиков о Нате Пижертоне, а родоначальник русского кинематографа Ханжонков снял о ней фильм, который так и назывался «Сонька Золотая ручка».

Отзвуки ее былой славы дошли и до наших дней — недаром имя «Сонька» до сих пор так же популярно в подражаниях блатному фольклору, как и неувядаемая «Мурка».

КОНСТАНТИН ТИНОВИЦКИЙ

Фото ВЛАДИМИРА ВАСИЛЬЕВА

УДАРНАЯ
СИЛА

Направляясь в Киев, я еще не ведал, что мне предстоит впервые в жизни поработать шоуменом... Но признаюсь: работа эта в громадном киевском Дворце спорта доставила удовольствие.

Был большой кикбоксинг. На ринге выступали знаменитые мастера, а украшением вечера обещал стать бой за звание чемпио-на Европы среди профессионалов.

Второе дыхание

Я хорошо знал этих парней, нас связывало старое знакомство. Мы подружались около года назад во время поездки в Париж, где наша сборная (еще СССР) дебютировала на любительском чемпионате мира...

Чисто теоретически я уже в ту пору был немного подготовлен: знал, например, что кикбоксинг подразделяется на несколько дисциплин, и даже сумел бы разъяснить разницу между ними. Скажем, турниры по семиконтакту не спутаешь с лайтом. Семи напоминает фехтование: здесь начисляются очки за нанесение одиночных ударов, после каждого попадания поединок останавливается — важно обозначить касание, а не поразить соперника. В лайт-контакте удары тоже наносятся достаточно мягко, но в отличие от семи разрешается атаковать серийно. В некоторых европейских странах мальчишки и девочки с 8 лет приходят в секции лайтконтакта и без риска для здоровья участвуют в соревнованиях. Существует еще и «сольная композиция». Она исполняется под музыку. Это зрелище для эстетов, то ли танец, то ли бой с тенью. Однако безусловный король кикбоксинга — фул-контакт. Трибуны забиты: яблоку негде упасть. Шлемы, боксерские

перчатки и специальная обувь с мягкой прокладкой (футы) позволяют спортсменам наносить удары в полную силу. Эти свободные правила и есть приманка для зрителя — болеют почище, чем на футболе.

...Мы быстро нашли общий язык. За исключением юных Аскара Можанова и Виталия Кличко в сборной собрались бывалые, взрослые мужики, многим было уже под тридцать. А Игорю Шарпову, Алексею Нечаеву и Сергею Лобакову вообще перевалило на четвертый десяток. Несколько лет назад многим из них боксерскую карьеру обрубил возрастной ценз, придуманный каким-то госкомспортивным умником. Теперь, «на старости лет», они искали себя в новом деле. В новом, между прочим, для яшей страны, поскольку в США и Западной Европе кикбоксинг возник еще в семидесятых как синтез бокса и контактного карате.

К слову, нынче Всемирная ассоциация организаций кикбоксинга (ВАКО) объединяет более сорока национальных федераций и ставит перед собой задачу включения этого спорта в программу Олимпийских игр. В мире уже действует и ряд профессиональных организаций: ИСКА, ПКО, КИК, а также ВКА.

Парижский любительский чемпионат проводился под флагом ВАКО.

Кофе остался недонитым...

После запрета на выступления жизнь вне спорта показалась отставным боксерам пресной и бессмысленной. К их чести, парни не опустили руки.

За спорт уже никто не приплачивал. Сергей Лобаков, рижанин, спешил в зал, отработав смену ин-

женером на приборостроительном заводе. Киевлянин Алексей Нечаев и минчанин Игорь Шаратов приходили в секцию бокса после шумных школьных уроков — оба работали физруками на полторы ставки. Семьи надо было кормить: успели обзавестись женами и детьми.

Кикбоксинг дал им новый шанс в спорте. Представьте себе списанного в запас летчика, которому вдруг выпало полететь на космическом корабле. Или изгнанного из театра актера, получившего неожиданное предложение сниматься в Голливуде. Нечто подобное, полагаю, испытывали и эти парни. Доказать себе и окружающим, что списали их рано. Это желание вливалось в их мышцы ту ударную силу, что невозможно измерить динамометром.

Я давно работаю в спорте, но еще не видел команды, столь уверенной в себе. Веселой, злой

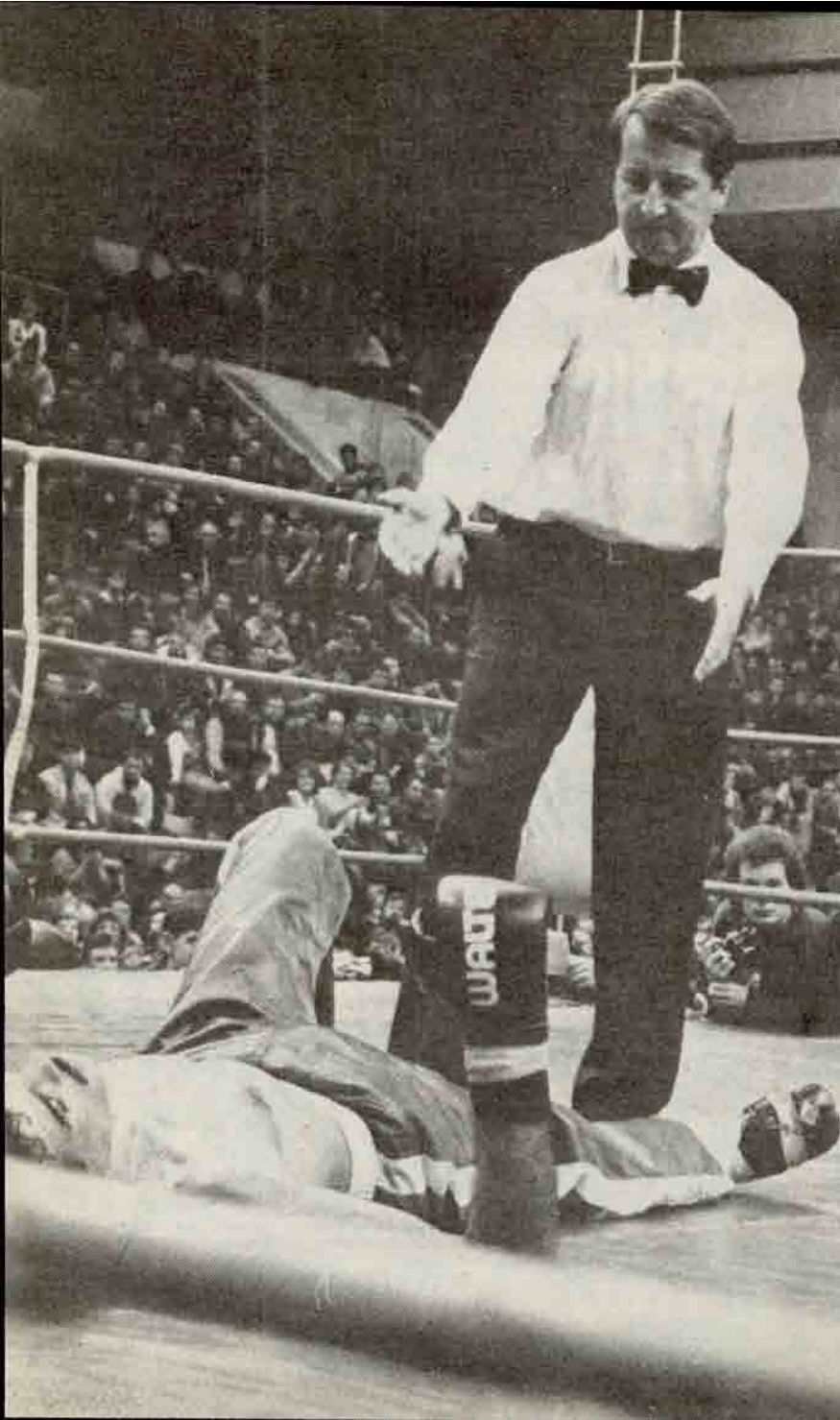
и дружной. Наши герои приехали в Париж за медалями, как «свое» забрать. Их как-то сразу стали побивать соперники. Словно и не новички вовсе — всегда в центре внимания.

Слухи о силе наших новичков не оказались преувеличенными. Как только они вызывались на ринг, французы бросали в буфете недопитый кофе и мчались в зал, боясь упустить эффектное зрелище.

Эх, видели бы школяры своего учителя Алексея Нечаева, когда в финале он дрался против француза*. Тому, как водится, помогали стены, но никакие стены в счет не идут, когда трижды посылают в нокаун. А Виталий Кличко, наш

* Недавно А. Нечаев, выступающий нынче за профклубы ВСК и КИТЭК, стал чемпионом мира среди профессионалов по версии ВАКО — ПРО.

тяжеловес! Вот уж кто без комплексов. Перчатки впервые надел два года назад, когда в армию пошел. И ни тени сомнения в успехе. Как будто и не чемпионат мира идет. В решающем бою, выступая против громадного Хуберта Намриха из Германии, Виталий вынужден был драться практически одной левой — получил травму в предварительных боях. Правую он пустил в ход лишь дважды, и оба раза 120-килограммовый соперник оказывался на полу.

Фантастика! Десять участников забрали 4 «золота» и 4 «бронзы». Сокрушительная командная победа. Эти парни не знали, что выступали под одним флагом в последний раз: шел декабрь 1991 года. Русским белорусам, украинцам, казахам не было тесно в одной команде. Напротив, они были горды своей объединенной мощью. (Но, не будем в этот раз о политике.)

— Ваше выступление было похоже на шок, — говорил мне на прощальном банкете Доминик Валера.

Один из высших авторитетов в этом виде спорта, в прошлом многократный чемпион мира, по моему, был прав.

Он лечит и «калечит»

И вот теперь Киев.

Почти вся бывшая сборная Союза выходила в этот вечер на ринг. Только дрались они нынче за большие деньги. Любительский спорт остался где-то в прошлом, словно отживший кокон бабочки. Но без того романтического этапа не было бы и нынешнего.

В главном бою за звание чемпиона Европы среди профи — полутяжеловес Виктор Дорошенко.

Накануне, впервые увидав свое-

го соперника, обладателя европейской короны бельгийца Скуфа Маруччи, Витя произнес: «Бедный парень». Такая «заявочка» очень в его духе. Здесь не было издевки или пренебрежения к противнику, он действительно пожалел будущего соперника.

Виктор упрямо верил в то, что ему на роду написано только побеждать. Чуть позже, на предматчевой пресс-конференции, Дорошенко совсем огорошил Скуфа, заявив: «Я выиграю, потому что побеждаю всегда. Только так и должно быть!»

Как говорится, хотите верьте, хотите нет...

История его восхождения на большой ринг и в самом деле бесподобна. В спорте Виктор начал с легкой атлетики: отлично бегал средние дистанции. Скоростного и мощного, его вскоре заметили тренеры команды мастеров регби киевского «Авиатора». Он сменил амплуа и, играя в «основе», выполнил мастера по регби. Тут начался бум карате, которому поддавался и наш герой. Но, видно, что-то не до конца его устраивало, и два года назад он пришел в клуб «Боевые перчатки» к тренерам Павлу Орлу и Андрею Чистову.

Поначалу Дорошенко не показался: «корявый» — говорили о нем специалисты. Но через шесть месяцев занятий он выиграл чемпионат города... (В скобках замечу: в Киеве Виктор популярен не только как классный спортсмен — он успешно практикует в клинике Октябрьской больницы. Отличный массажист, специалист по мануальной терапии, он поставил на ноги десятки тяжелобольных людей...)

— Павел Афанасьевич, вижу я, вы не очень-то в меня верите. — с обидой сказал тогда Виктор своему наставнику. — Предлагаю

пари: в этом же году я выиграю чемпионат республики, СССР, а потом мира. По рукам?

— Твоими бы устами, — усмехнулся тренер. — Бьешь мощно, не спорю, но размашисто, нетехнично...

— Зато попадаю. — горячился Виктор. — так вы спорите или испугались?

Вы уже, наверное, догадались, что одна из золотых наград в Париже досталась Дорошенко...

Он успел покорить и все остальные вершины, о которых мечтал. Больше того, в промежутке между парижскими боями и киевским матчем с бельгийцем Виктор в Квебеке нокаутировал чемпиона Северной Америки среди профессионалов темнокожего Джерси Лонга. Кстати, Лонг до кикбоксинга становился чемпионом мира по тазквондо.

Пожалуй, тот поединок для Виктора был самым трудным в его карьере. В четвертом раунде, после того как Лонг попал ему ногой в печень, судья открыл счет. Виктор нашел в себе силы подняться и довести бой до победы. Как видите, судьба порой посылала своему любимцу и жестокие испытания.

...В шестом раунде секунданты Скуфа Маруччи выбросили на ринг полотенце. Вновь победа Дорошенко!

Финал шоу получился, как в американском фильме: Виктору вместе с чемпионской лентой были вручены ключи от новенького «Москвича». И все десять тысяч болельщиков были счастливы.

Не будьте легковерны

Боюсь, что, прочитав эти заметки, вы купите билет на первый же матч по кикбоксингу, который состоится в вашем городе.

Умоляю вас не обмануться, не попасть впросак.

Уже сейчас на популярности кикбоксинга начинают греть руки люди, далекие от истинного спорта. Вспомните, как заманивали публику в дореволюционном цирке, когда в моде была греко-римская борьба: что ни манеж — чемпионат мира, что ни борец — Поддубный. Боюсь, как бы и сейчас не произошло то же самое.

Привезут в какие-нибудь Нью-Васюки негра, выставят против него местного перворазрядника Ваню. Ваня побьет негра, объявят Ваню чемпионом мира. Не страшно, что деньги зря заплатите, неприятно, что о виде спорта получите ложное впечатление.

А ведь такие номера уже и по телевизору приходилось видеть. Поэтому, чтобы вам не ошибиться, даю компетентную справку: спортсмены, о которых я здесь рассказал, соревнуются в турнирах, организованных Всеевразийской федерацией кикбоксинга, преемницей бывшей федерации кикбоксинга СССР. Авторитетна и российская профессиональная лига «Китэк».

...Вместо эпилога — еще одна история. Мой приятель, далекий от спорта человек, как-то случайно забрел на соревнования по кикбоксингу. Встречаю его на следующий день — он сияет.

— Что случилось? — спрашиваю. — Ты в лотерею выиграл?

— Нет, — отвечает, — еще лучше. Я от комплекса избавился. Честно скажу, всю жизнь хулиганов побаивался. И совсем не потому, что больно будет, если физиономию начистят. Стыдно потом с синяками ходить. А тут, на кикбоксинге, смотрю: такие парни-красавцы и тоже, бывает, с ринга «расписанными» уходят, причем не только побежденные, и победители тоже... И вот, думаю я,

если они, супермены, не стыдятся с разбитой бровью или губой щеголять, то неужели мой синяк меньшего уважения достоин, коль я, скажем, за женщину вступаюсь? Так что теперь хожу по родному городу безо всякого страха и с хорошим настроением. Больше того, по утрам даже за гантели взялся. Может, еще в секцию записаться? Для начала в лайтконтакт, конечно...

НИКОЛАЙ КОСТОМАРОВ

ЗЛОСЧАСТНАЯ ЦАРЬВНА

Рисунок ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

В русской истории едва ли найдется такой грустный женский образ, как образ царевны Ксении Борисовны. Судьба как будто измышленно и утонченно сопоставила для нее все, чтоб сделать ее несчастною и притом так, чтобы она возможно сильнее ощущала свое горе. По выражению Данте, всякое злополучие тем тяжелее и невыносимее, чем более предшествовало ему благополучие. В жизни Ксении это выразилось самым язвительным способом.

Она родилась в эпоху блестящих надежд для ее родителей, когда все, казалось, пророчило роду Годуновых величайшие земные блага; ее детство и отрочество протекали в добре и холе, среди всякого избытка, окружавшего знатную русскую семью; она возрастала под непрерывными ласками родителей и родных, а достигши лет взрослой девицы, очутилась первою по знатности девицею на Руси, единственною дочерью царя.

Природа наделила Ксению красотою; судя по описаниям современников, она представляла собою тип великорусской красной девицы, как создает ее народная песенная поэзия *. Какого еще

* Царевна же Ксения, дочь царя Бориса, девица сущи, отроковица чудного домышления, зеленою красотою лепа, бела велми, ягодами румяна, червлёна губами, очи имея черны велики, светлостию блистаяся; когда же в жалости слезы из очию испущаше, тогда наипаче светлостию зеленою блисташе; бровми союзна, телом изобильна; возрастом ни высока, ни ниска; власы велики имея чёрны, аки трубы по плечам лежаху». (Прим. Костомарова.)

О литературном даре русских историков говорить надо четко и определенно — без «может быть», «пожалуй» и «как нам кажется». Он бесспорен. Традиция эта, истоки которой в творениях безвестных русских летописцев, никогда не прерывалась и достигла вершин в прошлом столетии. Как, впрочем, и русская литература.

Грандиозная «История» Карамзина принадлежит русской науке в той же высокой степени, как и отечественной литературе. Соловьева читали в армейских полках — том за томом, по мере выхода в свет. Аудитории Московского университета буквально ломались от жаждущих услышать лекции Ключевского. В этом ряду, со всеми приличествующими его имени эпитетами, и Николай Иванович Костомаров. Но нельзя все же не сказать, что и в этом ряду Костомаров был самым читаемым из русских историков.

Строгой статистики на этот счет, конечно, не существует, но тот факт, что едва ли не все русские литературные журналы, наряду с произведениями Толстого, Достоевского, Тургенева, за честь считали напечатать труды Костомарова, говорит сам за себя. Добавим: количество дореволюционных изданий историка поистине баснословно. Причины тому искать не далеко.

К изображению человека Костомаров подходил более как писатель, нежели историк. Дело это деликатное, можно даже сказать, опасное, и неудивительно, что были у него на сей счет критики, особенно среди ученых, ставившие ему в вину излишнюю, на их взгляд, эмоциональность и несколько вольное обращение с источниками. Но были среди них и те, кто понимал дело иначе, отдавая должное его интуиции ученого и фантазии художника. В бумагах В. О. Ключевского сохранилась запись, недавно

благополучия для девицы! Если бы она родилась царевною, то и половину не испытала бы того наслаждения, какое должна была ощущать когда стала царевною, не бывши ею с колыбели. Но и такого благополучия было мало. Судьба, казалось, доставляла ей то, в чем отказывала вообще другим русским царевнам, осужденным за свой почет на всегдашнее одиночество, ради того только, что отдавать их в замужество за иноверцев считалось грехом, а православного мужчины, который по своему происхождению достоин бы был руки царской дочери, не находилось. С Ксенией было не так.

Ее отец хотел во что бы то ни стало дать в женихи своей дочери какого-нибудь иноземного принца высокого рода, не жалея наделить его делом из своих обширных владений. Попытки в этом роде следовали одна за другой; неудачи не останавливали чадолюбивого родителя, как вдруг неожиданный удар судьбы разбил в прах все его замыслы и надежды. Царевна стала свидетельницей внезапного падения своего рода, на ее глазах совершается трагическая смерть матери и брата; она остается горемычною сиротою, без родных, без друзей, отдается на посрамление врагу, захватившему престол отца ее; несколько времени против воли служит предметом его гнусной забавы и, наконец, в угоду ожидаемой в жены царю иноземке, отсылается в монастырское заточение. И тут еще не окончены ее страдания! Ей суждено еще раз, уже под иноческою одеждою, достаться на поругание дикой военной толпе... Нет ей покоя и в святых стенах отшельниц, нет успокоения от ударов судьбы, пока не

опубликованная и очень точно объясняющая эту редкую особенность писателя-историка. «Мы, — пишет Ключевский, — говорим: это костомаровский Иван Грозный, костомаровский Богдан Хмельницкий, костомаровский Стенька Разин, как говорили: это Иван Грозный Аютокольского, это Петр Великий Ге, и т.п. Мы говорим: пусть патентованные архивариусы лепят из архивной пыли настоящих Грозных, Богданов, Разиных — эти трудолюбивые, но мертвые слепки будут украшать археологические музеи, но нам нужны живые образы, и такие образы дает нам Костомаров».

Подобный отзыв из уст маститого ученого звучит не просто комплиментом, но и очень верно определяет место Костомарова как в науке, так и в литературе.

Все это, конечно, объясняет и то, что до Октября произведения Костомарова издавались и переиздавались во множестве, прямо соответствующем читательскому интересу. Октябрь этого интереса не убавил, однако издавать Костомарова прекратил — по причинам столь же поважным, как и, прости Господи, идиотическим. Нынче таковые «причины» приказали долго жить. Издана уже знаменитая костомаровская «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей». Возможно, на очереди и другие издания его трудов. Но в богатом литературном наследии Н. И. Костомарова остались произведения, напечатанные при жизни автора единожды и не вошедшие в позднейшие собрания и сборники. Среди них и предлагаемый читателям «Смены» очерк о «Злосчастной русской царевне» — Ксении Годуновой.

успокоится вся Россия, взбаламученная грехами отца ее. (...)

Борис Годунов еще задолго до своего воцарения был одним из тех немногих русских сановников, которые начинали сознавать необходимость просвещения и убеждались, что это просвещение может водвориться в России не иначе, как через сближение с Западною Европою.

Еще при царе Иване Васильевиче Грозном он постоянно благоприятствовал англичанам, которые вели торговые сношения с Россиею. То же самое было еще в большей степени при царе Федоре Ивановиче, при котором, вследствие слабоумия государя,¹ всем государством управлял он, Борис Годунов. Когда, по кончине царя Федора Ивановича, Борис был избран на престол, тогда его просветительные намерения стали высказываться вполне. Он не только дозволил немцам, жившим близ столицы в Немецкой слободе, построить себе церковь для отправления богослужения по своим обрядам (что очень не нравилось приверженцам старины), не только привлекал во множестве иностранцев в военную службу, с целью устроить войско по западноевропейскому образцу, не только приглашал в Россию опытных «рудознатцев» для отыскания золотых и серебряных руд, часовщиков и другого рода мастеров, в особенности же врачей, — он возымел намерение завести в Московском государстве школы для народного обучения и выписать из Западной Европы учителей и наставников. (...)

Цена так высоко просвещение для народа, естественно, царь Борис прилагал старание о собственных детях. О сыне его, Федоре Борисовиче, наследовавшем престол, но преждевременно погибшем, летописец современник отзывается так «аще бо и юн сый летними числы бысть, но да смыслом и разумом многих превзыде седминами совершенных, бе бо зело изучен премудрости и всякого философскаго естественнословия и о благочестии же присно упражняшеся, злобы ж и мерзости и всякого нечестия отнюдь всяко ненавистен бысть».

Другой старинный летописец говорит о нем: «Царевич Федор, царя Бориса отроча зело чудно... научен же бе от отца своего книжному почитанию, в ответах дивен и сладкоречив вельми, пустошное же в гнилое слово никогдаже изо уст его исходяше, о вере и о поучении книжном со усердием прилежаше».

О дочери Бориса Ксении тот же летописец отзывается так: «Воистину во всех женах благочиннейша и писанию книжному навична, многим цветуще благоречием, воистину во всех делах чредима; гласы воспеваемые любяше и песни духовные любезне слышати любяше».

Какие это песнопения книжные, которыми занималась царица, а также к какому «поучению книжному со усердием прилежаше» ее брат царевич Федор, мы можем определить только приблизительно, по соображению — какие книги могли быть тогда читаемы. Кроме довольно ограниченного еще числа печатных книг того времени, тогдашняя литература не бедна была по количеству рукописных книг, преимущественно религиозного содержания, но отчасти и светского: хронографы, где излагалась древняя история, начинавшаяся от Ноя, переходив-

шая к деяниям византийских царей, потом к русской истории, сборники, заключающие «альфавиты, азбуковники, цветники, космографии» и т. д. Из них можно было почерпнуть разные энциклопедические сведения; космографии сообщали о странах света, о государствах и народах, в них обитающих; альфавиты и азбуковники заключали разные житейские ходячие сведения, например, как измеряется время по годам, месяцам и неделям, что значит семь свободных мудростей: грамматика, диалектика, риторика, музыка (под которою разумелось собственно пение), арифметика или числительница, геометрия (в которую включались сведения, касающиеся математической и физической географии) и астрономия или звездозаконие (счисление обращения луны и течения планет и звезд). Самый процесс тогдашнего научения письма представлял нелегкое и кропотливое занятие, при необходимости изучить правильное употребление разных надстрочных и междустрочных знаков. Еще более трудностей в мелочах представляло изучение церковного пения, которого любительницею изображается царица Ксения.

Кроме чтения и церковного пения, в круг старинного воспитания входило иконописание, а женскому полу вышивание золотом, серебром и шелками. Конечно, и царица Ксения училась тому, чему обязательно учились тогдашние барышни. Под 1589 годом есть письма Бориса Годунова иерусалимскому патриарху Софронию. Борис писал: «и дочь моя Аксинья тебе великому господину и государю челом бьет икону Спасов образ и ширинку»*. Так как Ксения тогда еще была малолетнею, то нельзя считать какой-нибудь из даров произведением ее рук, но принесенные патриарху от ее имени подарки имеют смысл, как будто посылается ее собственная работа.

Наконец, мы позволяем себе думать, что воспитывая детей своих с особенным вниманием, Борис не оставлял их без знакомства с иностранными языками. Хотя об этом не сохранилось нигде ни малейшего намека, но мы считаем это возможным на том основании, что Борис был большой поклонник знания иностранных языков и когда думал заводить школы, духовенство вооружилось против такого намерения именно в опасении распространения иностранной речи в России. Не может быть, что признавая большую пользу в изучении иностранных языков для своих подданных, Борис не сознавал бы в том же большой пользы для собственных детей. Считаем вероятным, что Борис, готовя своего сына Федора быть царем, учил его языкам, по крайней мере латинскому, как языку интеллигенции во всей Европе, а может быть, еще немецкому или английскому, тем более, что тогда уже некоторые из бояр начинали учиться, несмотря на неодобрение благочестивых духовных. О Ксении можно предположить что-нибудь подобное, так как отец готовил ее быть женою иностранного принца.

* Слово в первоначальном его значении В. И. Даль объясняет так: ширинка — полотнище, отрезок цельной ткани, во всю ширину ее; утиральник, ручник, полотенце. *Невеста раздает в дары ширинки своей работы, шитые, либо с кружевом.*

Чадолобивый отец старался, чтобы москвичи заранее полюбили его детей. После его избрания на престол московские чины поднесли царевичу Федору и царевне Ксении хлеб-соль и подарки, состоящие в золотых и серебряных изделиях. Борис приказал детям принять хлеб-соль, а золото и серебро отвергнуть; затем всех приносивших дары пригласить к царскому столу.

Для сына отец назначил престол, а дочери хотел доставить жениха из иноземных принцев, который бы согласился принять православие и жить в России. Борис такому принцу предполагал дать удельное владение в пределах своего государства. Нескольких принцев, одного за другим, пытался Борис поставить в такое положение, и все ему не удавалось.

Первым из кандидатов в зятя московскому царю явился Густав, сын низложенного шведского короля Эрика XIV. Он скитался изгнанником по Европе и поселился в польских владениях, в Гданьске, потом в Торуне. Его наследное право захватили родичи и оспаривали его друг у друга. (...)

Борис завел сношения с Густавом еще при царе Федоре, а вступивши на престол, приглашал его приехать в Россию и уверял, что там он найдет в царе покровителя и второго отца. Борис предполагал сделать из своего будущего зятя то, что сделал царь Иван Васильевич из датского принца Магнуса, которого, женив на своей племяннице, назначил королем ливонским в вассальной зависимости от московского царя. Борису казалось, что этот принц-скиталец, не имевший постоянного приюта и, как говорили, терпевший скудость, на все согласится. В августе 1599 года принц Густав приехал в Россию, был встречен с большим почетом 19-го августа в Москве и тотчас щедро одарен со всею своею свитою... Но все эти затеи не имели последствий. Сам Густав оказался неподходящим человеком царю. Когда Борис стороною сообщил ему, что он может искать руки царской дочери, но должен принять православную веру, и за это царь обещал ему не только добыть владение в Ливонии, но даже и шведскую корону, которой он прямой и законный наследник, Густав заявил наотрез, что он ни за что не переменит веры и не хочет искать шведской короны, если это соединено будет с кровопролитием и нанесением вреда его отечеству.

После такого заявления обращение с ним царя и вообще царского двора изменилось; не стало прежнего внимания и предупредительности. К тому же он возбуждал соблазн своим поведением: живучи в Гданьске, он вошел в любовную связь с женою своего хозяина и привез ее с собою в Москву. Она ездила в карете, запряженной четвернею белых лошадей, как в Москве ездили только царицы. Люди указывали на нее пальцами. Притом были недовольные и из собственной свиты принца: говорили, что она имела на него влияние и под этим влиянием он стал дурно обращаться со своими людьми. Царь приказал ему передать, что поступки его неприличны званию королевского сына. Густав раздражился и собирался уехать из России. Перед приездом в Москву он получил от царя Бориса опасную грамоту, по силе которой предоставлялось ему свободно выехать из Московского государства, но эту грамоту он оставил в Риге, а царь

Борис через посредство какого-то Иоанна Шульца достал ее в свои руки. Утративши этот важный документ, Густав все-таки требовал отпуска, ссылаясь на царское обещание и замечая, что царское слово должно быть неизменно. Несмотря на все домогательства, царь не торопился исполнить его желание, и тогда Густав в порыве досады и притом разгоряченный выпитым перед тем вином, произнес такую похвальбу: «Я уйду, да еще и город зажгу!»

— Это было тотчас сообщено боярину Семену Годунову, а тот донес об этом царю. Тогда Борис, сильно разгневавшись, приказал отобрать у принца подаренный ему прежде серебряный прибор и другие драгоценности, отнял у него подаренный ему удел в Калуге, приказал поставить у его жилища караул и не велел посылать ему каждодневного обеда из царской кухни.²¹

Этот гнев продолжался недолго. Борис решил, что такой принц не может сделаться его зятем, но не хотел отпускать его за рубеж: царь назначил ему город Углич, с уездом, с которого принц мог получать ежегодного дохода до 4000 рублей, но управлять этим уделом должны были назначенные от царя дворяне, а принцу на его содержание доставлять доходы. Густав уехал туда и там занимался химией, живя в Угличе безвыездно до конца Борисова царствования и жалуясь на непостоянство женщины, которой в жертву он принес счастье своей жизни.

Вскоре после первой неудавшейся попытки достать для дочери жениха последовала другая. Царь Борис узнал, что у датского короля Христиана есть брат Иоанн и отправил посольство как бы для улажения некоторых пограничных недоразумений, но в то же время поручил сообщить королю о своем желании отдать свою дочь за его брата.

Мы не знаем условий, на которых датский король согласился отпустить своего брата в Московское государство, но достоверно то, что датский королевич герцог Иоанн должен был навсегда поселиться в России, в уделе, который назначит ему тесть. Иоанн не был тогда в отечестве: он воевал в Нидерландах. По возвращении в Данию, он сел на корабль и отправился в Россию через Балтийское море.

6-го августа 1602 года он вступил на берег в Ивангороде с многочисленною свитою, доходившею числом до четырехсот человек. Отсюда до Москвы путешествие его было праздничным шествием: на каждом стане предупредительно угощали его и всю его дружину, при въезде в города встречали пушечными выстрелами и выстроенные в ряд ратные люди отдавали почеть высокому гостю.

Он ехал через Новгород, Торжок, Старицу, ехал медленно, делая не более тридцати верст в день, останавливался, забавлялся охотою. Провожали его боярин Михаил Салтыков³¹ и дьяк Афанасий Власьев, люди, более прочих знакомые с иноземными обычаями и потому приставленные к чужестранному гостю. Герцог Иоанн беседовал с ними, узнавал от них о житье-бытье русского народа, о гражданском и церковном строении в Московском государстве. Царь посылал ему подарки: деревянный возок с парадною окраскою и дорокою обивкою внутри, породистых

упряжных лошадей и различные одежды, украшенные дорогими камнями.

19-го сентября Иоанн въехал в Москву, встречаемый множеством народа, при оглушительном звоне всех московских колоколов. Бояре и дворяне встречали его верхом, в нарядных одеждах. Его поместили в Китай-городе в лучшем доме, нарочно заранее к его приезду убранном, и в первый же день доставили ему и всей его дружине из царской кухни обед на тридцати золотых блюдах и множество сосудов с вином и медом.

28-го сентября он представлялся царю. Царь Борис и царевич Федор, одетые в бархатные порфиры, унизанные жемчугами, в коронах на голове и с бармами на груди, на которых блистали крупные рубины, изумруды и яхонты, обняли его как родного и посадили рядом с собою. В тот же день происходил обед в Грановитой палате. Царь сидел на золотом троне, посреди царевича и принца Иоанна, как своего будущего зятя: кроме членов царской семьи, никто не мог сидеть рядом с государем. По окончании пиршества царь и царевич сняли с себя толстые золотые цепи и возложили на герцога. В тот же день постановили отложить бракосочетание до наступления зимы.

Царевны Ксении здесь не было; по известному московскому обычаю, она как невеста не могла до свадьбы видеть своего суженого лицом к лицу. Она видела его из скрытого места, стоя в верхнем коридоре.

По общему отзыву современников, герцог Иоанн был очень красив и статен и произвел приятное впечатление на царевну.

244 Не суждено было и этому предначеченному Борисом жениху его дочери сделаться ее мужем. Вскоре после представления его царю государь со всем семейством поехал в Троице-Сергиевскую обитель. Так нужно было пред совершением важного семейного дела по благочестивым обычаям. Королевич не поехал и остался в Москве. Каждый день продолжали угощать его и всю его дружину обедами из царской кухни, а невеста, бывшая лично с родителями на богомолье, прислала ему в дар как жениху, по обычаю, богато убранную постель и белье, расшитое серебром и золотом. Королевич употребил время отсутствия царя с семейством на занятия русским языком. Он за него принялся ревностно и говорил даже, что имеет желание принять православную веру. При тогдашних воззрениях было бы не в порядке вещей отдавать царскую дочь в замужество за иноверного человека; хотя Борис, отличавшийся уже издавна любовью к иноземчине, мог сам иначе смотреть на это, но он бы никогда не решился на такой шаг из страха вооружить против себя духовенство и потерять любовь народную. Вероятно, если об этом не было объявлено датскому королевичу еще до его приезда в Россию, то ему объявили бы позже, и он, зная это и предупреждая русских, сам заявлял желание сделать то, чего бы, как он уже предвидел, от него непременно потребовали.

Оставаясь в Москве и пользуясь знаками чрезвычайного к себе внимания, герцог неосторожно нарушил пределы воздержания и умеренности, вероятно, по поводу громадного количества яств, доставляемых из дворца ежедневно. Царь узнал о его болезни

16-го октября, находясь в Братошине на возвратном пути от Троицы. Болезнь сначала казалась не опасною: королевич был в состоянии написать о себе нареченному тестю. Царь умолял врачей и своих и прибывших в герцогской дружине спасти будущего зятя и сулил за его выздоровление великие милости. По примеру благочестивых предков, которые ввиду грозившей опасности давали разные обеты, царь обещал, если королевич останется жив, отпустить на свободу 4000 узников. Врачи уверяли государя, что болезнь королевича не опасна и излечима. Но наперекор их уверениям, болезнь со дня на день принимала все более и более зловеший характер.

27-го октября царь с патриархом посетил больного. Герцог лежал уже безгласен. С ним сделалась сильнейшая горячка. По одной разрядной книге он умер 27-го октября, во втором часу ночи, по другой — 29-го октября, в третьем часу ночи.

Говорили, что Ксения, услышавши о смерти жениха, чрезвычайно убивалась по нем, а Борис, соболезнуя дочери, сказал: «Погибло, дочь, твое счастье и мое утешение». Но есть иного рода известие, занесенное в тогдашние русские летописи: Борис с семьею уехал к Троице, оставивши королевича под наблюдением своих бояр; но когда до него стали доходить слухи, что молодой королевич приобретает большую любовь, Борис, до того сердечно расположенный к Иоанну, стал ему завидовать: ему приходило в голову, что таким образом москвичи после его смерти могут избрать на престол его зятя, а не сына. Он сообщил свое опасение Семену Годунову. Тут заболел королевич. Доктора говорили Семену Годунову, заведовавшему аптекарским приказом, что болезнь королевича излечима. Семен Годунов посмотрел на них свирепо: из этого доктора уразумели, что царю вовсе не желательно, чтоб королевич выздоровел. Это известие достопримечательно только в том отношении, что показывает, как много было не любивших Бориса и как легко возникали всякого рода клеветы на него и принимались с доверием.

Итак, два раза не удалось Борису выдать дочь свою за нарочно привлеченного иноземного принца. Еще до несчастного приезда королевича датского Борис намеревался сыскать для своей Ксении жениха между членами императорского дома Габсбургов. Сохранилось латинское письмо императора Рудольфа к Борису, в котором император сообщает московскому царю, что не может отвечать на секретное сообщение царского посла Афанасия Власьева, не поговоривши со своими братьями, но, поговоривши с ними и узнавши их расположение, будет отвечать или письменно или словесно чрез посла.

Карамзин предполагает, что тут дело шло о сватовстве, что Борис думал отдать Ксению за одного из герцогов. Но это не имело никаких последствий. И понятно. Никто из Габсбургов не решился бы переменять религии. По смерти герцога Иоанна Борис счел более уместным найти для Ксении такого жениха, которому не нужно было бы переменять веры.

В Закавказье было несколько владетельных особ грузинского происхождения, православного исповедания. У Карталинского князя Юрия была дочь Елена и молодой родственник, воспитан-

ник матери Юрия, по имени Хозрой. Елена годилась быть супругою Федора Борисовича, а Хозрой мог быть женихом Ксении. Собственно Борис посылал просить руки одной Елены, женихом же Ксении предполагался другой грузинский князек — Теймураз, иверский царевич, но он оказался в отсутствии, и князь Карталинский сам предложил послу Борисову, Михаилу Игнатьевичу Татищеву, заместить Теймураза Хозроем. Московский посол в своем донесении царю так описывает и молодца и девицу: «Хозрою от роду 23 года; он высок ростом и строен; лицо у него красивое и чистое, но смуглое, глаза светлые, карие, нос с горбинкою, волосы темнорусые, ус тонок, бороду уже бреет, в разговорах умен и речист, знает язык турецкий и грамоту иверскую, одним словом хорош, но не отличен*»; вероятно, что полюбится, но не верно... Елена бела и еще несколько белится, глаза у нее черные, нос небольшой, волосы крашенные, станом пряма, но слишком тонка от молодости, ибо ей только 10 лет, а в лице не довольно полна.⁴⁾ Отец вымерял ее рост деревцом и подал мне сию мерку, чтобы сличить с данною от государя».

Из этого донесения видно, что Борис, отправляя посла просить руки невесты для царевича, указывал заранее, какого роста должна быть эта невеста, словно дело шло о покупке животного или дерева.

Сватовство это не имело последствий; князь Карталинский согласился на брак детей своих, но Елену оставил у себя за ее малолетством, а Хозроя отпустил с Татищевым к московскому царю. По причине происшедших тогда в Закавказье переворотов,⁵⁾ Татищев оставил его в Сонской земле, а сам воротился в Москву, уже в царствование названного Димитрия (Лжедмитрия). — Ред.)

В то время, когда Татищев по царскому наказу отыскивал в Закавказье жениха и невесту для царских детей, Борис пробовал еще отыскать для Ксении жениха в той же Дании, откуда приезжал ее умерший жених. В 1603 и 1604 годах были царские послы Михайло Глебович Салтыков и дьяк Афанасий Власьев у герцога Шлезвигского Иоанна и предлагали ему послать в супруги для царевны Ксении одного из своих сыновей, которому царь Борис назначит особый удел в своих владениях. Герцог указал на третьего из сыновей своих — Филиппа. Состоялось согласие. Послы уехали и с тех пор уже не было никакого отзыва из Московской державы об этом деле. Настали такие обстоятельства, при которых царю Борису было уже не до искания женихов.

Наступила великая смута. Борис умер⁶⁾; и совершилось страшное событие 10-го июня 1605 года. Царица Марья, вдова Бориса, и сын ее Федор были удушены, а народу объявлено было, что они сами себя отравили ядом; этому никто не поверил, так как

* «Не отличен» — выражение следует понимать в точном значении того времени, имевшем хождение еще в XIX веке. Ср. у Пушкина: «Служив отлично-благородно...» — официальная формула бюрократического языка, употреблявшаяся при аттестации чиновников, означает: «весьма благородно», «заслуживающим отличия образом». Следовательно, «не отличен» — отличия не заслуживающий.

более сотни лиц и в их числе историк этой эпохи Петрей видели явные следы удушения веревками. А царевна «едва оживе» — заметил кратко, но тем не менее очень много сказавши этим, современный летописец.

По другому летописному известию, названный Димитрий сам дал тайное приказание умертвить царя Федора Борисовича и мать его; «а дочь повелел в живых оставить, дабы ему лепоты ее насладиться еже и бысь», хотя сам показывал, будто это совершилось мимо его воли. Осиротевшая царевна взята была одним из губителей Борисова семейства, князем Рубец-Мосальским, и содержалась у него в доме, ожидая страшного дня, когда ее поведут на посрамление. Этот день пришел.

Названный Димитрий установился в Москве; все москвичи признали его царем; попытка Шуйского низвергнуть его в первые же дни его воцарения не удалась; возвратилась из ссылки мать настоящего царевича Димитрия и всенародно признала царя своим сыном, совершен был над ним обряд царского венчания, укреплявший его право в глазах обрядолобивых людей Московского государства, и тут-то, по его приказанию, князь Рубец-Мосальский привел к нему во дворец бедную Ксению.

Какой же день был ужаснее в жизни злополучной царевны: тот ли, когда перед ее глазами удавили ее мать и брата, или этот, когда ее привели к названому Димитрию? Чтобы решить этот вопрос, нужно знать всю душу Ксении. Во всяком случае трудно себе вообразить что-нибудь унижительнее и оскорбительнее положения женщины, отдаваемой на забаву тирану-сластолюбцу, которого она считала убийцею своих родных. И притом — какой женщины? Той, для которой так недавно царствующий родитель отправляет доверенных послов в разные страны искать жениха высокой крови!

Но это мгновение важно для истории еще и потому, что оно более всего помогает нам разгадать, что за существо был этот названный Димитрий, этот поистине сфинкс русской истории.

Бывают личности, умеющие так искусно личиною добродетели прикрывать свои внутренние порочные наклонности и побуждения, что невольно привлекают к себе и располагают составить о них такое мнение, какое не составилось бы тогда, когда мы знали бы их поглубже. Одною из таких личностей в истории представляется названный Димитрий. В нем замечается столько благородных и светлых черт прямоты, искренности, великодушия, что при изучении его судьбы не одного из нас волновала мысль: не мог он быть сознательный обманщик! Под влиянием такого воззрения иные готовы были признать его за действительного царевича Димитрия, которым он себя называл; другие же, соображая, что он никак не мог быть тем, кого уже давно не было на свете, останавливались на том предположении, что если он на самом деле не был тем, за кого себя выдавал, то по крайней мере был сам в том уверен, потому что еще в детстве его настроили другие в этом убеждении. К такому взгляду склонялся и С. М. Соловьев, историк в высшей степени трезвый в своих суждениях и осторожный в заключениях. Но обратим внимание на поступок его с Ксениею: это такой поступок, в котором он

виден весь насквозь — и тут невольно склоняемся мы к тому, что все качества, так подкупающие нас в его пользу, не более как блестящая мишура. И мы когда-то, подкупленные этими качествами, долго хотели, чтоб этот поступок не имел исторической достоверности и мог быть отнесен к разряду тех пятен, которые в таком изобилии наложили на него, названного Дмитрия, монахи и несостоятельность которых легко изобличается исторической критикой. К сожалению, здесь обелить эту личность невозможно.

Не только русские, но также иноземные современники, не имевшие повода чернить названного Дмитрия, говорят положительно, что он приказал доставить к себе Ксению Годунову и, против ее воли, продержавши у себя наложницею, сослал в монастырь. Всего важнее в этом вопросе письмо будущего тестя его Юрия Мнишка: «Есть, — писал он, — у вашей царской милости неприятели, которые распространяют о поведении вашем молву; хотя у более рассудительных эти слухи не имеют места, но я, отдавши вашему величеству сердце и любя вас как сына, дарованного мне от Бога, прошу ваше величество остерегаться всяких поводов, и так как девица, дочь Бориса Годунова, живет вблизи вас, то по моему и благоразумных людей совету, постарайтесь ее удалить и отослать подальше».

Живший в то время в Москве голландец Исаак Масса насчет Ксении сообщает, кроме того, о сношениях названного Дмитрия с другими особами женского пола в чрезвычайно циническом виде.

Ксения жила во дворце названного Дмитрия несколько месяцев. Нам неизвестен способ обращения с нею в то время. После письма Мнишка, писанного 25-го декабря 1605 года, в начале следующего 1606 года бедную сироту отвезли для пострижения в монастырь, но в какой именно, о том происходит разноречие: по одним во Владимирский, по другим в Кирилловский, или точнее в Горицкий женский близ мужского Кирилловского. Думают согласить это разноречие так, что Дмитрий отправил ее в Горицкий, а Василий Шуйский, по своем воцарении, перевел ее во Владимирский Княгинин монастырь.

Царь Василий Шуйский устроил торжественное перенесение праха Годуновых из убогого Варсонофьева монастыря в Троицкий Сергиев. Когда двадцать монахов несли гроб царя Бориса, а двадцать бояр и думных людей гробы Марии и Федора Борисовича к Троицким воротам, за погребальным шествием ехала в закрытых саях Ксения, постриженная с именем Ольги, и горько вопила, так что народ слышал ее причитания: «Горько мне бедной сироте! Злодей вор, что назвался ложно Дмитрием, погубил моего батюшку, мою сердечную матушку, моего милого братца, весь род наш заел! И сам пропал, и при животе своем наделал бед Русской земле и по смерти продолжает. Господи! Осуди его, накажи его!»

Тогда же носились слухи о явлении новых обманщиков, взявших на себя продолжать дело первого названного Дмитрия, тогда уже убитого, и этим объясняются слова Ксении, что он и по смерти продолжает делать зло Русской земле.

В 1609 году мы видим старицу Ольгу, бывшую в мире Ксению Годунову, в Троице-Сергиевом монастыре. Думают объяснить ее появление тем, что она прибыла туда для поминования родителей и была застигнута осадой от полчищ Сапеги и Лисовского. Сохранилось письмо ее к тетке — княгине Домне Богдановне Ноготковой. Пишущая, называя себя «дочь Бориса Федоровича», но не означая своего имени, извещает, что «и я у Живоначальных Троицы в осаде по 29-й день в своих бедах жива, конечно больна со всеми старицами; и впредь, государыня, никакого не чаем себе живота, с часу на час ожидаем смерти, потому что у нас в осаде шатость и измена великая. Да у нас же за грех за наш моровая поветрия, всяких людей изняли скорби великие, смертные, на всякий день хоронят мертвых человек по двадцати и по тридцати и больше, а которые люди пося место ходят, и те собою не владеют, все обезножели. Да пожалуй отпиши ко мне про московское житье, про все подлинно, а яз тебе, государыне своей, много челом бью».

Вместе с этим письмом инокини Ольги сохранилось письмо ее служительницы Соломонии Ржевской к своей матери Феофании Ржевской на Новомонастырском дворе. Она пишет: «я, государыня матушка, жива после Петрова дни неделю, а нету мне, государыня матушка, здесья некоторые нужи, Ольги Борисовны милостью». Далее она рассказывает о приступе неприятелей, бывшем накануне Петрова дня, но не причинившем большого вреда монастырю; жалуется, что мать не писала к ней от Великого мясода до Петровых заговен, спрашивает, есть ли у матери «жоначька или девька», просит передать Макарию Карякину, что Федор Карьцов жив, а Кашширов сын Димитрий умер, и Ольга Борисовна пожаловала рубль на похороны, а то было схоронить нечем. В заключение Соломония извещает мать, что у них в монастыре свирепствовавший мор унялся, «а не осталось людей ни трети».

Вместе с дочерью бывшего царя Бориса у Троицы в осаде находилась тогда другая особа старого царственного рода — Марья Владимировна, племянница царя Ивана Васильевича Грозного, вдова Магнуса, короля ливонского, продолжавшая и в иноческом звании носить прозвище королевы ливонской. Старицы монастырские обвиняли ее в измене, она же посылала извет на своих недоброжелателей. Это совпадало с возникшею ссорой между собою двух царских воевод, защищавших Троице-Сергиев монастырь, князем Долгоруковым-Роцеем и Алексеем Голохвастовым. Не видно, чтобы дочь Бориса Ксения вмешивалась в эти дразги, хотя в письме к тетке, приведенном выше, делается намек на шатость и измену в осажденном монастыре.

По освобождении Троице-Сергиевского монастыря от осады находившиеся там инокини из Владимира не поехали в свой монастырь, быть может, оттого, что в то смутное время трудно и не безопасно было туда проехать. Они после того очутились в Московском Новодевичьем монастыре. Этот монастырь находился во власти бояр, сидевших в Кремле вместе с поляками и присягнувших королевичу Владиславу.⁷⁾ Для сохранения монастыря помещено было в нем четыреста польских казаков

и двести немцев. В начале августа 1611 года казаки Заруцкого, стоявшие под разоренною Москвою и воевавшие против поляков, взяли приступом Новодевичий монастырь. Бояре, сидевшие в Кремле и составлявшие верховное правительство от имени царя Владислава, в январе 1612 года разослали окружную грамоту, и в ней говорилось так: «Как в Новом девичье монастыре сидели ратные люди от нас с Москвы и они церковь Божию соблюдали что свое око, а как Ивашко Заруцкой и товарищи Девичь монастырь взяли, и они церковь Божию разорили и образы обдирали и кололи поганским обычаем, и черниц королеву княж Владимирову дочь Андреевича и царя Борисову дочь Ольгу, на которых преж сего и зрети не смели, ограбили донага, и иных бедных черниц и девиц грабили и на блуд имали, а как пошли из монастыря, и они досталь погубили, и церковь и монастырь выжгли».

Всех монахинь, находившихся в Новодевичьем монастыре временно из Владимирского Княгинина монастыря, отправили обратно в их монастырь. Тогда и злополучная дочь Бориса Годунова, претерпевшая это новое, но уже последнее над собою поругание, была возвращена во Владимир и с тех пор об ней нигде нет помина до 1622 года. В этом году, 30-го августа, прекратились все ее страдания на 41 году ее возраста.

Перед смертью она изъявила желание, чтобы ее тело было погребено вместе с прахом ее родителей. Сохранился отрывок без конца грамоты царя Михаила Федоровича суздальскому архиепископу Арсению, в которой говорится: «Ведомо нам учинилось, что царя Бориса Федоровича дочери царевны старицы Ольги не стало, а по обещанию де своему, отходя от света, приказала нам бить челом, чтобы нам пожаловати тело ее велети погresti у Новоначальной Троицы в Сергиеве монастыре с отцом ее и с матерью вместе. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б, богомолец наш, да с тобою архимандрит Спаской Ефимиева монастыря, по нашему указу и по грамоте отца нашего великого государя святейшего патриарха Филарета Московского...»

Здесь царская грамота прерывается, но смысл того, что заключалось в утраченном конце ее, очевиден сам собою: царь указывал поступить согласно желанию почившей.

Праха злосчастной царевны был привезен по назначению и предан земле рядом с прахом ее родных в трапезной паперти Успенского собора Троицко-Сергиевского монастыря. Эта паперть была сломана в 1781 году, а над могилою семейства Годуновых воздвигли каменную палату, существующую и в наше время близ входа в Успенскую церковь.

Там покоится прах страдальцы, пережившей своих родных, свидетельницы ужаснейших дней в жизни русского народа и разом с ним испившей горькую долю сиротства и всякого рода посрамлений и поруганий...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹¹ В. О. Ключевский так излагает отзыв польского посла Сапеги о царе Федоре: «... довольно худощав, с тихим, даже подобострастным голо-

сом, с простодушным лицом, ум имеет скудный или, как я слышал от других и заметил сам, не имеет никакого, ибо, сидя на престоле во время посольского приема, он не переставал улыбаться, любясь то на свой скипетр, то на державу». Эту характеристику наш историк дополняет отзывом другого современника — шведского дипломата и хрониста Петрея: «Царь Федор от природы был почти лишен рассудка, находил удовольствие только в духовных предметах, часто бегал по церквям трезвонить в колокола и слушать обедню». Далее, впрочем, Ключевский делает характерную оговорку: «В этих отзывах, несомненно, есть некоторое преувеличение, чувствуется доля карикатуры. Набожная и почтительная к престолу мысль русских современников пыталась сделать из царя Федора знакомый ей и любимый ею образ подвижничества особого рода». Речь идет о распространенном на Руси и почитаемом *юродстве*, в котором, говорит Ключевский, «древняя Русь видела практическую разработку высокой заповеди о блаженстве нищих духом, которым принадлежит царствие Божие».

2) Выученик Грозного, Борис Годунов не был образцом добродетели; пример с Густавом не первый и не последний в долгом списке дурных поступков этого правителя. Темная история смерти царевича Димитрия в Угличе, хотя до сих пор документально и не доказанная как прямое Борисово деяние, тем не менее в сознании народа продолжает сопутствовать его имени.

3) Кстати, этот Михайло Салтыков в посланиях своих Годунову оставил весьма картинное описание костюма принца, что, судя по адресату посланий, было тогда не совсем безразличным: «Платьеце на нем было атлас ал, делано с канителью по-немецки; шляпка пуховая, на ней кружевца, делано золото да серебро с канителью; чулочки шелк ал; башмачки сафьян синь».

4) В этом месте приведенного Костомаровым письма отсутствует весьма значительная, на наш взгляд, фраза, лаконично, но достаточно характеризующая облик возможного жениха царевны Ксении «Старший брат Еленин гораздо благовиднее ее».

5) В XI томе «Истории Государства Российского» Карамзин говорит об этом подробнее и расширяя общую историческую картину: «Татищев должен был оставить и Хозроя, для его безопасности, в земле Сонской, узнав, что случилось в Дагестане, где турки отмстили нам с лихвою за геройство московских стрельцов в Иверии, и где в несколько дней мы лишились всего, кроме доброго имени воинского!»

6) С. М. Соловьев повествует об этом так: «13 апреля, когда он встал из-за стола, кровь хлынула у него изо рта, ушей и носа, и после двухчасовых страданий он умер, постриженный в монахи под именем Боголепа. Понесся слух, что он погиб от яда, собственною рукою приготовленного».

7) Владислав — сын Сигизмунда III Вазы; королевич, впоследствии король польский.

КАК ВЫСКОЧИТЬ ЗАМУЖ

НИНА ФЭРУЗЛЛ

Необходима ли любовь?

Говорящему Правду критики не миновать. Дерзнув поведать на страницах этой книги об отдельных аспектах нашей жизни, о которых в приличном обществе обыкновенно помалкивают, а также разругать фантазии, лелеемые всеми благонаправными людьми, я, вероятно, прослышу в определенных кругах вульгарной, черствой и невоспитанной. Так нередко случается с теми, кто пытается рассуждать реалистически в романтизированном мире.

А в каком романтизированном мире мы живем! Без сомнения, двадцатый век войдет в историю как Эра Эроса. В сравнении с ним Век Рыцарства был попросту пресен. В те времена любовь была лакомым кусочком, деликатесом для многочисленных аристократов; сегодня она — хлеб насущный для масс. Мы очарованы ею. Мы одержимы ею. Мы требуем ее в театре и кино, в книгах, журналах и газетах, нам подавай ее в жизнеописаниях общественных деятелей. Даже обыкновенные товары повседневного спроса продаются лишь в том случае, если в соответствии со вкусом общества обращены к Любви, Любви и еще раз Любви.

Мы до того дошли в своем сумасшествии по любви, что упорно тащим ее даже в область супружества. В былые времена браки заключались во имя соблюдения приличий, размножения и приобретения либо сохранения прав собственности. Сегодня мы презираем тех, кто женится по

* Отрывки из книги

ставшим старомодными мотивам, и уважаем мужчин и женщин, вступающих в романтический брак.

Современная девушка, взращенная в атмосфере повального преклонения перед Чувством, убеждена, что в достойном браке она должна любить и быть любима — деструктивное кредо, во многих случаях лишающее ее возможности выйти замуж и приводящее к одиночеству. Разве должна женщина жить незамужней только потому, что неспособна полюбить? Или не в состоянии разжечь огонь любви к себе у мужчины? Или не может отыскать свой идеал? Нет, нет и нет!

Каждая девушка имеет право выйти замуж!

Это ее вечное и неотъемлемое право — иметь законного супруга, носить обручальное кольцо и называться «миссис». И если не удастся сочетать все это с любовью — что ж, надо обойтись без нее.

Не подумайте только, что я противница любви. Любовь всю жизнь не дает мне покоя, она мчит меня и мучит, я стала ее рабыней и потому говорю: каждая девушка, которой светит заключить

БРАК ПО ЛЮБВИ,

должна сделать это, и да благословит ее Господь! Эта девушка ухватила Синюю птицу Счастья. Я хочу лишь подчеркнуть, что союз возможен и не менее уважаем даже без этого взаимного чувства.

На первый взгляд, такая мысль может вызвать натуральный шок: сама фраза

БРАК БЕЗ ЛЮБВИ

звучит и смотрится постыдно. Тем не менее я попросила бы каждую незамужнюю женщину прочесть вслух следующие слова: «Я могу выйти замуж без любви». Вам это показалось трудным? Пересильте себя. Произнесите фразу еще раз. И еще. И еще — повторите ее несколько раз. Обратите внимание, как постепенно убывает шокирующий эффект этих слов. Пройдет немного времени, и они будут слетать с ваших губ так же легко, как «здравствуйте». Более того, вы поверите в них. А избавившись от *idée fixe** своего поколения, вы обнаружите, что путь к алтарю значительно упростился.

Разумеется, эти мысли радикальны, и хранить их следует в самых сокровенных уголках вашего сердца. Принимая во внимание романтический характер эпохи, не стоит демонстрировать столь практичный подход к супружеству. Осмотрительная девушка никому в этом не признается — ни друзьям, ни родителям и уж ни в коем случае своему избраннику. Каковы бы ни были истинные мотивы ее желания выйти замуж, она должна твердить, что движет ею только любовь.

Не торопитесь презрительно фыркать. Готовность пойти на ухищрения свидетельствует о зрелости ума. Только зрелый ум может бросить вызов обществу и сделать все необходимое для того, чтобы заслужить его признание. Если в моду входит демонстрация собственных прелестей, скрывающая формы девушка просто-напросто проявляет неуважение к кавалеру. Когда же *comme il faut*** становится плоскогрудие, выста-

* Навязчивая идея (здесь и далее со звездочкой примечания переводчика).

** Приличный, порядочный (франц.)

вить напоказ свои пышные перси может лишь вульгарная девица; порядочная женщина спрячет бюст.

Жизнь изобилует примерами цивилизованных ограничений подобного рода. Мужчине, например, самой Природой предопределено «бродить по свету и оплодотворять женщин по его способностям»; однако практически делать это ему запрещено. Вместо этого он обязан жениться на одной из них и всю жизнь хранить ей верность. Такое ущемление его возможностей, разумеется, обижает, но зрелый мужчина никогда не восстанет против этого правила, воздержится от демонстрации неповиновения ему. Нет. Он лицемерно покоряется Судьбе, но втихомолку воздаст Природе должное.

Таким же образом и другие вынуждены искать компромисс между тем, что есть на самом деле и что должно быть. Так что девушка, симулирующая любовь к мужчине, за которого она собралась замуж, отнюдь не двоедушничает, а ведет себя как нормальный член общества, в котором живет. Более того, чем старательнее она будет разыгрывать влюбленность, тем больше шансов, что ей удастся убедить в этом не только окружающих, но и саму себя. Как часто повторяла моя бабушка: «Девушка, у которой в голове есть хоть одна извилина, сумеет полюбить предложившего ей руку мужчине!»

*Ах, почему мужчины, мама, нас замуж не зовут? **

254

Любое тестирование, безусловно, покажет, что среди девиц законченных упрямцев, готовых скорее остаться старыми девами, чем полюбить предлагающего им вступить в брак мужчину, не так уж много. Вопрос в том, что

НЕ ТАК ЛЕГКО ДОЖДАТЬСЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ!

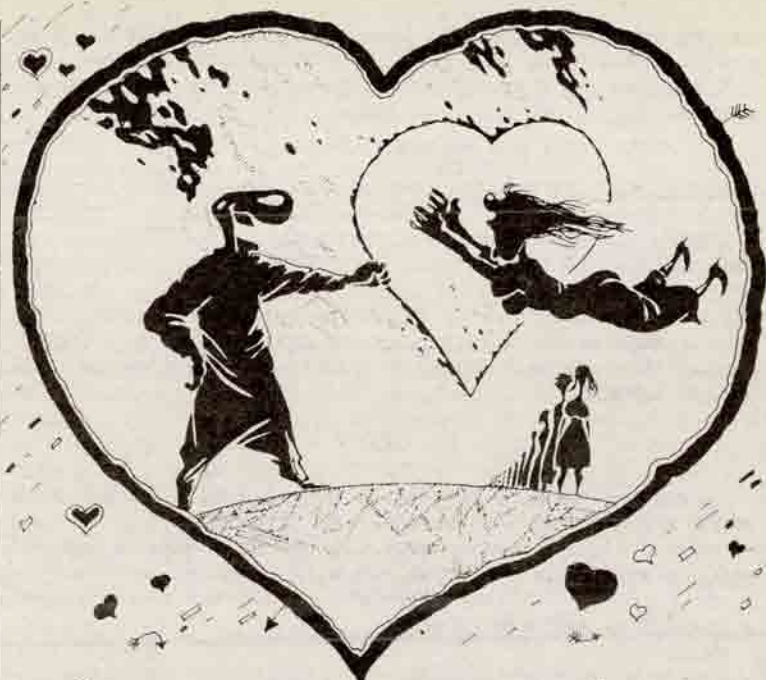
Бытует мнение, притом весьма распространенное, что у каждой девушки-подростка по паре, а то и более ухажеров, и, когда приходит пора выходить замуж, ей остается лишь решить, кого из них она действительно и по-настоящему любит. Не стану отрицать — любимицы фортуны существуют, но они не правило, они — исключение.

Перед подавляющим же большинством девушек стоят задачи:

1. Найти мужчину.
2. Понравиться ему.
3. Женить его на себе.

С первого взгляда видно, что эта программа противоречит законам Природы, ибо в мире животных «охотится» самец, а не самка. Но мы говорим не о них, а о законах Общества. На низшем уровне поведение мужчины не отличается от поведения его собратьев самцов: он рыщет в поисках партнерши, нашедши, распускает перья, прихорашивается, подносит подарки, сражается с соперниками. Господи, чего он только не предпринимает в попытках завоевать себе подругу! Однако на этом уровне он стремится к обладанию, а не к супружеству. Заговаривая о браке, мы перемещаемся в иную сферу бытия. Дело в том, что

* Из стихотворения Томаса Пейна Бейли (1797—1839).

Супружество — чисто человеческое изобретение

Ничего подобного у животных не существует. Ни одно из них — дикое ли, домашнее — не связано с другим контрактом, предоставляющим большие привилегии самке и возлагающим обязанности на самцов. Как можем мы говорить о законах Природы, говоря о супружестве? Они несовместимы.

Так будем же благодарны животному началу, толкающему мужчину на розыски женщины, — это заставляет его приблизиться к нам, и, пока он занят поиском путей удовлетворения своих низменных страстей, женщина может поймать его для удовлетворения своих цивилизованных желаний.

Раз уж так устроено, что женщине приходится заманивать мужчину в брачный союз, делать это ей надо, не теряя достоинства, без всякого стеснения; обзаведение супругом — достойнейшее из женских устремлений. Никакое другое положение в обществе не делает ей больше чести и не дает больше дополнительных прав, чем положение Жены и Матери.

Поскольку наличие супруга является уж столь необходимым условием для достижения этой цели, то и обращать внимание на капризы и желания мужчины вы себе позволить не можете. Волей-неволей, но его надо выследить, загнать в угол, а затем взять за горло, подкупить, вытянуть душу, колесовать, измучить, в конце концов околпачить, если потребуется, лишь бы он навсегда отдал вам и себя самого, и чековую книжку. И не будьте застенчивой. Не будьте привередливой. На карту поставлена ваша судьба. Ваше положение в обществе и материальное

благополучие, эмоциональный покой, сексуальное блаженство, Материнская состоятельность, наконец, — все зависит от замужества.

Прискорбно, но факт: никто и никак не готовит у нас девушек к важнейшему предприятию в их жизни, а именно к

ПОИМКЕ МУЖА

Ее выталкивают в мир необученную, растерянную, обрекая на ощупь искать свой путь в сложнейшей жизненной ситуации.

Я считаю систему «повезет — не повезет» порочной и потому написала свое практическое пособие, наполнив его не научным, а фактическим, приземленным содержанием, и адресовала его всем незамужним представительницам слабого пола, достигшим пятнадцати лет. Никогда не рано девушке начать свое главное дело в жизни, никогда не поздно женщине заняться им и не следует подавать в отставку ни при каких обстоятельствах.

Секс

Прежде чем пуститься в погоню за мужем, девушке следует узнать правду о сексе. Секс — интересная тема. Деликатная. Я не приемлю нынешнюю тенденцию, характерную для наших наставников, чересчур упрощать и безудержно популяризировать ее, иначе нас могут убедить в том, что секс — явление обыденное, простое, как старый башмак, и основано на чистой биологии.

Чушь.

Секс — это сочетание таинственности, волшебства, символизма над забучими песками психологии. В его лабиринтах среди кривых зеркал, в которых все выглядит чаще иначе, чем на самом деле, Мужчина — тот самый элемент, на который положиться опаснее всего. И потому для начала попробуем увидеть, что у него за фасадом.

Большой мужской обман

Давайте посмотрим на мужчину беспристрастным взглядом, не затуманенным дымом, который нам пускают в глаза. Это вовсе не означает, что мы должны уподобиться тому гадкому мальчишке, что воскликнул однажды: «А король-то голый!» Я не охотница вгонять в краску королей и приводить их в смятение громогласными выкриками об обмане. Насколько все были бы счастливее, шепни тот мальчик о своем открытии маме на ушко или вообще смолчи! Ведь можно дипломатично промолчать и в то же время не позволить обвести себя вокруг пальца, сделав вид, будто видишь то, чего на самом деле нет.

Применительно к нашей теме предлагаю вам рассмотреть следующий тезис:

МУЖЧИНЫ НЕ ТАК ЭРОТИЧНЫ, КАК О ТОМ ГОВОРЯТ (в общем и целом)

Разумеется, среди них есть исключения. Невозможно с определенностью сказать о мужчине при всех сексуальных регалиях, что он лишь принарядился к карнавалу. Но не мешает и внимательнее присмотреться

к нему, спросить себя, не поддельные ли у него медали и не фальшивое ли знамя, которым он размахивает.

Дело в том, что мужчины не осмеливаются оставаться самими собой и вынуждены разыгрывать из себя сатиров. Сегодня модно демонстрировать неумный аппетит к сексу, и всякий, у кого он невелик, утончен либо неустойчив, старается это скрыть, утверждая, что голоден не меньше, а то и больше других. Не поступи он так — и его начнут презирать, неизбежно поползут слухи типа «...странный тип» или «что-то у него с этим делом не в порядке».

Наивно принимая на веру бахвальство приятелей и не желая им уступить, мужчина не решается признаться даже самому себе, что не подходит под стандарты современных героев. В результате все они без исключения строят из себя неумных жеребцов, которых якобы приводит в возбуждение любая красotka. Так вот, вам следует знать, что далеко не все они и не каждый день, и не каждую ночь, и отнюдь не все время могут находиться в таком состоянии. Это самый обыкновенный, бессмысленный обман. Ведь нас не введут в заблуждение женские накладки, не всякую пышную грудь над осиной талией мы безоговорочно примем за настоящую. Так давайте же и на ладно скроенные мужские фигуры смотреть не менее критично.

Побочные эффекты фальшивых накладок

Говорят, наши предки в недавнем прошлом страдали ужасными головными болями, поскольку вынуждены были подавлять свои естественные желания. Однако ни слова мы не слышим о том, какой вред сегодня наносится показным раблезианским аппетитом, инфляцией понятия «секс» и требованием, чтобы все, как один, соответствовали установившемуся в общественном мнении высокому уровню вождения и способности его удовлетворять. Каждый мужчина индивидуален, и не абсурд ли заставлять кого-то из них чувствовать себя неполноценным только потому, что похотливость его уступает сладострастию других?

Созданные таким образом проблемы для современного мужчины весьма серьезны, ибо оборачиваются осложнениями для женщин. Поскольку все представители сильного пола из кожи вон лезут, чтобы продемонстрировать сказочный темперамент, то как нам угадать, чего каждый из них в действительности ждет от брака? А не зная этого, как убедить его, что мы дадим ему все то, о чем он мечтает?

Простых ответов на эти вопросы не существует.

Я разработала систему классификации мужчин, но, принимая во внимание ее сложность и несовершенство, можно сказать, что скорее всего она весьма и весьма условна.

Система оценки мужского либидо *

Для начала разделим мужчин на категории А, В, С, D, E, F, G, H, I, J, K, L, M, N, O. Категории «А» соответствуют особи с наиболее высокими потенциями, категории «O» ** — индивиды противоположной стороны

* Для тех, кто не знает: «либидо» означает половое влечение.

** Не путать с «нулем».

шкалы, остальными буквами обозначены мужчины различного темперамента между крайними отметками.

Сказать по правде, подобное деление довольно относительно. Для более точного нам потребовалось бы использовать весь английский алфавит и еще финикийский, но шкала получилась бы чересчур громоздкой. Для упрощения рассмотрим ее сокращенный вариант.

Всмотритесь в эти буквы. Попытайтесь представить за ними мужчин, причем каждого с его достоинствами. А когда это получится, попробуйте определить, к какой из них относится ваш избранник. Сделать это непросто, если вы не обладаете достаточной информацией о нем. Источниками такой информации могут послужить:

1. Молва.
2. Догадки.

Молва.

Что бы мужчина о себе ни рассказывал, верить ему на слово нельзя.

Если он стыдливо признается, что всю жизнь был распутником и пожирателем сердец — не верьте ему.

Если намеками сообщает о своих победах на любовном фронте или открыто бахвалится ими — не верьте ему.

Если другие мужчины с восхищением или возмущением говорят о его подвигах — не верьте им: вполне возможно, они лишь повторяют то, что он сам им наплел.

НО

если вы услышите о его удали от самих многочисленных пострадавших,

если в женских компаниях его со слезами на глазах называют «необузданным быком из Сохо» (у нас скорее всего просто «кобелем». — Прим. перев.) или «козлом из Глостера», тогда вы можете поверить: он настоящий мистер А.

Догадки.

Пример 1.

Девушка с развитой интуицией почувствовала, что ее красота вызывает у мужчины неистовое желание не каждый день, а, скажем, лишь по вторникам и воскресеньям после обеда. — она имеет полное право отнести его к категории Н.

Пример 2.

Если мужчина всегда ведет себя порядочно и не требует интимных радостей, если морщится, когда его собраты повествуют о своих проделках, если отказывается говорить на эротические темы — его смело можно причислить к категориям N или O.

Пример 3.

Мускулистый атлет с могучим торсом совсем не обязательно относится к категориям А, В, С или даже G, тогда как на вид замухрышка вполне может оказаться гораздо выше категорий N или O. Природа достаточно скромна, чтобы не метить мужчин столь очевидным образом, так что по внешности никогда не определишь, кто перед тобой стоит. Не доверяйте внешнему виду: хороший товар нередко спрятан в скромной упаковке.

Как продвигаться впотьмах

Не уподобляйтесь мисс Всезнайке. Отдающаяся искусителю без предварительного уточнения категории, к которой он принадлежит, подвергает себя самым ужасным опасностям, и наихудшей из них может оказаться то, что отдалась она по недомыслию мужчине, который ее не хочет.

Страшно подумать, сколько девушек по всему свету ежедневно отдаются тем, кто не только не рассчитывает на успех, но и надеется быть отвергнутым. Эти неудачники сами поражаются и одновременно огорчаются своим способностям брать с виду непреступные стены крепостей. И в то же время, добившись «да», они редко идут на попятную, независимо от степени своей неопытности, глупости или испуга.

Зачем эти шарлатаны выклянчивают то, чего сами не хотят? И почему, скажите на милость, не уносят ноги, когда им грозит удача? Они похожи на малышей, которые бросаются в реку за ребятами постарше в упрямом желании проявить свою смелость. Зажмурившись от страха, крепко сжав зубы, они кидаются в воду, надеясь на авось: авось не утону, вдруг чудом выплыву.

Отчаянно барахтаясь и кое-как добираясь до берега, жалкий мистер М, N или O складывает вещички и потихоньку, по-воровски исчезает, предпочитая никогда больше не попадаться обманутым на глаза.

Но если притязания его отклонены, он превращается в наипреданнейшего воздыхателя. Несмотря на все свои причитания и стоны, на самом деле он счастлив разыгрывать из себя мистера А перед той, кто не склонна неволеить его доказывать свои способности. Придя в восторг от решимости девушки сохранить свою честь и сдержанного ее темперамента, он вполне способен искренне ее полюбить — чем не идеальный исход? А в результате создаются завидные условия для попытки соблазнить его супружеской жизнью, наполненной удовольствиями без всяких опасений.

Как видим, уступив мужчине из последнего ряда нашего алфавита, девушка может лишиться хорошей перспективы замужества и наоборот — сохраняя целомудрие, подлинное или напускное, она способна возвыситься в его глазах, став еще желаннее, ибо мужчин этих категорий к брачному алтарю в состоянии привести лишь те, в которых они безусловно видят неискушенных девственниц, послушниц, не готовых к сравнениям, зато согласных смотреть на них широко раскрытыми глазами и видеть в суженых тех, кого они сами пожелают*.

«Но что если он действительно мистер А, — можете возразить вы, — и намерения у него искренние?»

Не имеет значения. Как ни странно, такая непреклонная позиция дает наилучшие результаты с мужчинами всех категорий — от А до О, и, должна сказать, мне кажется удивительным, что кто-то даже подумывает о возможности одарить своими милостями кого бы то ни было —

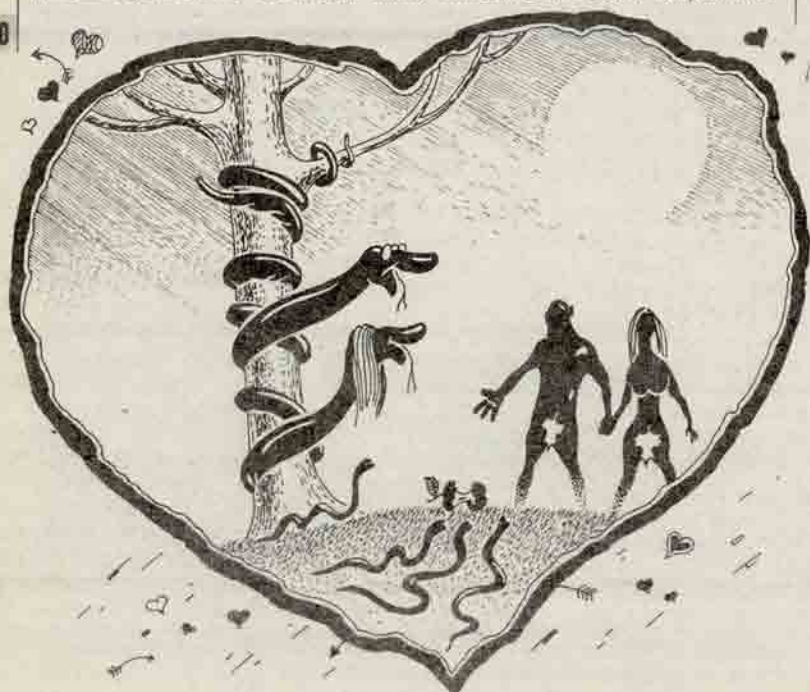
* Именно поэтому на свете так много счастливых верных жен, понятия не имеющих, к какой категории относятся их супруги, и вообще не подозревающих, что на свете существуют какие-то там категории.

мистера А или любого другого мужчину из «высших» категорий. Только сумасбродная девчонка решится сломя голову нестись по дороге, на которую ангелы ступить опасаются. Неопытная лыжница не кинется вниз по крутому горному склону; взявшая несколько первых уроков пения не решится давать сольный концерт; попрыгунья со скакалкой не станет соревноваться в прыжках в высоту. А на каком основании наша девица приходит к выводу, что составит достойную пару мистру А, В, С, Д, Е, F или G? Или H? Всем известно, что небеса несправедливы в распределении даров, и многие из нас рождаются бесталанными. Не глупо разве заранее продемонстрировать мистру, что вы (1) бездарность или (2) посредственность?

Насколько менее рискованно поводить избранника за нос немногословием и скромным поведением, оставляющим ему простор для воображения! Пусть помечтает. Пофантазирует. Пусть уверует, что в ваших руках испытает неопиcуемый восторг, воспетый поэтами, найдет земной рай, каким его представляет итальянский кинематограф. Так что не в ваших интересах торопиться дать ему то, чего он желает; надо заставить его поверить, что у вас это есть.

Половая совместимость

Существует распространенное мнение, что счастливый брак возможен лишь при половой совместимости супругов. А как этого добиться? Как девушке узнать, что она может смело выходить за своего избранника?

На сегодняшний день найден лишь один метод: Проб и Ошибок.

Ужасная мысль! Если девушка станет подбирать себе спутника жизни, как, скажем, подбирают цвета — лиловое к лиловому, красное к красному, синее к синему, — то, не исключено, ей придется перебрать весь спектр, прежде чем удастся добраться до цели. Но процедура такого рода не только отдаёт распушенностью, она еще и поглощает слишком много времени. Немало нерешительных девиц, опасаясь ошибиться, растратили драгоценные годы своей юности на подобные поиски.

Но самое печальное состоит в том, что метод Проб и Ошибок ненадежен. А ненадежен он по следующим причинам:

1. В сумятице эксперимента порой трудно различить цвета: синие тона смешиваются с лиловыми и переходят в красные — оттого, говорят, у некоторых девушек рябит в глазах.

2. Краски недолговечны. Под воздействием времени и среды они способны изменяться. Сегодня ярко-розовая может завтра оказаться уныло-коричневой и наоборот — сочно-зеленая зачастую превращается в пылающую вишневую.

3. Опыты нервируют людей, и в эксперименте подобного рода, где столь велика ставка, нервозность может помешать любому из партнеров — а то и обоим — показать свой истинный цвет.

Не проводите опыты на половую совместимость

Даже если бы они способствовали образованию идеальных пар, я все равно бы выступила против них уже на том основании, что настаивающие на экспериментах мужчины в большинстве своем обманщики и плуты. Они не столько ищут себе спутницу жизни, сколько возможность урвать незаработанные удовольствия.

Все особенности мужчин различных — от А до О — категорий давно изучены, и заниматься исследованиями в этой области женщине ни к чему. Каждая из нас, надеюсь, знает себя, знает, чего хочет и что рассчитывает получить взамен. Глупо было бы обсуждать наши тайны на страницах книги, которая легко может попасть в мужские руки. Так вот, основываясь на том, что вам известно о «сильном поле» и о себе — ваших колебаниях, мечтах, недостатках, опасениях, причудах и степени приспособляемости, — спросите себя, какова вероятность найти мужчину, который бы идеально соответствовал вашему либидо. И если ответом окажется «очень малая» — не впадайте в панику, а задайтесь вопросом:

ТАК ЛИ НЕОБХОДИМА ПОЛОВАЯ СОВМЕСТИМОСТЬ?

Я говорю: нет. Я утверждаю, что это штука хорошая, но скорее из разряда роскоши, чем необходимости.

Станете вы колебаться, выходить ли замуж только потому, что у вашего избранника взгляды на политику, религию, социальные проблемы, искусство, воспитание детей, семейный бюджет не в полной мере совпадают с вашими? Вы настаиваете на полном тождестве ваших

умственных способностей, личностных качеств и родословной? Конечно, нет-нет, если вы вообще рассчитываете выйти замуж. Совершенства не существует ни в чем. Безнадежно и безрассудно искать его в сексе.

Сексу свое место

Секс — неотъемлемая часть супружеской жизни, но, если рассматривать его с точки зрения времени, весьма небольшая. Суммируйте время бодрствования в течение недели — оно составит 112 часов, если вы не пересыпаете. Предположим, что муж ваш работает — это приблизительно 50 часов в неделю с учетом времени на дорогу. Таким образом, вы можете быть вместе 62 часа в неделю*.

Прикиньте, сколько времени из них вы посвятите детям, приему пищи, просмотру телепередач, игре в карты, разговорам, ссорам, развлечениям, чтению, походам по магазинам, увлечениям и т. д., и т. д., и т. д. А теперь подумайте, сколько времени вы проведете в объятиях друг друга.

Пусть это будет четверть часа из шестидесяти двух или полных восемнадцать** — совершенно очевидно, что роль секса в супружеской жизни сравнительно невелика.

Об этом следует постоянно помнить и не терять перспективы, рассматривая различные стороны предстоящей супружеской жизни. Например, куда большую опасность по сравнению с половой несовместимостью представляет обыкновенный, но безудержный храп. Немилосердно храпящий муж, заставляя жену время от времени зажимать ему нос, лишает супругу ночного покоя. А как может быть счастлива невыспавшаяся женщина? Не меньшее раздражение, чем тот, чье либидо не совпадает с вашим, может вызвать супруг с дурной привычкой ковырять в зубах за столом — уж так устроена жизнь, что за столом проводится очень много времени.

Приведу другой пример: женщину, чей благоверный начисто лишен честолюбия, но половое влечение которого идеально соответствует ее. Мимолетные мгновения восторга, который она испытывает, никогда не перевесят долгих часов грустного созерцания пустых шкафов, не компенсируют сердечной боли при виде других женщин в мехах, драгоценностях и мохеровых свитерах.

Говоря о факторе времени, мы не должны забывать, что в браке есть нисходящая шкала, по которой с годами скатывается его романтическая составляющая. Никто не ожидает от супружеской пары в двадцатую годовщину свадьбы проявления тех же пылких чувств друг к другу, что

* Цифра, должно быть, отрадная для собирающейся замуж за того, кто ей не особенно и нравится. Еще больше ее должно обрадовать, что мужчины, как правило, благодарны женам, позволяющим им использовать часть свободного времени на чисто мужские дела. Есть женщины, ухитряющиеся видаться с мужьями не более 25 часов в неделю и менее 10 из них проводить наедине друг с другом, когда некому развеять наступающее тоскливое одиночество вдвоем. А много ли извлечешь из десятичасовой недели?

** Последняя — оптимистическая цифра для успокоения хвастунов.

и во вторую. А что говорить о тридцатой? Сороковой? Не будьте близорукой. Вы замуж выходите не на несколько пламенных лет, а на всю жизнь. И надо знать, что эту лямку тянуть придется долго.

В заключение

Секс для мужчины означает гораздо больше, чем просто совокупление. Это символ. Посредством секса он доказывает миру и самому себе, что он МУЖЧИНА; он самоутверждается, демонстрирует способность к половому акту, деторождению и неиссякаемую энергию. Ничто не может так пагубно воздействовать на его чувства, как малейшая тень подозрения по поводу его половой потенции. Ему легче примириться с инсинуациями в отношении его предков или собственного реноме, а потому никогда не давайте ему оснований заподозрить, будто вы сомневаетесь в его принадлежности к одной из высших категорий. Обращайтесь с ним только как с мистером А, и тогда даже мистер О, всегда согласный на самообман, поверит, что так и есть на самом деле. Если в ваших глазах отразится ему желанный образ *, если он уверится, что сумел убедить всех — любимых, друзей, посторонних, будто он есть мистер А, — этого ему вполне достаточно для полного счастья и уверенности в себе.

Ах, какую силу приобретает секс, когда его умело использует в своих целях женщина! Как легко она может с его помощью поймать и поработить мужчину, не пуская в ход свой талант нимфы, а просто убедив его, что он сатир, чему тот втайне сам хочет верить.

ФОРМУЛЫ ПОВЕДЕНИЯ

Формула № 1

ГЕНЕРАЛИССИМА

Идеальным субъектом для Формулы № 1 является мужчина, не желающий принимать самостоятельных решений, пассивный, предпочитающий исполнять поручения других. Распознав его, решительная девушка тут же принимает на себя роль Генералиссимы. Она берет избранника за руку и уверенно ведет за собой. Отныне он может не опасаться занять чужое место в партере, попав в театр на другой балет, поскольку ошибся датой после ужина в неподходящем ресторане, где неумело пользовался прибором и неправильно посчитал чаевые. Все берет на себя Генералиссима. Именно она решает, куда и когда пойти, где и что поесть; она же вовремя вполголоса подскажет, как пользоваться вилкой.

Когда перед ним встают вопросы посерьезнее, он знает, что надо только спросить у нее, что делать. (Сменить работу? Какую квартиру снять — ту или эту? Лететь самолетом или ехать поездом? Уволить

* Вот как сказала об этом Вирджиния Вульф: «Во все века женщины играли роль волшебных и сказочно приятных зеркал, в которых отражения мужчин увеличивались вдвое».

секретаршу? Еще раз побриться или слегка припудриться? Надо ли надевать пальто в такую погоду?) А Генералиссима никогда и ни в чем не усомнится, не позволит себе ни малейших колебаний; она всегда готова дать ему дельный совет.

Попривыкнув к поведению, бедняга его уже не замечает, и когда девица однажды скажет, что поженятся они в июне, поскольку это лучше, чем в июле, он машинально согласится, не обратив внимания, что она дала ответ на вопрос, которого он не задавал. Как дисциплинированный солдат, он явится в загс и вручит Генералиссиме золотую ленту, назначив ее пожизненно своим непосредственным начальником.

Формула № 2

ДЯТЕЛ

Взяв на вооружение Формулу № 2 настойчиво и усердно, подобно дятлу, долбит предмет своих желаний, не позволяя себе исчезать из его мыслей более чем на двадцать четыре часа.

По любому поводу и без оно она посылает ему поздравительные открытки, ежедневно шлет разнообразные письма* — ласковые, провокационные, пикантные, дерзкие, веселые или по меньшей мере дружеские. По размерам они могут колебаться от одной строки до нескольких страниц. «Вчерашний вечер был великолепен», например, или: «Завтра — Троица, не забыл?» Можно и так: «Напомни, чтобы я рассказала тебе сон, в котором видела тебя», либо: «Говорят, похолодает — одевайся теплее». Еще один типичный пример: «Ты думаешь о своей поджелудочной железе? Не заставляй меня волноваться».

Проходит немного времени, и мужчина, даже если «дятел» ему до лампочки, начинает машинально искать весточку от нее в каждой утренней почте; он попадает в зависимость от ее писулек, уверившись, что они положены ему по праву. Он огорчается, если не получает письма, и целый день потом не может успокоиться, словно что-то потерял.

Большое преимущество этой формулы в том, что использовать ее можно применительно к любому количеству мужчин одновременно. При сравнительно небольших затратах на бумагу и конверты можно посылать десять, двадцать или тридцать писем ежедневно. И времени на это потребуется немного, ибо, если хорошо продумать фразы, эпистолы всем можно отправлять одинаковые. Не рекомендуется печатать их на машинке или писать под копирку во избежание утраты душевности.

Собственно, письма Дятел иногда заменяет газетной вырезкой — статьей, карикатурой или романтическим стихотворением, порой бандеролькой с дорогим сувениром (их дешевле покупать партиями) или посылкой с набором типа тех, что призванные в армию любят получать в учебных лагерях.

Время от времени послание подменяется телефонным звонком, в котором Дятел делится свежими новостями или просит мужского совета.

* Особенно эффективна эта формула, если ваш избранник — филателист. На конверт всегда можно наклеивать какую-нибудь редкую или красивую марку, а то и блок для его коллекции. Представьте, с каким нетерпением он будет ждать очередной от вас весточки!

Но делается это редко, поскольку на телефонный звонок надо поднять трубку и сказать «Алло!», а сказавший это вынужден поддерживать разговор вне зависимости от желания — ни одна девушка не захочет показаться навязчивой.

А вот почтовая атака вряд ли может досадить мужчине, даже если он равнодушен к отправительнице. Когда же адресат месяцами не ищет с ней встречи, не благодарит и никак не реагирует на писания, Дятел может справедливо решить, что он невосприимчив к данной формуле поведения или совершенно безразличен к ней самой, и с полным правом вычеркнуть его из списка кандидатов. Она и не надеется поразить цель первой же пуленной бумажной стрелой любви, понимая, что даже если 30 процентов из них упадут рядом, но вызовут благосклонный отклик — это уже успех.

Дятел усердна и неутомима, полагая, что, если настойчиво долбить в одну и ту же точку, можно надеяться продолбить там дырочку в чье-то сердце и устроить в нем уютное гнездышко.

Формула № 3 **ХОЛОДОК**

Формула № 3 вводится в игру в тех случаях, когда девушка видит, что обиженный ею или лишенный ее внимания субъект продолжает искать ее общества. Она оборачивается, еще раз окидывает претендента взглядом и задается вопросом, сумеет ли вынести его в качестве мужа, хотя он ей совсем не нравится.

В случае положительного ответа она внешне прохладного отношения к нему на теплое не меняет. Если он уже привык, что девица хмурится, улыбками его одаривать она не начнет; если была равнодушной, радушной не станет. Она понимает, что именно надменность делает ее неотразимой в его глазах, ибо он из ненормальных, о ком так хорошо сказал Овидий: «Ищут меня — я бегу, а убегают — гонюсь».

На его первое предложение она отвечает отказом, второе или третье со вздохом принимает: «Ах... ладно...» А чтобы окончательно взять верх, продолжает изводить его сомнениями, да так, что даже перед алтарем он не уверен, скажет она «да» или «нет».

Моя тетушка Люси, подцепившая дядю Люка на эту формулу, тридцать семь лет относилась к нему холодно, и все эти годы он продолжал ее преданно любить. Я убеждена: стань она вдруг ласковой и доброй, дядя Люк немедленно потерял бы к ней всякий интерес.

Формула № 4 **ПРОПАЩАЯ ДЕВЧОНКА**

Эта формула — естественное оружие алкоголичек, нимфоманок, клептоманок, меланхоличек, неврастеничек, психопаток, неимущих, оскорбленных и униженных — всех пренебрегших судьбой или обойденных ею.

Пропащая девчонка не пытается казаться нормальной и счастливой. Она признается в своих слабостях, во всеуслышание говорит о несчастьях, с благодарностью принимает советы и помощь, строит смелые планы в расчете на лучшее будущее и трогательно плачет на первом

подставленном мужском плече, цепляясь за него, как потерпевшая кораблекрушение за толстую доску.

Очень часто эта доска становится спасительной для нее на всю жизнь, ибо, как известно, мужчины слабохарактерны и добры. Они способны безжалостно обойтись с привередливой, задравшей нос девицей, но поразительно добры к несчастным существам из сточной канавы. Литература и история свидетельствуют о наличии типа мужчин, которые ну никак не могут отказать в помощи женщине в беде, даже если для этого надо жениться на падшей. Им доставляет удовольствие поднять поломанную вещь и отремонтировать ее.

Таких искателей блудниц или обиженных жизнью, случается, дурачат вполне нормальные девицы, или «псевдопадшие».

Псевдопадшая в отличие от своей действительно жалкой сестры по малейшему поводу закатывает истерику, превращая в трагедию любой пустяк. Незначительную ссору с матерью она превратит в драму нелюбимого ребенка, легкий кашель после выкуренной сигареты — в таинственную болезнь легких, сломанный ноготь — в дурное предзнаменование Судьбы.

Маленькая Неудачница, как подлинная, так и мнимая, заставляет свою жертву при каждой разлуке трепетать от мысли, что несчастная, которой он только что пожелал спокойной ночи, уже сунула голову в духовку газовой печи. Все более и более он втягивается в ее беды и проблемы. «Ей без меня не обойтись, — говорит он себе. — Бедняжке нужен защитник, который бы любил ее и направлял...»

Ослепленный слезами жалости, он не видит, куда ведет его она, и в один прекрасный день вдруг — чик! — щелкает замок. Еще один муж в ловушке!

Формула № 5

ФИФИОЛА

Эта формула поведения чаще всего присуща подлинным фифиолам (девицам с мозгами легкими, воздушными, как суфле), но при этом достаточно смышленным, чтобы превратить свой недостаток в капитал. Фифиола не пытается скрыть свою слабость — она выставляет ее напоказ, простодушно признавая неспособность что-либо понимать. С ее губ то и дело слетают фразы типа:

- Не знаю, как и...
- Но ведь левая рука у меня эта, или нет?..
- Ах, какой ты умный!..
- Я прочитала, но ничего не поняла...
- Посмотри, а мой свисток не свистит...

Она то смеется над собственным легкомыслием, то пускает слезу, но никогда не пытается показаться умнее, чем есть на самом деле, и ни в коем случае не обижается, когда ее поправляют. В самом деле, она принимает замечания с таким неподдельным смирением, что критикующий испытывает почти неодолимое желание крепко сжать ее в объятиях и расцеловать в подтверждение тому, что обидеть ее не хотел.

Фифиола пользуется огромным успехом у мужчин с низко- и средне-развитым интеллектом, поскольку рядом с ней они чувствуют себя титанами мысли. Да и умному может прийти по душе подруга, которая

никогда и ни в чем ему не возразит, зато всегда и везде будет смотреть на него с восхищением и уважением.

С какой нежностью и терпением улыбается мужчина глупышке! Ведь она для него — очаровательное дитя, несмышлениш, любимица. В ней видит он желанную супругу, которая не станет ни поправлять его, ни ловить на ошибках, всегда будет послушна и никогда не усомнится в его правоте, пусть даже все вокруг видит, что он не прав.

Он не может предугадать, что после свадьбы она потеряет к нему всякое почтение. Нет на свете мужей, чьи мыслительные способности удовлетворяли бы их жен, а Фифиола тем более вправе усомнитьсяя в своем, задавшись простым вопросом: умен ли он, если попался такой глупышке, как я?

Формула № 6

МИНЕРВА

Как ни странно, но тот же тип мужчин, что падок на фифиол, пленяется и минервами — девушками с развитым умом. А происходит это потому, что, подобно своей сестре-глупышке, умная девушка дает избраннику возможность ощутить интеллектуальное превосходство над собой, хотя на самом деле голова ее работает не хуже, а то и лучше его.

Минерва может говорить и действовать на равных с самым большим эрудитом. Она готова обсуждать с ним любые интересующие его темы, будь то поэзия, политика, живопись, философия, психология, теология, антропология, литература, драматургия или опера. Она умеет вовремя повернуть разговор на вопрос о наследственности, частенько цитируя слова лауреата Нобелевской премии доктора Джеймса Дьюи Уотсона, специализировавшегося в области генетики: «Если хотите, чтобы у вас был умный ребенок, найдите умную жену».

Минерва имеет собственное мнение по любому вопросу. Но она достаточно рассудительна, чтобы знать, как вести спор, и если не может проиграть его честно — уступает хитростью. Она никогда не позволит собеседнику обнаружить свою слабость или некомпетентность в какой бы то ни было области; разгромив в пух и прах (к обоюдному удовольствию) Ионеску или Сартра, Минерва в конце дискуссии обязательно примет точку зрения партнера. Она убедилась в его правоте. Она в восторге от него. Она восхищена его блестящим умом.

Он, разумеется, тоже. Его сердце ликует от одержанной победы и проявленного к нему почтения. Он задумывается над тем, что его интеллектуальные способности растрачиваются попусту на женщин среднего ума, тогда как оценить их в полной мере в состоянии лишь светлая голова. И начинает всерьез задумываться над советом доктора Уотсона.

Минерва никогда не позволит гордости или упрямству заставить ее хотя бы раз взять в споре верх, поставив под угрозу Великую Победу ради нескольких незначительных. Она прекрасно понимает, что полемике о Ионеску, Сартре, Фрейте, Ницше, Шостаковиче, Пикассо, ядерном оружии, бесплатном медицинском обслуживании, Общем рынке можно будет повторить, обеспечив собственную безопасность браком с оппонентом, когда тешить его душу уже не будет необходимости.

Формула № 7

ТЫ — МОЙ!

Это формула поведения уверенной в себе, не опасющейся показаться беззащитной, дерзкой девушки. В какой-то момент она вдруг останавливается перед своей жертвой и жизнерадостно заявляет: «Пожалуй, я выйду за тебя замуж!» Разумеется, впервые услышав эти слова, мужчины испытывают необычайное потрясение; некоторые бледнеют и безропотно сдаются. Другие хватают шляпу и бегут. Третьи — возмущенно, твердо, мягко или с юмором — говорят о своем несогласии жениться.

Каким бы ни был тон отказа, девушка не принимает его во внимание и продолжает атаковать, произнося реплики непринужденно и как бы в шутку. Примеры таких шуточек:

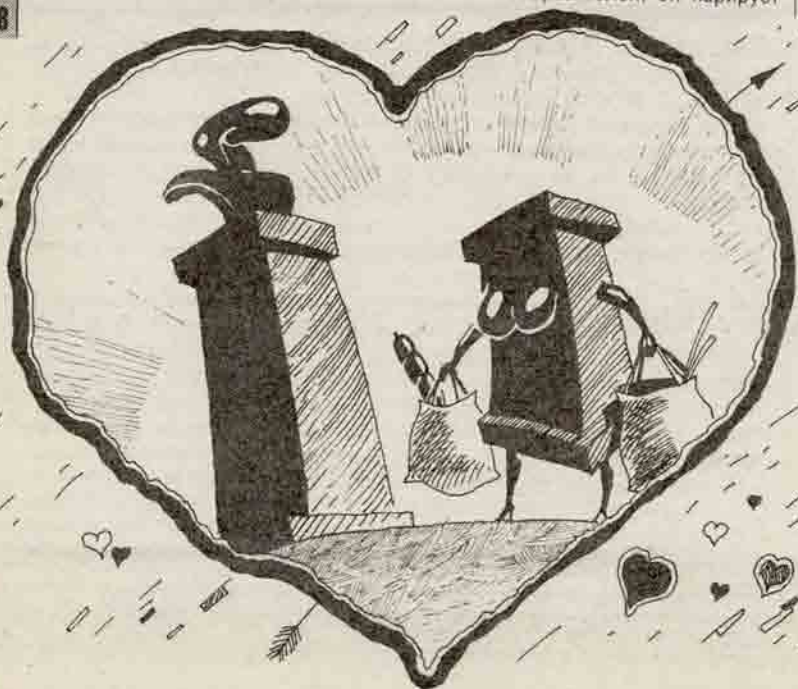
«Я всегда добиваюсь своей цели; на этот раз я решила, что мне нужен ты».

«Ты во всех отношениях соответствуешь моему представлению о муже — так зачем тратить время на поиски другого?»

«Я не намерена ждать, пока какой-нибудь несносный тип сделает мне предложение. Почему это девушка лишена возможности выбирать себе мужа?»

«Никуда тебе от меня не деться — я буду добиваться своего, пока ты не уступишь и женишься на мне».

Все это говорится в открытую, в присутствии друзей, родственников и посторонних. Если мужчина хоть немного сообразителен, он парирует

остроты репликами в том же ключе. Перепалка проходит в непринужденной атмосфере — никто не принимает слова девушки за чистую монету, и ни один нормальный мужчина еще ни разу не протестовал против столь открыто сделанного предложения. Фактически же его прямота и категоричность чрезвычайно льстят мужскому самолюбию, поэтому он с нетерпением ждет очередной возможности оказаться в компании с той, кто постоянно услаждает его Эго. «Ах, скажите, разве он не прелесть? Разве не душака? Если думает, что уйдет от меня, то глубоко заблуждается или сошел с ума». И еще: «Сейчас он говорит, что ни в жизнь на мне не женится, но он передумает, вот увидите». Или: «Похоже, он начинает уступать, вам не кажется?» Подобные замечания не только льют бальзам на его сердце, они еще воздействуют на его мысли.

Формула № 7 особенно эффективна при обработке ничем не примечательных мужчин. Еще лучше — зануд. Веселого обмена любезностями от них не дожدهшься, зато сдаются они гораздо скорее. Ошеломленный вниманием и откровенными, бесстыдными домогательствами, мысленно поздравляя себя с тем, что нашелся наконец человек, оценивший его по достоинству, избавивший от тяжелой необходимости делать предложения и страха услышать в ответ отказ, такой тип быстро соглашается расстаться с холостяцкой жизнью ради первой же нахальной девчонки, воскликнувшей: «Ты — мой!»

Приворотные зелья

Рецепт первый: Огонь и слезы

Этим рецептом пользуются девушки боевые, готовые на насильственные меры при ловле особой равнодушных или упрямых. Утвердившись во мнении, что данный мужчина — именно то, что ей и надо, и никто другой его не заменит, она добивается желанного без всяких уверток, ложной скромности и стыда — вне зависимости от того, с каким упрямством и решимостью он сопротивляется.

Она раздует пламя угасающей дружбы или, подготовившись, разожжет новое, что так медленно возгорается. Она прямо говорит избраннику, что любит его, и регулярно подтверждает это подарками, проявлением заботы, приглашениями, протестами, слезами, обещаниями и пылкими объяснениями. И сколько бы строптивец ни гнал ее, она упорно возвращается и продолжает борьбу. Она любит его! Любит! И никогда от него не отступится! Не может! А какой хорошей она будет ему женой! Какой замечательной матерью для его детей! И так далее, и тому подобное.

Кое-кто из пользующихся этим зельем закатывает истерики в присутствии соперниц. Или доходит до того, что начинает грозить самоубийством, заявляя, что без любимого ей не жить. Другие изводят его родителей, сестру просьбами подействовать им.

Покорителям бушующих морей и открытых всем ветрам горных пиков понравятся и вихри эмоций, вздымаемые такой девицей. Какой она дает богатый материал для драм и трагедий! Нередко театральные натуры увлекаются действием и, желая исполнить роль главного героя, неожиданно для себя открывают, что развязку играют уже на собственной свадьбе.

Столь бурное кипение чувств не может не тронуть даже очень выдержанного мужчину. Постепенно раздражение в его душе уступает место переживаниям иного порядка: что ни говори, а подобное проявление любви и преданности лестно. Теперь его волнует чувство ответственности за женщину, в которой он их воспламенил. Если он добр, то будет тронут. Если глуп, будет смят. Случается, он обнаруживает, что начинает симпатизировать этой пылкой девчонке, так страстно его добивающейся.

А порой, измученный непрерывным штурмом, поверив ее посулам, капитулирует.

Я видела, как падают со стоном на колени довольно жизнестойкие мужчины: «Почему она не оставит меня в покое? Я имел виды на ту высокую блондинку, но, Господи, у меня нет больше сил сопротивляться!»

Аплодируя успеху нашей напористой подруги, мы в то же время сочувствуем ее жертве, опоенной Первым зельем: представляете, каково ему объяснять друзьям и близким, почему он совершил поворот кругом? Ведь они не раз слышали, как он говорил: «Да она — сумасшедшая! Я не женюсь на ней, даже если она окажется единственной женщиной на всей планете!»

Рецепт второй: Горько-сладкий

Существенная часть мужского населения считается непригодным материалом для супружеской жизни. Однако эту точку зрения разделяют далеко не все.

Некоторые утверждают, что при существующем соотношении мужчин и женщин мы не можем смириться с потерей хотя бы одного из них, невзирая на его «несостоятельность»; что недостаток мужественности не мешает ему исполнять домашние обязанности и что любой представитель оклеветанного типа мужчин может оказаться удивительно компанейским, нетребовательным мужем и нежным отцом.

Отвечая оппонентам, придерживающимся этих взглядов, женщины цитируют Стратфорда: «Гнездо птицы-ткача кажется странным скворцу, но все же это гнездо, и птицу-ткача оно устраивает».

Обычно эти доводы звучат в устах слабохарактерных девиц. Они очень хотят обзавестись семьей и домом, но им не хватает животных инстинктов, так необходимых для борьбы за мужа на первоначальном этапе, богатом неурядицами, ревностью и проявлением страстей, как правило, предвещающим нормальный брак. Обычный мужчина для нежной девицы грубоват.

Набрав полный флакон приворотного зелья № 2, она отправляется на поиски подходящего объекта, причем эти поиски требуют большого терпения и наблюдательности не потому, что мужчины данной категории встречаются редко, а потому, что они неприметны; более того, они не склонны доверять женщинам и принимать их дружбу.

Обнаружив нужный экземпляр, кроткая охотница изливает на него струи нежной любви, чарует элегантною и изящными манерами. И так она тонка и грациозна, так приветлива, изысканна, чутка, что мужчина, поверив нарисованной ею идиллической картине преимуществ жизни за фасадом традиционного брака, позволяет себя уговорить. Убежденный

всеми ее действиями в собственной безопасности, он протягивает ей руку, и, как примерные малыши, они клянутся друг другу в верности.

И лишь позднее, с детьми на плечах и полными карманами долговых расписок, он начинает понимать, что брак не игрушка, а ему отведена в нем роль раба.

Рецепт третий: Мед с молоком

Мужчина горд и полагает, что достоин любви хотя бы потому, что существует. Если девушка ждет, что он оплатит ее развлечения, это ранит его душу. Более того, страдает его кошелек. Возвратившись домой со свидания, он выворачивает карманы, подсчитывает расходы, сравнивает с тем, что приобрел, и чаще всего задается вопросом, достаточно ли получил за потраченные деньги.

Представляете, как он рад встретить девушку, которая не устремляется в такси, не задерживается у цветочных лотков, не заглядывается в витрины ювелирных магазинов, не тянет за рукав к дорогим ресторанам? А если она не только ничего не просит, но и сама тратит на него свои деньги — он приходит в полный восторг.

Девушка с зельем по третьему рецепту не пропускает недели, чтобы не преподнести избраннику тот или иной подарок: галстук «под цвет его глаз», книгу, которую он искал, любимый торт, браслет для часов взамен старого, порвавшегося, какую-нибудь новинку для кухни, что-нибудь для кабинета, свитер, связанный ее собственными руками.

Если данные свидетельства ее щедрости не вызывают соразмерной благодарности с его стороны, она преподносит подарки подороже. Благовоспитанная девушка дорогое подношение не примет, мужчина же возьмет что угодно без всякого стеснения. По правде говоря, он в самом деле будет чувствовать себя — и выглядеть — последним дураком, если отошлет назад, к примеру, дорогую кинокамеру со словами: «К величайшему сожалению, я вынужден отказаться от твоего подарка, моя милая, принять его было бы неприлично».

Проводя в жизнь запланированную программу одаривания, девушка может тонко сыграть на чувствах мужчины. Преподнесенные в подарок теннисная ракетка, породистый пес или великолепная лошадь* заставят его врасплох. А если дарительница тратит на презент больше, чем даже может себе позволить, — это трогает его до глубины души.

Порой его реакция сродни мальчишеской жадности. Он берет и берет и ничего не дает взамен. Но поскольку каждая встреча с леди Щедрость сулит ему новый сюрприз, он с нетерпением ждет и не может дождаться очередного свидания, а это неумолимо приближает день, когда в ответ на вопрос: «Что ты принесла мне сегодня?» — она раскрывает небольшую плоскую коробочку, в которой, как в гнездышке, лежит золотой ободок. В силу привычки он берет его, благодарно целуя дарительницу, и лишь позднее, когда она наденет кольцо ему на безымянный палец и оба произнесут клятву на верность, он поймет, как с ним обошлись.

Мужчина пощедрее начинает ощущать себя должником, приняв даже

* Редкий мужчина, получив в дар от девушки лошадь, потом не женится на дарительнице.

пакетик фруктовых леденцов, и ему трудно удержаться от ответного шага. На каждое подношение он отвечает своим. Затянутые в эту игру, они постепенно переходят от обмена безобидными сувенирами к дарам куда более ценным, пока, наконец, не приходит час, когда он вынужден, дабы ей не уступить, на преподнесенное кольцо ответить таким же, разве что размером поменьше.

Должна сказать, что исход предприятия не всегда так удачен. Случается, что от кольца отказываются, возвращают его или вместе с ним скрываются (один находчивый тип, увидев его на своем пальце, тут же опомнился и предложил ей в ответ годовое кругосветное путешествие). Но в целом девица, щедрой рукой черпающая Зелье № 3, имеет хороший шанс приобрести мужа и ничего при этом, кроме энной суммы денег, не потерять.

Рецепт четвертый: *Манна*

Вид девушки, готовой в поисках мужа пройти вброд любые топи, воодушевляет. Это героическое существо обычно связывает судьбу с каким-нибудь утратившим мужество, битым своими недобрыми богами парнем и пытается вытащить его из трясины отчаяния. Она обильно поливает несчастного приворотным зельем — крепким настоем нежности, любви, надежды и мужества, который, по слухам, творит чудеса. Затем она отставляет сосуд в сторону и протягивает ему свою теплую руку. Она подкармливает его недокормленного эго. Она помогает ему воспрянуть духом. Она поднимает ему опущенный нос.

Как ни парадоксально, но ищущая мужа в мусорном баке достойна

восхищения. Перед ней стоит нелегкая задача: слишком часто с трудом спасенные ею поломанные души ведут себя неадекватно. Нередко они не желают или не могут держаться молодцами, выпадают из ее рук, принимая привычную, удобную лежачую позу. И все же подчас ее настойчивые усилия венчаются успехом. Я видела девушку, подобравшую совершенно никчемного, никудышного типа, но сумевшую поставить его на ноги, вычистить, вымочить в магических настоях и превратить в полезного члена общества, способного ишачить на нее всю свою дальнейшую жизнь. Так пожелаем им успеха!

Как разработать собственный метод

Вполне возможно, в некоем конкретном случае для поимки мужа девушка не пожелает идти проторенным путем. В таком случае я советую ей продумать и построить свой собственный метод, основными элементами которого должны стать

Секс, Комфорт, Лесть

Секс

Использование секса как составляющей метода охоты за мужем строго индивидуально и тиражированию не подлежит; пользоваться им следует с величайшей осторожностью и экономно. В том и отличие его от комфорта и лести — этими без ущерба для дела, по доброте душевной, можно немного «перебрать».

Комфорт

Не испытывая отвращения к охотнице, мужчина не в состоянии будет добровольно отказаться от уюта, которым она его окружит. Не стесняйтесь оказывать своему желанному внимание и не жмитесь, будьте щедрее. Балуйте его. Не бойтесь испортить. После свадьбы он быстро поймет, что должен научиться обходиться без вашей помощи. А разве не справедливо позволить ему поблаженствовать в убранной цветами постели в преддверии многих лет рабства? Ухаживая за избранником, вы должны не только создать ему комфортные условия, но и всячески стараться не тревожить будущую жертву. Не надо посылать его с поручениями на улицу в плохую погоду, настаивать на встречах с людьми, которых он не любит, с пренебрежением отзывать о его друзьях, делать при них замечания, смеяться над прической, пытаться контролировать его расходы или манкировать его мнением. Девушка с самообладанием способна до свадьбы сделать жизнь мужчины приятной.

Лесть

Лесть — не просто набор приятных слов и фраз типа «Какой ты большой!»; «Я восхищена твоим чувством юмора»; «Мне очень нравится форма твоих ногтей»; «Ты поразительно проницателен» и так далее. Не то, чтобы эти конфетки не оказывали воздействия; от них угрюмые становятся милее, грубые нежнее, сильные слабее. Но реальные поступки убедительнее словесных комплиментов. Потешить мужское самолюбие можно ласковым взглядом, тщательно подобранным подарком, тем, как повесите его пальто и отреагируете на поцелуи, как погладите его

любимую собачку. В самом деле, восхищение объектом вашего внимания можно выразить любым действием.

К основным компонентам — Сексу, Комфорту, Лести — каждой девушке следует добавить собственные волшебные ингредиенты, материальные или нет; они должны войти в избранника подобно рыболовному крючку, с которого больнее сорваться, чем пойти за вами.

Каждый из описанных здесь способов охоты когда-то был разработан либо предприимчивой девицей, либо целым коллективом из них. Некоторые были продиктованы необходимостью, другие отчаянием, третьи подлостью, иные — любовью. Возможно, разработанный вами метод окажется настолько эффективным, что его начнут использовать повсеместно. Удачи!

Девушки! Застегните пояса целомудрия!

Порой случается, что, увлекшись охотой, девушка теряет бдительность и попадает сама на хитрые уловки мужчин. Дело в том, что мужчина — не безучастное, бесчувственное существо. У него есть собственная задача: бесплатно взять у вас то, за что он должен, по вашему мнению, заплатить своим именем. Поэтому вам нельзя ни на минуту забывать, что ваши цели — взаимоисключающие.

В этих условиях от беды вас надежнее всего спасет убеждение, что **ЦЕЛОМУДРИЕ — ЦЕННЕЙШЕЕ ИЗ ВАШИХ ДОСТОЯНИЙ.**

Безоговорочно признавая и поддерживая это положение, мужчина тем не менее, особенно в холостяцкие годы, ведет себя так, словно женская честь — ненужный балласт, не более того. Лицемерными рассуждениями он может доказать ее абсурдность. На мольбы женщины не просить ее отдаться он отвечает, как отъявленный казуист:

— Отдаться? Отдаться? Женщина не «отдается». Ни женщина, ни мужчина ничего не отдают и ничего не берут, они идут вместе, ведомые взаимным желанием обоюдной радости.

Но уже произнося эти слова, он понимает, что в них нет ни грама правды ибо

ЖЕНЩИНА НЕИЗМЕРИМО ЦЕННЕЕ МУЖЧИНЫ,

и не может быть речи о простом совместном путешествии столь неравноценных существ.

Мужчина признает превосходство женщины приятием законов о браке и разводе, следуя общепринятым нормам поведения, хотя они и направлены против него. Эти законы и обычаи пронизаны духом

ДВОЙНОГО СТАНДАРТА,

благодаря которому существуют различные перечни правил, регулирующих поведение мужчин и женщин. Различия в них определяются убеждением в том, что женское тело священно и неприкосновенно, а мужское — обыкновенно и особой ценности не представляет. Теперь трудно с достоверностью установить, как возник и развивался этот принцип, но я убеждена, что в основе его лежит очень красивая и благородная идея.

В признании Двойного Стандарта мужчины проявляют трогательное смирение и покорность. Но давайте посмотрим, как они относятся к Непорочности.

Непорочный мужчина вызывает насмешки и злословие в свой адрес.

Его невинность особого значения не имеет, она — лишь повод для нескромных вопросов, вгоняющих его в краску, и потому мужчина старается как можно скорее избавиться от нее, не заботясь о том, кто именно ему в том поспособствует; главное — лишиться ее. Никто при этом — и менее всех он сам — не думает, что сей акт может привести к каким-то серьезным последствиям.

Как диаметрально противоположна мужской невинности ценность Непорочности женщины! Она объект преклонения, восхваляемая в песнях и легендах, неизменно вызывающая восхищение и в идеале обмениваемая лишь на самое ценное, что может дать Мужчина — обручальное кольцо (хотя, надо признать, девицы ежегодно тысячами лишаются ее многочисленными мошенниками). Но даже нетерпеливые, которым невозможно дождаться свадьбы, тем не менее не спешат очертя голову отдаться первому встречному. Напротив, они придают особое значение тому, Как, Где и с Кем расстаться с ней.

Лишившись невинности (мужчина с облегчением, девушка с трепетом), оказываются они в одинаковом положении? **НЕТ.**

Общественное мнение гораздо суровее относится к десятому прегрешению женщины, чем к первому. Независимо от того, насколько далека она уже от непорочности — замужем, вдова, разведенная или, скажем так, беззаботная — Общество предъявляет к ней неизменно высокие требования. Женщине пристойно отдать себя лишь под жизненную гарантию в форме брачного свидетельства.

Ценность мужского тела постоянна и равна нулю. По существующему обычаю — до того древнему, что происхождение его теряется в глуби веков — мужчины повсеместно склоняют женщин отдаваться им в обмен на золото или иное приемлемое вознаграждение. Настолько обыденной стала эта практика, настолько крепко укоренилась и сделалась терпимой, что повсюду пооткрывались специальные заведения, в которых на ней в организованном порядке сколачивают капиталы. Об отсутствии всяческого почтения к мужскому телу свидетельствует уже тот факт, что зачастую его хозяин вынужден платить даже падшей женщине, чтобы взять ее, и это считается в порядке вещей, тогда как женщину осуждают даже в тех случаях, когда ее услуги высоко оплачиваются — так ценится ее тело.

Ярким примером признания мужчиной этой истины служит его поведение во время войны, когда, по обычаю, он насилует любую женщину вражеского племени, попавшую ему в руки. Беря ее себе в награду, он понимает, что оскорбляет ее саму и весь ее народ. Вы можете представить себе мужчину и его нацию оскорбленными, случись наоборот? И существует ли на свете женщина, которая бы вознамерилась унижить вражеского солдата, насильно одаривая его своими милостями?

Отношение мужчины к Браку — дополнительное подтверждение его веры в высокую ценность женского тела и бросовую собственного. Подумайте о тех обременительных обязательствах, которые он принимает на себя, о жертвах, которые приносит только за исключительное право обладания одной-единственной женщиной.

Что правда, то правда: Двойной Стандарт способствует появлению искусственной системы ценностей. И Золотой Стандарт тоже, с той лишь разницей, что золота не так много. Но факт, что эти ценности получили международное признание, делает их вполне жизненными. Соотношение количества товара и рыночной цены, закон спроса и предложения,

реальная стоимость — все это игнорируется, и в наше время переоценки ценностей ждать не приходится.

Если уж основные стандарты определены, то и пренебрегать ими без оснований нельзя, поскольку они — фундамент, на котором возводятся важнейшие экономические и социальные законы. Рассчитывать на добровольное отречение женщины от Двойного Стандарта не менее наивно, чем ждать от Соединенных Штатов отказа от золотого стандарта.

Забавно наблюдать, с каким упорством мужчина пытается заставить нас нарушить те самые законы, которые сам сочинил и на сохранении которых столь упрямо настаивает. Такое впечатление, что он готов считаться с ними только для защиты своих женщин — *его* сестры, *его* дочерей, *его* жены, и черт с ними, с сестрами, дочерьми и женами остальных. А может, он настолько развращен, что создает их не для исполнения, а для того, чтобы, нарушая, получать больше удовольствия?

Мужчина, утверждающий, что девственность из моды вышла, неискренен. Его цель — сбить цену на ваше сокровище в ваших же глазах в надежде поколебать вашу решимость сохранить его, а если ему это уже удалось — чтобы вы не ожидали получить что-то взамен. Говорю вам: не слушайте его. И ради всего святого

ЗАСТЕГНИТЕ ПОЯСА ЦЕЛОМУДРИЯ

Что делать, если пояс оказался растегнутым

Кап,

Кап, кап.

Ну-ну, довольно лить слезы в запоздалом и пустом раскаянии или приступе самобичевания. Пусть вы пренебрегли изложенным в предыдущей главе советом или не смогли им воспользоваться, пусть допустили грубейший тактический промах — игра еще не проиграна. Путей исправить его — увы! — не существует*, и остается лишь попробовать использовать оплошность в своих интересах.

Перво-наперво

ОБЪЯВИТЕ, ЧТО ВЫ ВЛЮБЛЕНЫ

Поклянитесь, что любите своего искusstеля. Любовь — единственное законное оправдание дурного поведения. Любовь обладает свойством очищения грехов. Лжесвидетель, вор и даже убийца, совершившие преступление во имя любви, заслуживают меньшего наказания, чем совершившие те же правонарушения из менее прекрасных побуждений. Любовь — сильнейшее отбеливающее средство.

Одновременно

ЗАОСТРИТЕ ВНИМАНИЕ НА ЦЕННОСТИ ВАШЕГО ПОДАРКА

Не делайте вид, словно ничего не произошло. Любой намек на то, что вы считаете проступок Самым Естественным в Мире, несказанно разочарует обольстителя. Мужчинам не нравится, когда их победы преуменьшают или низводят до минимума.

* У кого совесть поговорчивее, делает вид, будто ничего не случилось. Остается надеяться, что в сохранении мнимой девственности они преуспеют больше, чем это удалось им в соблюдении действительной.

Затем

ПОВТОРИТЕ СВОЙ ГРЕХ

С тем же мужчиной, разумеется*. Сделать это труднее, чем может показаться на первый взгляд, поскольку в привычках мужчин сразу после победы бросать свою жертву, что ставит множество девушек в незавидное положение потерявших не только добродетель, но и мужчину. Оказаться взятой раз и тут же покинутой — позор, которого не вытрешь со страниц своего дневника; его одного зачастую достаточно, чтобы заставить девицу в дальнейшем вести себя хорошо.

Если вас минует эта чаша, будьте благодарны судьбе и не совершите ошибки, отказавшись согрешить во второй раз (за исключением особого случая, описанного ниже). Лишение завоеванной Привилегии задевает мужское самолюбие; он может отомстить, оставив вас, а потому вам надо позаботиться, чтобы случайный росток пустил корни и превратился в крепкое растение. Выиграв время, вы, не исключено, сумеете заставить искусителя жениться — единственный способ соблазненной расчитаться с обидчиком.

Как привести сокрушителя к алтарю

Сбалансировав отношения, добившись устойчивой связи, можно пустить в ход практически любой способ ловли супруга. В дополнение к ним существуют четыре Хитрости, используемые исключительно соблазненными девицами; их имена — Трагедиятта, Причуда, Mea Culpa** и Глориана.

1. Трагедиятта: вы так раскаиваетесь в происшедшем, так стыдитесь своего греха, что не в состоянии даже в зеркало на себя поглядеть. Вы намекаете на возможное самоубийство, грозите удалиться в монастырь, пытаетесь разжалобить его скорбными слезами (они, в свою очередь, могут быть искренними) и заявляете, что ваш позор может смыть только брак. Вы рыдаете, вы стелаете, вы возносите плач к небесам. Вы играете свою трагическую роль со всем вдохновением, на какое способны, и если мужчина не лишен человечности, ему нравятся ваши объятия, то у вас появится — пусть слабая, но — надежда на счастливый исход.

2. Причуда: вы задумчивы, грустны и в то же время, как ни странно, счастливы — как если бы умер ваш дядя, оставив большое наследство. К соблазнителю вы относитесь с мягким осуждением и горьким обожанием. Вы осыпаете его бранью и тут же душиите поцелуями. Совершая грех, вы каждый раз даете себе обет никогда больше этого не делать, чтобы милый негодяй не мог быть уверен, удастся ли ему насладиться вами еще когда-нибудь. Растерянный, лишенный покоя, он может пойти к алтарю, чтобы раз и навсегда определиться в своем положении и обрести душевный покой.

3. Mea Culpa: если премьера завершилась провалом, скажите, что

* Остается надеяться, что у вас достанет ума не совершить такой же ошибки с другим мужчиной.

** По моей вине (латинск.).

виноваты в том только вы*. С филигранной скромностью сошлитесь на свой страх, неопытность, тошноту, астму. Если окажется, что вы уступили мистеру O или индивиду близкой ему категории, то сумеете умаслить совратителя, сняв с него всю ответственность — и, может быть, получите возможность стать миссис O либо, скажем, N.

4. Глориана: ваш дебют превзошел все ожидания. Вы оказались той единственной из 1001 пары, что идеально подходят друг другу. Уникальный, драгоценный этот союз ваш. Желанный тоже понимает, насколько редка его удача, а вы отдаете себе отчет в том, что он скорее горло себе перережет, чем откажется от вас. Это и есть тот самый «особый случай», при котором соблазненная может отказаться от повторения греха. Вы заявляете об угрызениях совести, о страхе вечных мук — о чем угодно — и зарекаетесь оставаться с ним наедине до самой свадьбы. Именно эта хитрость лежит в основе некоторых скоропалительных браков, заключаемых после нескольких дней ухаживания.

Любой из методов, любую хитрость рекомендуется дополнить проявлением бурных чувств и спонтанной радости. Такие «оживленные» ингредиенты должны стать неотъемлемой частью всех ваших свиданий, ибо вялотекущие, лишенные эмоциональности встречи очень скоро приобретают характер привычки, рутины, а это — смерть Любви.

Любой роман боится плесени, и, чтобы он не зачерствел, не утратил свежести и новизны, был интересен, необходимо постоянно об этом заботиться; пусть атмосфера ваших отношений в какой-то мере зависит от искусителя, в основном ее все же определяет поведение соблазненной.

Великодушные победительницы

Каждая девушка имеет право выйти замуж, и дай вам Бог найти супруга, о каком мечтаете. Но если этого не случится, я не удивлюсь: положение дает вам право на мужа — *не хорошего, не милого, не богатого или верного, а просто мужа.*

Мало кому вообще удастся получить то, чего она заслуживает или полагает, что заслуживает. Хотя бы потому, что состоятельных, здоровых, обаятельных, умных, великодушных, привлекательных мужчин на свете мало, на всех попросту не хватит. Посмотрите на мужей ваших подруг, родных и соседок. Что досталось им? Искренне желающая создать семью соглашается с тем, что при выборе мужа приходится идти на компромисс. В конце концов лучше выйти за того, кто немного не дотягивает до вашего идеала, чем не выйти вообще.

Однажды, из толпы недостойных существ вынырнет одно и глянет на

* Девушка всегда должна брать вину на себя, если только ее партнером не оказался мистер А, В, С или D, когда ей ничего не остается, кроме как немилосердно врать. В этом случае в неудаче надо обвинить его, но тут же великодушно простить, заметив, что все понимает. Слышала, мол, что такое случается. Что он может не волноваться: она сохранила его фиаско в тайне. Все это неминуемо должно привести мистера А в бешенство. Не в силах уйти, не ответив на вызов, он будет возвращаться вновь и вновь, пытаясь проявить свои способности — и кто знает, чем это кончится?

вас с интересом — подумать только, как неожиданно, словно по волшебству, оно изменится! И умным станет, и обаятельным, и благородным (хотя, возможно, для вашего отца сей молодой человек останется балда балдой), и вам захочется его заполучить.

Если он попытается убежать, если станет прятаться, сопротивляться, не будет вам повиноваться, если в конце концов его придется отнести к алтарю на руках — не судите строптивого строго. Англичане всегда любили свободу.

Приближаясь по церковному проходу под звуки свадебного марша к ждущему вас в его конце трепещущему жениху, помните, что это уже не прежний ваш противник — сильный, неуловимый, дерзкий, непокорный, — а пленник, раб, и дайте обет быть к нему снисходительной.

Поклянитесь, что, отдавая распоряжения, будете смягчать их словами «дорогой» и «милый», что время от времени станете вознаграждать его за усердие и верность ласковыми похлопываниями по плечу или поцелуем, давать достаточно денег на карманные расходы (пачку сигарет или газету), закрывать окна, когда понадобится отчитать его, чтобы не слышали соседи, что никогда не станете наказывать за провинность в присутствии его друзей, что иногда будете дарить ему улыбку без причины, предоставите несколько часов свободного времени в неделю и возможность высказываться по любому поводу, хотя право окончательного решения оставите за собой, что станете ласкать, ублажать, хвалить и нежить его не менее пяти минут в сутки и дадите ему понять, что он желанен, нужен и любим, ИБО

если вы будете плохо с ним обращаться, он может убежать из дома, и вы лишитесь того, чего с таким трудом добились.

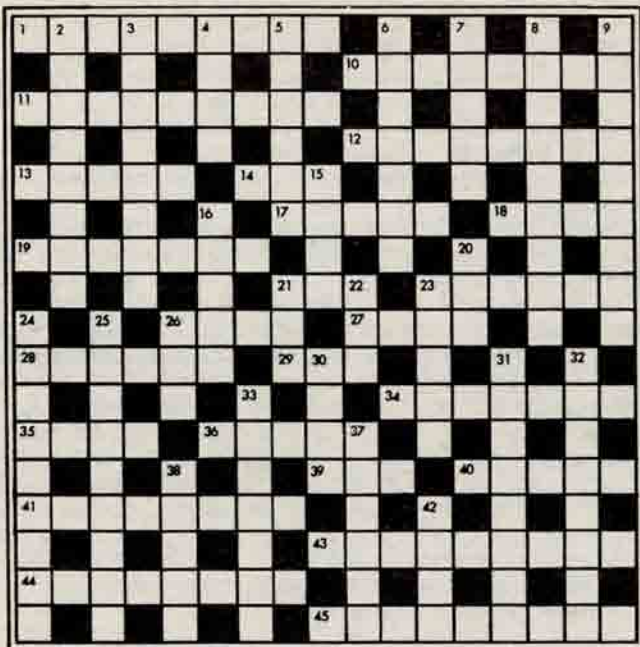
У меня нет ни малейшего желания завершать эту книгу на грустной ноте, и потому не стану приводить статистические данные о количестве обиженных мужей, ежегодно сбегаящих от дурно обходящихся с ними жен. Но цифры страшные, поверьте и никогда об этом не забывайте.

Помните также, что униженный и оскорбленный раб не делает чести своей хозяйке. И наоборот: невольник с гордо поднятой головой и чувством собственного достоинства, ухоженный, холеный, всем видом своим демонстрирующий, что добрая повелительница о нем заботится, непрестанно поющий ей хвалебные оды — такой невольник принесет своим домашним славу.

Поэтому я и прошу всех молодых жен править мягко, языком нежным, позабыв (по мере возможности) о старых обидах и вражде, вкладывая в звание Мужа достаточно уважения и чести, чтобы он не обиделся.

БУДЬТЕ ВЕЛИКОДУШНЫ В СВОЕЙ ПОБЕДЕ.

**Перевод с английского
СЕРГЕЯ РАЮШКИНА.**

ЗРУДИТ

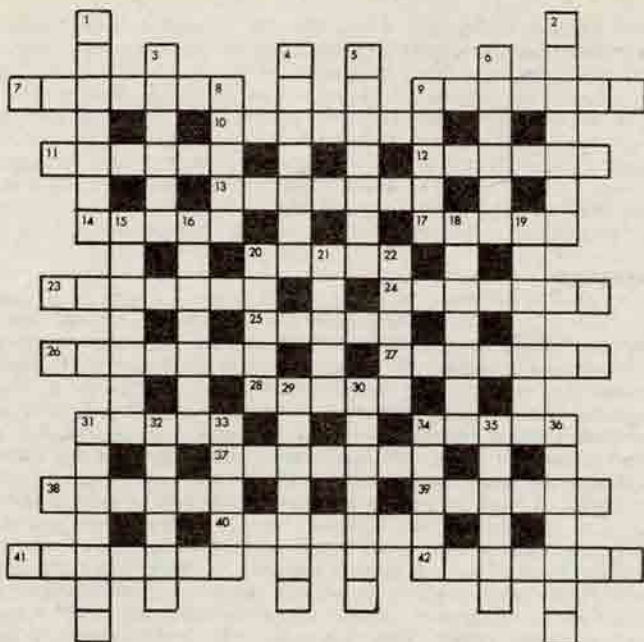
По горизонтали:

1. Строение для птиц, изображенное на первой в мире фотографии «Вид из моего кабинета», сделанной Ж. Ньепсом. 10. Золотой петушок в сказке А. Пушкина по своей сути. 11. «Достойный отец акмеизма» (Н. Гумилев). 12. Семья швейцарских ученых, в которой было восемь математиков. 13. Торговая ... — публичное бичевание кнутом на людных торговых площадях России. 14. Трехдольная стопа о двух слогах в античной метрике, сложившаяся в Ионии. 17. Философ, автор самого значительного в истории русского идеализма труда о Гегеле «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». 18. Ни кум, ни ... (чужой). 19. Все, кому не лень, крали у помещиков, «но благословенная земля производила всего в таком множестве, Афанасию Ивановичу и Пульхерии Ивановне так мало было нужно, что все эти страшные ... казались вовсе незаметными в их хозяйстве» (Н. Гоголь. «Старосветские помещики»). 21. Клей, который пчелы получают из почек берез и других растений. 23. Инструмент, ведущий тему птички в сказке-шутке С. Прокофьева «Петя и Волк». 26. Туфли дзюдоиста, в которых он ходит вне борцовского ковра. 27. Красавица, племянница римского императора Домициана, в благодарность за любовные утехы после ее смерти обожествленная им. 28. Французский художник, чья палитра, по определению искусствоведа, «всюду несла за собой лучи Италии». 29. «Лалла ...» — рукописный журнал, который В. Жуковский издавал для ученицы,

великой княгини Александры Федоровны. 34. Первый в мире планерист О. Либиенталь по своей основной профессии. 35. Австрийский геолог, спроектировавший водопровод для Вены. 36. Обычное в северной полосе России название можжевельника. 39. Зарубежный космонавт. 40. Английская монета, зажигающая блеск в глазах Д'Артаньяна. 41. Африканская птица с хвостом, похожим на траурную вуаль женщины, потерявшей мужа. 43. Физическое явление, на котором основаны электронография и нейтронография. 44. Средневековое государство на территории долины Пуэбла в Мексике, чьи войска присоединились к отрядам Кортеса, участвуя в уничтожении цивилизации ацтеков. 45. Самоцвет, с которым, по средневековому восточному поверью, связана совершенная любовь.

По вертикали:

2. Состояние бездействия, способное довести человека до стресса. 3. Советский геолог, вместе с Г. Ушаковым первым обследовавший Северную Землю. 4. Учреждение, которое планируют открыть Давыдов и Разметнов, участвуя ради этого в женском собрании (М. Шолохов. «Поднятая целина»). 5. Знаменитый восточный поэт, чье прозвище означает «упорядочиватель слов». 6. Восстание французских крестьян, освободившее их от личной зависимости. 7. Жанр, в котором создана немецкая народная книга о Тиле Уленшпигеле. 8. Самый красивый из самых высокогорных цветов. 9. Введенное Петром Первым и существовавшее до 1885 года городское самоуправление. 15. Обязательный танец на соревнованиях в танцах на льду. 16. Каждая из башен по сторонам от входа в египетский храм, часто придававших ему мрачный вид. 20. «Муравьиная королева». 21. Впадающая в Северное море река в стране, названной римлянами Альбионом из-за меловых скал, которые они увидели первыми. 22. Персидское название звезды Капелла. 23. Основное население страны, где проходили Олимпийские игры 1952 года. 24. Русская императрица, не выносившая табачного дыма. 25. Комедиограф, первым назвавший Гомера «божественным». 26. Средневековая организация ремесленников одной профессии. 30. Знак власти фараона — золоченая змейка на его искусственной бороде. 31. Прибор, обычный на подводной лодке и в танке. 32. Зерновая культура, о выращивании которой на Руси упоминают уже киевские летописи. 33. Предмет, глядеть на который избегала беременная женщина на Руси, чтобы ребенок, по поверью, не родился косым. 37. Взрослый спортсмен-ребец. 38. Трава, одной из первых занимающая лесные гари. 42. Греческий тиран, сначала запретивший подданным разговаривать, потом распространил запрет на язык жестов и даже пытался не позволить им плакать.

КРОССВОРД
Составил
С. ХОРОШАВИН,
Чусовой
Пермской
области

По горизонтали:

7. Знаменитый японский график и живописец, создавший с помощью плавной, текучей линии изысканно-поэтический образ красавицы. 9. Устройство для крепления штыка к винтовке. 10. Комнатный звонок со шнурком для вызова слуг. 11. Отпечаток. 12. Хвостатая небесная странница. 13. Взрывчатое вещество для горных работ. 14. Прибор для графления нотной бумаги. 17. Озеро на северо-западе Турции. 20. Победитель во фристайле на зимней Олимпиаде в Альбервиле. 23. Французская газета, основанная в 1904 году Ж. Жорсом. 24. Собрание авторитетов для решения тех или иных проблем. 25. Главное богатство певца. 26. Действующий вулкан в Новой Зеландии, самая высокая точка Северного острова. 27. Куприянов, Крылов, ... 28. Итальянский ботаник и оптик. Изобрел иммерсионный объектив микроскопа. 31. Жаропрочный материал. 34. Известный советский актер. 37. Грузинский географ и историк, дед П. Багратиона. 38. Английский балетный танец, популярный в Европе во второй половине XIX века. 39. Мир звезд и галактик. 40. «Раз царевна молодая, милых братьев поджидая, пряла, сидя под окном. Вдруг сердито под крыльцом пес залаял, и девица видит: нищая ... ходит по двору, клюкой, отгоняя пса» (А. Пушкин. «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»). 41. Управляющий городом или округом на Руси с XVI и до конца XVIII века. 42. Цветок, нежные весенние стебли которого нередко жуют деревенские ребята.

По вертикали:

1. Вибрация несущих поверхностей самолета, способная его разрушить. 2. Типичная для Гренландии отдельная скала, выступающая над поверхностью ледника. 3. Сибирская рыба, которую ловят на речных перекатах. 4. Непременный атрибут японского жилища. 5. Пора игр и забав. 6. Голландский врач, открывший витамин В₁. 8. Самая престижная кинопремия. 9. Легкоатлет, первый мировой рекордсмен нынешнего года. 15. Группа индейских народов в Южной Америке. 16. Гребное боевое судно древних римлян. 18. Прошлогодняя абсолютная чемпионка мира по спортивной гимнастике из США, доказавшая, что дома и стены помогают. 19. Трагедия Еврипида. 20. Сорок кадров в странах Латинской Америки. 21. Париж — Кейптаун-92 (вид соревнований). 22. Трансмиссия, ходовая часть и механизмы управления автомобиля как единое целое. 29. «Никотиновое» растение, из стеблей которого получают лимонную кислоту. 30. Партия гуситов, все требования которой согласился выполнить чешский король Подебрад. 31. Самая длинная прямая, соединяющая две точки окружности. 32. Прыжок с целью нападения. 33. Раньше — ..., теперь — кандела. 34. Полулегковой автомобиль. 35. Радиоастрономическая единица, применяемая к потоку излучения. 36. Пешеходная часть городской улицы.

**ОТВЕТЫ
НА
КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 9****По горизонтали:**

7. Емкость... 8. Москвин. 10. Ондатра. 13. Чехарда. 14. «Телефон». 15. Крекинг. 17. Фланель. 18. Архитектура. 21. Ровница. 23. Брезент. 24. Ыйсон. 25. Эскудо. 26. Шорник. 27. Свояк. 29. Запонка. 30. Колонна. 34. Визирование. 38. Паритет. 39. Явление. 40. Скворец. 41. Отранто. 42. Ротозей. 43. Журавль. 44. Диадема.

По вертикали:

1. Имандра. 2. Лопатка. 3. Старина. 4. Говерла. 5. Украина. 6. Миндаль. 9. Хребет. 11. Пекинцы. 12. Ноктюрн. 16. Гранодиорит. 17. Фразеология. 19. Домкрат. 20. Юньнань. 22. Айова. 23. Бодяк. 27. Скрипка. 28. Косарев. 31. Цоколь. 32. Раструб. 33. Гималаи. 34. Вентиль. 35. Европий. 36. Щеколда. 37. Дилемма.

ШАХМАТНАЯ ЭПИГРАММА

Под редакцией
международного
гроссмейстера

ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Правильные ответы на задания, опубликованные в «Смена» №4—6, оперативнее других прислали в редакцию В. ДАВИДЕНКО из Казани, А. ЕФИМОВ из г. Кимры Тверской обл., Ю. ЛЯЛЮШКИН из Екатеринбурга, В. СТАНКЕВИЧ из Челябинска и В. ЦИВИЛЕВ из Кировограда.

Ю. Лялюшкин предложил привлечь участников конкурса решений к «судейской работе»: пусть они после публикации всех заданий отметят по три лучшие с их точки зрения компо-

зиции в каждом разделе, а тех, кто ближе окажется к «официальному» присуждению, отметить. Поддерживаем это интересное предложение!

Решения задач «Смена» № 4—6

19. Ю. Гордиан. 1. Лh2? Крf1!, 1. Лb2!

20. И. Кисис. 1. Kb2? ∞ 2. Фe5x, 1...Лd5 2. Фe3x, 1...Kg6! 1. Kb6! ∞ 2. Фe3x, 1...Лd3 2. Фe5x.

21. А. Лобусов. 1...Крh5 2. g4x, 1...Сh5 2. Фf4x.

1. Лf2? ∞ 2. Фh4x, 1...Крg3 2. Фf4x, 1...Крh5!

1. Лh2! ∞ 2. Фf4x, 1...Крg3 2. Фh4x.

22. С. Петров. 1. Се4! Крf7 2. e8Ф Кре8 3. Сg6x, 2...Крg7 3. Фf8x, 2...Крf6 3. Фе7x.

23. В. Самило. 1. Лс3! Крд5 2. Крf6 Крд4 3. Лfd3x.

1. Лg3? Крf4! 2. Крд6? — пат!

24. С. Николаев. 1. Фf5? Крf8! — цугцванг! 1. Фh5? Крд6 2. f8Ф Крс6! 1. Фf3! Крf8 2. Фf5!, 1...Кре6 2. f8Ф.

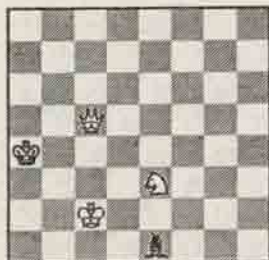
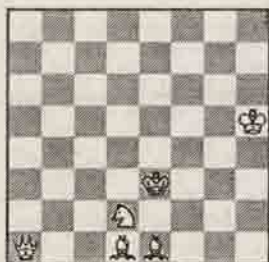
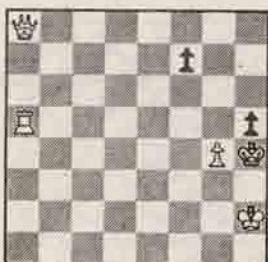
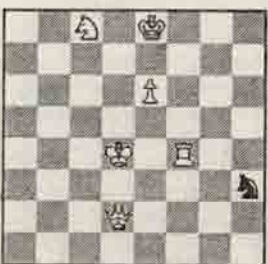
25. М. Марандюк. 1. Фd7! (цугцванг) Кре5 2. Сg7 Крf4 3. Фd2x 1...Крg6 2. Фg7 Крh5 3. Фg5x, 1...f4 2. Крg4 Кре5 3. Сg7x, 2...Крg6 3. Фg7x.

26. А. Феоктистов. 1. Кре6! ∞ 2. Крд7! и 3. Крс8, 1...Ca3! 2. Фс6! Сс5 3. Фе8, 2...Се7 3. Фа6.

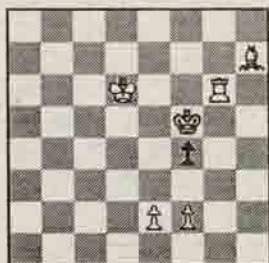
1. Фс6? Ca7!, 1. Кре8? Ca3!

27. Н. Зиновьев. 1. Се8! Крf1 2. Сb5 Крg2 3. Ке6 Крh3 4. Кf4 Крg4 5. Cd7x, 1...Крh3 2. Cd7 Крg2 3. Ке6 Крf1 4. Сb5 Крg2 5. Кf4x.

1. Сg6? Крf1! 2. Cd3 Крg2 3. Ке6 Крh3 4. Кf4 Крg4 5. Cf5x?, 1. Cf7? Крh3! 2. Се6 Крg2 3. Ке6?

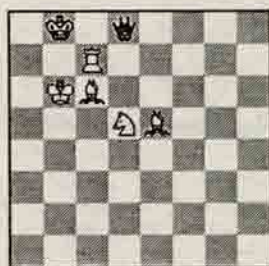
64. С. ВЕСЕЛЕНЧУК*Киев***Мат в 2 хода****65. А. ЗАРХ***Рига***Мат в 2 хода****66. В. МЕЛЬНИЧЕНКО***г. Котовск Одесской обл.***Мат в 2 хода****67. В. СОЛДАТОВ***Запорожье***Мат в 2 хода****68. О. КОВБАСА***Киев***Мат в 2 хода****69. Е. БЕЛЯЕВ***Москва***Мат в 2 хода**

70. С. БОРОДАВКИН
Днепропетровск

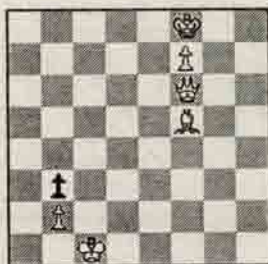
Мат в 3 хода

71. В. АНТИПОВ
г. Боровичи Новгородской обл.

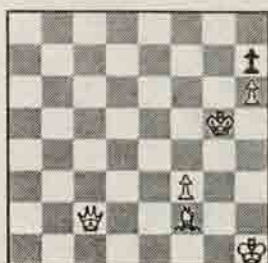
Мат в 3 хода

72. В. САМИЛО
Харьков

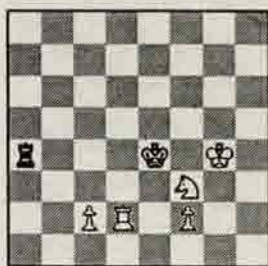
Мат в 3 хода

73. В. ИВАНОВ
и Н. ШИШКИН
Карелия

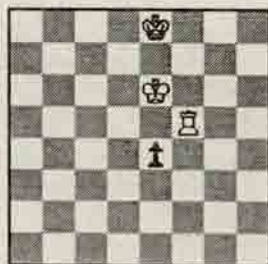
Мат в 3 хода

74. А. КАРГАПОВ
Курганская обл.

Мат в 5 ходов

75. В. КИРИЛЛОВ
г. Серов Екатеринбургской обл.

Мат в 6 ходов
 Близнец: П15-12 **Мат в 7 ходов**

ОЛЬГА ИГНАТЮК

ДУХ РУССКОГО СЛОВА

Историко-этнографический театр мало известен широкому зрителю. Поскольку не избалован ни вниманием прессы, ни приглашениями на молодежные фестивали.

О репертуаре театра стоит сказать особо. Труппа представляет: историческое действо по летописям и житиям святых; святочную шутейскую свадьбу; спектакль обрядов, народных игр и песен разных областей России; пьесу о гонениях на скоморохов в XVII столетии; историческую драму, игравшуюся в Юрьевском монастыре в Новгороде.

Историко-этнографический обращен к истокам русского искусства, это театр народных традиций, ищущий пути возрождения национальной культуры.

Один из создателей его — педагог Щепкинского театрального училища Мария Евгеньевна Велихова. Несколько лет назад вместе

с профессором В. Монаховым она набрала специальный целевой курс, который объединил ребят, обладавших вокальными данными и в большинстве своем имевших деревенскую родословную. Выпускной курс лег в основу зарождающегося театра.

Вокал и фольклор в театре на первом месте. Ведь во всех постановках молодые актеры поют и танцуют, и без понимания фольклорных основ исторических и народных действий, которые разыгрывают, не обойтись. Надо знать и старославянский язык, и народные диалекты.

Сказка «Час воли божией» пронизана хороводным началом. Тут тонко понята природа русского фольклора, выраженная в песенно-хороводной стихии.

А как звучит русская речь! Слова не просто проговариваются, а выпеваются, выщелкиваются, вытанцовываются, даря уху непро-

стую и странную музыку почти первозданных речевых созвучий:

*«Разлюляй-измигул, гуле-
вой мужичонко, шерша-
венький, повсегда он
одет в зипуншичке в по-
стреньком — один рукав
кармазинный, а другой
лазоревый, на голове
у него суконный колпак
с бубенчиком, штаны пе-
стрядинные, а подпосо-
чка лыковая, — не жнет
он и не сеет, а живет не
знамо чем и питает еще
хозяйку красивую да ше-
стерку детей, — на ко-
торого ни глянь, сразу
знать, что все — Разлю-
ляевичи».*

И впрямь, подобную речь надо лишь выпевать да вытанцовывать, чтобы во всей остроте ощутить ее непривычный, давно забытый вкус...

288 Не менее притягательны и принципы обрядовости, народной игры, религиозного действия, которые, впрочем, всегда были основой русского национального театра и которые сейчас, увы, воспринимаются зрителем лишь как экзотика. В историко-этнографическом полновластно правят искусство скоморохов и крестьянский театр, который когда-то был театром самой жизни. Вернется ли он к крестьянину, вернется ли к нему вообще когда-нибудь исконное его искусство, и в какой мере сможет содействовать этому историко-этнографический, взявший на себя труднейшую миссию возрождения национальных традиций?

И пусть не смущает научное название — историко-этнографический. Несмотря на то, что основой постановок часто являются подлинники исторические документы (например, в основе «Свечи земли русской» лежат Степенная Книга

Воскресенской Летописи, Сказание о Мамаевом побоище, «История Государства Российского» Карамзина, а также «Лекции по русской истории» Ключевского), в них нет ничего музейного, застывшего, нет громоздкой и чинной историко-этнографической реконструкции. Напротив, все замыслы и инсценировки остроумны, а основой действия становятся занимательные и озорные фантазии на народные темы.

Театр очень красив. Это относится и к музыкальной его стороне, и песенно-речевой, и сценографической. Тут можно насладиться прелестными образцами русского костюма, красочным народным речевым строем, а также нежностью иконописных славянских лиц. В нарядной, румяной красоте театра есть известная доля кокетливости, но и она очень мила.

Художественное руководство труппой недавно принял молодой режиссер Михаил Мизюков. Вероятно, со временем придут сюда и другие постановщики — из тех, кто видит свое предназначение в возрождении национального театра.

**Фото на III обл.
ВАЛЕРИЯ КАМЫШКО.**

ИНДЕКС 70820.

Андрей ДЕРЖАВИН

МУЗЫКАЛЬНАЯ АНТЕННА ПРЕДСТАВЛЯЕТ: